

Демографическое обозрение

электронный
научный журнал

Том 4, № 2, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитика

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ
СЕРГЕЙ ИВАНОВ

НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ: «ОДНА СЕМЬЯ – ДВА РЕБЕНКА»
ЮЛИЯ КУПРИЯНОВА, АННА ЯНИШЕВСКАЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИРАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI В.)
АЛЕКСАНДР ХОДУНОВ

Прогнозы

ВЛИЯНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ И ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ НА
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ТРЕНДЫ И СЦЕНАРИИ
АЛЕКСАНДР АКИМОВ

Историческая демография

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX В.– ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В СССР В 1923-1930 ГГ.
ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Обзоры

РОЖДАЕМОСТЬ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО)
НИКОЛЕТТА БАЛЬБО, ФРАНЧЕСКО К. БИЛЛАРИ, МЕЛИНДА МИЛЛС

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ
**ИЛЬЯ КАШНИЦКИЙ, МАРИЯ ВИЛКОВА, ЕКАТЕРИНА ДЕМИНЦЕВА,
МАРИЯ ГУНЬКО, АННА ЛЕВИНА, ЮЛИЯ ЛОНЩИКОВА,
ДАНИИЛ КАШНИЦКИЙ, ОЛЕСЯ КЛЮШИНА, ДМИТРИЙ ОПАРИН**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. АНДРЕЕВ
А. БЛЮМ (Франция)
А.Г. ВИШНЕВСКИЙ
В.В. ВЛАСОВ
М.Б. ДЕНИСЕНКО
В.В. ЕЛИЗАРОВ
С.В. ЗАХАРОВ
С.Ф. ИВАНОВ
А.Е. ИВАНОВА

И.Е. КАЛАБИХИНА
М.А. КЛУПТ
Н.В. МКРТЧЯН
В.И. МУКОМЕЛЬ
Л.Н. ОВЧАРОВА
А.И. ПЬЯНКОВА
С.Ю. РОЩИН
С.А. ТИМОНИН
А.И. ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Б. АНДЕРСОН (США)
О.Е. ГАГАУЗ (Молдавия)
И.И. ЕЛИСЕЕВА
Ж.А. ЗАЙОНЧКОВСКАЯ
Н.В. ЗУБАРЕВИЧ
В.А. ИОНЦЕВ
Э.М. ЛИБАНОВА (Украина)
М. ЛИВИ БАЧЧИ (Италия)
Т.М. МАКСИМОВА

Т.М. МАЛЕВА
Ф. МЕЛЕ (Франция)
Б.Н. МИРОНОВ
С.Ю. НИКИТИНА
З. ПАВЛИК (Чешская Республика)
В. СТАНКУНЕНЕ (Литва)
М. ТОЛЬЦ (Израиль)
В.М. ШКОЛЬНИКОВ (Германия)
С.Я. ЩЕРБОВ (Австрия)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Анатолий Григорьевич ВИШНЕВСКИЙ
Заместитель главного редактора – Сергей Андреевич ТИМОНИН
Ответственный секретарь редакции – Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА
Корректор - Наталия Станиславовна ЖУЛЕВА
Компьютерная вёрстка и графика – Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-67362.

ISSN 2409-2274

Адрес редакции:

109028 Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., дом 3, офис 303
Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

**Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.
Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию с Редакцией.**

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ • DEMOGRAPHIC REVIEW

EDITORIAL BOARD:

E. ANDREEV
A. BLUM (France)
A. VISHNEVSKY
V. VLASOV
M. DENISSENKO
V. ELIZAROV
S. ZAKHAROV
S. IVANOV
A. IVANOVA

I. KALABIKHINA
M. KLUPT
N. MKRTCHYAN
V. MUKOMEL
L. OVCHAROVA
A. PYANKOVA
S. ROSCHIN
S. TIMONIN
A. TREIVISCH

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

B. ANDERSON (USA)
O. GAGAUZ (Moldova)
I. ELISEEVA
Z. ZAYONCHKOVSKAYA
N. ZUBAREVICH
V. IONTSEV
E. LIBANOVA (Ukraine)
M. LIVI BACCI (Italy)
T. MAKSIMOVA

T. MALEVA
F. MESLÉ (France)
B. MIRONOV
S. NIKITINA
Z. PAVLIK (Czech Republic)
V. STANKUNIENE (Lithuania)
M. TOLTS (Israel)
V. SHKOLNIKOV (Germany)
S. SCHERBOV (Austria)

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief - Anatoly G. VISHNEVSKY
Deputy Editor-in-Chief - Sergey A. TIMONIN
Managing Editor – Anastasia I. PYANKOVA
Proofreader - Natalia S. ZHULEVA
Design and Making-up - Kirill V. RESHETNIKOV

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Editorial address:

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824
www.demreview.hse.ru
E-mail: demreview@hse.ru

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

**Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.
Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.**

СОДЕРЖАНИЕ

Июнь 2017, Т.4, №2

Аналитика

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ **6-52**

Сергей Иванов

НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ: «ОДНА СЕМЬЯ – ДВА РЕБЕНКА» **53-64**

Юлия Куприянова, Анна Янишевская

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИРАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX – НАЧАЛО XXI В.) **65-91**

Александр Ходунов

Прогнозы

ВЛИЯНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ И ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ТRENДЫ И СЦЕНАРИИ **92-108**

Александр Акимов

Историческая демография

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX В.– ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Часть третья. Международная миграция в СССР в 1923-1930 гг. **109-132**

Валентина Моисеенко

Обзоры

РОЖДАЕМОСТЬ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ (перевод с английского) **133-195**

Николетта Бальбо, Франческо К. Биллари, Мелинда Миллс

Новое в зарубежных журналах

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ **196-233**

Илья Кашницкий, Мария Вилкова, Екатерина Деминцева,

Мария Гунько, Анна Левина, Юлия Лонщикова,

Даниил Кашницкий, Олеся Ключина, Дмитрий Опарин

- Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. The end of hypergamy: global trends and implications
- Clark G. Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?
- Van Mol C. Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries
- Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. The accuracy of migration distance measures
- Graham C., J.R. Pozuelo. Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places
- Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis
- Demintseva E., D. Kashnitsky. Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia
- Kashnitsky I., M. Gunko. Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market
- Oparin D.A. Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas
- Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement
- Schöley J., F. Willekens. Visualizing compositional data on the Lexis surface
- Migheli M. Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe
- Shi Y., J.J. Kennedy. delayed registration and identifying the "missing girls" in China
- Peri-Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands

CONTENTS

June 2017, 4(2)

Analytics

DETERMINANTS OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION IN THE GLOBAL SOUTH	6-52
---	-------------

Serguey Ivanov

NEW POPULATION POLICY IN CHINA: «ONE FAMILY – TWO CHILDREN»	53-64
--	--------------

Yulia Kupriyanova, Anna Yanishevskaya

THE DEMOGRAPHIC MODERNIZATION OF IRAN (FROM THE SECOND HALF OF THE 20TH TO THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)	65-91
--	--------------

Aleksander Khodunov

Forecasts

HOW ROBOTICS AND LABOR-SAVING TECHNOLOGIES IMPACT POPULATION CHANGE: TRENDS AND SCENARIOS	92-108
--	---------------

Alexander Akimov

Historical Demography

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19TH – THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY. Part 3. International migration in the USSR in 1923-1930	109-132
--	----------------

Valentina Moiseenko

Reviews

FERTILITY IN ADVANCED SOCIETIES: A REVIEW OF RESEARCH (translated from English)	133-195
--	----------------

Nicoletta Balbo, Francesco C. Billari, Melinda Mills

New in foreign journals

DEMOGRAPHIC DIGEST	196-233
---------------------------------	----------------

Ilya Kashnitsky, Maria Vilкова, Ekaterina Demintseva,

Maria Gunko, Anna Levina, Yulia Lonshchikova,

Daniil Kashnitsky, Olesya Klyushina, Dmitry Oparin

- Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. *The end of hypergamy: global trends and implications*
- Clark G. *Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?*
- Van Mol C. *Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries*
- Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. *The accuracy of migration distance measures*
- Graham C., J.R. Pozuelo. *Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places*
- Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. *Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis*
- Demintseva E., D. Kashnitsky. *Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia*
- Kashnitsky I., M. Gunko. *Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market*
- Oparin D.A. *Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas*
- Demintseva E. *Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement*
- Schöley J., F. Willekens. *Visualizing compositional data on the Lexis surface*
- Migheli M. *Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe*
- Shi Y., J.J. Kennedy. *delayed registration and identifying the "missing girls" in China*
- Peri-Rotem N. *Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands*

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

Все страны глобального Севера прошли демографический переход, большинство из них стоят на пороге неминуемой депопуляции. В течение последних двух десятилетий к ним присоединились три десятка стран глобального Юга (включая Китай) с совокупным населением в 1,5 млрд чел. Некоторые развивающиеся страны разных континентов (в том числе Индия) находятся в продвинутых фазах перехода, в то время как в Африке к югу от Сахары, в том числе в многонаселенной Нигерии, рождаемость остается на очень высоком уровне. Демографический взрыв в регионе еще долго не будет погашен, к концу столетия население может увеличиться еще на 1,8-4,5 млрд человек, что чревато разрушительными последствиями. Снижение детской смертности и модернизация образа жизни порождают прокреативное целеполагание и формируют механизмы адаптации рождаемости к фоновому уровню и индивидуальному опыту детской смертности, а также снижают плодовитость. Эта трансформация создает условия для снижения рождаемости. Тренд снижения зависит от динамики числа желаемых (выживших) детей и возможностей реализации этого желания. Прокреативная цель является функцией социально-экономических факторов, включая образование, занятость, урбанизацию, а также не всегда поддающихся количественному выражению институциональных и экологических условий. Современная контрацепция является эффективным способом достижения прокреативной цели. Пробуксовывание демографического перехода во многих странах Африки к югу от Сахары обуславливается неблагоприятными значениями всех факторов рождаемости, а продолжение демографического взрыва приведет к тяжелым последствиям.

Ключевые слова: демографический переход, рост населения, демографическое равновесие, детская смертность, репродуктивное поведение, страховое поведение, замещающее поведение, рождаемость, плодовитость, контрацепция, планируемое родительство, образование, урбанизация, демографическая политика, Африка к югу от Сахары.

КОНЦЕПЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

За последние полтора столетия кардинальные изменения в демографическом воспроизводстве произошли во всех странах мира. Они начались в большинстве европейских стран и США во второй половине XIX века и спустя столетие распространились на Латинскую Америку, затем Азию и Северную Африку, но находятся на ранней стадии в Африке к югу от Сахары.

СЕРГЕЙ ФЕЛИКСОВИЧ ИВАНОВ (serguey.ivanov@yandex.ru), НЕЗАВИСИМЫЙ ЭКСПЕРТ, РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в марте 2017 г.

Эти изменения, называемые демографическим переходом и заключающиеся в снижении смертности и радикальной перестройке репродуктивного¹ поведения, представляют собой, наряду с урбанизацией и индустриализацией, мощнейший за всю человеческую историю модернизационный сдвиг [Вишневский 2014], формирующий новый «демографический метаболизм» [Hirschan 1994].

Концепция демографического перехода, ставшая центральной в демографии XX века, объясняет снижение смертности и рождаемости с высоких уровней, типичных для традиционных бедных обществ, к низким уровням, свойственным современным богатым обществам. Она породила обширную литературу, в которой эмпирические измерения факторов демографической динамики опираются на концептуальные объяснения причин снижения смертности и рождаемости и в свою очередь их питают. Строго говоря, концепция демографического перехода должна включать оба компонента воспроизводства населения, однако для фокусировки анализа нередко под демографический переходом понимается трансформация рождаемости, в то время как трансформация смертности описывается концепцией эпидемиологического перехода. Оба компонента воспроизводства тесно взаимосвязаны через детскую смертность, что глубоко понимал основоположник идеи эпидемиологического перехода [Омран 1977]. Концепции демографического перехода в указанном узком смысле и эпидемиологического перехода непротиворечивы и взаимодополняемы. С другой стороны, можно считать, что в отношении детской смертности эпидемиологический переход непосредственно входит в предмет «узкой» концепции демографического перехода, а смертность взрослых не входит. Хотя эти соображения кажутся начетническими, они могут быть полезными, предостерегая от забвения ключевой роли снижения детской смертности в трансформации репродуктивного поведения во время демографического перехода, особенно на глобальном Юге².

Теория демографического перехода объясняет снижение рождаемости трансформацией репродуктивного поведения вследствие изменения количественной потребности в детях и возможностей ее удовлетворения. Вследствие этого расточительный тип демографического равновесия (высокая рождаемость балансирует высокую смертность) сменяется эффективным (низкая рождаемость при низкой смертности). Это равновесие соответствует стационарному населению. По отношению к изменению гомеостатических механизмов царит согласие, что имеет очень большое прикладное

---

¹ Репродукция и прокреация близки по значению, хотя в контексте данной проблематики можно усмотреть различие и считать его существенным. Между тем в данной статье эти слова и их производные считаются полными синонимами, чье использование в том или ином случае определяется стилистическими предпочтениями автора.

² Понятие глобального Юга используется как синоним совокупности развивающихся стран. Подразделение всех стран мира на развитые (глобальный Север) и развивающиеся вошло в обиход Организации Объединенных Наций в начале 1950-х годов. Все страны Европы, а также Австралия, Канада, Новая Зеландия, США и Япония классифицируются как развитые, а все остальные – как развивающиеся. Уже тогда имелись несоответствия между этой классификацией и истинным уровнем развитости отдельных стран: Албания и Молдавия (в ретроспективе) считались и считаются развитыми, а Аргентина и Израиль – развивающимися. С тех пор географическая принадлежность и уровень развития разошлись еще больше (но все же не очень сильно), так как ряд стран Азии (например, Южная Корея и Сингапур) и Латинской Америки (Бразилия, Мексика) экономически обогнали замыкающую группу европейских стран. Однако в практике ООН эта бинарная классификация сохраняется, являясь, строго говоря, географической, а не экономической.

значение, ибо этот постулат положен в основу демографического прогнозирования, системного моделирования экономических и экологических процессов и демографической политики.

Варианты концепции демографического перехода различаются детерминантами изменений репродуктивного поведения. В отношении рождаемости различия между детерминантами не очень многообразны, но благодаря обилию исследований кажутся настолько глубокими, что возникает соблазн считать концепцию демографического перехода не единым конструктом, а континуумом конкурирующих теорий. В этом континууме есть два полюса. На одном – представление о совокупности многих социально-демографических факторов, определяющих контекст репродуктивного поведения и его радикальную трансформацию в процессе перехода. На другом – сведение перехода к адаптации репродуктивного поведения к новым условиям снизившейся детской смертности; при этом оказывается, что адаптация на микроуровне семьи тождественна адаптации популяции. Таким образом, единственным теоретически значимым детерминантом снижения рождаемости в процессе демографического перехода является рост доживаемости детей, а прочие факторы оказываются в принципе избыточными. В этом вопросе сложилась необычная гносеологическая картина. В то время как в общественных науках концепции, как правило, развиваются от простого к сложному, в отношении демографического перехода в некотором смысле имеет место противоположная тенденция. Точнее, происходит бифуркация: генеральной тенденцией остается социально-демографический подход, а демографический подход предлагает альтернативную методологию, причем весьма интересную.

Представление о многофакторной социально-экономической детерминации демографического перехода было заложено основателями теории³. В формулировке Ландри типы воспроизводства населения (демографические режимы) являются функцией материальных потребностей индивидов и производственных потенциалов экономических систем. В «примитивном» демографическом режиме, типичном для экономической системы натурального производства, экономические факторы обуславливают уровень смертности, но не рождаемости, а численность населения стремится к максимуму, который может обеспечить экономическая система. В этом режиме фоновые уровни смертности и рождаемости высоки, а медленный рост населения часто прерывается сильными всплесками сверхсмертности. «Промежуточный» режим присущ обществам, в которых научный прогресс делает эффективной борьбу со смертью, а экономический прогресс повышает уровень жизни, который население стремится поддержать или повысить. Это стремление приводит к некоторому ограничению рождаемости путем распространения позднего вступления в брак и безбрачия. «Современный» демографический режим зарождается тогда, когда высокая эффективность производства формирует массовые индивидуальные установки на достижение высокого уровня жизни и его постоянный рост. Их реализация требует сознательного ограничения рождаемости (включая добровольную

---

³ Хотя термин «демографический переход» был предложен американским демографом Ф. Ноутстайном [Notestein 1945], эскиз концепции был предложен ранее французским демографом А. Ландри [Landry 1909; 1936], который чаще использовал термин *демографическая революция*, и американским демографом У. Томпсоном [Thompson 1929].

бездетность), что осуществляется, как и прежде, косвенно через поздние браки и безбрачие, но также и прямо с помощью контрацепции.

В поле исследований находятся факторы, различные по уровню в социальной системе, которые обычно полагаются главными, стержневыми в детерминации демографического перехода (падение детской смертности, урбанизация, образование, женский и детский труд, потоки благ в домохозяйстве, использование контрацепции). Обычно явно демонстрируется или по умолчанию предполагается, что эти факторы однонаправлены и действуют как «прямо» (например, детская смертность → рождаемость, образование → рождаемость, использование контрацепции → рождаемость), так и опосредованно (например, урбанизация → образование → смертность → рождаемость), а также как «по отдельности» (например, использование контрацепции → рождаемость наряду с вовлечением женщин в наемный труд → рождаемость), так и сообща, интегрированно, как в схеме смены межпоколенных потоков благ [Caldwell 1982; 2001]. Полученные на этом поле эмпирические результаты постоянно реплицируются, ракурсы меняются, объектами анализа бывают страны, суб- и транснациональные общности, семьи и индивиды. В результате иногда удается нащупать социокультурную специфику стран и регионов, реже – внятно интегрировать ее в количественный демографический анализ. Например, оказывается, что типы семейной организации, очень разные в странах Юга, оказывают влияние на демографический переход: так, в африканских обществах широко распространена экстернализация (на родственников) ресурсных затрат на содержание и воспитание детей. С другой стороны, в сельской местности детский труд не только важен для родителей, но в условиях растущего дефицита воды и обезлесения его значение возрастает. Наконец, традиционные системы землепользования в условиях обилия малоплодородной земли заставляют ценить многодетность.

На противоположном полюсе континуума – концепция замкнутой (системной) демографической динамики, требующая от населения изменить господствующую репродуктивную стратегию для того, чтобы сделать ее адекватной сократившейся смертности. Другие социальные факторы, опосредующие, усиливающие или купирующие это влияние, полагаются избыточными, затеняющими главное в перестройке воспроизводства населения. Современная интерпретация заявляет, что «многослойный пирог» социально-экономических концепций демографического перехода заслоняет его всеобщую суть как коренной трансформации режима воспроизводства населения, которая «меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens*» [Вишневский 2014]. Как будет показано ниже, детская смертность действительно является *sine qua non* перестройки репродуктивного поведения, главным, хотя и не единственным, фактором снижения рождаемости. Сначала возросшая выживаемость детей играет роль абсолютно необходимого триггера перестройки. Это предположение хорошо согласуется с наблюдением, что снижение рождаемости следует за началом снижения смертности не немедленно, а с некоторым лагом длительностью от нескольких лет до десятилетий. Действительно, для того, чтобы не обладающие демографическими познаниями люди осознали, что выживаемость детей выросла, необходима некая критическая масса перемен. Вероятно, величина лага положительно зависит от допереходного уровня детской смертности и отрицательно – от темпов ее снижения. Впоследствии, т.е. во время самого

демографического перехода, траектории рождаемости и смертности сближаются. Указанный лаг и последующий угол наклона тренда рождаемости относительно тренда детской смертности определяют масштабы и длительность ускоренного роста населения, т.е. мощность демографического взрыва.

Вторым компонентом системной динамики является представление о том, что репродуктивные стратегии популяций и индивидов тождественны и направлены на достижение и сохранение равновесия, сводящегося к стационарности, т.е. простому воспроизводству населения. Гомеостатический механизм нацелен на поддержание роста населения в некоей полосе оптимальности, т.е. не допускает ни превышения емкости среды обитания, ни депопуляции. Идея о гомеостатической природе демографического воспроизводства интересна как изящной простотой, так и яркостью, с которой она подчеркивает значение демографического перехода (революции) во всемирной истории. Вместе с тем у этого подхода есть уязвимые места.

Само представление о стремлении к демографическому равновесию, понимаемому как стационарность численности (и возрастной структуры) населения, расходится с реальностью. Человечество размножалось на протяжении всей своей истории, хотя и медленно, а порой прерывисто. Иначе как бы к началу глобального демографического перехода население мира перевалило за 1,5 млрд чел. Развивающиеся страны, да и то далеко не все, стали втягиваться в демографический переход на столетие позднее стран Севера (за исключением нескольких латиноамериканских стран, в том числе Аргентины, где переход начался на рубеже веков). В то время вероятность дожития женщин до среднего возраста рождения детей составляла 0,60, суммарный коэффициент рождаемости – 6-7 детей на женщину, а в некоторых странах Африки к югу от Сахары и Западной Азии и выше. Таким образом, нетто-коэффициент воспроизводства составлял 1,8 в Азии и Африке и 2,2 в Латинской Америке, т.е. был вдвое выше, чем нужно для простого воспроизводства. Чтобы при такой рождаемости нетто-коэффициент воспроизводства был близок к единице, детская смертность в начале демографического перехода должна была быть примерно вдвое более высокой, чем реально наблюдавшаяся около 1950 г. [United Nations 2017]⁴. Это выглядит маловероятным, да и не подтверждается ни эмпирическими данными, ни теоретической проработкой этого вопроса.

С другой стороны, хотя тренды рождаемости и смертности в большинстве развивающихся стран в начале XXI века таковы, что нетто-коэффициент там действительно стремится к единице, следует иметь в виду, что в странах Севера после прохождения кратковременного этапа простого воспроизводства в 1970-1980-х годах суммарная рождаемость опустилась ниже двух детей на женщину (дефицит рождений находится в интервале 0,1-1,0 детей на женщину), а нетто-коэффициент соответственно упал намного

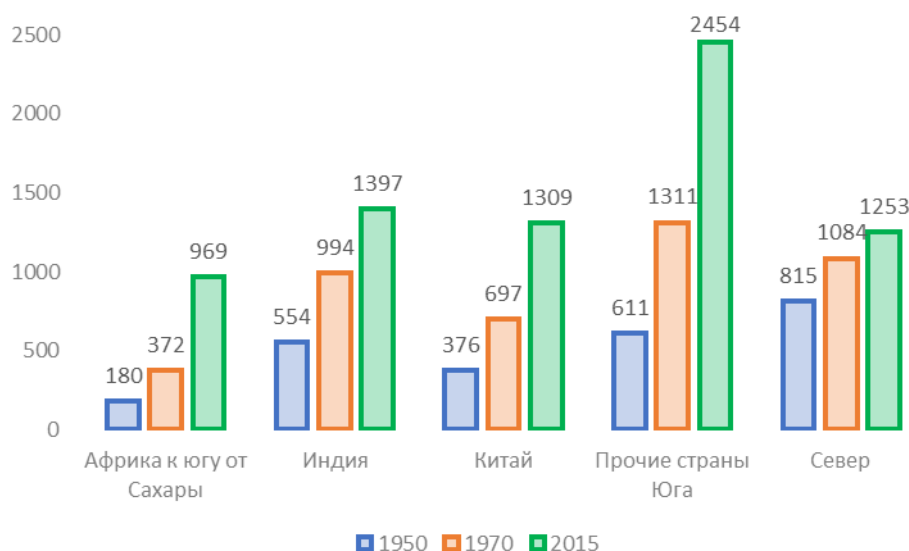
⁴Длинные (с 1950 г.) ряды демографических показателей по всем странам мира каждые два года пересматриваются Отделом народонаселения Секретариата ООН для того, чтобы интегрировать новые знания и применить новые методики. Не будет преувеличением утверждать, что эти оценки, основанные на анализе всей совокупности имеющихся данных и постоянно совершенствующихся моделях, дают наилучшую из существующих интегрированную картину демографических процессов в мире, включая страны с дефицитом надежной информации. Источником приводимых в тексте демографических показателей является по умолчанию последний пересмотр демографических оценок и прогнозов ООН [United Nations 2017].

ниже единицы. Депопуляция, уже начавшаяся в Германии, Италии, Польше и России, в течение полутора-двух десятилетий неминуемо охватит практически весь глобальный Север (за исключением Новой Зеландии). К настоящему времени уже более трех десятков развивающихся стран «проскочили» порог простого воспроизводства. В Китае это произошло более десятилетия назад, и через несколько лет начнутся колебания, а впоследствии – устойчивое сокращение численности населения страны. Непохоже, что это – отклонения от всемирно-исторического процесса. Представляется, что суженное воспроизводство населения – типичный постпереходный этап демографического развития, обусловленный совокупностью социальных факторов, которых не было или которые были иррелевантны для репродуктивного поведения в допереходных и переходных обществах [United Nations 2003].

Концепция глобального равновесия предлагает разрешить указанное противоречие, отказавшись от национального и даже регионального подходов: объектом наблюдения должен быть весь биологический вид – человечество в планетарном масштабе. Такой взгляд намеренно игнорирует неодинаковость детерминант репродуктивного поведения до, во время и после перехода, а также социокультурные различия между «глобальными субпопуляциями» в каждой из этих фаз, вытекающую из них дисперсию уровней рождаемости и, следовательно, динамики населения и ее последствий. Другим допущением является гипотеза о том, что «все образуется» и в перспективе одного-двух столетий население мира стабилизируется либо путем выравнивания воспроизводства всех национальных популяций на уровне стационарности, либо депопуляция одной части мира будет компенсировать рост населения в другой.

Эти допущения порождают два контраргумента. Во-первых, даже если глобальное равновесие наступит в очень отдаленной перспективе, это не гарантирует бесконфликтное развитие в течение периода стабилизации. Низкая и сверхнизкая рождаемость в странах, завершивших демографический переход, уже порождает проблемы, географические масштабы и глубина которых непременно возрастут. Еще серьезнее перенаселение, в особенности в странах и регионах, где рождаемость еще высока. Чтобы уравновесить депопуляцию и старение населения как Севера, так и «новых» постпереходных стран Юга продолжающимся демографическим взрывом, надо было бы увеличить миграционные потоки из Африки в десятки и сотни раз, что вряд ли реалистично. Во-вторых, само утверждение о целевой стационарности логически представляет собой круговой аргумент. Неотвратимость всеобщего распространения и закрепления индивидуальных репродуктивных стратегий, приводящих к усредненной двухдетности, выводится из необходимости обеспечения простого воспроизводства населения. Характерно, что вплоть до начала 2000-х годов центральный вариант демографических прогнозов ООН исходил из гипотезы, что именно это и произойдет повсеместно к концу XXI века путем линейного выхода траекторий суммарного коэффициента рождаемости на уровень 2,05-2,10 ребенка на женщину. Впоследствии обобщение новых наблюдений привело к выводу, что демографическая реальность вряд ли будет развиваться по этому сценарию; прогнозные модели были пересмотрены с тем, чтобы учесть разнообразие условий; в результате получена значительная дисперсия уровней рождаемости на горизонте прогноза.

Если сводить демографический переход к автоматической адаптации рождаемости к снизившейся смертности, вопросы временных лагов между этими процессами и различий в скорости адаптации имеют лишь прикладное, но не теоретическое значение. Между тем национальные особенности трансформации демографического метаболизма определяют хоть и временное, но подчас огромное ускорение роста населения, которое в некоторых странах может привести к коллапсу не только национального, но и регионального, а то и глобального масштаба (не в слабом варианте Мальтуса, а по катастрофическому сценарию “Пределов роста” [Meadows et al. 1972; Meadows et al. 2004]). Во второй половине XX века в странах Юга это ускорение было так велико, что породило вошедшую во все языки метафору «демографический взрыв» (рисунок 1). Теория не должна оставаться равнодушной к тому, что за 65 лет в Индии и Китае население утроилось, в Африке к Югу от Сахары выросло более чем в пять раз, а в некоторых странах в 8 раз (только за счет естественного прироста), в то время как в развитых странах увеличилось лишь наполовину. Несмотря на прекращение демографического взрыва в большинстве развивающихся регионов, в Африке к югу от Сахары его потенциал настолько высок, что многократное увеличение численности населения более чем вероятно.

Рисунок 1. Численность населения групп стран, 1950-2015, млн человек

Источник: [United Nations 2017: POP/I-1].

Если оставить за скобками идею равновесия или связывать его не со стационарностью, а с такой демографической динамикой, которая удовлетворяет неким внешним меняющимся условиям – их иногда называют емкостью среды обитания (по ее определению и тем более количественным параметрам вряд ли когда-либо удастся достичь устойчивого консенсуса), – оказывается, что между «репродуктивной стратегией вида» и многофакторным репродуктивным поведением есть не непреодолимое противоречие, а взаимодополняемость. Коренное улучшение выживаемости детей в принципе меняет механизм принятия репродуктивных решений. Без снижения детской смертности демографический переход состояться не может. Культурно-институциональные и социально-экономические факторы способствуют перестройке репродуктивного поведения или ей препятствуют. Препятствия могут даже блокировать переход (точнее, изменения его

прокреативного компонента), что включит некие положительные механизмы адаптации и коррекции, которых может хватить для возвращения к тренду приближения к равновесию, а может и не хватить, что чревато большими неприятностями.

ПАРАМЕТРЫ СВЯЗИ РОЖДАЕМОСТИ С ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТЬЮ⁵

Снижение рождаемости вслед за снижением детской смертности является главным механизмом демографического перехода. Эта связь отчетливо проявляется как в реальных, так и в условных поколениях. В условиях, когда женщины теряют 30% рожденных ими детей, среднее итоговое число рождений оказывается близким к 6, а когда выживают практически все дети, среднее итоговое число рождений составляет около 2,5⁶. Теснота связи детской смертности и рождаемости в период 1950-2015 гг. (т.е. для 66 пар наблюдений), превышает 0,75 в 120 странах, в том числе в 70 странах она больше 0,90 (таблица 1). Связь, оцененная «поперечно» для каждого года в интервале 1950-2015 гг. по всем 163 странам, менее тесна, но непрерывно, хотя и нелинейно, усиливается с 0,48 в 1950-1955 гг. до 0,87 в 1995-2000 гг.⁷ Объяснение расхождения в тесноте связи рождаемости с детской смертностью между поперечным и продольным измерениями может крыться в систематических межстрановых различиях институциональных факторов рождаемости, в том числе названных в предыдущем разделе. Тот факт, что именно в Африке к югу от Сахары корреляция существенно слабее, чем в других регионах, говорит в пользу этого объяснения.

Таблица 1. Распределение развивающихся стран по коэффициенту корреляции между детской смертностью и суммарной рождаемостью в 1950-2015 гг., число стран

	> 0,90	0,75-0,89	0,50-0,74	0,00-0,49	<0,00
Азия	15	11	4	0	1
Латинская Америка	31	5	2	0	0
Ближний Восток и Северная Африка	10	19	4	1	0
Океания	7	3	1	0	0
Африка к югу от Сахары	7	12	15	11	5

Источник: [United Nations 2017].

Корреляционная связь между детской смертностью и рождаемостью настолько тесна именно потому, что детская смертность является мощнейшим фактором рождаемости, а

⁵ Речь идет о младенческой (на первом году жизни) и ранней детской (в возрастном интервале 1-4 года) смертности, т.е. о смертности детей до достижения пятилетнего возраста. В принципе, как детерминант репродуктивного поведения можно рассматривать доживаемость до окончания детства (например, до 15-летнего возраста). Против этого, однако, есть три возражения. Во-первых, соответствующие данные по развивающимся странам редки и ненадежны. Во-вторых, чем дольше прожил ребенок, тем меньше его смерть влияет на последующее репродуктивное поведение хотя бы в силу возрастных ограничений прокреации. В-третьих, в условиях высокой смертности пятилетний возраст (а при низкой смертности – окончание младенчества) является порогом, за которым возрастная смертность резко падает и на протяжении многих лет жизни остается на низком уровне.

⁶ Рассчитано по данным 146 медико-демографических обследований (Demographic and Health Surveys), проведенных в 74 развивающихся странах с 1986 по 2004 г. Параметры рассчитаны на основе ответов замужних или состоявших ранее в браке 45-49 летних женщин на вопросы об общем числе рождений и выживших детях.

⁷ Коэффициенты корреляции рассчитаны по [United Nations 2017: MORT/1-2, FERT/4].

также потому, что снижение детской смертности было воистину революционным, всеобщим и необратимым. Только геноцид 1975-1979 гг. в Камбодже и 1994 г. в Руанде вызвал крутые всплески смертности, хотя тяжелые времена бывали и во многих других развивающихся странах. Даже в наименее развитых странах⁸ детская смертность в 1950-2015 гг. снизилась с 345 до 80 смертей на 1000 родившихся, а в среднем по остальным развивающимся странам – с 250 до 48 смертей. Это, впрочем, не означает, что страны шли единым фронтом. Во-первых, исходные (в середине XX века) национальные уровни очень сильно различались: от 428 в Мали до 64 в Уругвае. Во-вторых, были значительные перепады в скорости снижения детской смертности: от 68% в Африке к югу от Сахары до 93% в Восточной Азии. Это привело к широкому диапазону нынешних уровней: от 2-9 промилле в 18 странах Азии и Карибского бассейна до 100-156 промилле в 18 странах Африки к югу от Сахары [United Nations 2017].

Итак, есть основания считать, что поскольку на макроуровне популяций доживаемость детей (детская смертность) тесно связана с рождаемостью, то масштабное снижение детской смертности влечет за собой коренные изменения рождаемости. Эта перестройка не является непосредственно популяционной, как было бы, если лишь изменения соотношения групп с разной рождаемостью определяли усредненную динамику ее уровня. Главным мотором перестройки воспроизводства населения стало массовое (если не сказать всеобщее) и коренное изменение репродуктивного поведения.

РОЛЬ СНИЖЕНИЯ СМЕРТНОСТИ В СТАНОВЛЕНИИ ПЛАНИРУЕМОГО РОДИТЕЛЬСТВА⁹

Снижение детской смертности является триггером и главным детерминантом перестройки демографического поведения в начальной фазе перехода [Schultz 1976; Preston 1978]. Снижение смертности и рождаемости идут рука об руку в течение всей основной фазы демографического перехода, хотя зависимость постепенно ослабевает. В современном типе воспроизводства населения с его очень низкой детской смертностью ее влияние на

---

⁸ Статус наименее развитой страны определяется Генеральной Ассамблеей ООН по представлению правительства в случае, если страна удовлетворяет некоторым условиям, перечень и структура которых систематически пересматриваются. В 1971 г., когда был введен этот статус, в группу наименее развитых стран входили 24 государства. С тех пор столько же развивающихся стран вошло в эту группу и лишь одна страна ее покинула. В целях сопоставимости демографических оценок состав группы считается постоянным (47 стран).

⁹ Поскольку на этапе низкой и очень низкой детской смертности она перестает определять репродуктивное поведение, большая часть соответствующей литературы по западным странам относится к прошлому. Демографические исследования этой проблематики в развивающихся странах были проведены в основном в 1970-1990-е годы. Тогда были раскрыты основные темы и получены ответы на главные вопросы. Впоследствии было опубликовано сравнительно мало заметных работ в этой области. Вызывает удивление, что тема воздействий детской смертности на рождаемость не нашла своего места в программе разработки Demographic and Health Surveys (DHS), хотя в этой уникальной по географическому охвату и продуманности вопросов серии обследований получен большой объем релевантной информации. В российской демографии эта проблематика разработана мало. Опубликованные автором в 1987-1988 гг. работы [United Nations 1987; Lloyd, Ivanov 1988] могут быть полезны отечественным исследователям, в том числе потому, что концептуальные схемы, разработанные тогда, не были опровергнуты, а население Юга составляет 6,2 из 7,4 млрд человек, живущих на Земле. Они изложены ниже с привлечением новых данных, которые подтверждают выводы, полученные три десятилетия назад.

рождаемость стало ничтожным. Но еще несколько десятилетий назад выживание детей было серьезным фактором, формирующим репродуктивное поведение в развитых странах [Иванов 2015].

Повышение выживаемости детей воздействует на репродуктивное поведение через четыре различных механизма, каждый из которых приводит к снижению рождаемости. Физиологический механизм обеспечивает снижение рождаемости в ответ на снижение детской смертности даже в отсутствие сознательного регулирования деторождения. Вследствие улучшения выживаемости детей конечный результат прокреации становится предсказуемым, что является неременным условием для планирования семьи¹⁰. Это делает возможным ощутить и осознать долговременные риски потерять одного или нескольких детей и заранее застраховаться от таких рисков рождением большего числа детей. Другой формой адаптации к детской смертности является замещение умершего ребенка дополнительным рождением. Развитие указанных механизмов хронологически последовательно, но фазы накладываются, в результате чего они часто сосуществуют. По отдельности и в совокупности эти механизмы (кроме физиологического) являются репродуктивными стратегиями – основой планируемого родительства.

Исторически первый, физиологический, механизм заключается в удлинении интервалов между рожденьями в популяции, практикующей грудное вскармливание и особенно традиционное послеродовое сексуальное воздержание. Для этого механизма не нужен демографический переход; более того, он сильнее всего проявляется в условиях естественной рождаемости и слабеет по мере распространения практики планирования семьи. Главным признаком «естественной» рождаемости допереходных обществ является отсутствие целенаправленного регулирования деторождения в зависимости от числа уже рожденных детей. В населении, не практикующем сознательного ограничения рождаемости, итоговое число детей эквивалентно накопленной сумме взаимонезависимых интергенетических интервалов, охватывающих весь репродуктивный период жизни женщины. В таком населении изменения интервалов непосредственно претворяются в изменения уровня рождаемости. Иными словами, женщина, потерявшая за свою жизнь больше младенцев, родит больше детей, а снижение детской смертности оборачивается падением итоговых показателей рождаемости условных и реальных поколений. Часто встречается довольно сильный физиологический эффект, когда выживание одного дополнительного ребенка приводит к снижению итоговой рождаемости на 0,25-0,30 ребенка [Preston 1978]. Особенно яркий эпизод наблюдался в начале 1960-х годов в Гамбии, где эпидемия вызвала резкий всплеск смертности. Год спустя после подъема коэффициента детской смертности на 20 процентных пунктов рождаемость удвоилась, а еще через год вернулась к своему докризисному уровню [Thompson 1975].

Означает ли естественная рождаемость, что родителям безразлично, сколько их детей выживет, или родители всегда стремились к максимизации потомства? В действительности ни тот, ни другой типы поведения не были универсальны. Родить и вырастить ребенка всегда требует немалых затрат и отвлекает ресурсы от их

---

¹⁰ Термины «планирование семьи», «внутрисемейное планирование рождаемости» и «планируемое родительство» тождественны и описывают целенаправленное регулирование деторождения индивидами.

альтернативного использования. Допереходные общества различались источниками этих затрат (например, родители или расширенная семья), а также правилами наделения капитальными ресурсами (прежде всего землей). К примеру, в России крестьяне растили детей только на свои средства, получали земельный надел только на сыновей и должны были отдавать в приданое дочерям значительные суммы. В этих условиях расходы на детей могли перевешивать долгосрочные ожидания больших доходов от них. Соответственно многодетность многими не приветствовалась [Демографическая модернизация... 2006: 29-43]. С другой стороны, если большая часть расходов по воспитанию ребенка обеспечивается родней, а земельные ресурсы представляются неограниченными (как это часто бывает в Африке к югу от Сахары), каждый выживший ребенок будет представлять собой ценное приобретение, а не экономическую нагрузку.

Особенности поведения родителей могут играть роль в значительных колебаниях детской смертности в условиях естественной рождаемости. При этом речь идет не о различной степени знания правильных навыков ухода за детьми, профилактики и лечения детских болезней, а о сознательном избирательном уходе за детьми различного пола и очередности рождения. По всем районам мира имеются исторические или современные данные по систематическому инфантициду, подкидыванию, лишению заботы, избирательному питанию и медицинскому обслуживанию детей [Вишневский 2005; Dickeman 1975; Shorter 1977; Scrimshaw 1983] и применению запретных (не санкционированных культурой) практик регулирования деторождения [Демографическая модернизация... 2006: 29-43]. Инфантицид практиковался на протяжении всей человеческой истории, но уже в 1980-е годы официальный запрет практически повсеместно изжил эту практику. С другой стороны, различные формы дифференциальной дискриминации в питании, уходе, лечении распространены и в наше время. Демографические и исторические источники приводят многочисленные примеры подкидывания детей в Европе XVII-XIX веков [Shorter 1977].

Избирательный уход, заключающийся в дискриминации менее ценных или нежелательных детей, является, вероятно, наиболее типичной формой контроля за выживанием в условиях естественной рождаемости. Многочисленные обследования 1960-1970-х годов показывали, что в ближневосточных и южноазиатских странах с сильно выраженной сегрегацией женщин родители систематически предпочитали мальчиков во всех сферах семейной жизни, включая питание, что приводило к соответствующим различиям в смертности. Практика избирательного ухода отмирает: медико-демографические обследования 1980-2000-х годов, проведенные в 70 развивающихся странах, не показывают статистически значимой разницы между мальчиками и девочками в питании, лечении и смертности. Эти же обследования показывают, что замеченные в прошлом различия в питании, лечении и смертности между детьми различной очередности рождения сохраняются, хотя и в существенно ослабленном виде [United Nations 1987].

Между тем и избирательный уход, и подкидывание (или отказ от родительства), и инфантицид – вне зависимости от степени соответствия такого поведения преобладающим этическим нормам и закону – демографически и экономически малоэффективны, ибо представляют собой коррекцию уже достигнутого репродуктивного результата, а ресурсы по уходу за ребенком, которым родители впоследствии пожертвуют, оказываются

непроизводительной затратой. Мало того, очень высокая детская смертность предопределяет непредсказуемость итогового числа детей. В этих условиях отбор детей для избирательного ухода может не совпадать с их врожденной выносливостью, что уменьшит шансы достижения желаемого репродуктивного результата.

Высокая и сильно колеблющаяся смертность делала невозможным для родителей хоть сколько-нибудь надежно предсказать, сколько детей выживет из данного числа рожденных. С другой стороны, в таких условиях существует не столь многодетность, сколь многоплодность [Демографическая модернизация 2006: 29-43]. Снижение детской смертности с очень высоких и колеблющихся уровней создает фундаментальное условие для превращения прокреации в регулируемое и эффективное поведение [United Nations 1987; Lloyd, Ivanov 1988]. Стохастическое моделирование позволяет показать, как изменения в смертности порождают климат, необходимый для снижения рождаемости. Таблица 2 показывает результаты модели, в которой удвоение продолжительности жизни радикально меняет распределения доживающих до 20-летнего возраста. В ней сопоставляются распределения семей, в которых родилось по шесть детей, по числу доживших до 20-летнего возраста при режиме высокой смертности (продолжительность жизни при рождении 25 лет) и при режиме средней смертности (продолжительность жизни 50 лет).

Таблица 2. Средние распределения женщин, родивших шестерых детей, по числу детей, доживших до 20-летнего возраста, в условиях высокой и средней смертности, %

Число детей, доживших до 20 лет	Продолжительность жизни при рождении 25 лет	Продолжительность жизни при рождении 50 лет
0	3	0
1	13	0
2	27	3
3	30	11
4	19	28
5	7	37
6	1	21
Всего	100	100

Примечание: Основано на «западной» совокупности модельных таблиц смертности и допущении, что вероятность смерти не зависит от порядка рождения.

Источник: [McNicol 1986].

В режиме высокой смертности распределение доживающих непредсказуемо. Почти три четверти (73%) матерей потеряют не меньше половины рожденных ими шестерых детей. Следовательно, при таком уровне рождаемости и смертности трехдетность недостижима для большинства семей. У значительной доли (16%) женщин, родивших шестерых детей, до 20 лет доживет не более одного ребенка; только 1% женщин не испытает потери ребенка. В таких условиях необходимо родить много больше шести детей, чтобы с достаточной вероятностью иметь четверых или более доживших до 20-летнего возраста детей. Однако допереходные уровни смертности и заболеваемости делали это недостижимым для многих женщин. Более того, такие условия в принципе неблагоприятны для формулирования количественных репродуктивных целей. Всемирное обследование

рождаемости 1970-х годов подтвердило, что в странах с особенно высокой смертностью значительная доля женщин не в состоянии ответить на вопрос о желаемом числе детей [United Nations 1987].

Положение решительно меняется, когда продолжительность жизни удваивается. Только одна седьмая часть (14%) женщин потеряют как минимум половину своих детей, в то время как более одной пятой (21%) не испытают потери ребенка. Цель вырастить до зрелости не менее четырех детей становится реальной для абсолютного большинства семей, в том числе для 86% женщин, родивших шестерых детей. Иными словами, значительное снижение младенческой и детской смертности создает демографическую среду, в которой связь между числом рождений и числом выживших детей становится достаточно предсказуемой для формулирования на индивидуальном уровне репродуктивных целей, что, в свою очередь является предпосылкой снижения рождаемости путем планирования семьи.

Национальные медико-демографические обследования DHS, начатые в конце 1980-х годов и продолжающиеся поныне, показывают, что в большинстве развивающихся стран доля бездетных женщин, не давших количественного ответа на вопрос о желаемом числе детей, резко снизилась. Хотя снижение произошло не везде и новый демографический климат представляет собой не единственную причину количественного оформления репродуктивных установок, в данных таблицы 3 проявляются тенденции к осознанию возможности управлять своим поведением, которая в свою очередь обусловлена интернализацией новых объективных – значительно более благоприятных и предвидимых – вероятностей выживания детей.

Таблица 3. Доля бездетных женщин, не давших количественного ответа на вопрос о желаемом числе детей

Страна	Доля не давших ответа, %		Снижение смертности детей до 5 лет между обследованиями, %
	конец 1980-х – начало 1990-х годов	2000-е годы	
Бангладеш	14	3	34
Гана	13	2	28
Иордания	34	6	31
Малави	11	3	19
Мозамбик	22	1	24
Марокко	25	2	26
Танзания	15	3	21
Эритрея	11	6	32

Источник: Demographic and Health Surveys (URL: <http://dhsprogram.com/data/>).

Роль снижения детской смертности в снижении рождаемости тем отчетливее, чем больше роль родителей в обеспечении здоровья детей. Это – не тривиальное утверждение, а следствие дуализма выживаемости детей: она зависит как от внешних, неподконтрольных родителям условий, так и от их действий или бездействия. В этом контексте нуждаются в корректировке представления о том, что инфекционные заболевания – т.е. неподконтрольные родителям причины смерти – доминировали в допереходный период.

Основными причинами смерти в течение первых 20 лет жизни являются «некоторые младенческие болезни» и поносы; респираторные заболевания, включая грипп, пневмонию

и бронхиты; «другие инфекционные и паразитарные» заболевания и респираторный туберкулез. Эти три группы причин смерти охватывали $\frac{3}{4}$ младенческих и детских смертей в допереходных и раннепереходных странах. В большинстве развивающихся стран эпидемические инфекционные и паразитарные заболевания (кроме малярии) играли небольшую роль в структуре причин смерти младенцев, детей и подростков, в которой преобладали младенческие заболевания, поносы и респираторные заболевания [Galway et al. 1987]. От половины до трех четвертей снижения смертности в 1950-1970-х годах было обусловлено уменьшением числа смертей от респираторных заболеваний, туберкулеза и малярии [Preston 1980], т.е. тех болезней, в лечении и профилактике которых родители играют активную роль. Таким образом, во многих развивающихся странах преобладала именно такая структура снижения младенческой, детской и подростковой смертности, которая предполагает активную роль родителей и потому благоприятствует укоренению идеи планирования семьи. Эта структура детской смертности типична не для всех развивающихся регионов: вероятно (хотя этому есть лишь спорадические эмпирические подтверждения), в Африке к югу от Сахары смертность снижалась главным образом за счет инфекционных заболеваний, профилактика которых требует меньшего участия семьи; в результате уровень детской смертности в регионе выше, чем в других, а планирование семьи распространено меньше.

Другие характеристики режима смертности также влияют на зарождение планируемого родительства. Чем более риск смерти сконцентрирован в узком интервале времени после рождения ребенка, тем более предсказуемой становится связь между деторождением и размером семьи. И наоборот, чем дольше ребенок подвергнут значительному риску смерти, тем менее предсказуемой оказывается эта связь и тем менее привлекательным и эффективным будет планирование семьи. Демографический переход как раз и характеризуется такой прогрессирующей концентрацией.

Снижение детской смертности повышает предсказуемость семейного строительства: родители начинают ощущать возможность управлять прокреацией, вследствие чего идея планирования семьи обретает смысл. Это фундаментальное изменение и делает снижение детской смертности триггером перестройки репродуктивного поведения. Появляются осознанные стратегии, увязывающие репродуктивное поведение с ожидаемой (страховое поведение) и реальной (замещающее поведение) смертностью детей. Осуществление этих стратегий предполагает регулирование числа и графика рождений.

В условиях регулируемого деторождения (планируемого родительства) семьи могут достигать желаемого числа детей, приспосабливаясь к уровню детской смертности одним из двух способов: страховой стратегией или стратегией замещения [United Nations 1987; Lloyd, Ivanov 1988]. Страховая стратегия представляет собой репродуктивное поведение, нацеленное на достижение желаемого числа детей большим числом рождений, исходя из возможности смерти ребенка (или детей), в том числе и в отдаленном будущем, за пределами репродуктивного периода, когда уже нельзя будет компенсировать смерть ребенка рождением другого. Чем больше воспринимаемый родителями риск потерять одного или нескольких детей, тем больше превышение желаемого числа рождений над желаемым числом детей. Поскольку в условиях высокой смертности велика неопределенность выживания, значительное число родителей теряют больше детей, чем

предполагается средним уровнем смертности. Поскольку никто из родителей не может знать наперед истинную вероятность смерти своих детей, подавляющее большинство будет вести себя так, как если бы они были в группе повышенного риска. В результате многие родители завершат репродуктивный период с большим числом выживших детей, чем они планировали.

Стратегия замещения означает, что в семье происходят дополнительные рождения взамен умерших детей. Это достигается сокращением интергенетических интервалов, рождением дополнительного ребенка (детей) в конце репродуктивного периода или комбинацией этих двух способов. Чем больше запланированные родителями интергенетические интервалы, тем проще осуществлять замещающую стратегию. В противном случае замещение должно происходить, когда плодовитость женщины падает. Возможность эффективного замещения зависит от наличия обратимых методов контрацепции.

Действие этих двух стратегий различно. Стратегия замещения предполагает приспособление к случившейся потере, в то время как страховая стратегия предполагает, что родители планируют свое поведение на основе некоторого представления об уровне детской смертности. Реализованную стратегию замещения нельзя изменить, в то время как родители, выбравшие страховую стратегию, могут изменить ее на стратегию замещения, если окажется, что выживаемость уже рожденных детей выше, чем они предполагали. Может быть и так, что родители совмещают обе стратегии, страхуясь наперед только от тех детских смертей, которые могут случиться за пределами репродуктивного периода.

Моделирование демографических последствий реализации страховой стратегии в различных социально-экономических условиях и режимах смертности показывает, что в развивающихся странах, в особенности в Юго-восточной Азии, вклад этой стратегии в снижение рождаемости был достаточен для существенного снижения нетто-коэффициентов воспроизводства поколений [United Nations 1987].

Эмпирическое измерение замещающего поведения предполагает сравнение числа детей, рожденных после ребенка некоторой очередности, в зависимости от того, испытала или нет женщина потерю ребенка меньшей очередности. Результаты исследований по Иордании, Колумбии, Коста-Рике, Мексике, Марокко, Непалу, Пакистану, Перу, Тайваню и Шри Ланке показывают, что на каждые 100 предотвращенных смертей приходится от 30 до 60 несостоявшихся рождений [Lloyd, Ivanov 1988], что согласуется с коэффициентом макроуровневой корреляции дожития и числа рожденных детей (0,6). Исследование по Республике Корея обнаружило, что замещающий эффект был ничтожен в поколениях, родившихся до 1955 г., а в поколениях 1965-1971 гг. рождения достиг 50%, что связано с распространением практики планирования семьи [Park et al. 1979].

Страховое поведение измерялось реже. Для этого использовался корреляционный анализ связи реального или желаемого числа детей с субъективным представлением родителей о вероятности выживания детей или некоторым объективным показателем условий смертности. Применение этой техники к данным по Тайваню показало, что представление о более высокой вероятности выживания своих детей, равно как и проживание в населенном пункте с меньшей смертностью, связаны с существенно более

низкой рождаемостью [Heer, Wu 1975]. Исследование по Египту [Rizk et al. 1980] дало схожий результат.

РОЛЬ НЕДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СНИЖЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ

Снижение детской смертности является необходимым и главным фактором перестройки репродуктивного поведения, характеризующегося низкой рождаемостью. Иными словами, если из 1000 рожденных 300-350 детей умирают, не достигнув пятилетнего возраста, рождаемость вряд ли сдвинется с уровня, превышающего 6-7 детей на женщину. Однако это не означает, что снижение рождаемости повсюду и обязательно следует курсом, параллельным снижению детской смертности. В современном мире экстремально высокая рождаемость (более 6 детей на женщину) при низкой детской смертности сохраняется в иудейских общинах харедим (Израиль, США) и протестантских общинах меннонитов и амишей (США, Канада). Более того, глобальному демографическому переходу свойственны лаги между началом снижения смертности и началом снижения рождаемости, а затем – вариации углов наклона траекторий дальнейшего снижения смертности и рождаемости. Вероятно, продолжительность этих лагов и величина расхождений трендов детской смертности и рождаемости определяются социокультурными и экономическими факторами, в том числе институциональными, определяющими особенности семейной организации. Конечно, с высоты общей теории демографического перехода эта вариабельность может выглядеть излишней подробностью, а обуславливающие ее факторы – ненужными для понимания демографического воспроизводства. Но речь идет о миллиардных различиях в численности мирового населения (и колоссальных различиях в его географическом распределении), которые накапливаются вследствие вариаций параметров демографического перехода.

Разумно предположить (что и делает большинство исследователей), что существуют и недемографические факторы, систематически влияющие на репродуктивное поведение и параметры демографического перехода. Как и во всех других типах и формах поведения, среди этих факторов присутствуют экономические, социальные и культурные феномены. И эти факторы действительно оказывают большое, а в некоторых обществах определяющее влияние на репродуктивное поведение.

Так, повышение спроса на детей вследствие того, что средняя цена выжившего ребенка снизилась, может быть значительным в некоторых условиях. Такие условия типичны для аграрных обществ, где сильны семейные связи (затраты на ребенка распределены среди родственников), дети являются важным трудовым ресурсом, земля относительно обильна или велики возможности миграций. Такие условия типичны для некоторых регионов Юга, в особенности для Африки к югу от Сахары. Снижение средней цены выживающего ребенка обычно сопровождается улучшением здоровья детей и, следовательно, их экономической ценности для родителей, что может также повысить желаемое число детей. В таких условиях снижение детской смертности может и не привести к снижению рождаемости.

Число рождений зависит не только от достижимости того или иного желаемого числа детей, но и самой репродуктивной цели. Радикальное улучшение выживаемости детей способствует формулированию индивидуальных репродуктивных целей. Желаемое число (выживших) детей было бы единой для всех константой, если бы деторождение в каждой семье выполняло единственную (популяционную) функцию – например, обеспечивать воспроизводство стационарного населения. В действительности желаемое число детей зависит от множества социокультурных факторов. В отношении этой характеристики популяции неоднородны, причем и все основные модернизационные процессы ограничивают потребность в детях. Например, эта потребность снижается, когда модернизация меняет тип и структуру занятости. В частности, расширение рынка женского труда в несельскохозяйственных сферах экономики создает представление об утерянном доходе вследствие деторождения. Образование с одной стороны улучшает контроль над выживаемостью детей, т.е. повышает их «предложение», а с другой – увеличивает прямые затраты на детей, уменьшает использование детского труда и обостряет конфликт между количеством и качеством детей. Эти частные процессы сливаются в общий фундаментальный сдвиг, меняющий соотношение межпоколенных потоков благ в семье: в традиционном обществе чистый поток благ направлен от детей к родителям, а в современных обществах – от родителей к детям [Caldwell 1980; 1982; 2001].

Действительность, конечно, сложнее этого схематичного описания. Подчас развивающиеся страны характеризуются разными факторами детерминации экономической потребности семей в детях, которые по-разному отвечают на импульсы модернизации. В Латинской Америке, где еще сравнительно недавно большинство крестьян арендовали маленькие надель (минифундио) у крупных землевладельцев (латифундистов) в обмен на труд, причем в значительной степени детский, механизация крупного сельского хозяйства снизила экономическую полезность детей. Во многих районах Тропической Африки общинное землевладение и переложное земледелие в прошлом были основаны на изобилии земли, что позволяло родителям увеличивать обрабатываемые надель за счет детского труда, не снижая производительность и не вызывая парцелляцию земли. В 1950-1970-е годы эрозия почвы, обезлесение и опустынивание уменьшили емкость экосистем и подорвали общинное землевладение, в результате чего снизилась экономическая полезность детей в сельском хозяйстве. Однако это не обязательно снижает полезность детского труда вообще. Так, в некоторых наименее развитых странах Азии и Африки обезлесение и нарастающий дефицит пресной воды вызвали увеличение потребности в детском труде, ибо женщины перестали справляться с обеспечением хозяйства топливом и водой. Более того, там, где большие вложения труда являются единственным способом компенсировать нехватку земли, экономическая полезность детей высока. Поэтому, хотя генеральной тенденцией является сокращение использования детского труда, в сельской местности наименее развитых стран нарастающий дефицит природных факторов производства отчасти компенсируется растущей вовлеченностью детей в жизнеобеспечение семьи, что задерживает демографический переход.

При этом, как правило, использование детского труда сокращается параллельно со снижением рождаемости (таблица 4). Однако эта связь не очень тесна, потому что в

некоторых странах действуют противоположные факторы: в последние десятилетия в ряде развивающихся стран очень ухудшилась доступность питьевой воды и хвороста, в результате чего возросла ценность детей как добытчиков этих жизненно необходимым ресурсов.

Таблица 4. Коэффициенты экономической активности детей в возрасте до 15 лет (КЭА) и суммарные коэффициенты рождаемости (СКР) в некоторых развивающихся странах в периоды до 1985 г. и после 1995 г.

Страна	Первый период			Последний период		
	Год	КЭА	СКР	Год	КЭА	СКР
			Азия			
Индонезия	1961	23	5,7	1997	9	2,6
Пакистан	1972	40	6,6	2015	17	4,3
Шри Ланка	1953	11	5,9	2010	1	2,2
			Африка			
Мадагаскар	1975	44	7,2	2010	20	4,7
Судан	1983	39	6,6	1996	15	5,8
			Латинская Америка			
Бразилия	1980	20	4,1	2014	8	1,8
Колумбия	1951	17	6,8	2010	8	2,0
Мексика	1960	22	6,8	2004	10	2,6

Примечание: Доля работающих и безработных (т.е. экономически активных) рассчитана на основе переписей населения и обследований занятости с использованием определения Международной организации труда (МОТ), которое включает в число занятых неоплачиваемых семейных работников, если они работают не менее одной трети нормального рабочего времени.

Источники: По коэффициенту экономической активности – базы данных Международной Организации Труда Laborsta (<http://laborsta.ilo.org/>) и Ilosta (<http://ilostat.ilo.org/>); по суммарному коэффициенту рождаемости – [United Nations 2017: FERT/4].

Расширение охвата школьным обучением и рост образовательного уровня оказывают понижающее воздействие как на детскую смертность, так и на потребность в детях. Однако образование снижает рождаемость лишь в той мере, в какой оно модернизирует поведение женщин и увеличивает альтернативную стоимость их рабочего времени. Сам по себе рост образовательного уровня не обязательно ведет к модернизации поведения. В странах Африки и Азии социализация через школу, особенно начальную, может закреплять традиционные гендерные отношения, в том числе раннее вступление в брак и его всеобщность, а также ориентацию на многодетность [Caldwell 1980]. Такие воздействия могут встречаться в аграрной сельской среде, но в городах они распространены меньше.

Существует немало исторических доказательств того, что жесткое применение законов об обязательном школьном образовании и обучение на государственном языке с использованием общенациональных программ сыграли ключевую роль в сокращении демографического разнообразия, преобладавшего в Европе в середине XIX века и во время демографического перехода [Watkins 1991]. В развивающихся странах роль единых национальных образовательных систем как трансляторов норм современного репродуктивного поведения не меньше. Обзор литературы по Африке [Lloyd et al. 2000] подтвердил действие этого механизма в регионе. Исследование в Непале и Пакистане

показало, что само наличие в общине школы меняет репродуктивное поведение даже тех ее членов, кто не получил формального образования [Montgomery et al. 2000].

Если воздействие начального образования на репродуктивное поведение может в некоторых условиях быть неоднозначным, то получение женщиной (да и мужчиной) среднего и высшего образования несомненно является сильным предиктором меньшего итогового числа детей. Тому есть две причины, которые взаимосвязаны так сильно, что их трудно эмпирически разделить. Во-первых, образовательный контент среднего и высшего образования и атмосфера соответствующих учебных заведений хорошо способствуют интернализации современных стереотипов. Во-вторых, образование сверх начального дает возможность найти работу в современном секторе экономики и таким образом продолжить интеграцию в современный образ жизни. Эта интеграция включает конфликт между временем, затрачиваемым для ухода за детьми, и оплачиваемым трудом (утраченный доход). К этому добавляется конфликт между перерывами в занятости, связанными с деторождением и уходом за младенцем, и стремлением сохранить работу и делать карьеру. Эти цепочки связей зарождаются и крепнут прежде всего (а в самых бедных странах – исключительно) в среднем классе, но формируемое ими поведение нередко распространяется и на низшие городские страты: диффузия осуществляется через имитацию поведения, сопутствующего жизненному успеху.

В другом ракурсе взаимосвязь между образованием и демографическими событиями концептуализируется как рост значения качества детей, что требует больших инвестиций в их воспитание и образование и, следовательно, при ограниченных ресурсах заставляет родителей «жертвовать» количеством детей [Montgomery et al. 2000]. Этот эффект усиливается от поколения к поколению, поскольку более образованные родители более склонны вкладывать в человеческий капитал своих детей.

Несмотря на отмеченную выше неоднозначность воздействия формальных знаний и школьной социализации на репродуктивное поведение, статистическая связь соответствующих переменных весьма сильна. Так, коэффициент корреляции между средней продолжительностью обучения и рождаемостью (рисунок 2)¹¹ составляет -0,78 для 76 стран в 2000-2016 гг.¹² Обширный обзор исследований на данных многих развивающихся стран подтвердил связь между достигнутым уровнем образования (особенно женщин) и последующими демографическими событиями, включая возраст при вступлении в первый брак и число рождений [Jejeebhoy 1995].

---

¹¹ Большая методологическая чистота при использовании итоговых чисел детей у женщин и их образовательного уровня в реальных когортах достижима ценой отодвигания объекта анализа на несколько десятилетий назад. Здесь «актуализация» достигнута путем использования условно-когортных показателей и ценой уязвимости обвинению в смешении яблок с апельсинами, потому что сопоставляются данные по неидентичным совокупностям. Однако сопоставления в данном случае все же оправданы тем, что яблоки и апельсины эволюционируют сравнительно медленно, а разброс их характеристик по странам велик. Средняя продолжительность обучения 25-летних женщин, не являясь непосредственной характеристикой совокупности женщин детородного возраста, все же удовлетворительно аппроксимирует их образовательный уровень.

¹² Для каждой страны выбран год последнего наблюдения продолжительности обучения.

В странах, проходящих ранний этап демографического перехода, очень неравномерное распределение населения по образовательному уровню определяет и глубокую дифференциацию репродуктивного поведения. Вместе с тем в это время в населении абсолютно преобладают люди, не имеющие никакого образования или имеющие лишь начальное. Так, в сельских местностях Нигерии в настоящее время 54% женщин репродуктивного возраста не имеют никакого образования (в городах 16%), в то время как доля женщин с образованием выше среднего составляет всего 4% (17%). Из числа необразованных замужних матерей и женатых отцов в возрасте 15-49 лет с четырьмя живыми детьми не хотят дальнейшего расширения семьи лишь 10% и 2% соответственно. В группе лиц с начальным образованием доля желающих ограничиться имеющимися четырьмя детьми составляет уже 31% среди женщин и 22% среди мужчин, а в группе имеющих образование выше среднего – соответственно 60 и 42%. Этим предпочтениям соответствует и демографический результат: суммарный коэффициент рождаемости необразованных женщин составляет 6,9 ребенка на женщину, в то время как женщин с образованием выше среднего – 3,1 ребенка на женщину. Конечно, и детская смертность тоже является функцией образовательного уровня родителей: в группе необразованных матерей она составляет 180 промилле против 128 промилле в группе женщин с начальным образованием и 62 промилле у женщин с образованием выше среднего [National Population ... 2014], что может быть интерпретировано как воздействие образования (и связанного с ним благосостояния) на рождаемость через детскую смертность. Однако перестройка репродуктивного поведения в зависимости от образования идет быстрее, чем падение детской смертности; это согласуется с предположением о том, что образование имеет и прямое (помимо смертности) понижающее воздействие на рождаемость¹³.

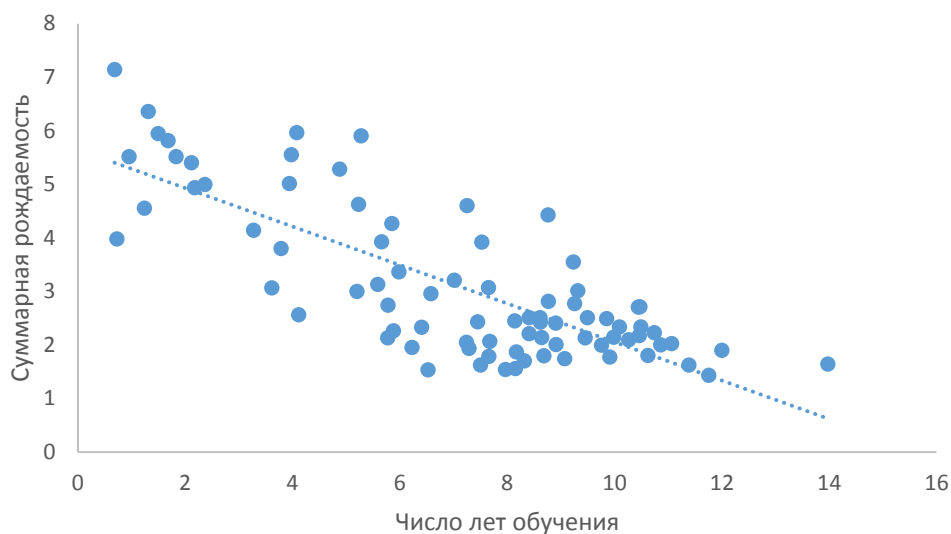
Вместе с тем уровень образования, как бы его ни измерять и каким бы ни была его роль в формировании репродуктивного поведения, сам по себе – недостаточный предиктор рождаемости. Вариации других факторов (детской смертности в той мере, в какой она не зависит от поведения родителей, экономических укладов, образа жизни, контрацептивного поведения) в широких пределах усиливают или ослабляют воздействие образования. Так, при одинаковом среднем числе лет обучения женщин (4 года) суммарная рождаемость в Индии составляет 2,6 ребенка, а в Уганде – 6 детей на женщину.

Процессом наиболее высокого порядка, всегда способствующим модернизации как репродуктивного, так и любого другого поведения, является урбанизация. Город всегда был фокусом модернизации, а подчас ее монопольной средой. Жизнь в городе обуславливает меньшую детскую смертность, потому что в городах, как правило, лучше доступ к чистой воде, бытовому электричеству, гигиеническим знаниям, образованию, рынку труда, более высоким и растущим доходам, средствам массовой информации. Развитие этих компонентов городского образа жизни способствует перестройке репродуктивного поведения горожан, а перераспределение населения из сельской местности в города

---

¹³ База данных национальных обследований DHS (URL: <http://dhsprogram.com/data/>), в том числе проведенных в Нигерии, позволяет проводить проверки гипотез о связи многочисленных социально-экономических индикаторов с репродуктивным поведением. Проведенные автором расчеты по 10 странам (Бангладеш, Египет, Индонезия, Колумбия, Мали, Мексика, Нигерия, Тунис, Филиппины, Шри Ланка) показывают, что из всех этих индикаторов образование наиболее тесно связано с итоговым числом детей.

ускоряет демографический переход в национальном масштабе. Кроме того, развитие городов оказывает модернизационное влияние на окружающую их сельскую местность.

Рисунок 2. Среднее число лет обучения женщин 25-летнего возраста и старше и коэффициент суммарной рождаемости в 76 развивающихся странах в 2000-2016 гг.

Примечание: Оценки среднего числа лет обучения получены из обследований или государственной отчетности. Использованные здесь оценки наиболее свежие (по состоянию на 20.05.2017) из включенных в статистическую базу Юнеско. Годы, на которые приводятся оценки среднего числа лет обучения, и годы, на которые приводятся суммарные коэффициенты рождаемости, идентичны.

Источник: Базы данных Юнеско (URL: data.uis.unesco.org) и [United Nations 2017: FERT/4].

Вместе с тем корреляция рождаемости с урбанизацией часто существенно слабее, чем можно предположить, исходя из представления о том, что оба процесса являются модернизационными изменениями высшего порядка. Отчасти дело в разнородности национальных дефиниций городских поселений. В одних странах любое поселение с числом жителей более 500-1000 считается городом, в других порог людности не только в десятки раз выше, но и дополняется плотностью застройки (или населения) или структурой занятости. Такие различия мешают не только международным сопоставлениям, но и анализу хронологических рядов по тем странам, в которых в силу тех или иных причин используются неадекватные статистические критерии. Но есть и существенные факторы, ослабляющие статистическую связь. Масштабы урбанизации многих стран Юга очень велики, но перестройка репродуктивного поведения еще масштабнее прежде всего потому, что там, где рождаемость снижается, она снижается не только в городах, но и в сельской местности, хотя и медленнее. Кроме того, урбанизация не сводится к перераспределению населения, а включает изменения образа жизни: оба процесса не идентичны, но однонаправлены, а их соотношение различается от страны к стране. В частности, разные типы урбанизации по-разному меняют репродуктивное поведение. Так, развитие более или менее плавно иерархизированной сети городов сопровождается обычно более быстрым снижением рождаемости, чем концентрация городского населения в мегаполисах с большой долей трущоб, как, например, в Нигерии, Мали и Пакистане. Но вместе с тем причиной более быстрого демографического перехода в одних странах по сравнению с

другими является модернизация репродуктивного поведения сельского большинства, что в свою очередь является функцией снижения детской смертности и расширения использования контрацепции в консервативной среде. Такой прогресс достижим, только если государство развивает здравоохранение и обеспечивает универсальный доступ к программам планирования семьи.

АНТИНАТАЛИЗМ¹⁴

В 1970-1980-е годы рост населения развивающихся стран настолько ускорился, а его негативные последствия [Horlacher et al. 1986; Иванов 1982; 2010; 2013; 2015] становились настолько очевидны, что все больше и больше развивающихся стран официально вставали на путь антинатализма. Глобальное распространение эксплицитной демографической политики стало результатом длительного взаимодействия трех сил: самих развивающихся стран, Соединенных Штатов Америки и Организации Объединённых Наций [Иванов 2011; 2017].

В 1960-1970-е годы демографический взрыв стал одной из самых идеологизированных тем во взаимоотношениях Юга с Западом. Лозунги о коварном империалистическом вмешательстве во внутренние дела развивающихся стран, подмене задач борьбы с неокOLONиализмом программой подавления демографического взрыва обуславливались господствовавшим состоянием умов раннего постколониального периода. С начала 1970-х годов Движение неприсоединения (а затем и Группа 77) объединили свои силы с коммунистическими государствами в борьбе с «мальтузианскими» утверждениями о негативном характере последствий быстрого роста населения. Нередко инвективы по другим сюжетам подкреплялись «антимальтузианством», так как считалось, что оно содержит бесспорные, неубиваемые аргументы. Даже Индия, с начала 1950-х годов проводившая политику сдерживания роста населения в стране, на международной арене проявляла солидарность с антимальтузианством Группы 77. Европейские правительства избегали полемики, не желая антагонизировать развивающиеся страны по вопросу, который они считали одновременно маргинальным и не поддающимся решению.

Однако прагматическая идея ускорения демографического перехода в целях улучшения перспектив национального развития пробивала себе дорогу, постепенно преодолевая или игнорируя идеологические шоры. Число государств, вставших на антинаталистскую платформу, уже к середине 1970-х годов достигло 76 (таблица 5). Более того, некоторые государства де-факто начали осуществлять антинаталистскую политику, сохраняя официальную удовлетворенность темпом роста населения и заявляя о своем невмешательстве в репродуктивное поведение, либо осуществляя демографическую политику под рубрикой улучшения репродуктивного здоровья. Однако несмотря на крен в

---

¹⁴ В научной литературе и политическом дискурсе «антинатализм» обычно заменяется громоздкими эвфемизмами типа «стремление воздействовать на динамику населения» или «политика снижения рождаемости». По нашему мнению, термины «антинатализм» и «пронатализм» адекватно и четко отражают суть соответствующих позиций.

сторону программ репродуктивного здоровья¹⁵, непоследовательное сочетание громких антимальтузианских лозунгов или нейтралистских политических деклараций (с тем же антимальтузианским подтекстом) с прагматической антинаталистской политикой теряет популярность: число стран, не проводящих официальную демографическую политику, снизилась с 78 до 13.

Таблица 5. Распределение развивающихся стран по направлениям официально заявленной политики в отношении рождаемости, 1976-2015

	1976	1986	1996	2005	2015
Антинаталистская					
Африка	12	21	35	36	45
Азия	14	15	18	16	18
Латинская Америка	10	13	16	16	10
Невмешательство					
Африка	38	27	14	13	3
Азия	22	21	13	8	2
Латинская Америка	18	17	13	9	8
Пронаталистская					
Африка	4	6	5	5	6
Азия	10	10	15	22	26
Латинская Америка	2	0	1	5	12

Источник: [United Nations 2015].

При этом эрозия в прошлом преобладавшей группы «нейтралов» идет в двух направлениях: в сторону не только распространения антинатализма, но и экспансии пронатализма в Азии и Латинской Америке, где число государств, стоящих на этой позиции, выросло с 16 до 44. Рост пронатализма является следствием не разочарованности в результатах политики антинатализма, а напротив, ее успехов: в этих странах демографический переход завершился во многом благодаря успешной антинаталистской политике, но рождаемость «проскочила» порог простого воспроизводства или оказалась от него в неприемлемой близости. Таково положение, например, в Венесуэле, Вьетнаме, Китае, Иране, Малайзии, Республике Корея, Сальвадоре, Шри Ланке, ряде островных государств Карибского бассейна. Эволюция других латиноамериканских стран была иной. Демографический переход в Аргентине, Боливии, на Кубе, в Чили сопровождался позицией невмешательства государств, а когда рождаемость приблизилась к уровню простого воспроизводства или оказалась ниже его, эти государства склонились к пронатализму. Обычно пронаталистски настроенные страны (как развивающиеся, так и развитые) не могут похвастаться внятыми достижениями в области демографической динамики. Убедительно купировать или развернуть тренд снижения рождаемости не удастся: за период 1976-2015 гг. суммарный коэффициент в условиях пронатализма сократился, как и в «нейтральных» странах, на 1,9 ребенка на женщину (таблица 6). Официальное провозглашение цели снижения рождаемости означает, как правило, проведение последовательной и активной

¹⁵ Отсутствие международных стандартов классификации деятельности в этой области препятствует выяснению вопроса, отражает ли опережающий рост ассигнований на репродуктивное здоровье реализацию новых приоритетов в ущерб демографической политике или это статистический артефакт, обусловленный перекалфикацией отдельных сопрограмм и проектов.

политики по ее достижению. В странах, преследовавших цель снижения рождаемости, коэффициент суммарной рождаемости снизился в среднем за 1976-2015 гг. на 3,1 ребенка на женщину, т.е. на 60% больше, чем в странах-нейтралах и пронаталистах.

Во всей этой динамике большую роль играли позиция и политика Соединенных Штатов Америки в силу как их ведущей роли в политических взаимоотношениях Запада и Юга, так и веса в официальной помощи развитию. США стали адептом и проводником внутренне непротиворечивого и практически ориентированного подхода, в соответствии с которым быстрый рост населения тормозит экономическое развитие и дестабилизирует развивающиеся страны. Можно, конечно, просто приклеить к этому подходу ярлык неомальтузианства, но это само по себе его не отрицает, ибо существующая критика логически ущербна и практически деструктивна. К выработке этого подхода вел длинный и тернистый путь.

Таблица 6. Снижение суммарных коэффициентов рождаемости в десятилетних интервалах в зависимости от позиции 127 развивающихся государств в отношении рождаемости, 1976-2015 гг., невзвешенные средние

	1976-1986	1986-1996	1996-2005	2005-2015	1976-2015
Антинаталистская	0,9	1,0	0,7	0,5	3,1
Невмешательство	0,5	0,7	0,5	0,2	1,9
Пронаталистская	0,4	0,8	0,5	0,2	1,9

Источник: [United Nations 2015: FERT/4].

К концу 1950-х годов в научных кругах США победило мнение, что быстрый рост населения имеет больше негативных, чем позитивных последствий, снижение рождаемости является функцией социального прогресса, но процесс можно ускорить, проводя антинаталистскую политику, стержнем которой является обеспечение широкого доступа к эффективной контрацепции. Потребовалось полтора десятилетия, чтобы государство преодолело опасения, что политическая поддержка, финансовая и техническая помощь такой демографической политике будут восприняты в странах Юга как расовый империализм. Преодолению этих опасений способствовала как аналитическая работа различных правительственных органов (госдепартамента, Пентагона, Агентства международного развития, разведывательного сообщества), доклады комитетов и комиссий Конгресса и правительства¹⁶, так и уже начавшаяся деятельность американских частных фондов и неправительственных организаций.

Это экспертное сообщество апеллировало не только к возможности торможения демографического взрыва в развивающихся странах, но и к его полезности для национальной безопасности и геополитических интересов США. Логика состояла в том, что быстрый рост населения, высокая доля молодежи, интенсивные внутренние миграции и растущее стремление эмигрировать тормозят экономический рост и подрывают

¹⁶ Доклад Президентского комитета по военному сотрудничеству (1959 г.), доклад Комитета по усилению безопасности свободного мира (1963 г.), доклад ЦРУ о потенциальных последствиях мировых тенденций в населении, климате и производстве продовольствия (1974 г.), важнейший доклад Национального совета безопасности о последствиях роста мирового населения для безопасности и зарубежных интересов Соединенных Штатов (1974 г.) [United States National... 1974].

политическую стабильность в странах, в чьем развитии заинтересованы Соединенные Штаты. Демографическое давление особенно опасно в крупных странах-производителях минерального сырья, а также в государствах-стратегических союзниках, под которыми имелись в виду Бангладеш, Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, Колумбия, Мексика, Нигерия, Пакистан, Таиланд, Турция, Эфиопия и Филиппины. В то время эти страны обеспечивали половину глобального прироста населения. В более широком смысле быстрый рост населения создает угрозу глобальным экономическим, политическим и экологическим системам. Большое влияние на руководство страны оказал первый доклад Римскому клубу [Meadows et al. 1972; Meadows et al. 2004], в котором системно-динамический подход обнаруживает важнейшую роль демографического роста как разрушительной силы в мировом масштабе. Колебания были преодолены к Всемирной Конференции ООН по народонаселению (Бухарест 1974).

Достижение международного консенсуса по проблематике народонаселения развивающихся страны было очень желательным. Накал идеологических разногласий, хотя и не предотвращал, но серьезно затруднял не только международное сотрудничество в этой области, но и выработку глобальных стратегий социально-экономического развития. Вероятно, национальные программы и международное сотрудничество развивались бы и без общей платформы, объединяющей всех участников, поскольку и Запад, и Юг были заинтересованы в практическом решении проблем народонаселения Юга. Но универсальное, хотя бы рамочное, соглашение было нужно.

Начиная с середины 1960-х годов Организация Объединенных Наций стала наиболее авторитетной платформой обсуждения социально-экономических проблем демографической динамики развивающихся стран, содержания и детерминации демографического перехода. Организованные ООН глобальные межправительственные конференции по народонаселению (1974, 1984 и 1994 г.¹⁷) и полтора десятка региональных форумов позволили ввести эту проблематику в контекст мирового развития, прийти к существенным консенсусным формулировкам и легитимизовать антинаталистский подход и программы планирования семьи. Хотя в ретроспективе такая парадигма кажется естественной, а язык планов и программ действий, принятых на этих конференциях – бледным и неконкретным, без них демографическая проблематика долго оставалась бы вне мейнстрима девелопментализма, а важнейшие аспекты вмешательства в воспроизводство населения пребывали бы табуированными сюжетами. Пока консенсус «не дорос» до эксплицитного признания отрицательного баланса последствий быстрого роста населения в развивающихся странах. Однако принятые планы и программы действий, дискуссии на заседаниях, обмен мнениями на полях конференций подтачивали антимальтузианские стереотипы и способствовали продвижению в правительства развивающихся стран антинаталистских идей.

Одновременно развивалась практическая деятельность организации, в центре которой находится созданный в 1968 г. Фонд ООН по народонаселению (ЮНФПА) с мандатом оказывать развивающимся странам содействие в разработке и реализации

---

¹⁷ А также Конференция по правам человека (Тегеран 1968).

демографической политики с упором на программы планирования семьи. В этой и сопредельных областях работают также Всемирная организация здравоохранения, Детский фонд ООН, Фонд ООН по СПИДу (UN-AIDS), ООН-Женщины (UN-Women). Помощь ООН национальным программам демографической политики имела двойное значение. ЮНФПА оказывал решающее техническое и финансовое содействие на первых этапах разработки и функционирования программ планирования семьи, стал крупнейшим донором, канализующим более половины глобальных потоков международных ресурсов помощи этим программам. Менее явное, но не менее важное значение имела пропаганда, особенно среди правительств, еще не выбравших подход к демографическим проблемам к середине 1970-х годов.

ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ

Регулирование деторождения, которое позволяет добиться желаемого числа детей и интервалов между рожденьями, а также, в некоторых случаях, заданной гендерной структуры потомства – составляет суть планируемого родительства (внутрисемейного планирования рождаемости). Образование, занятость, урбанизация формируют потребность в детях, детская смертность формирует сознательное целеполагание и определяет разницу между этой потребностью и числом рождений, необходимых для ее удовлетворения. Люди реализуют свои репродуктивные стратегии посредством современной и традиционной контрацепции, аборт или абстиненции. В развивающихся странах, за исключением Китая, СНГ и еще нескольких стран, законодательство жестко ограничивает условия, при соблюдении которых государство разрешает аборт. В частности, почти повсеместно аборт не разрешается на основании экономических причин и, тем более, по простому требованию женщины.

Современная контрацепция дает возможность эффективно и дешево осуществлять репродуктивные планы. Однако не следует забывать, что современная контрацепция не является единственно возможным инструментом снижения рождаемости. В странах Севера контрацептивная революция [Вишневыи и др. 2017] скорее последовала за демографическим переходом, чем сделала его возможным. Вместе с тем в контексте демографической динамики глобального Юга контрацептивная революция произошла как нельзя более кстати, когда демографический взрыв был в полном разгаре. Контрацептивная революция 1960-1970-х годов породила набор высокоэффективных противозачаточных средств и методов и тем способствовала широкому распространению контрацептивного поведения, по существу неизвестного ранее. Не случись этой революции, снижение детской смертности могло бы затормозиться, а то и захлебнуться: увеличивающийся разрыв между реальным числом рождений и желаемым числом детей вылился бы в большую избирательность поведения в отношении детей различных очередностей, а также в рост использования традиционных неэффективных мер предупреждения беременности. Наряду с этим растущий дисбаланс между желаемым и действительным числом детей привел бы к еще большему ускорению демографического роста. До 1960-х годов регулирование деторождения, т.е. разведение сексуальной практики и рождаемости, если и осуществлялось, то с помощью презервативов (единственного в ту пору эффективного, но

для абсолютного большинства жителей развивающихся стран недоступного средства) и малоэффективными так называемыми традиционными способами, среди которых преобладали сексуальное воздержание (в том числе «календарный» метод) и *coitus interruptus*. Существовавшие тогда международные различия в использовании контрацепции были обусловлены в основном неодинаковой популярностью презервативов, в частности их большей распространенностью в Латинской Америке. В настоящее время в большинстве стран из практикующих контрацепцию 90% используют эффективные современные средства: противозачаточные таблетки, внутриматочные устройства (ВМУ), инъекции и стерилизацию, а также презервативы. Культурные особенности обуславливают различные предпочтения методов контрацепции. Так, в Северной Африке используются в основном противозачаточные таблетки, в Турции, Сингапуре и странах Южной Африки – презервативы, во Вьетнаме и Иордании – ВМУ, в Китае – стерилизация и ВМУ, в Индонезии и Кении – инъекции.

Использование контрацепции зависит от спроса и предложения медикаментов, приспособлений и процедур. Помимо фундаментальных факторов, о которых речь шла выше, спрос формируется осведомленностью о контрацептивных технологиях и их культурной приемлемостью. Контрацептивные средства должны быть доступны как по цене, так и по территориальной близости к их источникам. В развивающихся странах вообще и в их сельских поселениях в особенности располагаемые доходы и возможности рыночных механизмов в распространении современной контрацепции намного уступают развитым странам. Без целенаправленного вмешательства на макроуровне контрацептивная революция в странах Юга не состоялась бы. Это целенаправленное вмешательство было обеспечено национальными программами планирования семьи.

Программы планирования семьи обычно являются общегосударственными, но осуществляются пунктами медицинского обслуживания низшего звена или представляют собой сеть автономных центров и специализированных отделений в общих больницах. Программа предоставляет контрацептивные услуги и информирует население по всем связанным с контрацепцией вопросам, включая планируемое родительство, а также по проблематике народонаселения и устойчивого развития. Контрацептивные услуги включают индивидуальные консультации с целью осведомить клиентов об особенностях разных контрацептивных средств и методов временного и постоянного действия, их возможных побочных эффектах и альтернативах; стерилизации, имплантации и инъекции; периодическое предоставление противозачаточных средств разового действия. Программы планирования семьи создаются государствами в сотрудничестве с НПО, обычно – национальными членами Международной ассоциации планируемого родительства. Услуги предоставляются по сильно субсидируемым ценам или бесплатно. Большую, а часто решающую роль в распространении планируемого родительства играет официальная помощь развитию, предоставляемая по линии ЮНФПА или по каналам двусторонней помощи. В 1970-1980-х годах активную роль играл частный американский Фонд Форда, после Каирской Конференции 1994 г. крупным донором стал американский частный фонд Билла и Мелинды Гейтс.

В рамках Всемирной программы действий в области народонаселения (1994 г.), Декларации тысячелетия ООН и Повестки дня ООН в области устойчивого развития на

период до 2030 г. приоритетное внимание стало уделяться репродуктивному и сексуальному здоровью, а планирование семьи часто переформулируется как репродуктивные права. Это ведет, в частности, к интегрированию предоставления контрацептивных услуг в более масштабную деятельность. Интеграция позволяет объединить усилия персонала, преодолевая дефицит кадров и обеспечивая комплексное оказание медицинских услуг. Во многих случаях услуги оказываются в одном здании, одним медицинским учреждением и, как правило, одними и теми же сотрудниками этого учреждения. Вместе с тем интеграция может препятствовать концептуализации сокращения рождаемости в контексте развития, а также затрудняет оценку ресурсного обеспечения этой цели. Общенациональные инстанции планирования семьи (обычно – правительственные комиссии среднего иерархического уровня, редко – со статусом министерства) часто компенсируют эти тенденции, поддерживая антинаталистский характер программ планирования семьи.

Как правило, объектом программы планирования семьи является все население страны, в том числе сельское и бедное городское. В некоторых странах развитие сети центров планирования семьи начиналось не из столицы, а из сельских районов с самой высокой рождаемостью. Программы планирования семьи не только способствуют удовлетворению спроса на контрацепцию, но и помогают людям осознать нужность и осуществимость ограничения рождаемости, т.е. трансформируют латентный спрос в эффективный. Эта функция особенно важна в отсталых сельских районах, где единственным альтернативным каналом получения информации о современной контрацепции и образцом для подражания в новом типе репродуктивного поведения оказываются родственники и соседи, обратившиеся в новые центры планирования семьи. Еще одним важным принципом планирования семьи является добровольность участия в программе. Серьезные, но преодоленные, нарушения этого принципа на некоторых этапах развития демографической политики в Индии и Китае получили широкую известность, которая заслонила тот факт, что практически во всех остальных развивающихся странах никогда не было нареканий по этому вопросу.

Контрацепция стоит недорого, а ее гуманитарная ценность и экономическая эффективность высоки [Bongaarts, Siding 2009]. Так, предотвращение нежелательного рождения значительно дешевле, чем санитарная профилактика диареи или краткий курс химиотерапии при туберкулезе. Модернизация технологий и инфляция резко (в 7 раз в период 1995-2015 гг.) повысили среднюю цену контрацепции, но в абсолютном выражении она остается скромной. Однако не менее 330 млн людей ею не пользуются, потому что ни они сами, ни программы планирования семьи не обладают достаточными ресурсами. Годовые совокупные затраты на планирование семьи в развивающихся странах составляют, по примерной оценке, 12,4 млрд долл. Из этой суммы 8,5 млрд долл. представляют собой выплаты из семейных бюджетов, 3 млрд – внутренние ресурсы развивающихся государств и 0,9 млрд – международная двусторонняя и многосторонняя помощь (из 162 млрд долл. чистой официальной помощи развитию, предоставленной странами ОЭСР в 2014 г.). Большая часть ресурсов, поступающих из внутренних источников, приходится на несколько крупных стран. Многие страны, особенно страны Африки к югу от Сахары и наименее развитые страны, не в состоянии мобилизовать достаточные ресурсы для

финансирования своих программ и в большой степени зависят от донорской помощи. В 1960-1970-е годы абсолютное большинство программ (за ярким исключением Китая) не могло бы организовать эффективные программы без иностранной помощи. Полное удовлетворение потребностей в современных противозачаточных средствах обойдется в 9,4 млрд долл., не включая личные средства пользователей [Singh et al. 2014].

Планирование семьи обладает синергетическим эффектом, облегчая выполнение задач в области репродуктивного здоровья. Каждый доллар, израсходованный на противозачаточные средства, снижает стоимость ухода, связанного с беременностью, на полтора доллара. В развивающихся странах ежегодные 70-80 млн нежелательных беременностей приводят к 140-150 тыс. смертей женщин и 1,4 млн младенческих смертей в год, многие из которых программы планирования семьи могут предотвратить. В случае увеличения финансирования на 850 млн долл. в год программа поставок ЮНФПА могла бы предотвратить в 2016-2020 гг. 116 млн случаев нежелательной беременности и 2,2 млн случаев материнской и младенческой смертности [UNFPA 2014].

Таблица 7. Распределения стран по уровням и среднегодовым темпам прироста охвата контрацепцией в 1960-2010-х годах

	Темп прироста, п.п. в год			Охват контрацепцией (2010-е годы), %			
	Азия и Северная Африка	Латинская Америка	Африка к югу от Сахары	Азия и Северная Африка	Латинская Америка	Африка к югу от Сахары	Развитые страны
Минимум	0,0	0,0	0,0	18,8	2,0	1,7	7,0
1-й квартиль	0,6	0,4	0,4	34,6	48,5	11,5	44,4
Медиана	0,9	0,8	0,8	45,5	57,9	25,0	53,5
Средняя	0,8	0,9	0,6	46,8	64,0	18,5	61,4
3-й квартиль	1,3	1,2	1,2	57,0	71,8	33,5	70,1
Максимум	2,9	1,8	2,2	84,0	78,2	66,5	84,0
Число стран	41	25	45	47	28	47	33

Примечания: Охват контрацепцией оценивается как доля женщин (как правило, в возрасте 15-49 лет), состоящих в браке или незарегистрированном союзе и использующих современные методы контрацепции (или их партнеры используют контрацепцию), в общей численности таких женщин.

Темп прироста рассчитан как разница коэффициентов использования контрацепции на дату последнего и первого обследований, деленная на разность дат этих обследований. Этот подход оправдан, так как в абсолютном большинстве стран динамика использования контрацепции линейна. Обследования проведены в периоды 1968-1981 и 2000-2014 гг.

Источник: [United Nations 2016].

Начиная со второй половины 1960-х годов в азиатских и латиноамериканских странах стало быстро расширяться использование современных контрацептивных средств. Это не значит, что повсеместно охват современной контрацепцией начал расти одновременно или одинаково быстро, но полностью он стагнировал лишь в нескольких странах, в то время как в половине стран использование контрацепции увеличивалось не менее, чем на 0,8-0,9 п.п. в год, а в четверти стран быстрее, чем на 1,2 п.п. в год. К 2010-м годам латиноамериканский регион обогнал развитые страны по некоторым характеристикам распределения стран по уровню охвата современной контрацепцией (таблица 7). В большинстве стран Азии и Латинской Америки (разброс национальных

уровней показан в таб. 8) в целом завершен по меньшей мере первый этап распространения современной контрацепции (когда охват превышает 50%): там применяют контрацепцию соответственно 64 и 72% состоящих в браке или незарегистрированном союзе женщин детородного возраста; по развитым регионам в целом этот показатель составляет 70%.

Таблица 8. Уровень использования контрацепции и уровень рождаемости в некоторых развивающихся странах в 1960-1970-х и 2010-х годах

Страна ^a	Годы обследований		Охват контрацепцией ^b		Степень удовлетворения потребности ^c	Суммарный коэффициент рождаемости		Теснота связи ^d
	(1)	(2)	(1)	(2)	(2)	(1)	(2)	(2)
Азия								
Индия	1970	2007	10	48	64	5,6	2,8	-0,96
Индонезия	1973	2015	7	59	...	5,3	2,4	-0,98
Турция	1963	2013	7	47	60	6,1	2,1	-0,99
Китай	1982	2006	67	85	97	2,5	1,5	-0,90
Таиланд	1969	2012	15	77	89	5,8	1,5	-0,99
Латинская Америка								
Гаити	1977	2012	5	32	45	5,8	3,2	-0,99
Парагвай	1977	2008	23	71	84	5,2	2,9	-0,99
Эквадор	1979	2012	26	72	81	4,9	2,6	-0,97
Мексика	1976	2014	23	68	82 ^e	5,9	2,4	-0,99
Колумбия	1969	2009	9	73	84	5,8	2,0	-1,00
Африка								
Мали	1987	2012	5	10	27	7,2	6,4	-0,94
Нигерия	1981	2013	1	10	29 ^f	6,8	5,7	-0,84
Сенегал	1978	2015	1	21	46	7,5	5,0	-0,88
Судан	1978	2014	4	12	30	6,9	4,4	-0,92
Кения	1977	2015	4	60	75	7,7	4,3	-0,95

Примечания: (1) – первое обследование; (2) – последнее обследование.

^a – Страны отобраны таким образом, чтобы представлять большой, для соответствующих регионов, разброс охвата контрацепцией в годы обследований, проведенных позднее 2005 г.

^b – Охват контрацепцией оценивается как доля женщин (как правило, 15-49 лет), состоящих в браке или незарегистрированном союзе и использующих контрацепцию, в общей численности таких женщин.

^c – Степень удовлетворения потребности в современной контрацепции оценивается как доля женщин (как правило, 15-49 лет), состоящих в браке или незарегистрированном союзе и использующих контрацепцию, в общей численности женщин, состоящих в браке или незарегистрированном союзе и желающих использовать контрацепцию (в %).

^d – Коэффициент линейной корреляции между динамикой охвата контрацепцией и динамикой суммарного коэффициента рождаемости, по странам (6-25 наблюдений по стране).

^e – 2009 г.

^f – 2011 г.

Источник: [United Nations 2016].

Вместе с тем в обоих регионах есть отстающие страны. Если в Китае применяют современную контрацепцию 84% женщин (уровень так же высок только в Великобритании), то в Афганистане, Ираке, Йемене, Камбодже и Пакистане уровень применения контрацепции ниже 30%. В Латинской Америке и Карибском бассейне уровень применения противозачаточных средств варьируется от 30% на Гаити до 75% в Бразилии и на Кубе. Африка отстала в использовании современной контрацепции: на континенте ей охвачено лишь 20% замужних женщин детородного возраста, причем контрацепция используется на континенте особенно неравномерно. Контрацептивная революция

началась там на 2-3 десятилетия позднее, чем в Азии, и далеко продвинулась лишь в Северной и Южной Африке, где от половины до двух третей женщин применяют контрацепцию, а в четверти стран к югу от Сахары охват не превышает 10%. В некоторых южноафриканских странах борьба с эпидемией ВИЧ/СПИДа привела к росту использования презервативов, что дало не только профилактический, но и контрацептивный эффект. В Восточной, Западной и Центральной Африке контрацепция распространяется намного медленнее, уровень ее использования во многих странах остается очень низким, а темпы роста намного меньше, чем в Азии и Латинской Америке. Динамика использования контрацепции в Африке говорит о том, что на континенте в целом она не соответствует требованиям модернизации репродуктивного поведения. Трудно определить, в какой мере это результат сохраняющихся массовых установок на многодетность, обусловленных высокой младенческой и детской смертностью, традиционностью рынка труда, низким образовательным уровнем и низким уровнем урбанизации, а в какой – неразвитостью и бедностью национальных программ планирования семьи, однако ясно, что все эти факторы релевантны.

Там, где распространенность контрацепции растет, рождаемость снижается. Существование этой зависимости оспаривалось, но возражения исчерпывающе опровергли Бонгаартс и Синдинг [Bongaarts, Sinding 2009]. Таблица 8 показывает исключительно тесную корреляцию между хронологическими рядами охвата контрацепцией и суммарной рождаемостью в 15 различных по демографическим условиям странах Азии, Латинской Америки и Африки. Кроме того, коэффициенты корреляции превышают 0,90 в 59 странах, не приведенных в таблице 8, для которых существуют временные ряды с более чем 5 наблюдениями. В поперечном срезе последних оценок использования контрацепции по 77 развивающимся странам коэффициент их корреляции с суммарной рождаемостью (в те же годы) составляет 0,87.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ

За полвека в воспроизводстве населения большинства развивающихся стран произошли тектонические сдвиги: многократно снизилась детская смертность, радикально изменилось репродуктивное поведение, отгремел и затихает демографический взрыв. Главной нынешней характеристикой мирового населения является разнообразие этапов демографического перехода и, соответственно, темпов роста населения. В развитых странах он завершился несколько десятилетий назад, численность населения «золотого миллиарда» почти стабилизировалась на уровне 1,3 млрд человек при среднегодовом естественном приросте в 1 млн человек, а через 5 лет начнет убывать. Китай прошел демографический переход позже, но намного быстрее, почти сравнялся по численности населения с глобальным Севером. Поскольку рождаемость в Китае значительно ниже уровня простого воспроизводства населения, затухающий рост населения через 3-10 лет сменится устойчивым сокращением и по среднему варианту демографического прогноза ООН к концу века население страны уменьшится на 400 млн человек или на 30% от максимальной численности. В другом демографическом гиганте – Индии – рождаемость пока значительно

выше, в результате чего население в течение полувека будет расти, пока не достигнет 1,7 млрд человек (на 1/3 больше, чем в Китае).

Многие другие развивающиеся страны Азии и Латинской Африки уже прошли весь демографический переход. Когда выработается демографический потенциал, их ожидает либо нулевой, либо умеренно-отрицательный рост населения, а там, где снижение рождаемости было особенно быстрым и глубоким, развернется депопуляция. Все больше развивающихся стран «не останавливаясь» переходят Рубикон простого замещения поколений: в 2005 г. их было 28, а в 2015 г. – уже 43. В азиатских, латиноамериканских и североафриканских странах, находящихся в промежуточных фазах демографического перехода, динамика населения будет, вероятно, по форме схожей, но сдвинутой во времени на несколько десятилетий.

Таким образом, рост совокупного населения этих регионов (не включая Китай и Индию), проходящих (за исключением нескольких азиатских наименее развитых стран) или завершивших демографический переход, продолжится еще полвека. Если сейчас в этих странах проживают 2,5 млрд человек (в 1950 г. было 0,6 млрд), то к 2070 г. совокупная численность их населения достигнет 3,4 млрд человек, а затем несколько (на 100 млн человек) снизится к концу века (рисунок 3).

Демографический переход, являясь важнейшим компонентом модернизации, в целом благоприятствует социальному развитию и экономическому росту. Между тем его конкретные последствия зависят от конкретной социально-экономической среды. Так, в «азиатских тиграх» глубокая и масштабная перестройка репродуктивного поведения началась до старта бурного экономического роста. Сам по себе демографический переход вряд ли был триггером экономического чуда, но быстрое замедление роста населения способствовало прогрессу, в особенности накоплению человеческого капитала. В частности, замедление темпов роста континентов школьного возраста, их стабилизация, а тем более сокращение способствует росту охвата обучением и повышению удельных капиталовложений. Преходящее значительное увеличение доли образованной молодежи в населении в сочетании с благоприятным рынком труда стало фактором экономического роста, получившим название «демографический дивиденд». Между тем положительное действие такого возрастного сдвига не гарантировано – оно обусловлено социально-экономической моделью, в том числе устройством государства и его политикой. В ряде стран Западной Азии и Северной Африки как раз быстрый рост численности и увеличение удельного веса молодежи, в особенности ее образованной части, при высоком уровне безработицы и блокированной вертикальной мобильности питали социальную напряженность и способствовали смене политических режимов в ходе Арабской весны, что, правда, пока не привело к разрешению противоречия, поскольку экономические проблемы не только не были решены, но даже усугубились.

В глобальном масштабе завершению демографического перехода препятствует Африка к югу от Сахары. Африка из относительно малонаселенного континента превратилась в демографического гиганта, количественно сравнимого с «золотым миллиардом». Большинство стран региона находятся лишь в начальной стадии демографического перехода, а в некоторых снижение рождаемости с очень высоких

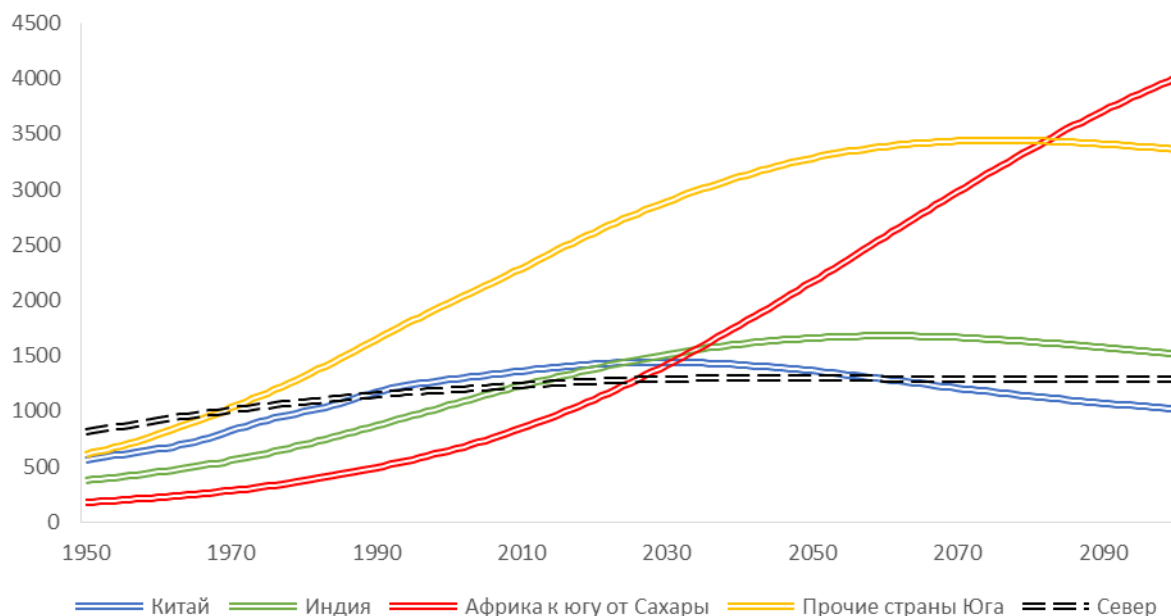
уровней еще не началось. В настоящее время средний уровень рождаемости в регионе чуть меньше 5 детей на женщину, но в 19 странах из 50 суммарный коэффициент превышает 5, в том числе в 7 странах он больше 6 детей на женщину. Высокая рождаемость уже обусловила опережающий рост населения региона, которое в период с 1950 г. увеличилось со 180 млн до миллиарда человек. По среднему варианту прогноза ООН суммарная рождаемость в регионе снизится к середине столетия до 3,1 ребенка на женщину, а к концу – до 2,2. Такая траектория соответствует более медленному падению рождаемости, чем это имело место в прошлом в других развивающихся регионах, но все же предполагает завершение демографического перехода в интервале 85-90 лет. Однако огромный потенциал роста, заложенный в очень молодой структуре населения (что в свою очередь является результатом длительного сохранения высокой рождаемости при снижающейся смертности), предопределяет гигантский прирост населения, которое к концу столетия по среднему варианту прогноза ООН достигнет почти 4 млрд человек (таково было население всего мира в 1974 г.). Нынешняя роль Африки к югу от Сахары в мировой демографической динамике намного усилится. Если сейчас этот регион обеспечивает 1/3 прироста мирового населения, то к концу века он будет перекрывать депопуляцию остального мира и обеспечивать прирост мирового населения на 13-16 млн человек в год.

Даже у «антимальтузианцев» и «пролайферов» такая перспектива должна вызывать опасения. Понятно, что если рождаемость будет по-прежнему сокращаться медленно, бремя быстрого роста населения будет по-прежнему тормозить экономический рост. При типичной для Африки неразвитости факторов производства и запутанности социокультурных ограничений трудно надеяться на экономический бум масштабов, достаточных для многократного увеличения емкости среды обитания. И это – линейная экстраполяция, в то время как вполне возможны перерывы постепенности – локальные кризисы и многоуровневые катастрофы. Это превращает ускорение демографического перехода в приоритет.

В центре демографической проблемы Африки к югу от Сахары находится Нигерия – крупнейшая страна региона (рисунок 4). При мало изменившейся рождаемости и сократившейся смертности ее население выросло с 38 млн человек в 1950 г. до 192 млн в 2017 г. В соответствии со средним вариантом прогноза ООН, исходящим из предположения, что рождаемость будет постепенно сокращаться такими же темпами, которые в среднем были свойственны развивающимся странам на сходных этапах демографического перехода, суммарный коэффициент снизится с нынешних 5,7 детей на женщину до 3,6 в середине столетия и 2,3 в его конце. По такому сценарию к середине XXI века Нигерия по численности населения сравняется с США, а к концу столетия в стране будет больше 750 млн жителей, что эквивалентно 60% общего числа жителей развитых стран. Маловероятно, что даже поддержание достигнутого в последнее время динамичного экономического роста окажется достаточным для обеспечения жизнедеятельности такого количества людей.

Низкий вариант прогноза по Нигерии, в соответствии с которым суммарная рождаемость будет снижаться ненамного быстрее и к концу века окажется на уровне 1,8 детей на женщину, приводит к численности населения в 2100 г. в 540 млн человек, что наполовину меньше, чем в среднем варианте прогноза, но все же почти на 90 млн человек

больше, чем ожидаемое население США. Таким образом, узкая вилка суммарных коэффициентов рождаемости в конце прогнозного периода (0,5 детей на женщину) обуславливает 210-миллионную разницу в численности населения. Это является следствием длительного сохранения высокой рождаемости, создавшей огромный демографический потенциал.

Рисунок 3. Численность населения некоторых стран и регионов в 1950-2015 гг. (оценка) и 2016-2100 гг. по среднему варианту прогноза ООН, млн человек

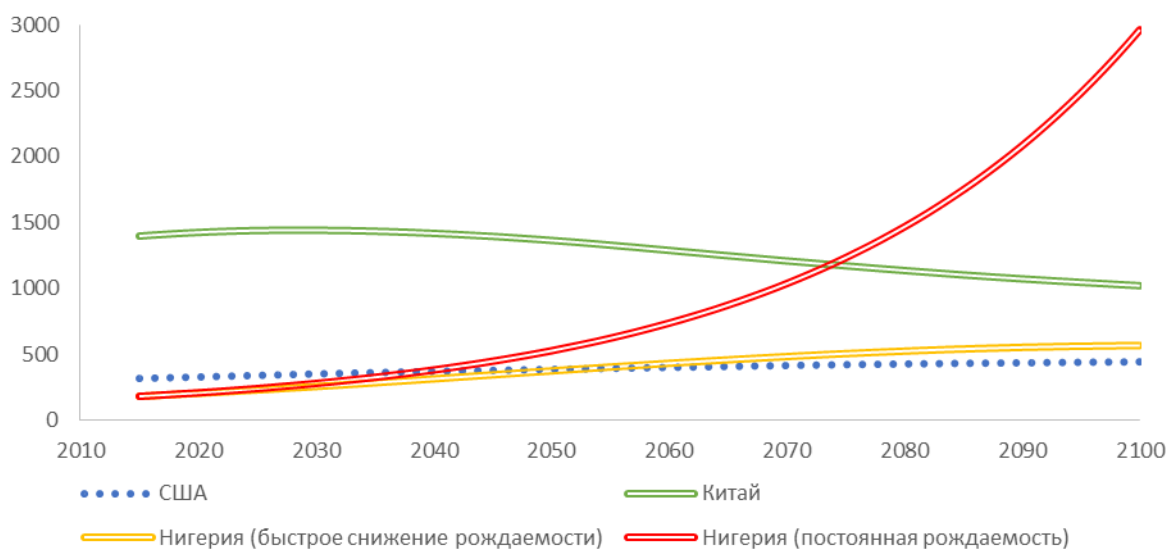
Источник: [United Nations 2017].

Если же предположить, что рождаемость сохранится на нынешнем уровне, то население страны экспоненциально возрастет до почти 3 млрд человек. Такой сценарий может показаться не имеющей отношения к действительности иллюстрацией общеизвестных демографических формул. Однако было бы заблуждением уповать на адаптационные механизмы, которые как-нибудь разрешат проблему, своевременно обрушив рождаемость. Приходится признать, что вполне вероятно появление разнообразных мальтузианских ловушек невиданных масштабов.

Демографическая проблема в Нигерии и соседних странах объективно существует и в будущем непременно обострится. Страна не может позволить себе пренебрежение своим демографическим будущим. Не обязательно ждать до конца столетия, чтобы быстрый рост населения самой крупной африканской страны породил хронический дефицит доступного продовольствия, потоки беженцев и вынужденных переселенцев, болезненную урбанизацию, пандемии смертоносных болезней, безработицу большинства трудоспособного населения, дополнительную нагрузку на госбюджет и сокращение возможностей человеческого и инфраструктурного развития. Понятно, что такие последствия не могут не подорвать экономическую и политическую стабильность страны, остановить, а то и повернуть вспять, ее развитие. Более того, демографическое будущее

Нигерии станет серьезным вызовом международной безопасности, если не удастся решительно ускорить демографический переход.

Можно не соглашаться с «демографическим детерминизмом», утверждая, что эти несчастья обусловлены политэкономическими и политическими причинами и дефицитом ресурсов вследствие колониального ограбления и неоколониальной эксплуатации. Но было бы странно отрицать, что быстрый рост населения в условиях отсталости является линзой, усиливающей практически все проблемы. Быстрый рост населения способствует относительному перенаселению, которое проявляется в распространении трущоб, растущем давлении на миграционный клапан, расшатывающих государство массовых волнениях и росте его агрессивности. Внутреннее давление может спонтанно и неуправляемо открыть клапан эмиграции, увеличив ее объем на порядок по сравнению с нынешним уровнем; куда и в какой форме направятся эти потоки, приходится только гадать. Может оказаться, что сопоставимые объемы иммиграции понадобятся постпереходным странам, чтобы компенсировать демографически обусловленное сокращение национальных трудовых ресурсов [Ivanov 2010]. Чтобы механизм сообщающихся сосудов не создал больше проблем, чем разрешит, нужна взаимная адаптация мигрантов и принимающих обществ, но практика показывает, что это часто не получается и с нынешними потоками эмиграции с Юга на Север.

Рисунок 4. Прогноз численности населения США (средний вариант), Китая (средний вариант) и Нигерии (сценарий быстрого снижения рождаемости¹⁸ и сценарий постоянной рождаемости¹⁹), 2016-2100 гг., млн человек

Источник: [United Nations 2017: Pop/I-1].

Возможно ли радикально ускорить демографический переход? Исторический опыт дает утвердительный ответ на этот вопрос. Так, суммарный коэффициент рождаемости в

¹⁸ Снижение суммарной рождаемости до 3,1 детей на женщину в 2045-2050 гг. и 1,8 детей на женщину в 2095-2100 гг.

¹⁹ Суммарная рождаемости на уровне 5,7 детей на женщину.

Алжире снизился с 6,8 в 1980 г. до 2,5 в 2000 г., в Иране – с 6,5 в 1982 г. до 2,0 в 2002 г. Причины столь быстрого снижения рождаемости в этих странах, и к тому же в весьма разных социальных условиях, исследованы недостаточно, но они включают быстрое снижение детской смертности и рост образовательного уровня. Уже можно сказать, что детская смертность в Нигерии снизилась до уровня, находящегося в пределах диапазона, характерного для Алжира и Ирана в то время, когда рождаемость начала там быстро снижаться (115 в 2015 г.).

Планирование семьи является рычагом, способным отчасти компенсировать недоразвитость других факторов демографического перехода. Контрацепция мало распространена в Нигерии (коэффициент охвата 10%); в Алжире и Иране на старте быстрого падения рождаемости уже более четверти женщин использовали контрацепцию (в основном для управления календарем рождений), а к началу 2000-х годов охват увеличился до 50-60%. Стал хрестоматийным пример Бангладеш, где сочетание быстрого снижения детской смертности с хорошо продуманной программой планирования семьи позволило в течение двух с половиной десятилетий снизить рождаемость вдвое, несмотря на неблагоприятный социально-экономический фон этой многонаселенной страны, входящей в группу наименее развитых стран мира.

Демографическая политика обладает большим потенциалом снижения рождаемости и предоставляет апробированные технические решения. Как показывает практика, мощные и универсальные программы планирования семьи могут инициировать контрацептивную революцию, которая реализует нарождающуюся потребность к ограничению числа детей в семье. На фоне своего региона Нигерия – богатая страна (ВВП на душу населения 2,5 тыс. долл. в постоянных ценах 2010 г.), хотя и с волатильной экономикой. Поступления в госбюджет из нефтяных доходов достаточны для финансирования широкомасштабной демографической программы без привлечения международных источников, отсутствует лишь политическая воля.

Образовательный уровень населения в Нигерии низок. Поскольку наиболее релевантные показатели образования не обеспечены данными по стране, приходится обратиться к информации о начальном образовании. Динамика охвата начальным образованием прерывиста: за 40-летний период численность учеников начальной школы росла в течение 31 года со средней скоростью 1,5 млн в год, а в течение 9 лет снижалась в среднем на 0,8 млн в год. В результате в стране далеко не обеспечивается охват обязательным начальным образованием. В то время как в Алжире и Иране достигнуты близкие к полному уровни охвата начальным образованием, в Нигерии около 20% детей не ходят в начальную школу, причем в течение последних 10-15 лет положение стагнирует. Как и в других странах, уровень образования является очень сильным предиктором рождаемости: женщины с начальным образованием имеют 6,1 ребенка, со средним – 4,6, а с образованием выше среднего – 3,1 ребенка [National Population ... 2014], но уровень образования выше начального редко встречается даже в городах и тем более в сельской местности. Распространение образования является одной из фундаментальных функций государства. Уже в силу этого и несмотря на бюджетные и кадровые ограничения рост образовательного уровня является эксплицитной и достижимой целью. Хотя деятельность в этой области никогда явно не формулируется как инструмент демографической политики,

она имеет выраженное воздействие на репродуктивное поведение. Осознание серьезности демографической ситуации может вызвать повышение приоритетности вложений в образование.

В Африке к югу от Сахары родственные связи имеют важные для деторождения особенности. Родственники, в том числе дальние, являющиеся членами других домохозяйств и даже проживающие в других населенных пунктах, принимают активное и трудоемкое участие в уходе и воспитании детей, которые подчас годами живут в их семьях. Эта система ослабляет ресурсные ограничения детности и препятствует снижению рождаемости. Специально изменить ее нельзя ни технически, ни из-за политических соображений. Вероятно, урбанизация является необходимым и достаточным условием перехода к полностью нуклеарной семье. Подстегнуть урбанизацию могут позитивные и негативные факторы: ускорение роста городской экономики или рост аграрного перенаселения. Понятно, что первый путь предпочтительнее, но мальтузианские связи могут формировать второй. В любом случае управляемость урбанизацией невелика, следовательно, она вряд ли может быть инструментом антинаталистской политики.

Итак, в большей части развивающегося мира демографический взрыв отгремел, хотя абсолютные приросты населения во многих странах некоторое время еще будут увеличиваться. За исключением некоторых азиатских стран, демографический переход завершен или близок к завершению. Во многих странах сложился тип демографического поведения, не обеспечивающий воспроизводства населения; число таких стран растет. Вслед за развитыми странами Севера в одних таких развивающихся странах совсем скоро, в других несколько позже начнется убыль населения. Формируется группа развивающихся стран, где в повестку дня входит пронатализм. Демографический переход стал благом для Азии и Латинской Америки. Замедление роста населения через множество механизмов благоприятствовало экономическому росту и прогрессивным социальным преобразованиям. В Африке к югу от Сахары пробуксовывание демографического перехода усугубило и так чрезвычайно трудные проблемы национального развития.

Будущее африканских стран многовариантно, т.е. не полностью запрограммировано прошлой динамикой. Оно будет в большой мере определяться динамикой рождаемости, вектором и темпом модернизации. Даже «низкие» варианты демографического прогноза предполагают быстрый рост населения до конца столетия, а «верхние» вызывают опасения деструктивных социальных, экономических, экологических и политических последствий. Конечно, нельзя исключать, что модернизация в африканском контексте и в африканских формах может решительно ускорить демографический переход, а экономика, природные ресурсы и социальная среда смогут-таки абсорбировать длительный быстрый рост населения. В пользу этой перспективы говорит то, что к концу столетия, несмотря на огромный прирост населения в Африке к югу от Сахары, его плотность лишь достигнет нынешнего значения этого показателя по Западной Европе (в Нигерии – ненамного превысит). Но приходится признать, что кроме этого механистичного аргумента в пользу расхожего «антимальтузианского» подхода можно мало что предложить, по меньшей мере пока.

ЧЕГО МЫ НЕ ЗНАЕМ О ПЕРЕХОДЕ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В обширной литературе о демографических процессах в странах Юга остаются значительные лакуны. Мало разработаны вопросы о том, как ускорить переход там, где это нужнее всего, и что произойдет, если этого не сделать. В 1970-е годы Отдел народонаселения Секретариата ООН готовил пионерские и вместе с тем всеобъемлющие публикации по этой проблематике [United Nations 1973], но с тех пор, отчасти из-за отсутствия политического заказа, а также потому, что за последние полвека в мире появилось множество высококвалифицированных исследовательских центров, работа в этой области практически прекратилась, а ограниченные ресурсы направляются в маргинальные, не имеющие практического значения проекты вроде анализа межпоколенных потоков ресурсов в самых развитых странах Юга, где демографический переход давно завершен: такие проекты дают тривиальные и практически незначимые результаты. Вместе с тем Отделом народонаселения разработаны и систематически обновляются релевантные глобальные базы данных по мировым демографическим оценкам и прогнозам, рождаемости, брачности, контрацепции и международным миграциям. Особенно важные вопросы находятся на пересечении системной и факторной теорий перехода, которые, повторим, в принципе не противоречивы, а взаимодополняемы. Стабилизация мирового населения если и произойдет, то очень и очень нескоро. Этому будут предшествовать длительный демографический взрыв в Африке к Югу от Сахары, депопуляция глобального Севера и сокращение численности населения ряда развивающихся стран, в том числе Китая. Ускорение демографического перехода в Африке – нетривиальная задача: для ее решения необходимо стимулировать сокращение детской смертности и сделать контрацепцию доступной всем и везде. Конечно, можно подступаться к этим задачам одновременно, главным образом потому, что программы планирования семьи дешевы. Однако следует иметь в виду, что есть пороги выживаемости детей, до достижения которых эффект таких программ будет невелик. Экстраполяция в будущее прошлых трендов снижения детской смертности должна инкорпорировать наблюдение о меньшей, по крайней мере в прошлом, роли родителей в этом процессе. Кроме этого, специфически африканские традиционные институты семьи являются мощным и резистентным препятствием трансформации репродуктивного поведения, особенно в сельской местности. Необходимо также добиться решительного прорыва в охвате образованием, в особенности среднего уровня. Между тем некоторые страны Африки к югу от Сахары попали в мальтузианскую западню: быстрый рост населения тормозит социально-экономическое развитие, без которого невозможно ускорение демографического перехода. Может ли в этих условиях восстановиться равновесие и какой ценой; каковы должны быть глобальные механизмы адаптации к быстрому росту населения в одном регионе; насколько и для кого станут приемлемыми такие механизмы в будущем – эти системные вопросы только начинают осознаваться, хотя это будущее уже наступило.

Необходимость интеграции системно-динамического подхода с многофакторными моделями репродуктивного поведения не исчерпывается проблематикой переходного периода. Обширная литература о постпереходной рождаемости, в том числе о втором демографическом переходе, освещает более тонкую и, что еще важнее, новую структуру детерминации репродуктивного поведения. Однако однозначно понятного здесь не больше,

чем еще не понятого. Меньшее понимание того, что происходит дома, чем процессов за океаном, имеет гносеологические корни. Резко уменьшается размах рождаемости: так, в группе постпереходных стран суммарная рождаемость колеблется от 1,1 детей на женщину на Тайване (1,3 в Китае, Боснии и Герцеговине, Греции, Испании, Молдавии и Португалии) до 2,0 в Новой Зеландии, в то время как в переходных и допереходных – от 2,1 в 10 развивающихся странах (включая Азербайджан, Малайзию, Турцию и Шри Ланку) до 7,4 в Нигере. При этом детерминация усложняется: увеличивается число потенциально важных, но трудноизмеряемых факторов. В постпереходных популяциях рождаемость полностью «отрывается» от детской смертности, а ее детерминация усложняется, включив новые факторы, часть которых плохо поддается измерению. Такая ситуация питает, в частности, разногласия о том, может ли вмешательство государства (в том числе, но не только, в форме демографической политики) развернуть тренд рождаемости. Еще меньше ясности по вопросу о принципиальной достижимости возвращения на заветный уровень 2,1 детей на женщину, не говоря о том, что дальнейшее старение населения вследствие увеличения продолжительности жизни потребует еще более высокой рождаемости.

В постпереходных странах достижение демографического равновесия предполагает перелом прошлой генеральной тенденции снижения рождаемости. При этом ее повышение до заветного уровня (2,1 детей на женщину) не гарантирует стабилизацию: если смертность продолжит сокращаться, то продолжится и старение населения, а с ним и рост числа смертей. С другой стороны, начинает осознаваться новая системная проблематика: какова будет репродуктивная реакция индивидов на длительную депопуляцию; сложится ли механизм популяционной адаптации или общество выработает другие адаптационные стратегии. Эта проблематика уже актуальна и надолго останется перспективной.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневский А., Б. Денисов, В. Сакевич (2017). Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение 1: 6-34. URL: <https://demreview.hse.ru/2017--1/206922700.html> (дата обращения: 01.04.2017).
- Вишневский А.Г. (2005). Демографическая революция. // А.Г. Вишневский. Избранные демографические труды. 1. Демографическая теория и демографическая история. М.: Наука: 3-214. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/dem_revol/dem_revol.html (дата обращения: 15.05.2016).
- Вишневский А.Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. (1)1: 6-33. URL: <https://demreview.hse.ru/2014--1/120991102.html> (дата обращения: 18.09.2016).
- Демографическая модернизация России (2006). / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое Издательство. 602 с.
- Иванов С. (1982). Развивающиеся страны: демографический взрыв. М.: Знание. 64 с.
- Иванов С. (2010). Демографические факторы изменения климата // Сперо. 13: 11-118. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N13_2010_08.pdf (дата обращения: 02.03.2016).

- Иванов С. (2011). Снижение рождаемости в странах Юга: политика вокруг политики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 12: 565-582. URL: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834710.html> (дата обращения: 02.03.2016).
- Иванов С. (2013). Демография современного мира // Мировая экономика в начале XXI века / Под ред. А. Автономова, А. Бугрова, Л. Григорьева, С. Караганова, Е. Хесина. М.: ДиректМедиа: 336-373.
- Иванов С. (2015). Проблемы народонаселения в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах / Под общ. ред. И.С. Иванова. П. М.: Российский Совет по международным делам: 854-875.
- Иванов С. (2017). Демографический взрыв: динамика, проблемы, решения // Мировая экономика и международные отношения. 61(7): 15-26.
- Омран А.Р. (1977). Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / Под ред. Д.И. Валентея, А.П. Судоплатова. М.: Прогресс: 57-91.
- Bongaarts J., S.W. Sinding (2009). A response to critics of family planning programs // International perspectives on sexual and reproductive health. 33 (1). URL: <https://www.guttmacher.org/journals/ipsrh/2009/03/response-critics-family-planning-programs> (дата обращения: 15.03.2017).
- Caldwell J. (1982). Theory of fertility decline. London: Academic press. 306 p.
- Caldwell J. (2001). The globalization of fertility behavior // Global fertility transition, supplement to population and development review. 27: 93-115.
- Caldwell J.C. (1980). Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // Population and development review. 6(2): 225-255.
- Dickeman M. (1975). Demographic consequences of infanticide in man // Annual Review of Ecology and Systematics 6: 100-132.
- Galway K., B. Wolff, R. Sturgis (1987). Child survival: risks and the road to health. Report prepared by the Institute for resource development for the U.S. Agency for international development. 93 p.
- Heer D.M., H.J. Wu (1975). The separate effects of individual child loss, perception of child survival and community mortality level upon fertility and family planning in rural Taiwan with comparison data from urban Morocco // CICRED Seminar on Infant mortality in relation to the level of fertility (Thailand, Bangkok, 6-12 May, 2001). Paris: CICRED: 203-229.
- Hirschman C. (1994). Why fertility changes // Annual review of sociology. 20: 203-233.
- Horlacher D., S. Ivanov, A. Kvasha, R. Salas, A. Sudoplatov, D. Valentei (1986). Population and socio-economic development / R. Salas, D. Valentei, eds. Moscow: Progress publishers. 187 p.
- Ivanov S. (1982). Razvivayushchiesya strany: demograficheskiy vzryv [Developing countries: the population bomb]. Moscow: Znanie. 64 p.
- Ivanov S. (2010). Demographic and economic factors of labour supply: long-term projections and policy options for France, Germany, Italy and the United Kingdom // Vienna yearbook of population research. URL:

- http://www.oeaw.ac.at/vid/publications/VYPR2009/abstract_ivanov_demographic_and_economic_factors.html (дата обращения: 01.07.2016).
- Jejeebhoy S.J. (1998). Women's education, autonomy and reproductive behaviour: experience from developing countries. Oxford : Clarendon press. 306 p.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11): 2-39.
- Landry A. (1936). La révolution démographique : Études et essais sur les problèmes de la population. Paris : INED-presses Universitaires de France. URL: https://books.google.ru/books?id=NxW2ajK9hGEC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 02.09.2016) (дата обращения: 12.12.2016).
- Lloyd C.B., C.E. Kaufman, P. Hewett (2000). The spread of primary schooling in Sub-Saharan Africa: implications for fertility change // *Population and development review*. 26(3): 483-515.
- Lloyd C.B., S. Ivanov (1988). The effects of improved child survival on family planning practice and fertility // *Studies in family planning*. 19(3): 141-162.
- McNicoll (1986). Adaptation of social systems to changing mortality regimes. Consequences of mortality trends and differentials // *Population studies*. 95: 13-19.
- Meadows D.H., D.L. Meadows, J. Randers, W.W. Behrens III (1972). The limits to growth: a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. Washington D.C.: A potomac associate book. 205 p. URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 02.04.2016).
- Meadows, D.J. Randers, D. Meadows (2004). A synopsis: limits to growth: the 30-year update. White river junction: Chelsea green publishing. URL: <http://donellameadows.org/archives/a-synopsis-limits-to-growth-the-30-year-update/> (дата обращения: 25.08.2017).
- Montgomery M.R., C.B. Lloyd (1999). Excess fertility, unintended births, and children's schooling // *Critical perspectives on schooling and fertility in the developing world* / C.H. Bledsoe, J. Casterline, J.A. Johnson-Kuhn, J.G. Haaga, eds. Washington, DC: The National Academies press: 216-266.
- Montgomery M.R., M. Arends-Kuenning, C. Mete (2000). The quantity-quality transition in Asia / C.Y. Cyrus Chu, R. Lee, eds. // *Population and economic change in East Asia*. Supp. to *Population and development review*. 26: 223-256.
- National Population Commission - Nigeria and ICF International (2014). Nigeria demographic and health survey 2013. Abuja, Nigeria, and Rockville, Maryland, USA: NPC and ICF International. 538 p. URL: <https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR293/FR293.pdf> (дата обращения: 10.05.2017)
- Notestein F. (1945). Population – the long view // *Food for the world* / T.W. Schultz, ed. Chicago: Chicago university press: 37-57.
- Park C.B., S.H. Khan, M.K. Choe (1979). The effect of infant death on subsequent fertility in Korea and the role of family planning // *American journal of public health*. 69: 557-565.
- Preston S. H. (1980). Causes and consequences of mortality declines in less developed countries during the twentieth century // *Population and economic change in developing countries* / R.A. Easterlin, ed. University of Chicago press: 289-360. URL: <http://papers.nber.org/books/east80-1> (дата обращения: 25.05.2017).

- Preston S.H. (1978). Introduction // The effects of infant and child survival on fertility / S.H. Preston, ed. New York: Academic press: 4-20. review of ecology and systematics. 6: 100-132.
- Rizk I.A., C.S. Stokes, M.R. Nelson (1982). The influence of individual and community-level child mortality on fertility in Egypt // Studies in comparative international development. Summer: 17(2):74-86.
- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // Population and development: the search for selective interventions / R.G. Ridker, ed. Baltimore: Johns Hopkins university press: 239-289.
- Scrimshaw S.C.M. (1983). Infanticide as deliberate fertility regulation // Determinants of fertility in developing countries / R.A. Bulatao, R.D. Lee, eds. 2. New York: Academic press: 245-266.
- Shorter E. (1977). The making of the modern family. New York: Basic books. 369 p.
- Singh C., J.E. Darroch, L.S. Ashford (2014). Adding it up: the costs and benefits of investing in sexual and reproductive health 2014. Guttmacher Institute. URL: <https://www.guttmacher.org/report/adding-it-costs-and-benefits-investing-sexual-and-reproductive-health-2014> (дата обращения: 10.06.2017).
- Thompson B. (1975). Some demographic factors illustrated in a Gambia village // Population growth and socio-economic change in West Africa / J. Caldwell, ed. New York: Columbia university press: 516-526.
- Thompson W. (1929). Population // American journal of sociology. 34(6): 959-979.
- UNFPA (2014). United Nations Population Fund. UNFPA Global interventions and action plan, 2014-2017. New York: UNFPA.
- United Nations (1973). Determinants and consequences of population trends: new summary of findings of interaction of demographic, economic and social factors. New York: United Nations.
- United Nations (1987). Family building by fate or design. A study of relationships between child survival and fertility. ST/ESA/SER.R/74
- United Nations (2003). Partnership and reproductive behaviour in low-fertility countries.
- United Nations (2015). World population policies database. URL: https://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (дата обращения: 12.06.2017).
- United Nations (2016). World contraceptive use 2016 (POP/DB/CP/Rev2016). URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/contraception/wcu2016.shtml> (дата обращения: 18.05.2017)
- United Nations (2017). World Population prospects: the 2017 revision, DVD edition. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения: 15.07.2017).
- United States National Security Council (1974). Implications of worldwide population growth for US Security and overseas interests: national security study memorandum 200. Washington, D.C. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PCAAB500.pdf (дата обращения: 10.04.2017).
- Watkins S.C. (1991). From provinces into nations: demographic integration in Western Europe, 1870-1960. Princeton: Princeton university press. 254 p.

DETERMINANTS OF THE DEMOGRAPHIC TRANSITION IN THE GLOBAL SOUTH

SERGUEY IVANOV

All countries of the global North completed the demographic transition; most of them are on the verge of imminent depopulation. Over the past two decades, they have been joined by three dozen countries of the global South (including China) with an aggregate population of 1.5 billion. Some developing countries of different continents (i.e. India) are in advanced transition phases, while in sub-Saharan Africa (in particular Nigeria) fertility remains at a very high level. Demographic explosion in the region will not be contained soon and by the end of the century its population may increase by another 1.8-4.5 billion people, which is fraught with destructive consequences. Reducing child mortality and modernizing the way of life promotes proactive numerical goal setting and forms the mechanisms for adapting the birth rate to the background level and individual experience of child loss, and also limits fecundity. This transformation creates the conditions for fertility decline. The downward trend depends on the dynamics of the number of desired (surviving) children and the possibilities of realizing this desire. In turn, the procreative goal is a function of socio-economic factors, including education, employment, urbanization, and also of not always quantifiable institutional and environmental conditions. Modern contraception provides effective means for achieving reproductive goals. The stunting of the demographic transition in many sub-Saharan countries is caused by the unfavorable values of all factors of fertility, and the continuation of the demographic explosion is likely to lead to grave consequences.

Keywords: *demographic transition, population growth, child mortality, fecundity, reproductive behavior, insurance behavior, replacement behavior, demographic equilibrium, fertility, contraception, family planning, education, urbanization, sub-Saharan Africa.*

SERGUEY F. IVANOV (serguey.ivanov@yandex.ru), INDEPENDENT EXPERT, RUSSIA.

DATE RECEIVED : MARCH 2017.

REFERENCES

- Bongaarts J., S.W. Sinding (2009). A response to critics of family planning programs // International perspectives on sexual and reproductive health. 33 (1). URL: <https://www.guttmacher.org/journals/ipsrh/2009/03/response-critics-family-planning-programs> (accessed: 15.03.2017).
- Caldwell J. (1982). Theory of fertility decline. London: Academic press. 306 p.
- Caldwell J. (2001). The globalization of fertility behavior // Global fertility transition, supplement to population and development review. 27: 93-115.
- Caldwell J.C. (1980). Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // Population and development review. 6(2): 225-255.
- Демографическая модернизация России, 1900-2000 [Demographic modernization in Russia, 1900-2000] / A.G. Vishnevsky, ed. Moscow: Novoe Izdatel'stvo: 601 p.
- Dickeman M. (1975). Demographic consequences of infanticide in man // Annual review of ecology and systematics. 6: 100-132.
- Galway K., B. Wolff, R. Sturgis (1987). Child survival: risks and the road to health. Report prepared by the Institute for resource development for the U.S. Agency for international development. 93 p.

- Heer D.M., H.J. Wu (1975). The separate effects of individual child loss, perception of child survival and community mortality level upon fertility and family planning in rural Taiwan with comparison data from urban Morocco // CICRED Seminar on Infant mortality in relation to the level of fertility (Thailand, Bangkok, 6-12 May, 2001). Paris: CICRED: 203-229.
- Hirschman C. (1994). Why fertility changes // *Annual review of sociology*. 20: 203-233.
- Horlacher D., S. Ivanov, A. Kvasha, R. Salas, A. Sudoplatov, D. Valentei (1986). Population and socio-economic development / R. Salas, D. Valentei, eds. Moscow: Progress publishers. 187 p.
- Ivanov S. (1982). Razvivayushchiesya strany: demograficheskiy vzryv [Developing countries: the population bomb]. Moscow: Znanie. 64 p.
- Ivanov S. (2010). Demograficheskie faktory izmeneniya klimata [The demographic factors of climate change] // *Spero [Spero]*: 13: 11-118. URL: http://spero.socpol.ru/docs/N13_2010_08.pdf (accessed: 02.03.2016).
- Ivanov S. (2010). Demographic and economic factors of labour supply: long-term projections and policy options for France, Germany, Italy and the United Kingdom // *Vienna yearbook of population research*. URL: http://www.oeaw.ac.at/vid/publications/VYPR2009/abstract_ivanov_demographic_and_economic_factors.html (accessed: 01.07.2016).
- Ivanov S. (2011). Snizhenie rozhdaemosti v stranakh Yuga: politika vokrug politiki [Fertility decline in the countries of the South: politics around policies] // *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Economic journal of the Higher school of economics]*. 12: 565-582. URL: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834710.html> (accessed: 02.03.2016).
- Ivanov S. (2013). Demografiya sovremennogo mira [Demography of the contemporary world] // *Mirovaya ekonomika v nachale XXI veka [World economy at the onset of the XXI century]* / A. Avtonomov, A. Bugrov, L. Grigor'ev, S. Karaganov, E. Khesin, eds. Moscow: DirektMedia: 336-373.
- Ivanov S. (2015). Problemy narodonaseleniya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Population problems in international relations] // I.S. Ivanov, ed. *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom. Khrestomatiya v trekh tomakh [Modern science on international relations abroad. Reader in three volumes]*. II Moscow: Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam: 854-875.
- Ivanov S. (2017). Demograficheskiy vzryv: dinamika, problemy, resheniya [Demographic explosion: dynamics, problems, solutions] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*. 61(7): 15-26.
- Jejeebhoy S.J. (1998). Women's education, autonomy and reproductive behaviour: experience from developing countries. Oxford: Clarendon press. 306 p.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 6(11): 2-39.
- Landry A. (1936). La révolution démographique: Études et essais sur les problèmes de la population. Paris: INED-presses Universitaires de France. URL: https://books.google.ru/books?id=NxW2ajK9hGEC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gb_s_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 02.09.2016) (accessed: 12.12.2016).

- Lloyd C.B., C.E. Kaufman, P. Hewett (2000). The spread of primary schooling in Sub-Saharan Africa: implications for fertility change // *Population and development review*. 26(3): 483-515.
- Lloyd C.B., S. Ivanov (1988). The effects of improved child survival on family planning practice and fertility // *Studies in family planning*. 19(3): 141-162.
- McNicoll (1986). Adaptation of social systems to changing mortality regimes. Consequences of mortality trends and differentials // *Population studies*. 95: 13–19.
- Meadows D.H., D.L. Meadows, J. Randers, W.W. Behrens III (1972). The limits to growth: a report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. Washington D.C.: A potomac associate book. 205 p. URL: <http://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (accessed: 02.04.2016).
- Meadows, D.J. Randers, D. Meadows (2004). A synopsis: limits to growth: the 30-year update. White river junction: Chelsea green publishing. URL: <http://donellameadows.org/archives/a-synopsis-limits-to-growth-the-30-year-update/> (accessed: 25.08.2017).
- Montgomery M.R., C.B. Lloyd (1999). Excess fertility, unintended births, and children's schooling // *Critical perspectives on schooling and fertility in the developing world* / C.H. Bledsoe, J. Casterline, J.A. Johnson-Kuhn, J.G. Haaga, eds. Washington, DC: The National Academies press: 216-266.
- Montgomery M.R., M. Arends-Kuenning, C. Mete (2000). The quantity-quality transition in Asia / C.Y. Cyrus Chu, R. Lee, eds. // *Population and economic change in East Asia*. Supp. to *Population and development review*. 26: 223-256.
- National Population Commission - Nigeria and ICF International (2014). Nigeria demographic and health survey 2013. Abuja, Nigeria, and Rockville, Maryland, USA: NPC and ICF International. 538 p. URL: <https://dhsprogram.com/pubs/pdf/FR293/FR293.pdf> (accessed: 10.05.2017)
- Notestein F. (1945). Population – the long view // *Food for the world* / T.W. Schultz, ed. Chicago: Chicago university press: 37-57.
- Omran A.R. (1977). Epidemiologicheskii aspekt teorii yestestvennogo dvizheniya naseleniya [Epidemiological aspect of the theory of natural population growth] // D.I. Valenteia, A.P. Sudoplatova, eds. Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada [Problems of population. On the demographic problems of the Western countries]. Moscow: Progress: 57-91. (Translated from: Omran A.R (1971). The epidemiological transition: a theory of the epidemiology of population change // *The milbank memorial fund quarterly*. 49 (4):509–538.)
- Park C.B., S.H. Khan, M.K. Choe (1979). The effect of infant death on subsequent fertility in Korea and the role of family planning // *American journal of public health*. 69: 557-565.
- Preston S. H. (1980). Causes and consequences of mortality declines in less developed countries during the twentieth century // *Population and economic change in developing countries* / R.A. Easterlin, ed. University of Chicago press: 289-360. URL: <http://papers.nber.org/books/east80-1> (дата обращения 25.05.2017).
- Preston S.H. (1978). Introduction // *The effects of infant and child survival on fertility* / S.H. Preston, ed. New York: Academic press: 4-20.
- Rizk I.A., C.S. Stokes, M.R. Nelson (1982). The influence of individual and community-level child mortality on fertility in Egypt // *Studies in comparative international development*. Summer: 17(2):74-86.

- Schultz T.P. (1976). Interrelationships between mortality and fertility // Population and development: the search for selective interventions / R.G. Ridker, ed. Baltimore: Johns Hopkins university press: 239–289.
- Scrimshaw S.C.M. (1983). Infanticide as deliberate fertility regulation // Determinants of fertility in developing countries / R.A. Bulatao, R.D. Lee, eds. 2. New York: Academic press: 245–266.
- Shorter E. (1977). The making of the modern family. New York: Basic books. 369 p.
- Singh C., J.E. Darroch, L.S. Ashford (2014). Adding it up: the costs and benefits of investing in sexual and reproductive health 2014. Guttmacher Institute. URL: <https://www.guttmacher.org/report/adding-it-costs-and-benefits-investing-sexual-and-reproductive-health-2014> (accessed: 10.06.2017).
- Thompson B. (1975). Some demographic factors illustrated in a Gambia village // Population growth and socio-economic change in West Africa / J. Caldwell, ed. New York: Columbia university press: 516-526.
- Thompson W. (1929). Population // American journal of sociology. 34(6): 959-979.
- UNFPA (2014). United Nations Population Fund. UNFPA Global interventions and action plan, 2014-2017. New York: UNFPA.
- United Nations (1973). Determinants and consequences of population trends: new summary of findings of interaction of demographic, economic and social factors. New York: United Nations.
- United Nations (1987). Family building by fate or design. A study of relationships between child survival and fertility. ST/ESA/SER.R/74
- United Nations (2003). Partnership and reproductive behaviour in low-fertility countries.
- United Nations (2015). World population policies database. URL: https://esa.un.org/PopPolicy/about_database.aspx (accessed: 12.06.2017).
- United Nations (2016). World contraceptive use 2016 (POP/DB/CP/Rev2016). URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/contraception/wcu2016.shtml> (accessed: 18.05.2017)
- United Nations (2017). World Population prospects: the 2017 revision, DVD edition. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed: 15.07.2017).
- United States National Security Council (1974). Implications of worldwide population growth for US Security and overseas interests: national security study memorandum 200. Washington, D.C. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PAAAB500.pdf (accessed: 10.04.2017).
- Vishnevsky A., B. Denisov, V. Sakevich(2017). Kontratseptivnaya revolyutsiya v Rossii [Contraceptive revolution in Russia] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. URL: <https://demreview.hse.ru/2017--1/206922700.html> (accessed: 01.04.2017).
- Vishnevsky A.G. (2005). Demograficheskaya revolyutsiya [Demographic revolution] // A.G. Vishnevsky. Izbrannye demograficheskie trudy [Selected demographic works]. 1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriy [Demographic theory and demographic history]. Moscow: Nauka: 3-214. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/dem_revol/dem_revol.html (accessed: 15.05.2016).
- Vishnevsky A.G. (2014). Demograficheskaya revolyutsiya menyaet reproduktivnuyu strategiyu vida Homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of

Homo sapiens] // Demograficheskoe obozrenie [Demographic review]. (1)1: 6-33. URL: <https://demreview.hse.ru/2014--1/120991102.html> (Translated into english: Vishnevsky A. (2014). The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens // Demographic review. English selection: 3-24. URL: <https://demreview.hse.ru/en/2014--5/171536325.html> (accessed: 18.09.2016).

Watkins S.C. (1991). From provinces into nations: demographic integration in Western Europe, 1870-1960. Princeton: Princeton university press. 254 p.

НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ:

«ОДНА СЕМЬЯ – ДВА РЕБЕНКА»

Юлия Куприянова, Анна Янишевская

В статье рассматриваются особенности введения и реализации новой демографической политики в Китае «одна семья – два ребенка». Новая политика направлена на разрешение существующих серьезных демографических проблем в китайском обществе, вызванных последовательным проведением в течение 35 лет кампании по ограничению рождаемости «одна семья – один ребенок». Рассматриваются основные демографические итоги предыдущих лет, отношение к вопросу рождения второго ребенка в Китае, изменения в политике по контролю рождаемости и взаимосвязь этих изменений с демографическими показателями, а также особенности статистических данных, предоставляемых различными ведомствами Китая, на основании которых происходит учет численности населения и показателей рождаемости. На основе данных официальной статистики и опросов населения за последние годы даются количественные и качественные характеристики рождаемости и репродуктивных установок современного общества. Анализ существующих данных, взятых из различных источников, позволяет отметить устойчивое падение суммарного коэффициента рождаемости, снижение естественного прироста населения, уменьшение показателей желаемого и планируемого числа детей в семье, а также распространение добровольного отказа от рождения детей в крупных городах страны. Подобные тенденции позволяют предположить, что власти Китая несколько запоздали с либерализацией политики планирования семьи. В статье выделены основные факторы, которые будут оказывать влияние на прирост населения Китая в ближайшие десятилетия, и сделан вывод о завышенности прогнозов роста населения страны, сделанных официальными ведомствами КНР.

Ключевые слова: политика ограничения рождаемости в КНР, одна семья – два ребенка, бездетность, население Китая, репродуктивное поведение, малодетность.

ВВЕДЕНИЕ

В конце 2015 г. в Китае произошло важное событие, вызвавшее значительный общественный резонанс: было принято решение о полной отмене демографической политики «одна семья – один ребенок», которая проводилась в стране более 35 лет и использовала экономические и внеэкономические меры для ограничения рождения вторых детей в семьях. С 1 января 2016 г. правительство разрешило всем семьям иметь двух детей, была провозглашена линия «одна семья – два ребенка». Требования о необходимости смягчения называемой на Западе «негуманной» политики планирования семьи звучали уже давно, но столкнувшись с замедлением экономического роста, сокращением трудоспособного населения, незрелостью системы пенсионного обеспечения, проблемой старения и серьезного полового дисбаланса, руководство решилось на переход к новой демографической политике только к началу реализации 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития (2016-2020 гг.).

Юлия Андреевна Куприянова (yukupriyanova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Анна Ивановна Янишевская (ayanishevskaya@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Статья поступила в редакцию в марте 2017 г.

Сразу после принятия важного решения в Китае и за его пределами развернулась дискуссия: не опоздала ли КНР с корректировкой курса? Будет ли достигнут ожидаемый эффект? Захотят ли миллионы однопородных китайцев завести второго ребенка и тем самым в среднесрочной перспективе простимулировать экономическое развитие страны [Кислова, Буяров 2016: 347]?

В данной статье мы пытаемся ответить на вопрос: будут ли достигнуты желаемые демографические показатели в китайском обществе к 2020 и к 2030 г. соответственно. Для этого нам необходимо рассмотреть существующие предпосылки, которые будут определять рождаемость в ближайшие годы, дать характеристику репродуктивного поведения современного китайского общества, а именно той его части, на которую делается основной акцент в новых демографических преобразованиях КНР в 2016 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2016 ГОДА

По завершении первого года после введения новой демографической политики «одна семья – два ребенка» соответствующие ведомства Китая поспешили отчитаться о положительных результатах: рождаемость выросла. Однако, анализируя данные, представляемые центральными властями КНР, стоит учитывать, что они могут не соответствовать действительности. Даже само правительство признает, что существует проблема приписывания нужных чисел в регионах, что влечет за собой искажение общей картины, получаемой по стране в целом. Поэтому для полноценного анализа необходимо исследовать информацию из разных источников.

По данным Исследовательского центра демографии и развития Китая, опубликованным осенью 2016 г., среднемесячное число новорожденных с 1 января 2016 г. составляло около 1 млн 290 тыс., что на 90000 ниже данных за аналогичный период 2015 г. Прогнозировалось снижение годовых показателей, общее число рожденных в 2016 г. должно было составить всего 15,5 млн¹. Подобные оценки не совпадали с целями, поставленными правительством на пятилетний план развития. По итогам первого года введения новой политики «одна семья – два ребенка» официальные ведомства КНР представили общественности более позитивные результаты. По информации Государственного статистического управления (ГСУ) КНР, согласно данным выборочного обследования 1% населения, в 2016 г. в Китае родилось 17,86 млн детей². По информации Государственного комитета по делам здравоохранения и планового деторождения (далее Государственный комитет), число детей, рожденных в роддомах, составило 18,46 млн³.

---

¹ Sheng huo busheng ertai, women youle xuanze de quanli [Рожать ли второго ребенка, у нас появилось право выбора]. URL: <http://www.bjnews.com.cn/news/2016/10/18/420220.html> (дата обращения: 10.04.2017).

² 2016: A good start for China's economy during the 13th five-year plan period. National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201701/t20170120_1455922.html (дата обращения: 15.01.2017).

³ Guojia weisheng jishengwei: 2016 nian quanguo chusheng renkou erhai ji yishang zhan biyu sicheng [Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения: в 2016 году количество рожденных вторых детей составило свыше 40%]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-01/23/content_5162367.htm (дата обращения 02.03.2017).

Таким образом, цифры официальных ведомств однозначно говорят о росте показателей рождаемости по сравнению с предыдущим годом.

Новая политика оказала влияние и на показатели естественного прироста населения: в 2014 г. он равнялся 0,49% [Киреев 2015: 15], а в 2016 г. – 0,586%⁴. Однако данные других источников указывают на более низкий естественный прирост (0,53%)⁵. Даже если опираться на официальную статистику КНР, стоит сказать, что итоги первого года введения новой политики не полностью оправдали ожидания правительства. План развития страны на тринадцатую пятилетку предусматривает увеличение общей численности населения за пять лет на 45 млн человек, т.е. примерно до 1 млрд 427 млн. За 2016 г. население увеличилось на 8 млн 090 тыс. человек⁶, до запланированных 9 млн ежегодного прироста не хватило почти миллиона.

Как уже говорилось, верификация текущих показателей рождаемости в Китае представляется сложной задачей. К примеру, авторы статьи о репродуктивном поведении китайских семей, анализируя информацию о демографической ситуации в КНР в сообщениях 19 китайских авторов, выделили 31 способ подсчета суммарного коэффициента рождаемости (далее СКР). Исходя из полученных данных за один и тот же период, авторы получили показатели от 1,22 до 2,3 [Basten, Gu 2013b: 11]. Они также сделали вывод о том, что ряд китайских исследований (к примеру, опросы 1988, 1992, 1997, 2001 и 2006 г., проведенные Государственным статистическим управлением), основаны на неподтвержденной информации. В 2006 г. ГСУ опубликовало данные, где СКР составил всего 1,6. Однако в Государственном комитете неохотно признавали падение и утверждали, что этот показатель все еще составляет около 1,8 [Basten, Gu 2013b 12–13], что является наглядным примером расхождения данных, представляемых государственными ведомствами КНР. Некоторые ученые утверждают, что различия в учете рождаемости могут достигать 20%, что в прогнозируемой численности населения нельзя считать незначительным расхождением [Ван 2015: 305].

Уже много лет подряд в Китае оказывается тревожно низким суммарный коэффициент рождаемости, который для оптимального уровня простого воспроизводства населения должен составлять не менее 2,1 [Киреев 2015: 15]. Согласно данным 2005 г., более 90% граждан КНР проживало в провинциях, где СКР составлял 1,0-1,3. Крайне низкий коэффициент рождаемости (<0,9) был зафиксирован в Пекине, Шанхае, Тяньцзине и других крупных городах [Basten, Gu 2013b: 14]. По данным переписи населения 2010 г., СКР в крупных городах был 0,88 при среднекитайском в 1,18. По итогам выборочной

---

⁴ 2016: A good start for China's economy during the 13th five-year plan period. National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201701/t20170120_1455922.html (дата обращения: 15.01.2017).

⁵ Население Китая. URL: <http://countrymeters.info/ru/China> (дата обращения: 25.03.2017).

⁶ 2016: A good start for China's economy during the 13th five-year plan period. National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201701/t20170120_1455922.html (дата обращения: 15.03.2016).

переписи населения за 2015 г. СКР среди женщин детородного возраста составил всего 1,047⁷.

РОЖДЕНИЕ ВТОРЫХ ДЕТЕЙ В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

С 1984 г. в ряде провинций КНР начались первые послабления в политике ограничения рождаемости «одна семья – один ребенок», что позволило части деревенских и городских семей завести второго ребенка без уплаты социальных штрафов и других «санкций» со стороны официальных властей. На первом этапе особые меры касались только тех семей, где мать и отец являлись единственными детьми в своих семьях, в СМИ они получили название *shuāngdú liǎnghái* (双独两孩). В конце 2013 г. ЦК КПК принял новое постановление, получившее название *dāndú èrhái* (单独二孩) – «один родитель-единственный ребенок – двое детей». Новая мера позволила китайским семьям, в которых хотя бы один из родителей является единственным ребенком, иметь двоих детей. По официальным данным, за первые 9 месяцев введения данной политики в 2014 г. из 11 млн супружеских пар, которым было разрешено без каких-либо ограничительных мер завести второго ребенка, только 800 тыс. обратились в соответствующие ведомства для оформления разрешения на рождение второго ребенка, что составило всего 7% [Basten, Gu 2013a].

На данный момент в Китае 90 млн китайцев детородного возраста соответствуют условиям новой политики 2016 г. «одна семья – два ребенка». Однако 60% этих женщин уже старше 35 лет, половина старше 40 лет⁸. Сама вероятность родить для женщин данного возраста, особенно с учетом плохой экологической обстановки во многих городах страны, невелика. Кроме того, многие ученые отмечают возможные риски для здоровья новорожденных. Помимо проблемы «старородящих матерей» существует и проблема уменьшения числа рожениц в КНР. Представитель Государственного комитета Ян Вэньчжуан говорит о том, что за период 12-го пятилетнего плана (2011-2015 гг.) число женщин детородного возраста в стране ежегодно снижалось на 3,5 млн человек, а к моменту наступления 13-й пятилетки эта цифра достигла 5 млн⁹. То есть в перспективе стоит ожидать снижения общего числа рождений, и замедлить этот процесс может только увеличение коэффициента рождаемости, что напрямую связано с успешностью имплементации новой демографической политики «одна семья – два ребенка».

Итак, захотят ли молодые китайки рожать вторых детей в современных социально-экономических условиях? До введения политики *dāndú èrhái* процент рождений вторых

---

⁷ 2015 nian Zhongguo zonghe shengyulv wei 1.047 zhuanjia cheng dide chuhu yiwai [Специалисты отмечают, что в Китае неожиданно низкий суммарный коэффициент рождаемости, который в 2015 году составил 1,047]. URL: Retrieved: <http://finance.sina.com.cn/roll/2016-10-28/doc-ifxxfuff7065330.shtml> (дата обращения: 29.03.2017).

⁸ “Shisanwu” jisheng guihua: nianjun renkou zenmezhang 900 wan 2016 nian shangwei “dabiao” [План по контролю рождаемости в 13-й пятилетке: среднегодовой прирост населения в 2016 году составил 9 млн человек, что все еще не достигает необходимых показателей]. URL: <http://m.21jingji.com/article/20170208/3dcf3772f2aed67561a1ca105ae60d7a.html> (дата обращения: 22.03.2017).

⁹ Там же.

детей в КНР составлял около 30%¹⁰, в 2014-15 гг. этот показатель постоянно рос, и в 2016 г. доля рождений вторых детей составила уже 45%¹¹. Очевидно, что смягчение ограничений в 2013 г. принесло определенные плоды. Однако среди части китайского населения бытует мнение, что полная отмена политики «одна семья – один ребенок» уже не способна принести каких-либо улучшений демографической ситуации в краткосрочной перспективе: «собиравшиеся рожать – родят, кто не хотел рожать – тот по-прежнему не будет рожать»¹². К тому же, стоит ожидать, что к 2018 г. наступит конец «эйфории» от принятия новой политики «двоих детей» и мы уже не увидим рекордные показатели рождений у матерей старше 35 лет.

На просторах китайского Интернета, в соцсетях и различных блогах проводилось немало опросов на тему, планируют ли семьи с одним ребенком рождение второго. По данным одного из таких опросов, 82% семей в силу различных причин не готовы к рождению второго ребенка [Гулева 2016: 39–40]. Специалисты считают, что улучшение экономической ситуации в стране в целом не влияет на решение рожать ребенка, особенно если число детей в семье соответствует потребностям супругов. Прибавление в семье возможно тогда, когда эта потребность не удовлетворена, тогда улучшение условий жизни может оказать влияние на конечное решение о рождении нового ребенка, да и то не всегда. В случае с КНР стоит говорить о том, что желаемое число детей в городских семьях существенно ниже уровня, разрешенного властями, соответственно новая демографическая политика вряд ли даст заметный эффект. Потребуется не одно десятилетие, чтобы показатель желаемого числа детей возрос.

МОДЕЛЬ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Для понимания перспективы новой демографической политики необходимо уделить внимание репродуктивным установкам нынешней китайской молодежи, что поможет дать ответ на вопрос: оправдаются ли демографические прогнозы китайских властей на ближайшие 10-15 лет. В данном исследовании мы рассматриваем не все население КНР в целом, а репродуктивные установки определенной группы. В общем мы можем говорить о том, что объектом изучения являются горожане, а также часть сельских трудовых мигрантов, проживающих в городе в течение длительного времени. Во-первых, именно

¹⁰ Erhai shengyu uyuan diaocha: “Dusheng bama”, er san xian chengshi jiating yiyuan genggao [Опрос о намерении родить второго ребенка: «мать и отец, являющиеся единственными детьми в семье» - желание рожать в семьях городов второй и третьей линии намного выше]. URL: <http://www.21jingji.com/2017/2-23/wOMDEzNzlfMTQwMzEwOA.html> (дата обращения: 12.03.2017).

¹¹ Guojia weisheng jishengwei: 2016 nian quanguo chusheng renkou erhai ji yishang zhan biyu sicheng [Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения: в 2016 году количество рожденных вторых детей составило свыше 40%]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-01/23/content_5162367.htm (дата обращения: 02.03.2017).

¹² Zhe yi dai ren yijing meile sheng ertai de yongqi [У нынешнего поколения уже нет решимости рожать второго ребенка]. URL: https://commondatastorage.googleapis.com/letscorp_archive/archives/97064 (дата обращения: 01.03.2017).

жители городов являются объектами новой политики «одна семья – два ребенка», так как жителям деревень и раньше было позволено иметь двоих детей при соблюдении ряда условий (например, если первым ребенком была девочка или ребенок родился инвалидом). Во-вторых, в условиях активного процесса урбанизации, который идет в Китае не одно десятилетие, городское население уже составило больше половины всех жителей, а именно 57,35% (2016 г.)¹³, и в ближайшей перспективе будет расти и дальше. По ряду прогнозов к 2030 г. урбанизация КНР должна достигнуть 70%, а число горожан превысить 1 млрд [Островский 2013: 41].

Если говорить о репродуктивном поведении исследуемой группы, то оно характеризуется как малодетное (1-2 ребенка в семье). Подобная модель поведения в китайском обществе определяется как общемировыми тенденциями, так и реалиями демографической политики властей КНР за последние 35 лет. В целом в большинстве стран мира молодежь предпочитает семьи меньшего размера, чем люди старшего возраста. Эти данные подтверждаются данными исследования рождаемости, проведенного организацией «Евробарометр» [Соботка, Лутц 2011]. Данный феномен связан с фактическим уменьшением размера семьи. Кроме того, свое влияние оказывают особенности второго демографического перехода. Молодые люди хотят рожать меньше, чем поколение их родителей. Согласно исследованиям, в Нанкине среднее идеальное число детей в семье составляет 1,2 для тех, кому до 30 лет, и 1,3 для тех, кому за 30 [Basten, Gu 2013b: 25–26]. Данные опроса, проведенного Государственным комитетом в 2001 г., показывают, что среднее идеальное число детей у замужних женщин в возрасте от 20 до 49 лет в городских районах составляло 1,46 против 1,81 в сельских районах. В экономически развитых районах данный показатель составлял 1,39, в среднеразвитых - 1,66, а в отстающих – 1,96. Более половины женщин в возрасте от 20 до 49 лет, проживающих в городах, хотели одного ребенка [Basten, Gu 2013b: 18]. То есть мы можем видеть, что репродуктивные установки во многом обусловлены как возрастом индивидуума, там и экономическими условиями, в которых он проживает. Чем моложе возраст и чем выше уровень развития конкретного региона, тем ниже показатель идеального числа детей в семье.

Условия жизни прошлых лет, взросление без братьев и сестер определяют уровень индивидуальной потребности в детях у современной молодежи в Китае. Так как данная потребность является результатом усвоения определенной модели репродуктивного поведения, она не подвержена резкому изменению на протяжении всей жизни поколения. Соответственно, невозможно за счет введения новой демографической политики добиться немедленных результатов. Здесь мы вплотную сталкиваемся с гипотезой Лутца о «ловушке низкой рождаемости», согласно которой, вырастая в окружении малодетных или бездетных семей, новое поколение придерживается аналогичного репродуктивного поведения, предпочитает иметь мало детей или не иметь их совсем [Фахрисламова 2015: 105]. В одном из последних докладов Академии общественных наук КНР (2015 г.) говорится, что СКР в

---

¹³ 2016: A good start for China's economy during the 13th five-year plan period. National bureau of statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/enGLISH/PressRelease/201701/t20170120_1455922.html (дата обращения: 15.03.2016).

Китае сейчас составляет 1,4 на женщину, то есть приблизился к общепризнанному тревожному уровню в 1,3 – или «ловушке низкой рождаемости»¹⁴. Самое тревожное то, что еще ни одна страна не смогла выбраться из этой «ловушки» и вернуться на уровень естественного воспроизводства нации. Согласно концепции Лутца, «ловушка» заключается еще и в том, что в малодетном обществе начинают работать самоусиливающиеся механизмы, которые могут приводить к еще большему снижению рождаемости. Если придерживаться данной идеи, то можно предположить, что поколение китайцев 1980-х и 1990-х годов, которое росло при тотальной политике ограничения рождаемости, в своем репродуктивном поведении будет ориентироваться по-прежнему на однодетную семью, некоторые вообще предпочтут не заводить детей. Поэтому изменения в демографической политике властей не принесут желаемых результатов в ближайшие десятилетия. Только поколение китайцев, родившихся в 10-х годах XXI века, в момент волны либерализации демографической политики, будет отличаться новыми установками в своем репродуктивном поведении. Но пик рождений этой возрастной группы придется только на 2035-2040 гг.

В апреле 2016 г. Центром по изучению демографии и развития Китайского народного университета был проведен опрос под названием «Исследование механизма принятия решения о рождении ребенка в китайских семьях»¹⁵. В опросе участвовало 6000 женщин в возрасте от 20 до 49 лет из 12 крупных городов 6 провинций КНР: Гуандун, Сычуань, Хубэй, Шаньдун, Чжэцзян, Ляонин. В среднем, показатель идеального числа детей в семье составил 1,75; по сравнению с данными опросов за 2010-13 гг. (1,78-1,8) произошло незначительное падение. При этом только около 30% опрошенных женщин планируют иметь двоих детей (24,4% имеют четкий план с указанием времени рождения второго ребенка; 5,1% планируют, но не знают, когда точно). Еще 8,9% женщин не уверены в том, смогут ли они родить второго ребенка.

Согласно результатам, среднее значение планируемого числа детей для женщин-матерей одного ребенка в возрасте от 35 до 39 лет и в возрасте от 40 до 49 лет – стремится к 1,22 и 1,09 соответственно. Поэтому при анализе демографического потенциала роста рождаемости для китайок следует, в первую очередь, опираться на данные по количеству женщин в возрасте до 35 лет, так как вероятность того, что женщины более старшего возраста будут реализовывать свое право на рождение второго ребенка очень низкая.

В декабре 2016 г. был опубликован доклад с результатами опроса населения, организованного совместно Всекитайской федерацией женщин и Пекинским педагогическим университетом. Тема опроса: «Влияние политики «двух детей» на домашнее воспитание»¹⁶. Опрос проводился в 10 провинциях и городах центрального

---

¹⁴ China close to cow fertility trap. URL: http://www.china.org.cn/video/2015-01/07/content_34495147.htm (дата обращения: 04.03.2017).

¹⁵ Quannian erhai zhengce Beijing xia zhongguo chengshi nvxing de shengyu pianhao yu shengyujihua [Репродуктивные установки и планы женщин в городах КНР на фоне введения политики двоих детей]. URL: <http://www.lepp.zju.edu.cn/upload/2017-03/17031521265406.pdf> (дата обращения: 07.03.2017).

¹⁶ Quanguo fulian fabu quannian erhai zhengce dui jiating jiaoyu yingxiang diaocha baogao [Отчет Национальной федерации женщин КНР по итогам исследования влияния политики «одна семья – два ребенка» на

подчинения Китая: Пекин, Шаньдун, Цзянсу, Хэнань, Аньхой, Гуандун, Гуанси, Шэньси, Сычуань; а также в 21 городе (районе). Респонденты – родители, имеющие детей от 0 до 15 лет. Цели опроса: выявить основные факторы, влияющие на желание родителей заводить второго ребенка. Более половины опрошенных (53,3%) не имеют желания заводить второго ребенка. Еще больше подобных респондентов насчитывается в Пекине и восточных провинциях страны: 62,3 и 62,5% соответственно. В среднем доля желающих родить второго малыша составила лишь 20,5%, а тех, кто еще не определился – 26,2%. Меньше всего хотят заводить ребенка жители наиболее развитых районов (жители Пекина и восточных провинций Китая). В этих же районах меньше всего семей, которые уже завели второго ребенка; доля семей, проживающих в городе и имеющих второго ребенка, составляет всего 29,6%.

Обобщая данные проведенных опросов и ряда зарубежных исследований, можно сказать, что во многом результаты оказались схожими. Чуть более половины городских семей не хотят заводить второго ребенка. Намерение иметь двоих детей в семье выражают от 20 до 30% опрошенных. Оставшиеся 20-30% либо еще не определились в своих намерениях, либо вообще не хотят иметь детей (около 10%).

На данном этапе развития Китая бездетность становится все более актуальной темой, а в определенной степени даже не темой, а проблемой. Все больше исследователей с тревогой отмечают рост числа семей *dīngkè* (丁克), что соответствует в русском языке понятию «бездетная семья». Иероглифы *dīngkè* (丁克) передают английскую аббревиатуру DINK, которая расшифровывается как «double incomes no kids» – двойной доход без детей. Само понятие появилось в Китае еще в 1980-е годы, с момента начала проведения политики ограничения рождаемости. Сейчас сознательный отказ супругов от воспитания детей – явление достаточно частое в условиях городской жизни. По данным на 2010 г. 98% таких семей живут в больших городах Китая, их общее количество составляет около 600 тыс. [Челнокова-Щейка 2013:310]. В Пекине и Шанхае они составляют 10% всех семейных пар репродуктивного возраста. Согласно данным Китайского общего социального опроса за 2008 г., доля бездетных среди опрошенных горожанок детородного возраста составила 11,5% [Zhang 2016: 4].

Перенаселенность, экономическая конкуренция, психологическая незрелость, взросление без братьев и сестер – вот лишь немногие факторы, которые приводят к увеличению числа сторонников жизни в стиле DINK. Однако основные причины выбора бездетности связаны с экономическими сложностями, среди них можно назвать дороговизну проживания, рождения и воспитания ребенка в городе. По данным выборочного обследования Шанхайской комиссии по вопросам народонаселения и планирования семьи, опубликованным в 2009 г., для 12000 опрошенных в возрасте от 20 до 45 лет (жители, имеющие местную прописку, а также представители мигрирующего населения, проживающие в Шанхае более полугода), основной причиной отказа от

образование в семье]. URL: <http://baby.sina.com.cn/news/2016-12-22/doc-ifxyxury8000532.shtml> (дата обращения: 08.03.2017).

рождения детей в семьях DINK являются слишком высокие расходы на их воспитание¹⁷. Так, по данным сайта о проблемах материнства, при средних запросах городской семьи воспитание ребенка вплоть до наступления совершеннолетия обходится примерно в 3 млн рублей (более 20 000 юаней в год), а если добавить к этому расходы на 4 года обучения в обычном китайском университете, то данная сумма увеличивается еще на 2 млн рублей¹⁸. При этом, по данным Государственного статистического управления, доход на душу населения в городских домохозяйствах составляет около 280 тыс. рублей (чуть больше 30 000 юаней в год), из чего можно сделать вывод о том, что воспитание ребенка весьма дорогостоящее мероприятие для среднестатистической городской семьи [China Statistical Yearbook 2016].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев первые итоги введения новой демографической политики правительства Китая, особенности программы ограничения рождаемости, проводимой в стране более 35 лет, а также изучив репродуктивное поведение современных семей, можно сделать вывод, что власти страны явно запоздали с либерализацией политики планирования семьи. Сокращение количества женщин фертильного возраста, снижение показателей планируемого числа детей в семье, распространение семей, добровольно отказывающихся от деторождения – вот те некоторые важные факторы, которые в ближайшие десятилетия будут определять демографическую ситуацию и не позволят КНР выйти из «ловушки низкой рождаемости». На основании проведенного анализа мы можем предположить, что в ближайшие 20-25 лет в Китае сохранится низкий уровень рождаемости, вероятнее всего, суммарный коэффициент рождаемости будет падать, несмотря на введение политики «одна семья – два ребенка». По итогам 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития Китай не сможет достигнуть планируемых показателей численности населения в 2020 г. Потребуется корректировка в сторону снижения планируемых темпов роста населения в 14-м пятилетнем плане. Аналогично и среднесрочные прогнозы по демографическим показателям к 2030 г. должны будут подвергнуться изменению.

Столкнувшись с сокращением прироста населения и осознавая важность сохранения как можно большего процента трудоспособного населения, правительство, вероятнее всего, пойдет на введение ряда стимулирующих экономических мер в демографической политике, подталкивая новые пары к рождению двоих детей.

---

¹⁷ 2015 nian Zhongguo zonghe shengyulv wei 1.047 zhuanjia cheng dide chuhu yiwai [Специалисты отмечают, что в Китае неожиданно низкий суммарный коэффициент рождаемости, который в 2015 году составил 1,047]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2016-10-28/doc-ifxxfuff7065330.shtml> (дата обращения 29.03.2017).

¹⁸ Bang ni suanyisuan sheng ge ertai yaohua duoshao qian [Помощь в расчете затрат на воспитание второго ребенка]. URL: <http://baby.39.net/a/151030/4719370.html> (дата обращения: 28.03.2017).

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Е. (2015). Демографическая политика Китая в начале XXI века // Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире / Под ред. Н. Римашевской. М.: Экон-Информ: 303–310.
- Гулева М.А. (2016). Отмена политики «Одна семья - один ребенок» в Китае // Азия и Африка сегодня. 6: 36–40.
- Киреев А.А. (2015). Изменения демографической политики Китая // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2(2): 15–17.
- Кислова Е.В., Д.В. Буяров (2016). Влияние политики на решение демографических проблем XXI века в Китае // VI международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (РФ, Благовещенск, 16-18 мая 2016 г.). Благовещенск: Издательство БГПУ: 347–350.
- Островский А.В. (2013). Экономика КНР в 2030 году: проблемы и перспективы (как относиться к прогнозу экономического развития КНР, сделанному центром изучения положения в стране университета Цинхуа) // Доклады ИДВ РАН 2012. М.: ФГБУН Институт Дальнего Востока Российской академии наук: 29-50.
- Соботка Т., В. Лутц (2011). Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? (перевод английского: Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages derived from the period TFR: should we stop using it? // Comparative Population Studies. 35(3): 637-664) // Экономический журнал ВШЭ. 4: 444-471. См. также: Демоскоп Weekly. 495-496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/analit01.php>
- Фахрисламова Р.Т. (2015). Низкая рождаемость: теории и подходы к объяснению // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2: 101–109.
- Челнокова-Щейка А.В. (2013). Трансформация семейных ценностей в современном Китае // Знание. Понимание. Умение. 4: 309–314.
- Basten S., B. Gu (2013a). Has China fallen into the ‘low fertility trap’? // Population: the long view. St.John's College, Oxford (September 2013). URL: https://archive.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/131025_Basten_China_Low_Fertility_Trap.pdf (accessed: 16.03.2017).
- Basten S., B. Gu (2013b). Childbearing preferences, reform of family planning restrictions, and the low fertility trap in China // Working Paper. University of Oxford. Department of social policy and intervention. Oxford centre for population research: 61: 43.
- China Statistical Yearbook (2016). Compiled by national bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm> (дата обращения: 06.03.2017).
- Zhang L. (2016). DINK family: the fashion of the youth? – a cross-national comparative study // A sociological almanac. 7: 442–454.

NEW POPULATION POLICY IN CHINA:

«ONE FAMILY – TWO CHILDREN»

YULIA KUPRIYANOVA, ANNA YANISHEVSKAYA

The article examines the distinctive features of China's introduction and implementation of its new two-child policy, aimed at solving the demographic problems caused by 35 years of consistent execution of its one-child birth control campaign. It looks at the main demographic results of previous years, attitudes to having a second child, changes in birth control policy and the relationship of these changes with demographic indicators, as well as at certain features of the statistics provided by various departments of China on which population size and fertility indicators are based. It gives, based on the data of official statistics and population surveys in recent years, quantitative and qualitative characteristics of fertility and of the reproductive attitudes of modern society. Analysis of existing data taken from various sources makes it possible to note a steady decline in the total fertility rate, a decrease in natural population growth, a decrease in the desired and planned number of children in the family, and the proliferation in major cities of the country of voluntary renunciation of having children. Such trends suggest that the Chinese authorities are somewhat late with the liberalization of family planning policies. The article highlights the main factors that will influence the growth of China's population in the coming decades, and concludes that the country's population growth forecasts made by official departments of the People's Republic of China are too high.

Keywords: birth control policy in China, one family – two children, childlessness, population of China, reproductive behavior, nuclear family.

YULIA A. KUPRIYANOVA (yukupriyanova@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

ANNA I. YANISHEVSKAYA (ayanishevskaya@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA.

DATE RECEIVED: MARCH 2017.

REFERENCES

- Basten S., B. Gu (2013a). Has China fallen into the 'low fertility trap'? // Population: the long view. St. John's College, Oxford (September 2013). URL: https://archive.spi.ox.ac.uk/fileadmin/documents/PDF/131025_Basten_China_Low_Fertility_Trap.pdf (accessed: 16.03.2017).
- Basten S., B. Gu (2013b). Childbearing preferences, reform of family planning restrictions, and the low fertility trap in China // Working Paper. University of Oxford. Department of social policy and intervention. Oxford centre for population research: 61: 43.
- Chelnokova-Shhejka A.V. (2013). Transformatsiya semeynykh tsennostey v sovremennom Kitae [The transformation of family values in modern China] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. 4: 309-314.
- China Statistical Yearbook (2016). Compiled by national bureau of statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm> (дата обращения: 06.03.2017).
- Fahrislamova R.T. (2015). Nizkaya rozhdanost': teorii i podkhody k ob'yasneniyu [Low fertility: theories and approaches for explanation] // Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the South Russian State technical

- university]. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Series: Socio-economic sciences]. 2: 101-109.
- Guleva M.A. (2016). Otmena politiki "Odna sem'ya - odin rebenok" v Kitae [Cancellation of 'One family - one child' policy in China] // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. 6: 36-40.
- Kireev A.A. (2015). Izmeneniya demograficheskoy politiki Kitaya [The changes in demographic policy of China] // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur state technical university]. 2(2): 15-17.
- Kislova E.V., D.V. Bujarov (2016). Vliyanie politiki na reshenie demograficheskikh problem XXI veka v Kitae [The impact of politics on the solution of demographic problems of the XXI century in China] // VI mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva» (Russia, Blagoveshchensk, 16-18 maya 2016 g.) [VI international scientific-practical conference «Russia and China: history and prospects of cooperation» (RF, Blagoveshchensk, 16-18 may, 2016)]. Blagoveshchensk: Izdatelstvo BGPU: 347 – 350.
- Ostrovskij A.V. (2013). Ekonomika KNR v 2030 godu: problemy i perspektivy (kak otnosit'sya k prognozu ekonomicheskogo razvitiya KNR, sdellanomu tsentrom izucheniya polozheniya v strane universiteta Tsinkhua) [The chinese economy in 2030: problems and prospects (how to treat the forecast of economic development of China made by the national conditions studies center, Tsinghua university)] // Doklady IDV RAN 2012 [Reports of the RAS IFES 2012]. Moscow: FGBUN Institut Dal'nego Vostoka Rossiyskoy akademii nauk: 29-50.
- Sobotka T., W. Lutz (2011). Koeffitsient summarnoy rozhdanosti daet politikam dezorientiruyushchie signaly: ne sleduet li otkazat'sya ot ispol'zovaniya etogo pokazatelya? (translated from: Sobotka T., W. Lutz (2010). Misleading policy messages derived from the period TFR: should we stop using it? // Comparative Population Studies. 35(3): 637-664) // Ekonomicheskij zhurnal VSHE [Economic Journal of the Higher School of Economics]. 4: 444-471. See also : Demoscope Weekly. 495-496. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/analit01.php>
- Wang E. (2015). Demograficheskaya politika Kitaya v nachale XXI veka [Demographic policy of China in the early twenty-first century] // Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire [Present and future of the family in a changing world] / N. Rimachevskaya, ed. Moscow: Ekon-Inform: 303-310.
- Zhang L. (2016). DINK family: the fashion of the youth? – a cross-national comparative study // A sociological almanac. 7: 442–454.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИРАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX — НАЧАЛО XXI ВЕКА)

АЛЕКСАНДР ХОДУНОВ

Демографический переход — ключевое событие в демографической истории всех стран мира. В развивающихся странах он начался гораздо позже (в основном, во второй половине XX века), чем в развитых странах, но протекал гораздо быстрее, поскольку у них была возможность заимствовать накопленный развитыми странами опыт по борьбе с высокой смертностью. Рождаемость же при этом оставалась очень высокой, что приводило к демографическому взрыву — резкому ускорению темпов роста населения. Так развивались и события в Иране, начиная с 1950-х годов. Шахский режим, несмотря на заметный рост продолжительности жизни, все же не смог устранить имевшиеся проблемы в смертности населения страны, но это во многом удалось исламскому правительству. Что касается рождаемости, то шахская программа планирования семьи не привела к значительным результатам, а программа, начатая при исламском режиме, оказалась настолько эффективной, что снизила рождаемость в несколько раз всего за десятилетие. В настоящее время во многих городах и регионах Ирана рождаемость упала ниже простого воспроизводства, что вызвало беспокойство властей, которые начали ограничивать планирование семьи. Сегодня использование контрацепции в Иране стало почти всеобщим не только среди городского, но и среди сельского населения вне зависимости от уровня образования. Такие показатели социально-экономической модернизации, как уровень урбанизации, грамотность населения, обеспеченность его электроэнергией, чистой питьевой водой, бытовой техникой в последние десятилетия стремительно выросли, приблизив в этом отношении Иран к развитым государствам.

Ключевые слова: демографический переход, рождаемость, смертность, программа планирования семьи, здравоохранение.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Демографический переход (или демографическая модернизация) — важнейшее событие, произошедшее на демографическом пути человечества. В развитых странах он начался в XVIII веке и занял не одно столетие, а в развивающихся, к которым принадлежит и Иран, переход еще не закончился, но происходит гораздо быстрее, хотя и начался значительно позднее — как правило, в начале второй половины XX века.

В задачи данной статьи входит определение особенностей демографического перехода в Иране, анализ его успехов на этом пути и трудностей, с которыми столкнулась эта страна, а также сравнение показателей Ирана со средними для наиболее развитых и развивающихся стран. Надо сказать, что Иран на фоне большинства развивающихся государств выделялся как весьма большой интенсивностью демографического взрыва, так и чрезвычайно быстрыми темпами падения рождаемости. На показатели рождаемости здесь весьма серьезное влияние оказывала демографическая политика.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ХОДУНОВ (nalim13s@mail.ru), РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ.

Статья поступила в редакцию в апреле 2017 г.

В соответствии с наблюдаемыми демографическими тенденциями и государственной политикой в статье рассматриваются несколько периодов: правление шаха Мохаммада-Реза (1941-1979 гг.); первое десятилетие после Исламской революции (1979-1989 гг.), когда страна столкнулась с экономическим кризисом и военной агрессией и жила в мобилизационном режиме; время послевоенного восстановления и дальнейшего развития страны в мирных условиях (1989-2016 гг.). Такое разделение обусловлено не только фундаментальными историческими переменами, но и резким изменением основных параметров воспроизводства населения, часто совпадавшим с началом этих периодов. Так, естественный прирост населения резко увеличивался с середины 1940-х и до конца 1960-х годов, заметно снизился к 1979 г., снова резко вырос к середине 1980-х годов, но после 1989 г. стал исключительно быстро снижаться. Это сопровождалось изменениями в демографической политике. При шахе она была ориентирована на снижение рождаемости, в 1980-х годах — на ее повышение, а после 1989 г. — снова на снижение.

Данная тема весьма слабо изучена в отечественной иранистике. Некоторые демографические показатели Ирана (как правило, динамика изменения общей численности и среднегодовые общие темпы роста населения) приводятся в отдельных монографиях, посвященных экономическому развитию страны [Ульченко, Мамедова 2006], но фундаментальных исследований по демографии Ирана не существует. Источниками информации о народонаселении являются базы данных крупнейших международных организаций (Отдел народонаселения ООН и Всемирный Банк), а также данные переписей населения Ирана и выборочных обследований рождаемости и смертности. Переписи проводятся в стране начиная с 1956 г. раз в 10 лет, а в последнее десятилетие — даже раз в 5 лет. Это говорит о большом внимании властей Ирана к регистрации тенденций демографического развития страны, благодаря чему в распоряжении исследователя есть основные необходимые данные. С учетом колоссальных изменений в воспроизводстве населения за рассматриваемый период весьма важным является вопрос, насколько адекватно имеющиеся данные отражают реальные демографические процессы. Качество переписей в целом представляется вполне удовлетворительным, поскольку их данные всегда подтверждались демографическими обследованиями. Недочет не превышал 5% (а в 1986 г. практически отсутствовал), за исключением первой переписи 1956 г., когда он был равен 7,5% [Hourcade, Balland 1994]. Картина движения населения, складывающаяся на основе анализа переписных данных, хорошо соответствует тому, что должно быть по теории демографического перехода, а исключения (всплеск рождаемости в начале 1980-х годов) кратковременны, и им можно найти объяснение, исходя из особенностей социально-политического развития страны в тот или иной период времени.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ИРАНА ДО ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1941-1979 ГГ.)

К началу второй половины XX века с демографической точки зрения Иран был страной, где демографический переход только начинался. Последнее катастрофическое повышение смертности в истории Ирана произошло в 1917-1919 гг., когда в условиях отсутствия центральной власти, хаоса и анархии, а также засухи на страну обрушился массовый голод,

который, как показывают документы, был резко обострен действиями Англии, чьи оккупационные войска в то время находились в Иране и, с одной стороны, массово скупали и вывозили зерно, способствуя обострению его дефицита, а с другой — блокировали ввоз зерна и других продуктов питания отовсюду в страну, чтобы обескровить своего политического противника. Ослабленный голодом народ становился легкой добычей эпидемий, которые поэтому приняли особо катастрофический характер. Всего, по некоторым данным, погибло около трети населения Ирана [Шахиди 2016]. После воцарения Реза-шаха Пехлеви (1925-1941 гг.) в Иране произошла стабилизация политической обстановки, началась индустриализация, активно строились железные дороги, резко ускорившие развитие торговли, промышленности и сельского хозяйства [Алиев 2004], а значит, появилась возможность транспортировать продовольствие в регионы, охваченные неурожаем, что снизило угрозу голода. Хотя катастрофических подъемов смертности больше не наблюдалось и даже были сделаны определенные шаги для развития здравоохранения (строительство нескольких современных больниц, прививки против оспы и борьба с инфекционными заболеваниями в больших городах), условия жизни рядового населения оставались очень тяжелыми, современная медицинская помощь была доступна всего для 0,2% населения (главным образом в Тегеране), а остальным приходилось прибегать к услугам знахарей и мулл [Дорошенко 1998: 136-137]. Все это означает, что в Иране в тот период начался первый этап эпидемиологического перехода, но еще не было создано достаточных условий для начала второго этапа, на котором снижение смертности связано в первую очередь с успехами борьбы с инфекционными и паразитарными заболеваниями и в целом со значительным снижением роли экзогенных (внешних для человеческого организма) причин смерти.

Значительное увеличение темпов роста населения Ирана наблюдается только с 1944 г., когда естественный прирост вырос до 300 тыс. человек в год (в начале 1940-х годов — около 100 тыс.) и его темпы превысили 2% в год [Fisher 1968]. Это увеличение свидетельствовало о начале заметного и устойчивого снижения смертности и начале второго этапа эпидемиологического перехода. Таким образом, в Иране уже через несколько лет после начала снижения «обычной», т.е. некатастрофической смертности возник демографический взрыв, началась вторая фаза демографического перехода. Уже одно это обстоятельство показывает всю стремительность и глубину изменений в демографической жизни страны.

Первая перепись в Иране состоялась в 1956 г. Тогда было учтено 18,9 млн человек, из которых дети в возрасте до 15 лет составляли 42,2% (таблица 1). Возрастная структура населения Ирана в середине 1950-х годов была очень молодой и типичной для развивающихся стран, недавно вступивших во вторую фазу демографического перехода. Очень похожая возрастная структура была зарегистрирована, например, в Индии при переписи 1961 г. (41% населения моложе 15 лет, 3,1% — 65 и старше), где демографический взрыв, как и в Иране, начался примерно за десятилетие до переписи [Registrar general... 1974]. Общий коэффициент рождаемости в 1951-1955 гг. составлял 48,9‰, а общий коэффициент смертности — 23,7‰ [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. Уровень рождаемости был чрезвычайно высоким, близким к физиологическому максимуму в 51‰ по классификации Б. Урланиса [1963: 9]. Таким образом, темпы роста населения Ирана еще выросли, составив

весьма высокие 2,5% за год. Смертность в начале 1950-х годов оставалась еще очень высокой, а значит, существовал очень большой потенциал для дальнейшего серьезного увеличения и так уже очень высокого прироста населения.

Таблица 1. Численность и возрастной состав населения Ирана по данным переписей населения

Год переписи	Численность населения, тыс. человек	В том числе в возрасте, лет, %			
		0-14	15-29	30-64	65 и старше
1956	18954,7	42,2	23,4	30,4	4,0
1966	25788,7	46,1	21,7	28,3	3,9
1976	33708,7	44,5	25,3	26,7	3,5
1986	49445,0	45,5	26,4	25,1	3,0
1996	60055,5	39,5	28,5	27,7	4,3
2006	70495,8	25,1	35,4	34,3	5,2
2011	75149,7	23,4	32,0	38,9	5,7
2016	79926,3	...	...	...	...

Источники: [Statistical Centre... 2014, Статистический центр... 2017].

Достижения и проблемы в снижении смертности

Сокращение смертности, начавшись в середине 1940-х годов, относительно быстро продолжалось и весь последующий период правления последнего иранского шаха Мохаммада-Реза Пехлеви. Значительные успехи в борьбе со смертностью, как и всюду в развивающихся странах того времени, были достигнуты благодаря развитию здравоохранения, массовой вакцинации против инфекционных болезней, свирепствовавших в Иране и уносивших огромное количество жизней, особенно в молодом возрасте, осушению болот для ликвидации очагов малярии и другим санитарным мероприятиям. В результате самые опасные инфекционные болезни были почти побеждены. Благодаря кампании по ликвидации малярии, проводившейся с 1949 г., количество заражений сократилось до 12 тыс. в 1976 г. (около 1 млн в середине 1920-х годов). Была создана сеть медицинских учебных заведений и исследовательских институтов, в несколько раз возросло число врачей на душу населения (в 1976 г. один врач приходился на 2 тыс. человек, в середине 1920-х годов — на более чем 10 тыс. человек) и больничных коек (в 1976 г. — 1,5 койки на 1000 человек). Значительно возросла доступность медицинского обслуживания [Rod 2008].

Улучшение ситуации в сфере здравоохранения происходило на фоне стремительного экономического роста, особенно с начала 1970-х годов после резкого скачка цен на нефть. ВВП на душу населения в паритете покупательной способности стремительно вырос: с 1,8 тыс. долл. в 1956 г. до 8 тыс. долл. в 1976 г. [Bahramitash, Salehi Esfahani 2008]. Было в целом ликвидировано и острое недоедание: к 1979 г. уровень потребления в стране достиг 2,6 тыс. ккал — заметно выше нормы, рекомендованной ВОЗ (2,3 тыс. ккал). Производство сельскохозяйственной продукции за 1965-1979 гг. выросло в 2 раза [Коротаев и др. 2010: 178-198].

Описанные выше модернизационные процессы в Иране к 1970-м годам привели к резкому снижению смертности. Так, общий коэффициент смертности опустился до 17,0‰ в 1956-1966 гг. и 13,0‰ в 1966-76 гг. [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. По данным

Статистического центра Ирана, младенческая смертность, составлявшая 189‰ в среднем за 1950-1954 гг., продемонстрировала достаточно быстрое падение: 143‰ в 1965-1969 гг. и 115‰ в 1975-1979 г. Средняя продолжительность жизни, служащая обобщающей характеристикой смертности, также значительно выросла: с 46 лет в 1950-1955 гг. до 53 лет в 1965-1970 гг. А ее уровень, достигнутый в 1975-1980 гг. (58 лет), говорил о том, что показатели смертности, характерные для традиционного типа воспроизводства, остались далеко позади [Hourcade, Balland 1994]. Оценки ООН, подтверждая факт серьезного снижения смертности, все же несколько расходятся с иранскими данными, указывая на заметно более высокую младенческую смертность в 1950-1955 гг. (220‰) и заметно более низкую для 1975-1980 гг. (95‰). Продолжительность жизни по расчетам ООН составила для тех же периодов 40,6 и 56,7 года. Снижился и отрыв Ирана по этим важнейшим демографическим показателям от развитых стран Запада, давно завершивших демографический переход. Например, отставание Ирана по средней продолжительности жизни от этих стран составило 16 лет в 1975-1979 гг. по сравнению с 28 годами в 1950-1955 гг. [United Nations... 2017].

Безусловно, в стране наблюдался очевидный социально-экономический прогресс в результате мероприятий, проведенных в рамках начатой шахом в 1963 г. Белой (т. е. бескровной) революции. Так, число учащихся начальных школ выросло с начала 1960-х до конца 1970-х годов с 1640,0 до 4080,0 тыс., а средних — с 370,0 до 741,0 тыс. Были созданы Корпуса здравоохранения и образования, которые провели большую работу для повышения этих двух показателей в отсталых районах, особенно среди женщин. Однако при этом в стране сохранялось множество острейших проблем. Хотя в результате аграрной реформы некоторые крестьяне получили землю, удобрения и трактора, резко улучшив свой уровень жизни, но большинству из их досталось очень мало земли или не досталось ее вообще, и они подались в города, пополняя население трущоб. Очень быстрый экономический рост не был сбалансированным, а сопровождался крайне высоким экономическим неравенством, которое со временем только росло. Например, доля расходов 20% беднейших городских домохозяйств в расходах всех горожан снизилась с 1959-1960 до 1973-1974 гг. с 4,6 до 3,7%, в то время как доля 20% самых богатых поднялась с 51,7 до 55,4% (разрыв между ними, таким образом, вырос с 11 до 15 раз). Степень экономического неравенства в Иране 1970-х была одной из самых высоких в мире. К концу 1970-х годов она еще повысилась благодаря нефтяному буму, доходы от которого в основном сосредоточились в самом верхнем слое общества. Стремительно росло расслоение не только между городом и деревней, но и между богатыми и бедными кварталами городов. Северный Тегеран достиг очень высокого, западноевропейского уровня жизни, а жители многих районов Южного Тегерана не имели не только инфраструктуры, но и элементарных жилищных условий. Колоссальный разрыв наблюдался и между столицей и остальным Ираном: к середине 1970-х годов в Большом Тегеране проживало менее 20% иранцев, но концентрировалось 42% больниц, 50% врачей, 66% студентов и около 70% владельцев автомобилей. Нефтяной бум привел к резкому росту социальных ожиданий, но не сопровождался повышением уровня жизни значительных слоев общества. Страна столкнулась с проблемой утечки умов. В 1970-х годах иранских врачей в Нью-Йорке было больше, чем в любом иранском городе, кроме Тегерана. При этом государство вместо решения социальных проблем предпочитало тратить колоссальные

средства на военные расходы: они выросли в 120 раз - с 60 млн долл. в 1954 г. до 7,2 млрд долл. в 1977 г. (в постоянных ценах 1973 г.) [Abrahamian 2008].

Огромный рост импорта сельскохозяйственной продукции с 32 млн долл. в 1972 г. до 2,5 млрд долл. в 1978 г. нанес колоссальный удар по иранскому сельскому хозяйству и резко затормозил развитие деревни. В начале 1960-х годов иранские города опережали деревню по потреблению на душу населения в 2 раза, а в 1978 г. — уже в 8 (по другим данным — 10) раз. За 1970-1971 — 1974-1975 гг. доходы горожан, в среднем за год, росли на 3,7%, а крестьян — уменьшались на 3,4% [Алиев 2004].

Ясно, что такой колоссальный разрыв в уровне жизни между городским и сельским населением не мог не сказаться и на демографических и санитарных показателях. Действительно, санитарное состояние городов было гораздо лучше, чем в иранских деревнях. В последних, по данным на 1976 г., 27,7% домохозяйств пользовались электричеством, у 19,9% была водопроводная вода и у 2,8% была в доме ванна (душ) с горячей водой. В городах ситуация была намного лучше: там эти показатели были равны 97,8, 90,1 и 45,7% соответственно. Кроме того, деревням мало что доставалось и из медицинской помощи: в 1979 г. 54% врачей проживали в Тегеране и 6 других крупных городах, 46% — в других городах, и почти никто не жил в деревнях. В 1970-х годах на здравоохранение выделялось всего 2,5-3,5% госбюджета, причем львиная доля средств тратилась на строительство больниц в больших городах, а сельская местность оставалась без необходимых медицинских учреждений. Такая ситуация приводила к повышенной смертности среди сельского населения. Так, в 1976 г. средняя продолжительность жизни городских мужчин была равна 60,7 года, а городских женщин — 62,2 года, в то время как в сельской местности — только 50,7 и 51,7 года соответственно, т.е. деревня отставала от города по этому показателю на целых 10 лет. Еще хуже обстояли дела с младенческой смертностью — показателем, наиболее чувствительным к социально-экономической ситуации и неравенству. Она, в среднем, составляла 105,4‰, но у горожан — 60,4‰, а у жителей сел — 123,7‰ (разрыв — 2,05 раза). Во многом за счет гораздо более высокой младенческой смертности общий коэффициент смертности в деревнях значительно превышал городской: 14,3‰ против 8,3‰ или в 1,72 раза выше [Aghajanian et al. 2007]. Через год, в 1977 г., 65% населения Ирана все еще было лишено доступа к медицинской помощи (причем, в сельской местности почти никто не мог ее получить). Вакцинация охватывала далеко не всех детей. Поэтому в иранских деревнях детские инфекционные и социальные заболевания, такие как корь, дифтерия, полиомиелит, туберкулез, были обычным явлением [Николаев 2014]. Очень высоким был уровень материнской смертности — в 1974 г. ее коэффициент составил 237 случаев на 100 тыс. родившихся живыми [Saadat et al. 2010].

В целом смертность в Иране в 1950-70 гг. быстро снижалась. Однако быстрое снижение смертности наблюдалось и во всем мире, включая самый слаборазвитый регион мира — Африку к югу от Сахары. Там общий коэффициент смертности с 1950-х по 1970-е годы снизился в среднем с 30‰ до около 20‰ или в 1,5 раза. Это происходило благодаря помощи международных организаций, повсеместному внедрению сравнительно дешевых и доступных препаратов и противоэпидемическим мерам; в африканских государствах быстро увеличивалось число больниц и врачей (причем рос и профессиональный уровень

самых врачей), в несколько раз выросли расходы на здравоохранение, причем доход на душу населения часто вообще не рос и оставался крайне низким [Абрамова 2010: 157-158]. Если даже африканские страны в условиях крайней нищеты и отсталости смогли резко сократить смертность за короткий срок, то Иран с его сверхвысокими нефтяными доходами мог бы добиться значительно больших успехов, чем это произошло в реальности, хотя бы за счет создания системы здравоохранения, адекватно укомплектованной медперсоналом, которая охватывала бы не только большие города, но и сельскую местность. Но этого не было сделано.

Несмотря на заметное снижение младенческой смертности и ощутимый рост продолжительности жизни, эти показатели все еще оставались достаточно низкими, и значительная, если не большая, часть иранцев, особенно в сельской местности и отсталых районах, не имела доступа к качественным услугам здравоохранения и современным бытовым удобствам. Успешно начав второй этап эпидемиологического перехода, страна была еще очень далека от его завершения: детская и материнская смертность, вызываемые в основном экзогенными причинами, были все еще очень велики.

Изменения в рождаемости

Рождаемость в Иране в 1956-1966 гг. оставалась на том же уровне, что и десятилетием ранее: общий коэффициент рождаемости составлял 48,6‰. Благодаря снижению смертности резко вырос естественный прирост — до 31,6‰ в год [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. Это означает, что темпы демографического взрыва стали исключительно высокими. Перепись населения, проведенная в 1966 г., показала, что численность населения Ирана возросла до 25,8 млн человек, из которых 46,1% составляли дети до 15 лет (таблица 1). По сравнению с предыдущей переписью население Ирана сильно помолодело, так как в межпереписной период особенно быстро росло число детей — на 4% в год (таблица 2).

Год спустя, в 1967 г., в рамках Министерства здравоохранения была учреждена должность заместителя министра населения и планирования семьи, чтобы снизить рост населения, и правительство официально начало свою деятельность по распространению планирования семьи. Программа планирования семьи начала функционировать в рамках осуществления Четвертого плана развития (1968-1972 гг.), и в течение этого периода было основано множество медицинских центров разного уровня, оказывавших услуги по планированию семьи. Программа планирования семьи при шахе была направлена преимущественно на женщин среднего класса в городах и была среди них достаточно успешна, а вот доля остального населения, пользовавшегося ее услугами, была весьма небольшой. К тому же главный ее акцент был сделан на подготовку медицинского и вспомогательного медицинского персонала и на предоставление услуг поликлиниками, значительно меньшее внимание уделялось преодолению культурных, социальных и экономических барьеров по контролю рождаемости, особенно в сельских районах. Поэтому программа не могла быть настолько эффективной и успешной, как планировалось [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. Тем не менее программа все же в целом принесла заметные результаты. В 1975 г. государство выделило для распространения контрацепции 28 млн долл. (второе место в мире). 67% супружеских пар, пользовавшихся контрацепцией, получали ее именно через государственные учреждения планирования семьи [Mehryar et al. 2001].

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста населения Ирана в межпереписные периоды, %

Период между переписями	Все население	В том числе в возрасте, лет			
		0-14	15-29	30-64	65 и старше
1956-1966	3,1	4,0	2,4	2,4	2,9
1966-1976	2,7	2,4	4,3	2,1	1,6
1976-1986	3,9	4,1	4,3	3,3	2,3
1986-1996	2,0	0,5	2,7	3,0	5,7
1996-2006	1,6	-2,9	3,8	3,8	3,6
2006-2011	1,3	-0,1	-0,7	3,9	3,2
2011-2016	1,2	...	...	...	...

Источники: Расчеты автора по данным [Statistical Centre... 2014, Статистический центр... 2017].

Данные следующей переписи говорят о том, что эта программа все-таки привела к некоторому уменьшению роста населения Ирана. Перепись, проведенная в 1976 г., показала, что в Иране проживает 33,7 млн человек, из которых 44,5% составляют дети в возрасте до 15 лет (таблица 1). Темпы прироста общей численности населения в период между переписями 1966 и 1976 г. замедлились по сравнению с 1956-1966 гг., составив 2,7% против 3,1% (таблица 2). Обращает внимание некоторое уменьшение доли детей, а также резкое падение темпов роста их числа: до 2,4% в 1966-1976 гг., или почти в 2 раза. Это свидетельствует о реальном снижении рождаемости, а значит, об определенном эффекте программы планирования семьи. Общий коэффициент рождаемости снизился до 40,1‰, общий коэффициент смертности — до 13‰, а естественный прирост составил 27,1‰ [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. Более адекватный показатель воспроизводства населения, суммарный коэффициент рождаемости, также свидетельствовал о ее заметном падении в 1970-е годы. Он был равен 7,3 ребенка, которые должны были бы родиться у среднестатистической женщины к 50 годам при сохранении на протяжении ее жизни возрастных показателей рождаемости 1956 г. [Abbasi et al. 2002], затем заметно вырос — до 7,7 в 1966 г.¹, но в следующее десятилетие резко упал, достигнув уровня 6,3 в 1976 г. Особенно серьезное падение было отмечено у горожан (с 6,3 до 4,4), а вот у жителей деревень изменение было крайне небольшим (с 8,2 до 7,8) [Aghajanian, Mehryar 1999]. Это означает, что падение рождаемости в Иране в целом произошло главным образом за счет горожан, на которых и была направлена программа планирования семьи. Известно, что городские жители не только в Иране, но и во всех странах мира, более образованы и восприимчивы к новым идеям и веяниям, в том числе и к практике планирования семьи.

Этот тезис подтверждают и данные по использованию контрацепции. В обследовании рождаемости, проведенном в 1976 г., приняли участие 4,7 тыс. женщин, состоявших в браке. Всего применяли контрацепцию 36% (традиционную — 28% из них, а современную — 72%), в том числе 54% горожанок и 20% сельских жительниц. Интересно, что среди горожанок было гораздо больше людей, полагавшихся на традиционные методы контрацепции (37%), существовавшие в Иране много веков назад, чем на селе, где

¹ Такой рост может быть связан с уже упоминавшимся ранее некоторым улучшением жизни иранцев, ликвидацией голода и сокращением инфекционных болезней, в результате чего в условиях отсутствия сколько-нибудь заметного контроля рождений должна была снизиться доля мертворожденных и соответственно вырасти рождаемость, куда включают лишь живорождения.

подавляющее большинство (75%) применяло современную контрацепцию. Такие неожиданные показатели могут создать ложное впечатление, что иранская деревня была более продвинутой, чем город, но на самом деле они связаны с тем, что заметная часть горожан издавна, еще задолго до 1967 г., использовала традиционную контрацепцию, чувствуя потребность в ограничении числа детей [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. В то же время 80% сельских женщин вообще не применяли никакую контрацепцию (в городах — менее 50% женщин). Данные обследования подтверждали, что программа планирования семьи оказала заметное влияние на ограничение рождаемости, поскольку распространила современную контрацепцию среди значительного количества горожан и некоторых жителей деревни.

Можно добавить, что оценки рождаемости ООН весьма близки к иранским и также указывают на тенденцию быстрого ее снижения в этот период: за 1950-1955 — 1975-1980 гг. общий коэффициент рождаемости упал с 50,7‰ до 42,7‰, а суммарный коэффициент — с 6,91 до 6,28 [United Nations... 2017].

Важнейшим фактором снижения рождаемости, как уже говорилось выше, является грамотность населения. Данные о грамотности населения Ирана до Исламской революции достаточно скудны. В 1976 г. процент грамотных 15 лет и старше составил для мужчин 48,2%, а для женщин 24,4% [World Bank 2017]. Если предположить примерно равную долю мужчин и женщин, то всего в Иране было 36% грамотных. Таким образом, уровень грамотности в Иране еще не достиг необходимого уровня для устойчивого снижения рождаемости (50%), и ее снижение, вероятно, было обусловлено воздействием программы планирования семьи, прежде всего в городах, а также ростом числа людей со средним и высшим образованием, у которых рождаемость гораздо ниже средней. Обследование 1976 г. показало чрезвычайно большие различия между рождаемостью женщин с разным уровнем образования: средняя иранка к 35-39 годам родила 6,3 ребенка, в том числе без образования — 6,6, с начальным образованием — 5,3, со средним — 3,5, с высшим образованием — 1,7, что заметно ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства [Abbasi-Shavazi et al. 2008]. Постепенно возрастала доля городского населения, которая увеличилась с 31,4% в 1956 г. до 38,0% в 1966 г. и 47,0% в 1976 г. [Statistical Centre... 2014]. Такие высокие темпы урбанизации были обусловлены прежде всего массовой миграцией безземельных крестьян в города, которые, очевидно, перенимали демографическое поведение уже укоренившихся горожан и также начинали ограничивать число детей (иначе рождаемость в городах не падала бы так быстро). Резкое увеличение доли горожан, у которых благодаря программе планирования семьи рождаемость резко снижалась, способствовало заметному снижению рождаемости на уровне страны в целом, несмотря на очень большое число детей в сельских районах и низкий уровень грамотности. В Иране началась третья фаза демографического перехода.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ИРАНА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1979-1989 гг.)

Зигзаги рождаемости в первое послереволюционное десятилетие

Новый режим, пришедший к власти после Исламской революции, пользовался поддержкой значительной части населения Ирана. Однако на страну сразу же после революции обрушились серьезнейшие испытания. В сентябре 1980 г. началась восьмилетняя война с Ираком, которая потребовала напряжения всех сил. В начале 1980-х годов в стране была серьезная внутривнутриполитическая нестабильность [Алиев 2002]. Иран подвергся экономической блокаде со стороны США, что сопровождалось массовыми разрушениями из-за иракской агрессии: многие приграничные города и деревни были буквально стерты с лица земли. Особенно пострадала инфраструктура нефтедобычи, доходы от нефти (основного источника средств существования для Ирана) к 1988 г. упали в три раза. ВВП на душу населения значительно уменьшился [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. В таких условиях правительство ликвидировало шахский Совет планирования семьи и начало всячески поощрять высокую рождаемость, объявив своей целью создание двадцатимиллионной армии. В условиях кровопролитной войны многие женщины старшего возраста стали рожать больше детей, боясь, что их сыновья погибнут на войне. Также была введена всеобщая система рационирования: на каждого члена семьи выдавался талон на получение основных продуктов; государство распределяло по талонам также телевизоры, холодильники, ковры и даже автомобили. Поскольку талоны значительно перекрывали затраты на уход за детьми, многие иранцы, чтобы их получить, старались родить больше детей [Abbasi et al. 2002]. По некоторым оценкам, суммарный коэффициент рождаемости в Иране вырос к 1984 г. до 6,8 детей на женщину. Но затем серьезное снижение жизненного уровня и существенный рост стоимости воспитания и образования детей перевесили выгоды рационирования, суммарная рождаемость снизилась до 6,3 в 1986 г. и 5,5 в 1988 г. [Воронов 2006]. Оценки ООН также говорят о заметном падении суммарного коэффициента рождаемости: с 6,53 в 1980-85 гг. (впрочем, эта цифра представляется заниженной) до 5,62 в 1985-1990 гг. [United Nations... 2017]. На это снижение также влияли модернизационные факторы: уровень грамотности поднялся к 1986 г. до 63,1% у мужчин и 41,0% у женщин [World Bank 2017], достигнув 52% в целом по стране, т.е. превысив тот уровень, когда рождаемость должна начать устойчиво снижаться. Уровень урбанизации также заметно вырос — до 54,3% населения [Statistical Centre... 2014]. Быстрому восстановлению тренда на снижение рождаемости способствовало и то обстоятельство, что само планирование семьи было разрешено высшим духовенством, в стране, как и при шахе, свободно продолжали действовать государственные и частные клиники, предоставлявшие эти услуги. Число пациентов государственных клиник, после революции перешедших в подчинение Министерства здравоохранения, возросло с 4,2 млн в 1979-1980 гг. до 7 млн в 1987 г. [Mehryar et al. 2001]. В 1989 г. уровень использования контрацепции среди опрошенных 9 тыс. женщин составлял 49%, в том числе 38% из них применяли традиционные методы. В городах контрацепцией пользовались 64% женщин, а на селе — только 31%, причем традиционные методы использовали 27% всех городских женщин (42% от тех, кто контролировал рождаемость) против 20% в 1976 г. [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. Вероятно, такой рост означал, что несмотря на оказание услуг планирования семьи, спрос

рос быстрее предложения и население нуждалось в значительном их расширении.

Перепись 1986 г., проведенная в срок, несмотря на войну, показала резкое увеличение темпов роста населения до 3,9% в год (таблица 2). Его численность составила 49,4 млн человек (таблица 1), из которых дети до 15 лет составляли 45,5% (темпы прироста их численности вырос до 4,1% в год). В 1976-1986 гг. естественный прирост, несмотря на массовую миграцию афганских беженцев, был самым высоким за всю историю страны (36,0‰), как и общий коэффициент рождаемости (50,2‰) [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. Рост рождаемости после революции привел к беспрецедентно высокому росту населения.

Первоначально власти приветствовали результаты переписи. Премьер-министр М. Мусави назвал стремительный, «ракетоподобный» рост населения «Божьим даром». Однако позднее иранское руководство, осознав весь масштаб экономического кризиса и последствия неконтролируемого роста населения в данных условиях, пересмотрело свои взгляды. Этому способствовал и пятилетний план развития, изданный Организацией планирования и бюджета, где всячески подчеркивалась полная неадекватность имеющихся ресурсов и стремительно тающих валютных резервов колоссальному демографическому давлению, из-за чего исламский режим не может обеспечить базовые потребности населения (питание, жилье, здравоохранение, образование), что он обязан сделать по Конституции [Mehryar et al. 2001]. Одной из важных причин изменения взглядов властей в сторону желательности ограничения рождаемости стал исключительно быстрый рост численности молодежи, значительную часть которой находившаяся в глубоком кризисе экономика не могла обеспечить рабочими местами [Воронов 2006].

Мероприятия в сфере здравоохранения и дальнейшее снижение смертности

Несмотря на весьма тяжелую ситуацию в экономике, исламское правительство мобилизовало все имеющиеся небольшие ресурсы для решения серьезных проблем в здравоохранении — наследии режима шаха. Расходы на социальные нужды к концу периода выросли до 46,9% бюджета, была создана система социальной защиты, при которой самые нуждающиеся, а также семьи погибших на войне стали получать помощь от государства, мечетей и исламских фондов [Ульченко, Мамедова 2006]. С 1985 г. возникает новая эффективная система здравоохранения. Медицинские учреждения появляются в бедных городских районах, а также в большинстве деревень, где их не было при прежнем режиме. В деревнях появляются «дома здоровья», доступные местному населению, где работают врачи — выходцы из самих этих деревень, хорошо знающие их жителей [Vahidnia 2007]. В 1979 г. было создано Министерство созидательного джихада, которое активно строит дороги и инфраструктуру в деревнях, проводит туда электричество и обеспечивает качественной питьевой водой, помогает крестьянам вести хозяйство, обучает их грамоте, сооружает школы, больницы, мечети. В 1980-1990 гг. организация построила 52 тыс. км дорог и в 3 раза увеличила число деревень, имевших чистую питьевую воду и электричество [Кожанов 2006]. Улучшение демографических показателей свидетельствует о высокой эффективности проведенных исламским режимом мероприятий. По данным Всемирного банка, средняя продолжительность жизни мужчин в Иране с 1979 до 1989 г. выросла с 52,1 до 59,3 года, а женщин — с 58,5 до 65,7 года (на 7,2 года); младенческая

смертность упала за это время в 1,9 раза — с 83,7 до 44,6‰ [World Bank 2017]. Впрочем, оценки младенческой смертности на 1979 г. могут быть несколько занижены, хотя впечатляющий прогресс в любом случае очевиден. По другим данным, младенческая смертность достигла 65‰ в 1986 г., снизившись в 1,72 раза по сравнению с 1976 г. [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. ООН приводит следующие оценки младенческой смертности: 71‰ в 1980-1984 гг. и 50‰ в 1985-1990 гг. [United Nations... 2017]. Правда, в этот период действовал катастрофический фактор — война с Ираком, которая унесла жизни около 190 тыс. человек [BBC Persian 2015] или около 0,4% населения и до 3% 15-29-летних мужчин. Но можно с уверенностью сказать, что число предотвращенных в результате осуществленных преобразований смертей было в несколько раз больше. Иран достиг большого прогресса на пути второго этапа эпидемиологического перехода за очень короткий срок, умело использовав гораздо меньший объем средств, чем был в распоряжении шаха.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ИРАНА В 1989-2016 ГГ.

Новая программа планирования семьи — беспрецедентное снижение рождаемости

Экспертам из Организации по планированию и бюджету, а также из Министерства здравоохранения удалось убедить правительство в необходимости возобновить политику планирования семьи. В 1988-1989 гг. состоялось несколько семинаров с участием высокопоставленных чиновников, экспертов из области экономики, а также высшего духовенства. На них было принято окончательное решение о необходимости возобновить программу планирования семьи. В декабре 1988 г. Высший судебный совет вынес решение, что планирование семьи не противоречит исламской религии. Премьер-министр заявил, что планирование семьи — судьбоносный фактор для Ирана, без которого не может быть никакого успешного развития и повышения благосостояния, и призвал женщин предотвращать нежелательные беременности. Несмотря на оппозицию новому курсу со стороны некоторых влиятельных духовных лиц, в 1989 г. была принята новая программа планирования семьи, а в 1993 г. — Закон о планировании семьи. В пятилетнем плане развития 1989 г. была поставлена задача снизить суммарный коэффициент рождаемости до 4,0, а естественный прирост — до 2,3% к 2006 г. Кроме того, предполагалось добиться, чтобы в семьях было не более 3 детей; свести к минимуму беременности у женщин до 18 и старше 35 лет; увеличить интервал между рожденьями (не менее 3-4 лет). Для реализации этих целей Министерству здравоохранения были даны все необходимые полномочия и возможности, чтобы каждая семья могла бесплатно получить средства регулирования рождаемости. С ним должны были сотрудничать другие министерства, а также Иранская государственная телерадиокомпания, чтобы распространить среди населения идею о важности планировании семьи. Кроме того, программа выходила далеко за пределы собственно вопросов рождаемости и планирования семьи: в ней ставились задачи уменьшения смертности в детском возрасте, обеспечения женщин и детей хорошим питанием, улучшения их уровня образования и занятости, полного охвата родителей страхованием и пенсиями, чтобы им не нужно было производить на свет много детей для

поддержки в старости. В качестве средств планирования семьи были разрешены все виды контрацепции, включая стерилизацию, но аборт оставался под запретом, за исключением угрозы жизни женщины [Mehryar et al. 2001].

Огромное значение имело масштабное вовлечение в программу планирования семьи женщин-волонтеров в бедных районах городов и женщин-акушеров в сельских районах, которые работали в своих родных деревнях. Благодаря им, бедным городским и сельским женщинам стала доступна контрацепция, заметно снизилась младенческая и материнская смертность. Важной частью программы стал ее образовательный аспект: в школах, университетах, через СМИ, прессу, проповеди в мечетях людям разъясняли вред быстрого роста населения и необходимость контролировать рождаемость, чтобы достичь высокого качества жизни и дать возможность будущим поколениям получить хорошее здравоохранение и образование. Условием регистрации брака стало обязательное прохождение курсов, на которых обучали, как пользоваться контрацепцией [Vahidnia 2007]. Очень важное значение для в высшей степени религиозного иранского общества имела легитимация программы высшим духовенством, благодаря чему она была принята верующими людьми, в чем Иран выгодно отличался от многих других исламских стран, таких как Пакистан, где религиозные барьеры часто мешали распространению планирования семьи. И главное, благодаря созданной при исламском режиме развитой сети поликлиник, средства планирования семьи удалось распространить практически на всю страну, так что для 90% населения ближайший центр планирования семьи располагался менее чем в часе ходьбы [Abbasi-Shavazi et al. 2009].

Перепись, проведенная в 1996 г., показала стремительное падение рождаемости и темпов роста населения. Общее число жителей Ирана достигло 60,1 млн человек, из них дети до 15 лет составляли 39,5% (таблица 1). Доля детей впервые опустилась ниже 40%, а доля пожилых поднялась выше 4%, что означало существенный сдвиг в структуре населения из-за понизившейся рождаемости. Темпы прироста общей численности населения за период между переписями 1986 и 1996 гг. составили в среднем 2,0% в год, а темпы прироста населения в возрасте до 15 лет – всего 0,5% в год. Общий коэффициент рождаемости снизился в 1996 г., по официальным оценкам, до 20,5‰ (всего 41% от уровня 1976-1986 гг.), а суммарный — до 2,96 ребенка [Mehryar, Ahmad-Nia 2004]. Таким образом, суммарный коэффициент 1996 г. оказался на целого ребенка ниже значения, ожидавшегося в 2006 г., а общая рождаемость упала даже ниже значения прироста, запланированного на тот же год. Цели программы планирования семьи были, ко всеобщему удивлению, достигнуты на десятилетие раньше.

В 2000 г. для лучшего понимания столь стремительных и неожиданных демографических изменений было проведено очень большое обследование: опрошено 87,4 тыс. женщин. В результате было установлено, что рождаемость снизилась еще больше — до 2,17 ребенка на женщину (ниже уровня простого воспроизводства): 2,0 в городе и 2,4 в деревне (для сравнения: в 1984 г. — 5,8 и 8,4 соответственно). 73,8% использовали какую-либо контрацепцию, в том числе 24,1% из них — традиционную. Ограничивали рождаемость 77% горожанок и 67% жительниц деревень. 22% всех городских жительниц применяли традиционные методы по сравнению с 10% на селе. Таким образом, иранская деревня обогнала город по использованию современной контрацепции: ее применяли 57%

крестьянок по сравнению с 55% городских женщин. При этом между женщинами не было серьезных различий по уровню образования: контрацепцию применяли 69% неграмотных; а у женщин с начальным, средним и высшим образованием ее использование было одинаковым — по 75%. Но сами методы резко отличались. К женской стерилизации прибегали 29,2% неграмотных, 19% получивших начальное образование, 10% получивших среднее и только 6,6% получивших высшее образование. В то же время процент полагающихся на традиционную контрацепцию выглядел несколько неожиданно: 7,6% среди неграмотных женщин, 15,6% среди имеющих начальное образование, 21,9% среди женщин со средним и 27,2% среди женщин с высшим образованием. Это объясняется тем, что у неграмотных женщин уже было большое число детей и они хотели полностью прекратить деторождение, а женщины с более высоким образованием знают о побочных эффектах некоторых видов контрацепции и предпочитают традиционные методы [Abbasi-Shavazi et al. 2009]. Столь широкое распространение стерилизации вызвано еще и тем, что ее осуществление (в случае, если брачная пара не страдала бесплодием) стало главным условием получения помощи от крупнейшего государственного благотворительного фонда — Комитета помощи имама Хомейни, причем малоимущие (т.е. в основном неграмотные и слабо образованные) семьи, имевшие более двух детей и нуждавшиеся в его помощи, стерилизовались бесплатно и вне очереди [Тарихче-йе контроль-е... 2014].

Итак, в стране, которую многие воспринимали (и воспринимают) как чрезвычайно консервативную и приверженную вековым традициям, вдруг в кратчайшие сроки и с невероятной быстротой снизилась рождаемость, что свидетельствует об огромном потенциале модернизации иранского общества. Демографический переход в Иране к концу XX века был фактически завершен. Решающую роль в этом сыграло стремительное распространение практик и техник планирования семьи в сельской местности и среди бедного городского населения благодаря чрезвычайно эффективной программе планирования семьи, которая привела к тому, что всего за 16 лет рождаемость в иранской деревне упала почти в 4 раза. А в целом по стране она снизилась за 13 лет в 3 раза. Подобных темпов, вероятно, не наблюдалось больше нигде в мире [Ходунов 2014]. Свою роль, безусловно, играл и продолжавшийся рост урбанизации и грамотности, о чем будет сказано ниже.

В последующие годы суммарный коэффициент рождаемости оставался на уровне ниже простого воспроизводства и даже еще упал — до 1,9 по переписи 2006 г. (2,1 в сельской местности и лишь 1,7 в городах), причем 52% населения Ирана проживали в регионах с особо низкой рождаемостью — от 1,15 до 1,45 [Mehryar, Aghajanian 2009]. А еще за двадцать лет до этой переписи казалось невероятным, что в этой стране с исключительно высоким уровнем рождаемости она не только опустится ниже уровня простого воспроизводства, но и вообще сможет приблизиться к этому уровню в ближайшие десятилетия. По переписи 2006 г. численность населения Ирана достигла 70,5 млн (темпы прироста за 1996-2006 гг. составили 1,62% в год), из них дети в возрасте до 15 лет составляли 25,1% населения (убыль населения моложе 15 лет — около 3,0% в год; таблицы 1, 2). Доля горожан в 2006 г. повысилась до 68,5% против 61,3% в 1996 г. Через пять лет, в 2011 г., состоялась новая перепись, зафиксировавшая продолжение наметившихся демографических тенденций. При общей численности населения в 75,1 млн человек (рост

за пятилетие — на 1,3% в год) доля детей моложе 15 лет составила 23,4%, населения трудоспособных возрастов (15-64 лет) — 70,9%, пожилых людей 65 лет и старше — 5,7% (таблицы 1, 2). Столь стремительного изменения возрастной структуры за такой короткий срок Иран еще не знал.

Оценки ООН подтверждают стремительное сокращение рождаемости в Иране: ее общий коэффициент упал с 28,1‰ в 1990-1995 гг. до 17,9‰ в 2000-2005 гг. и 18,2‰ в 2010-2015 гг., а коэффициент суммарной рождаемости — с 3,95 до 1,97 и 1,75 за те же годы [United Nations... 2017].

Столь серьезные потрясения в рождаемости были бы невозможны без значительных изменений в брачности. Действительно, в Иране в последние десятилетия наблюдались очень резкие изменения в этом плане и очевидный отход от брачности традиционного типа. Процент никогда не состоявших в браке 15-19-летних женщин увеличился с 54,1% в 1966 г. до 83,5% в 2000 г., 20-24-летних — с 13,4 до 47,1%, а 25-29-летних — с 3,8 до 20,8% за те же годы [Abbasi-Shavazi 2002]. Средний возраст вступления в брак женщин заметно вырос — с 19,7 года в 1976 г. до 19,8 в 1986 г., 22,4 в 1996 г. и 23,3 в 2006 г. Но изменения в брачности все-таки не сыграли основную роль в снижении рождаемости: в 1976-1996 гг. 85% снижения суммарного коэффициента рождаемости произошло за счет ограничения рождаемости в браке, а только 15% — за счет уменьшения брачности; в 1996-2006 гг. за счет ограничения брачной рождаемости снижение было меньше — на 65%, поскольку сама брачная рождаемость была уже достаточно низкой и оставалось меньше возможностей для ее ограничения [Abbasi-Shavazi et al. 2009].

На крайне низкую рождаемость было обращено внимание высшего иранского руководства, и летом 2012 г. программа планирования семьи была отменена решением Верховного лидера. На практике планирование семьи, кроме стерилизации, не было запрещено, но из-за значительного урезания бюджета на государственные программы средства планирования семьи стали гораздо менее доступны населению, поскольку государственные клиники больше не могли предоставлять их в достаточном количестве. Средства планирования семьи можно по-прежнему свободно получать через частный сектор, но за деньги [Karamouzian et al. 2014]. А в июле 2014 г. был принят закон о мерах по повышению рождаемости, в котором можно выделить несколько наиболее важных моментов. Месячные выплаты за рождение ребенка увеличиваются с 147 тыс. риалов за первого до 735 тыс. риалов² за пятого по очереди рождения ребенка. Матерям, родившим с третьего по пятого ребенка, выплачивается кредит *кард-оль-хасане* (беспроцентный) сроком на десять лет. Семьи, имеющие четырех и более детей и относящиеся к нижним децилям по экономическому положению, имеют право либо на льготный кредит по улучшению жилищных условий, либо на земельный участок 150 м² при условии строительства жилья и проживания на нем по крайней мере 15 лет [Эктесад-е Ирани 2014].

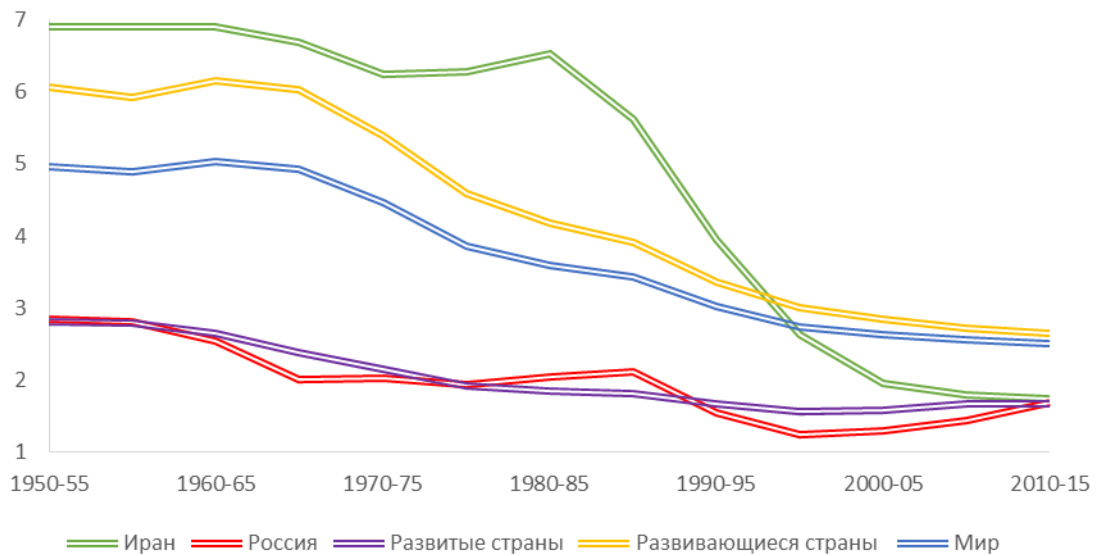
² В пересчете на рубли — 265 и 1324 рубля по официальному курсу валют на май 2017 г. URL: https://www.calc.ru/kurs-IRR-RUB.html?text_quantity=735000 (дата обращения: 09.05.2017).

Суммарный коэффициент рождаемости в результате принятых мер удалось несколько повысить: по данным иранской статистики, с 1,8 в 2011 г. до 1,9 в 2015 г.³ Однако это повышение не столь значительно, хотя остановку падения рождаемости уже можно назвать определенным успехом. Важно отметить, что желаемое число детей у супружеских пар, недавно вступивших в брак, составляет 2,3, т.е. несколько превышает уровень простого воспроизводства [Mehr News 2016]. Это означает, что возможности для большего повышения рождаемости существуют. Самая последняя перепись 2016 г., которая, кстати, на 46,4% прошла через Интернет, что представляет собой почти мировой рекорд, показала, что на протяжении всего межпереписного периода население Ирана росло и развивалось в условиях, когда рождаемость была ниже уровня простого воспроизводства, что наложило серьезный отпечаток на результаты переписи. По предварительным данным, население Ирана насчитывает 79,9 млн человек, а темпы его роста снизились до 1,2% (таблицы 1, 2), но все же остаются достаточно высокими. Городское население составляет 74%, значительно увеличившись по сравнению с 71,4% в 2011 г. Процент грамотных в возрасте 10-49 лет вырос с 91,7% в 2006 г. до 94,7% в 2016 г. Данные по возрастной структуре пока отсутствуют [Статистический центр... 2017]. Иран таким образом сравнялся по доле городского населения с развитыми странами мира, где она равна 75-80%, хотя по грамотности населения репродуктивного возраста, несмотря на серьезный прогресс (у мужчин — 79,9% в 1996 г., 87,3% в 2006 г. и 91,1% в 2015 г.; а у женщин — 66,1, 77,2 и 83,2% соответственно), отставание от Запада и Восточной Европы с их почти стопроцентной грамотностью все еще ощутимо [World Bank 2017]. Тем не менее и по этим двум индикаторам Иран явно стоит ближе к развитым странам, чем к большинству развивающихся. В заключение данного раздела можно привести некоторые сопоставления (рисунки 1, 2). Сравнение динамики коэффициентов суммарной рождаемости в Иране, России, развитых и развивающихся странах, а также в мире в целом (рисунок 1) показывает, что в Иране значения показателя вплоть до 1990 г. были заметно выше не только мирового уровня, но и уровня развивающихся стран (в 1980-1985 гг. — на целых 2,3 ребенка). Но позже начинается исключительно быстрое снижение рождаемости, в ходе которого уже в конце 1990-х годов коэффициент суммарной рождаемости в Иране оказался ниже среднемирового уровня, а в начале 2010-х годов стал на 0,9 ребенка ниже, чем в развивающихся государствах, и почти таким же, как в развитых странах и России (интересно, что Россия, в отличие от Ирана, пришла к этому уровню в результате существенного роста рождаемости от крайне низких значений конца 1990-х годов).

В Иране, где смертность снизилась сильнее, чем во всей группе развивающихся стран, а рождаемость долгое время оставалась высокой, на динамику общей численности населения (рисунок 2) влиял прежде всего уровень рождаемости. Поэтому неудивительно, что общая численность населения Ирана за весь рассматриваемый период увеличилась в гораздо большей степени (в 4,6 раза), чем в развивающихся государствах (3,6 раза) и тем более в России (1,4 раза). В то же время на графике хорошо видно заметное замедление

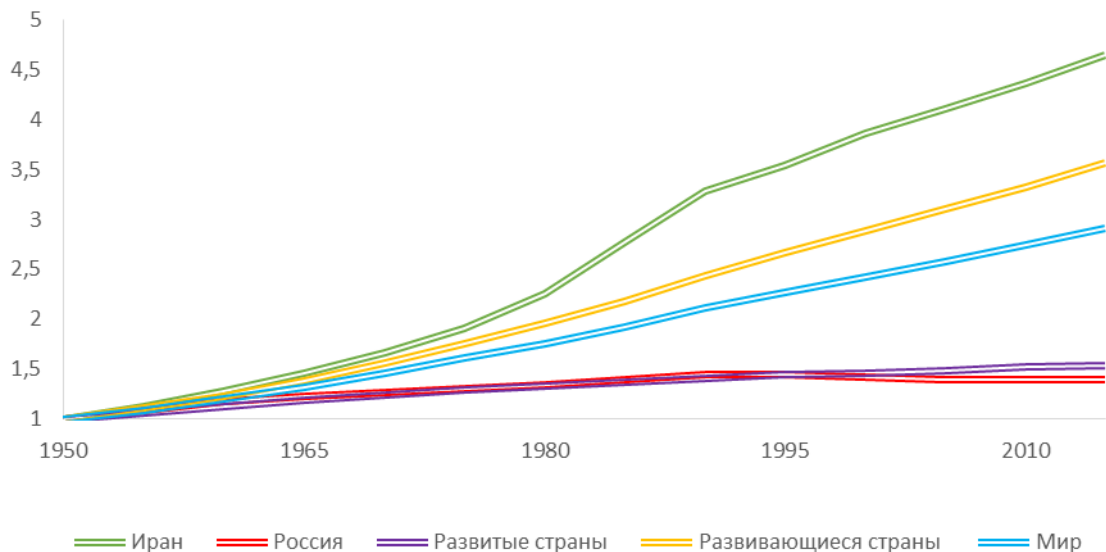
³ Это несколько выше, чем приведенные ранее оценки ООН, не учитывающие данные последних лет (представляется, что здесь стоит доверять достаточно надежной иранской статистике).

темпов роста населения Ирана после 1990 г., когда рождаемость начала особо быстро падать.

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости в Иране, России, развитых и развивающихся странах и мире в целом, 1950 — 2015 гг. (по пятилетиям), детей на женщину

Источник: [United Nations... 2017].

Рисунок 2. Динамика общей численности населения в Иране, России, развитых и развивающихся странах и мире в целом, 1950 — 2015 гг. (1950 г. = 1)

Источник: Расчеты автора на основе [United Nations... 2017].

Новые достижения и новые проблемы в динамике смертности

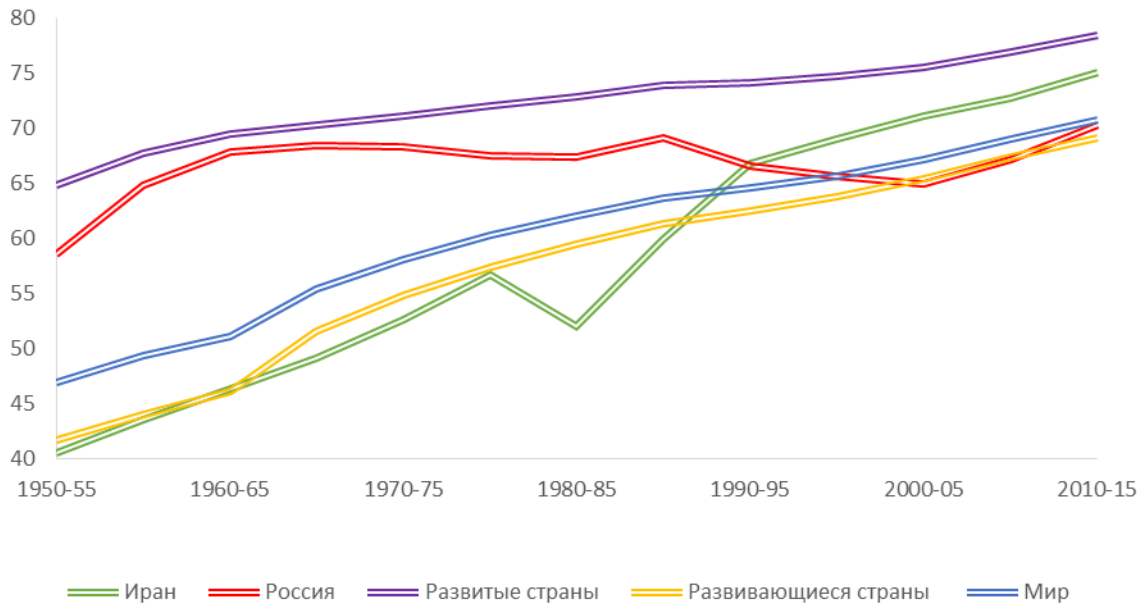
В 1990-е годы продолжалось развитие здравоохранения и инфраструктуры в сельской местности, и к 1998 г. около 85% сельских жителей получили доступ к первичной

медицинской помощи [Vahidnia 2007]. Произошло сближение социально-демографических индикаторов в городской и сельской местности: если еще в 1988 г. разрыв по уровню младенческой смертности был очень большим — 33‰ в городах и 58‰ в сельской местности (в 1,76 раза), то в 2000 г. — 27,7 и 30,2‰ соответственно (в 1,09 раза) [Mehryar et al. 2005]. Значительно выровнялось санитарное состояние и обеспеченность бытовой техникой. Так, если в 1977 г. телевизор могли смотреть 22,6% горожан и только 3,2% жителей сельской местности, то в 1984 г. — 79 и 25,6%, а в 2004 г. — 97,5 и 89,1% соответственно. Холодильниками пользовались в те же годы 36,5, 90,7 и 98,5% горожан и 7,6, 35,5 и 92,4% крестьян. Телефоны были в 1984 г. у 21,3% горожан, а в 2004 г. — уже у 81,2%, а в сельской местности ими пользовались 0,4% в 1977 г. и 49,4% в 2004 г. Электричество в городах было практически всеобщим уже в 1984 г. — 99,5%, а в 2004 г. — 100% (в сельской местности — 57,1 и 98,3%). Чистая питьевая вода была в 1984 г. у 96,2% горожан и 43,9% крестьян, а в 2004 г. — у 99,1 и 89% соответственно [Salehi-Isfahani 2006]. Этих результатов удалось добиться, невзирая на то, что в 1986 г. ВВП на душу населения составлял всего 61% от уровня 1976 г. и превысил этот уровень только к 2006 г. и то незначительно — в 1,02 раза [Bahramitash, Salehi Esfahani 2008]. Все это означает огромный прогресс в деле распространения современного здравоохранения, санитарных удобств и бытовой техники на весь Иран, что серьезно ускоряло демографический переход, в том числе, помогая распространению идей о планировании семьи (хотя бы с помощью телевизора).

Также следует отметить, что в Иране продолжала расти ожидаемая продолжительность жизни, причем как для мужчин, так и для женщин. По данным Всемирного банка, она составила для мужчин 68,3 года в 1996 г., 70,7 года в 2006 г. и 74,5 года в 2015 г., а для женщин — 69,2, 74,0 и 76,7 года соответственно. Вместе с тем все еще наблюдается определенное отставание этого показателя от развитых стран Запада с самым высоким ее уровнем: например, в странах ЕС эти показатели в 2015 г. достигли 78,5 года (показатель в Иране — -4 года) и 83,9 года (-7,2 года). Очень сильно сократилась в Иране младенческая, детская (до 5 лет), а также материнская смертность (ее коэффициент снизился с 132 случаев на 100 тыс. родившихся живыми в 1990 г. до 51 в 2000 г. и 25 в 2015 г. по сравнению с 216 во всем мире), хотя и здесь наблюдается весьма большое отставание от Запада. Тревогу вызывает чрезвычайно большая доля внешних причин в структуре смертности, хотя она в последнее десятилетие устойчиво снижается: с 16,2% в 2005 г. до 11% в 2015 г. Важнейшей причиной смерти этой категории в Иране являются дорожные аварии, которые наносят огромный урон здоровью населения. От них в стране в 2005 г. погибало 39 человек из 100 тыс., и, хотя этот показатель снизился к 2015 г. до 28, он остается еще весьма высоким, по нему страна занимает 29-е место в мире [World Bank 2017].

Согласно данным ООН (рисунок 3), ожидаемая продолжительность жизни в Иране в начале рассматриваемого периода отставала даже от уровня, характерного для развивающихся государств, однако с начала 1990-х годов стране удалось превысить не только уровень развивающихся стран (в настоящее время разрыв между Ираном и этими странами составляет 6 лет), но и мира в целом, что говорит о больших успехах Ирана в снижении смертности. Важно отметить, что Иран, отстававший по продолжительности

жизни от России еще в 1965-1970 гг. на 19 лет, уже в начале 1990-х годов преодолел это отставание, а в настоящее время уже Россия отстает от него на 4,8 года, несмотря на устойчивое повышение продолжительности жизни в последнее десятилетие. Последовательно сокращается разрыв между Ираном и развитыми государствами (до 3,3 года в настоящее время).

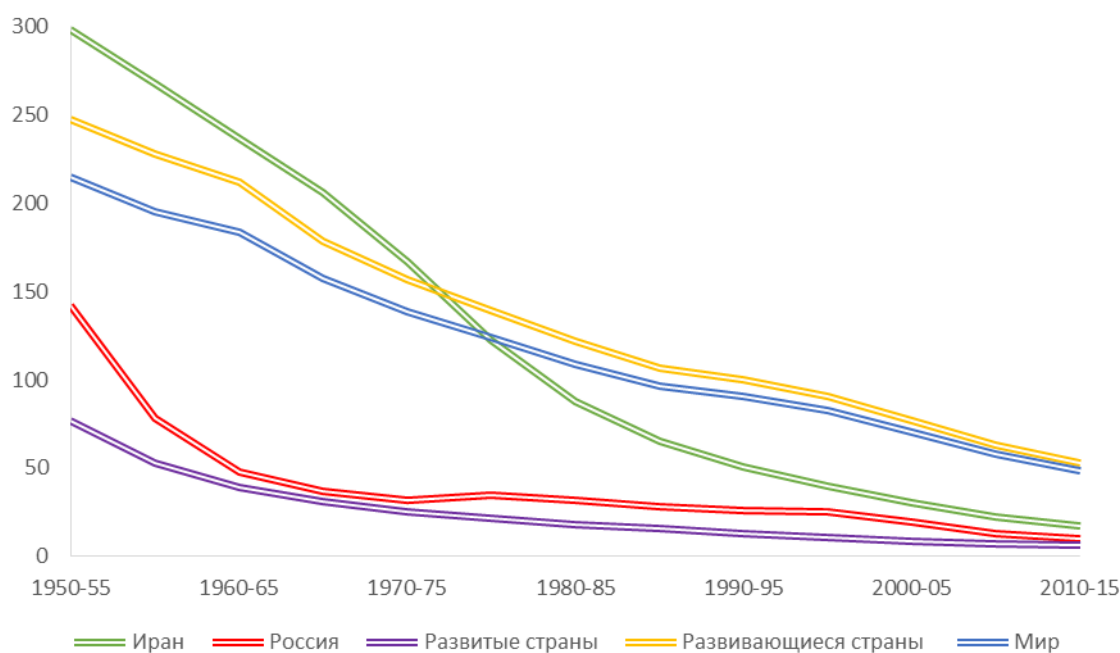
Рисунок 3. Ожидаемая продолжительность жизни в Иране, России, развитых и развивающихся странах и мире в целом, 1950 — 2015 гг. (по пятилетиям), лет

Источник: [United Nations... 2017].

Что касается детской смертности (рисунок 4), то и здесь Ирану удалось добиться весьма больших успехов: если в 1950 г. детская смертность превышала показатели развивающихся государств на 50 случаев в расчете на 1000 родившихся живыми, то теперь, наоборот, иранский показатель на сходную величину (36 на 1000 родившихся живыми) ниже, чем в этих государствах. А вот колоссальный отрыв от России и развитых стран в целом удалось сократить (причем особенно быстро он сокращался за 1980-е годы). Развитые страны ныне опережают Иран лишь на 11 случаев на 1000 родившихся живыми (в 1950-1955 гг. - на 221 или в двадцать раз больше).

Все это означает, что Иран резко приблизился к развитым странам по показателям смертности, которые снижались в этой стране гораздо быстрее, чем в целом в мире и во всей группе развивающихся стран, и успешно прошел второй этап эпидемиологического перехода, достигнув весьма высокой средней продолжительности жизни — 75 лет. Однако очень высокий уровень смертности из-за дорожных аварий и заметное отставание от стран Евросоюза по продолжительности жизни говорят о том, что страна все еще остается на третьем этапе эпидемиологического перехода и пока не может перейти к четвертому, на котором смертность падает до особо низких значений. Для этого необходимо не только усилить контроль на дорогах, но и реформировать систему здравоохранения, во многом оставшуюся на второй фазе перехода, когда главной опасностью были инфекционные и

паразитарные заболевания, в то время как в современном Иране ведущей проблемой стали заболевания, обусловленные образом жизни людей [Rod 2008]. В случае успешного реформирования здравоохранения Иран сможет обеспечить долгую и здоровую жизнь всем своим гражданам и окончательно завершить эпидемиологический переход.

Рисунок 4. Детская смертность в Иране, России, развитых и развивающихся странах и мире в целом, 1950 — 2015 гг. (по пятилетиям), умерших в возрасте до 5 лет на 1000 родившихся живыми

Источник: [United Nations... 2017].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пройдя различные этапы на своем демографическом пути, пережив длительный демографический взрыв очень большой силы, Иран сумел, несмотря на серьезнейшие экономические трудности, резко снизить смертность, постепенно приблизив ее к уровню развитых стран, а затем стремительно понизить рождаемость, особенно в сельской местности. К настоящему времени Иран уже завершил демографический переход (рождаемость, несмотря на попытки властей ее поднять, остается ниже уровня простого воспроизводства: иранцы решили, что им лучше иметь небольшое число детей) и находится на третьем этапе эпидемиологического перехода, приближаясь по многим социально значимым показателям скорее к развитым странам, чем к развивающимися. Все эти процессы сопровождалось значительным ростом качества жизни всех слоев населения Ирана.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова И.О. (2010). Население Африки в новой глобальной экономике. М.: Институт Африки РАН. 496 с.
- Алиев А.А. (2002). Иран vs Ирак: история и современность. М.: Издательство Московского университета. 768 с.
- Алиев С.М. (2004). История Ирана. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+. 648 с.
- Воронов С.С. (2006). Некоторые политико-экономические составляющие всеобщей переписи населения Ирана 2006 г. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/31-10-06.htm> (дата обращения: 09.05.2017).
- Дорошенко Е.А. (1998). Шиитское духовенство в двух революциях: 1905-1911 и 1978-1979 гг. М.: Институт востоковедения РАН. 240 с.
- Кожанов Н.А. (2006). Министерство созидательного (сельскохозяйственного) джихада. Основные цели, задачи и их эволюция (1979–2005 гг.) // Востокведный сборник. Вып. 7. / Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Институт Ближнего Востока: 5-21.
- Коротаев А.В., Д.А. Халтурина, А.С. Малков, Ю.В. Божевольнов, С.В. Кобзева, Ю.В. Зинькина (2010). Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 3-е изд., суц. перераб. и доп. М.: ЛКИ/URSS: 178-198.
- Николаев И. (2014). Исламская революция в Иране: Заря нового мира // Иран.ру. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92483/Islamskaya_revolyuciya_v_Irane_Zarya_novogo_mira (дата обращения: 09.05.2017).
- Омран А. (1977). Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / Под ред. Д.И. Валентя, А.П. Судоплатова. М.: Прогресс. 303 с.
- Статистический центр Ирана (2017). Гозиде-йе натайедж-е саршомари-йе оуми-йе нофус-о маскан 1395 [Избранные результаты всеобщей переписи населения и жилого фонда 1395 (2016) г.]. *گزیده نتایج سرشماری عمومی نفوس و مسکن 1395*. URL: <https://www.amar.org.ir/Portals/0/result%20951221.pdf> (дата обращения: 09.05.2017).
- Тарихче-йе контроль-е джамиййат-е Иран [история планирования семьи в Иране] (2014). *ایران در جمعیت کنترل تاریخی*. URL: <http://www.hawzah.net/fa/article/view/93633> (дата обращения: 09.05.2017).
- Ульченко Н.Ю., Н.М. Мамедова (2006). Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М.: Городец. 288 с.
- Урланис Б.Ц. (1963). Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат. 136 с.
- Ходунов А.С. (2014). Иран: политико-демографическое развитие как фактор стабильности и потрясений // Азия и Африка сегодня. 7: 26-30.
- Шахиди А. (2016). Ятим-хане-йе Иран ва кахти-йе бозорг ["Сиротский приют Ирана" и великий голод]. *بزرگ قحطی و ایران یتیمخانه*. URL: <http://alef.ir/vdcfy0djyw6d0ca.igiw.html?422811> (дата обращения: 09.05.2017).
- Эктесад-е Ирани [Экономика Ирана] (2014). Пардахт-е вам-е дахмиллийуни-во эхда-йе замин-е 150-метри бара-йе фарзандан-е севвом та панджом [Выплата 10-миллионного кредита и выдача 150 метров земли за третьего, четвертого и пятого ребенка] *پرداخت وام*

- 10 متری برای فرزندان سوم تا پنجم 150 میلیونی و اهدای زمین URL:
<http://ireconomy.ir/fa/page/13989/%D9%BE%D8%B1%D8%AF%D8%A7%D8%AE%D8%AA+%D9%88%D8%A7%D9%85+%DB%B1%DB%B0+%D9%85%DB%8C%D9%84%D8%B%8C%D9%88%D9%86%DB%8C+%D9%88+%D8%A7%D9%87%D8%AF%D8%A7%DB%8C+%D8%B2%D9%85%DB%8C%D9%86+%DB%B1%DB%B5%DB%B0+%D9%85%D8%AA%D8%B1%DB%8C+%D8%A8%D8%B1%D8%A7%DB%8C+%D9%81%D8%B1%D8%B2%D9%86%D8%AF%D8%A7%D9%86+%D8%B3%D9%88%D9%85+%D8%AA%D8%A7+%D9%BE%D9%86%D8%AC%D9%85.html> (дата обращения: 09.05.2017).
- Abbasi M.J., A. Mehryar, G. Jones, P. McDonald (2002). Revolution, war and modernization: population policy and fertility change in Iran // Journal of population research. 19 (1): 25-46.
- Abbasi-Shavazi M.J. (2002) Recent changes and the future of fertility in Iran // United Nations Population Division. Completing the fertility transition. New York: United Nations: 435-439.
- Abbasi-Shavazi M.J., W. Lutz, M. Hosseini-Chavoshi, S. K.C. (2008). Education and the world's most rapid fertility decline. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/8771/1/IR-08-010.pdf> (дата обращения: 09.05.2017).
- Abbasi-Shavazi M.J., P. McDonald, M. Hosseini-Chavoshi (2009). The fertility transition in Iran: revolution and reproduction. New York: Springer. 195 p.
- Abrahamian E. (2008). A history of modern Iran. Cambridge: Cambridge university press. 228 p.
- Aghajanian A., A. Mehryar (1999). Fertility transition in the Islamic Republic of Iran: 1976-1996 // Asia-Pacific population journal. 14 (1): 21-42.
- Aghajanian A., A.H. Mehryar, S. Ahmadnia, S. Kazemipour (2007). Impact of rural health development programme in the Islamic Republic of Iran on rural-urban disparities in health indicators // Eastern mediterranean health journal. 13(6): 1466-1475.
- Bahramitash R., H. Salehi Esfahani (2008). Nimble fingers no longer! Women employment in Iran. URL: <https://netfiles.uiuc.edu/esfahani/www/IndexFiles/Nimble%20Fingers%20No%20Longer.pdf> (дата обращения: 09.05.2017).
- BBC Persian (2015). Talafat-e Iran dar jang-e haštsale: 190 hezar košte, 672 hezar majruh, 97 miliyad dollar xesarat [Потери Ирана в восьмилетней войне - 190 тыс. убитых, 672 тыс. раненых, 97 млрд. долл. ущерба]. تلفات ايران از جنگ ۸ ساله هزار کشته، ۶۷۲ هزار مجروح، ۹۷ میلیارد دلار خسارت URL: http://www.bbc.com/persian/iran/2015/09/150921_112_iran_iraq_war35th_statistics (дата обращения: 09.05.2017).
- Fisher W., ed. (1968). The Cambridge history of Iran. 1: The land of Iran. Cambridge: Cambridge university press. 782 p.
- Hourcade B., D. Balland (1994). Demography // Encyclopaedia Iranica. VI/3: 258-276. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/demography> (дата обращения: 09.05.2017)
- Karamouzian M., H. Sharifi, A.A. Haghdoost (2014). Iran's shift in family planning policies: concerns and challenges // International journal of health policy and management. 3 (5): 231-233.
- Mehr News (2016). Afzayeš-e nerx-e barvari dar kešvar- defa az siyasatha-ye jamiyyati [Увеличения суммарного коэффициента рождаемости в стране - защита популяционной политики] جمعیتی های سیاست از دفاع کشور در باروری نرخ افزایش URL:

- <http://www.mehrnews.com/news/3740983/جمعیتهای سیاست از دفاع کشور در باروری نرخ افزایش> (дата обращения: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., A. Aghajanian, Sh. Ahmad-Nia, M. Mirzae, M. Naghavi (2005). Primary health care system, narrowing of rural-urban gap in health indicator, and rural poverty reduction: the experience of Iran. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/tours_2005/papers/iussp2005s50790.pdf (дата обращения: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., B. Delavar, G. A. Farjadi, M. Hosseini-Chavoshi, M. Naghavi, M. Tabibian (2001). Iranian miracle: how to raise contraceptive prevalence rate to above 70% and cut TFR by two-thirds in less than a decade? URL: http://www.iussp.org/Brazil2001/s20/S20_02_Mehryar.pdf (дата обращения: 08.05.2017).
- Mehryar A., Sh. Ahmad-Nia (2004). Age-structural transition in Iran: short and long-term consequences of drastic fertility swings during the final decades of twentieth century. URL: <http://www.cicred.org/Eng/Seminars/Details/Seminars/Popwaves/PopwavesMehryarAhmad-Nia.pdf> (дата обращения: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., A. Aghajanian (2009). Below replacement fertility in Iran: a district level analysis of 2006 census. URL: <http://iussp2009.princeton.edu/papers/91947> (дата обращения: 09.05.2017).
- Registrar general and census commissioner (1974). The population of India. National population monograph in the CICRED series. New Delhi. 152 p.
- Rod K. (2008). Modern health care in Iran. URL: <http://www.mudin.net/more-modern-health-care-in-iran-539988.html> (дата обращения: 08.05.2012).
- Saadat S., Chowdhury S.A., Mehryar A. (2010). Fertility decline in the Islamic Republic of Iran 1980-2006: a case study. Washington, DC: World Bank. 39 p.
- Salehi-Isfahani Dj. (2006). Revolution and redistribution in Iran: poverty and inequality 25 years later. URL: http://www.filebox.vt.edu/users/salehi/Iran_poverty_trend.pdf (дата обращения: 09.05.2017).
- Statistical Centre of Iran (2014). Iran statistical yearbook 1391 [March 2012-March 2013] // Presidency, vice-presidency for strategic planning and supervision, Statistical Centre of Iran. Tehran: Statistical Centre of Iran: 93-148.
- United Nations Population Division (2017). United Nations. Department of economic and social affairs. Population division database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 14.08.2017).
- Vahidnia F. (2007). Case study: fertility decline in Iran // Population and environment. 28 (4-5): 259-266.
- World Bank (2017). World development indicators online. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (дата обращения: 08.05.2017).

THE DEMOGRAPHIC MODERNIZATION OF IRAN (FROM THE SECOND HALF OF THE 20TH TO THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY)

ALEKSANDR KHODUNOV

The demographic transition is the key event in the demographic history of all countries of the world. In the developing countries it began far later than in the developed ones (mostly in the second half of the 20th century), but it took place much faster, as these countries were able to borrow the experience of the developed world in coping with mortality. Fertility, however, remained high, leading to a demographic explosion – an abrupt acceleration of population growth. The same thing happened in Iran starting in the 1950-s. The Shah's regime, in spite of a clear increase in life expectancy, still couldn't eliminate the country's mortality problems, which were only solved, on the whole, by the Islamic regime which followed. As for fertility, the Shah's family planning program brought only modest results, while the program begun by the Islamic regime was so effective that it lowered fertility level several times over within a mere ten years. Today, in many cities and regions of Iran fertility has fallen below the replacement level, causing concern in the government, which has begun to limit family planning activities. At present, contraceptive use in Iran has become almost universal, not only among the urban population, but even among the population of the countryside, regardless of the education level. The main indicators related to the level of socio-economic modernization, such as the urbanization level, the literacy rate, and the percentage of the population with electricity, clean drinking water and home appliances, have grown rapidly over the last few decades, bringing Iran close to the developed countries in this regard.

Keywords: *demographic transition, fertility, mortality, family planning program, healthcare.*

ALEKSANDR S. KHODUNOV (nalim13s@mail.ru), RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, RUSSIA.

DATE RECEIVED: APRIL 2017.

REFERENCES

- Abbasi M.J., A. Mehryar, G. Jones, P. McDonald (2002). Revolution, war and modernization: population policy and fertility change in Iran // Journal of population research. 19 (1): 25-46.
- Abbasi-Shavazi M.J. (2002) Recent changes and the future of fertility in Iran // United Nations Population Division. Completing the fertility transition. New York: United Nations: 435-439.
- Abbasi-Shavazi M.J., P. McDonald, M. Hosseini-Chavoshi (2009). The fertility transition in Iran: revolution and reproduction. New York : Springer. 195 p.
- Abbasi-Shavazi M.J., W. Lutz, M. Hosseini-Chavoshi, S. K.C. (2008). Education and the world's most rapid fertility decline. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/8771/1/IR-08-010.pdf> (accessed: 09.05.2017).
- Abrahamian E. (2008). A history of modern Iran. Cambridge: Cambridge university press. 228 p.
- Abramova I.O. (2010). Naselenie Afriki v novoy global'noy ekonomike [The population of Africa in the new global economy]. Moscow: Institut Afriki RAN. 496 p.
- Aghajanian A., A. Mehryar (1999). Fertility transition in the Islamic Republic of Iran: 1976-1996 // Asia-Pacific population journal. 14 (1): 21-42.

- Aghajanian A., A.H. Mehryar, S. Ahmadnia, S. Kazemipour (2007). Impact of rural health development programme in the Islamic Republic of Iran on rural–urban disparities in health indicators // *Eastern mediterranean health journal*. 13(6): 1466-1475.
- Aliev A.A. (2002). *Iran vs Irak: istoriya i sovremennost'* [Iran vs Iraq: history and modern times]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 768 p.
- Aliev S.M. (2004). *Istoriya Irana. XX vek* [The history of Iran. XX century]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, Kraft+. 648 p.
- Bahramitash R., H. Salehi Esfahani (2008). Nimble fingers no longer! Women employment in Iran. URL: <https://netfiles.uiuc.edu/esfahani/www/IndexFiles/Nimble%20Fingers%20No%20Longer.pdf> (accessed: 09.05.2017).
- BBC Persian (2015). Talafat-e Iran dar jang-e haštsale: 190 hezar košte, 672 hezar majruh, 97 miliyad dollar xesarat [Losses of Iran in the 8-year war: 190 thousands killed, 672 thousands wounded, 97 milliard doll. damage]. هزار ۶۷۲ کشته، هزار ۱۹۰: ساله ۸ جنگ از ایران تا ۸ فات. خسارت دلار ۹۷ یاردم مجروح، URL: http://www.bbc.com/persian/iran/2015/09/150921_112_iran_iraq_war35th_statistics (accessed: 09.05.2017).
- Doroshenko E.A. (1998). *Shiitskoe dukhovenstvo v dvukh revolyutsiyakh: 1905-1911 i 1978-1979 gg.* [The Shia clerics in the two revolutions: 1905-11 and 1978-79]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. 240 p.
- Eqtesad-e Irani [The economy of Iran] (2014). *Pardaht-e vam-e dahmilliyuni-vo ehda-ye zamin-e 150 metri baraye farzandan-e sevvom ta panjom* [Paying of a 10-million credit and giving 150 sq. m. of land for the third, the fourth and the fifth child]. یاهاد وید یونیم 10 وام تپ رداخ. یانجم تا سوم فرزنددان یب رای 150 ی نزم. URL: <http://ireconomy.ir/fa/page/13989/%D9%BE%D8%B1%D8%AF%D8%A7%D8%AE%D8%AA+%D9%88%D8%A7%D9%85+%DB%B1%DB%B0+%D9%85%DB%8C%D9%84%DB%8C%D9%88%D9%86%DB%8C+%D9%88+%D8%A7%D9%87%D8%AF%D8%A7%DB%8C+%D8%B2%D9%85%DB%8C%D9%86+%DB%B1%DB%B5%DB%B0+%D9%85%D8%AA%D8%B1%DB%8C+%D8%A8%D8%B1%D8%A7%DB%8C+%D9%81%D8%B1%D8%B2%D9%86%D8%AF%D8%A7%D9%86+%D8%B3%D9%88%D9%85+%D8%AA%D8%A7+%D9%BE%D9%86%D8%AC%D9%85.html> (accessed: 09.05.2017).
- Fisher W., ed. (1968). *The Cambridge history of Iran. 1: The land of Iran*. Cambridge: Cambridge university press. 782 p.
- Hodunov A.S. (2014). Iran: politiko-demograficheskoe razvitie kak faktor stabil'nosti i potryaseniy [Iran: political and demographic development as the factor of stability and unrest] // *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 7: 26-30.
- Hourcade B., D. Balland (1994). Demography // *Encyclopaedia Iranica*. VI/3: 258-276. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/demography> (accessed: 09.05.2017)
- Karamouzian M., H. Sharifi, A.A. Haghdoost (2014). Iran's shift in family planning policies: concerns and challenges // *International journal of health policy and management*. 3 (5): 231-233.
- Korotaev A.V., D.A. Halturina, A.S. Malkov, Yu. V. Bozhevol'nov, S.V. Kobzeva, Yu.V. Zin'kina (2010). *Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie mirovogo i regional'nogo razvitiya* [The laws of history. Mathematical modeling and forecasting of the world's and regional development]. 3-e izd., sushchestvenno pererabotannoe i dopolnennoe [3-rd ed., essentially worked over and supplemented]. Moscow: LKI/URSS: 178-198.

- Kozhanov N.A. (2006). Ministerstvo sozidatel'nogo (sel'skokhozyaystvennogo) dzhikhada. Osnovnye tseli, zadachi i ikh evolyutsiya (1979–2005 gg.) [The ministry of a constructive (agrarian) crusade: main goals, tasks and their evolution (1979-2005)] // Vostokovednyy sbornik [Oriental collection]. 5 / A.O. Filonik, ed. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka: 5-21.
- Mehr News (2016). Afzayeš-e nerx-e barvari dar kešvar- defa az siyasatha-ye jamiyyati [The growth of the total fertility rate in the country is a defence of the population policy] <http://www.mehrnews.com/news/3740983/یاستس-از-دفع-اع-ک-شور-در-ید-ارور-ذرخ-یا-شاف-زا> URL: <http://www.mehrnews.com/news/3740983/یاستس-از-دفع-اع-ک-شور-در-ید-ارور-ذرخ-یا-شاف-زا> (accessed: 09.05.2017).
- Mehryar A., Sh. Ahmad-Nia (2004). Age-structural transition in Iran: short and long-term consequences of drastic fertility swings during the final decades of twentieth century. URL: <http://www.cicred.org/Eng/Seminars/Details/Seminars/Popwaves/PopwavesMehryarAhmad-Nia.pdf> (accessed: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., A. Aghajanian, Sh. Ahmad-Nia, M. Mirzae, M. Naghavi (2005). Primary health care system, narrowing of rural-urban gap in health indicator, and rural poverty reduction: the experience of Iran. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/tours_2005/papers/iussp2005s50790.pdf (accessed: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., A. Aghajanjan (2009). Below replacement fertility in Iran: a district level analysis of 2006 census. URL: <http://iussp2009.princeton.edu/papers/91947> (accessed: 09.05.2017).
- Mehryar A.H., B. Delavar, G. A. Farjadi, M. Hosseini-Chavoshi, M. Naghavi, M. Tabibian (2001). Iranian miracle: how to raise contraceptive prevalence rate to above 70% and cut TFR by two-thirds in less than a decade? URL: http://www.iussp.org/Brazil2001/s20/S20_02_Mehryar.pdf (accessed: 08.05.2017).
- Nikolaev I. (2004). Islamskaya revolyutsiya v Irane: Zarya novogo mira [Islamic revolution in Iran: the dawn of the new world] // Iran.ru [Iran.ru]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/92483/Islamskaya_revolyuciya_v_Irane_Zarya_novogo_mira (accessed: 09.05.2017).
- Omran A. (1977). Epidemiologicheskii aspekt teorii estestvennogo dvizheniya naseleniya [The epidemiological aspect of the natural population dynamic] // Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada [The population problems. About the demographic problems of Western countries] / D.I. Valentey, A.P. Sudoplatov, eds. Moscow: Progress. 303 p.
- Registrar general and census commissioner (1974). The population of India. National population monograph in the CICRED series. New Delhi. 152 p.
- Rod K. (2008). Modern health care in Iran. URL: <http://www.mudin.net/more-modern-health-care-in-iran-539988.html> (accessed: 08.05.2012).
- Saadat S., Chowdhury S.A., Mehryar A. (2010). Fertility decline in the Islamic Republic of Iran 1980-2006: a case study. Washington, DC: World Bank. 39 p.
- Salehi-Isfahani Dj. (2006). Revolution and redistribution in Iran: poverty and inequality 25 years later. URL: http://www.filebox.vt.edu/users/salehi/Iran_poverty_trend.pdf (accessed: 09.05.2017).

- Shahidi A. (2016). Yatimxane-ye Iran va qahti-ye bozorg [The orphanage of Iran and a great famine]. *یہ بزرگی قحط و یرانایہ نیمخانہ*. URL: <https://alef.ir/vdcfy0djyw6d0ca.igiw.html?422811> (accessed: 09.05.2017).
- Statistical Centre of Iran (2014). Iran statistical yearbook 1391 [March 2012-March 2013] // Presidency, vice-presidency for strategic planning and supervision, Statistical Centre of Iran. Tehran: Statistical Centre of Iran: 93-148.
- Statistical Centre of Iran (2017). Gozide-ye natayej-e sarshomari-ye omumi-ye nofus-o maskan 1395 [Selected findings of the General population and housing census 1395 (2016)]. *یہ دهگ ز* 1395. مسکن و نفوس عمومی سرشماری چہ تا URL: <https://www.amar.org.ir/Portals/0/result%20951221.pdf> (accessed: 09.05.2017).
- Tarixche-ye kontrol'-e jamiyyat-e Iran [History of the family planning in Iran] (2014). *یہ خچہتہ ار* یران دریت جمعہ کنترول. URL: <http://www.hawzah.net/fa/article/view/93633> (accessed: 09.05.2017).
- Ul'chenko N.Yu., N.M. Mamedova (2006). Osobennosti ekonomicheskogo razvitiya sovremennykh musul'manskikh gosudarstv (na primere Turtsii i Irana) [The peculiarities of the economic development of Muslim countries (the example of Turkey and Iran)]. Moscow: Gorodets. 288 p.
- United Nations Population Division (2017). United Nations. Department of economic and social affairs. Population division database. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/> (accessed: 14.08.2017).
- Urlanis B.Ts. (1963). Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Birth rate and life expectancy in the USSR]. Moscow: Gosstatizdat. 136 p.
- Vahidnia F. (2007). Case study: fertility decline in Iran // Population and environment. 28 (4-5): 259-266.
- Voronov S.S. (2006). Nekotorye politiko-ekonomicheskie sostavlyayushchie vseobshchey perepisi naseleniya Irana 2006 g. [Some political and economic aspects of the general census of the population of Iran of 2006 y.] URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/31-10-06.htm> (accessed: 09.05.2017).
- World Bank (2017). World development indicators online. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (accessed: 08.05.2017).

ВЛИЯНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ И ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ТРЕНДЫ И СЦЕНАРИИ

АЛЕКСАНДР АКИМОВ

Развитие робототехники и других трудосберегающих технологий (станки с числовым программным управлением, аддитивные технологии, искусственный интеллект, крупные производственные комплексы в горнодобывающей промышленности) вытесняет человека из сферы производства. Суженный рынок труда будет воздействовать на рождаемость, финансирование здравоохранения (а через него на смертность) и миграции как международные, так и внутренние, особенно в развивающихся странах. Вытеснение женщин с рынка труда может повысить рождаемость, особенно если будет распространен базовый фиксированный доход на каждого жителя страны. В то же время безработица может существенно понизить желание иметь детей и рождаемость. Искусственный интеллект в медицине может повысить качество и понизить стоимость медицинских услуг, положительно влияя на здравоохранение и снижая смертность, но сокращение подоходных налогов и снижение личных доходов будет ограничивать финансирование здравоохранения, что может замедлить или даже прекратить рост продолжительности жизни. В то же время развитие трудосберегающих технологий решит проблему нехватки рабочей силы из-за старения населения. Современная география международных миграций может претерпеть резкие изменения, поскольку трудовые иммигранты в развитых странах будут не нужны. Для развивающихся стран сложившаяся в XX веке модель модернизации, включающая индустриализацию и урбанизацию, может разрушиться из-за сокращения рынка труда в современных отраслях промышленности и сферы услуг, а урбанизация без индустриализации, как показывает опыт 1960-2005 гг., чревата кровопролитными политическими волнениями.

В результате широкого использования трудосберегающих технологий могут сформироваться как благоприятные сценарии демографического развития, так и негативные. Варианты в значительной степени будут зависеть от управления социальными и демографическими процессами.

Ключевые слова: робототехника, трудосберегающие технологии, рождаемость, здравоохранение, смертность, миграции, урбанизация, тренды, сценарии.

ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ

В последние годы накапливавшиеся в течение десятилетий успехи в развитии разных технологий привели к созданию широчайшего спектра производств, в которых человек практически не нужен. Такая ситуация кардинально меняет сложившуюся систему социальных и экономических отношений.

Робототехника - наиболее заметная часть новых технологий в области трудосбережения, но помимо нее успешно развивается целый ряд других технологий, приводящих к тем же последствиям для рынка труда, что и робототехника.

Александр Владимирович Акимов (akimovivran@mail.ru), Институт востоковедения РАН, Россия.

Статья поступила в редакцию в феврале 2017 г.

К таким технологиям относятся станки с числовым программным управлением (ЧПУ), искусственный интеллект, аддитивные технологии, а также создание крупных машин и их комплексов для горных работ и перевалки насыпных грузов. Кроме того, существуют уже привычные технологии, которые в свое время (несколько десятилетий назад) произвели революционные изменения в ряде отраслей.

Роботы отличаются от станков с ЧПУ большим количеством степеней свободы при выполнении работ, но станки с ЧПУ выполняют работу по программе, так же как и роботы, вытесняя квалифицированный персонал (станочников). Искусственный интеллект в основном заменяет лиц умственного труда, включая низкоквалифицированных инженеров, офисных работников, а также врачей при диагностике и даже преподавателей при проверке эссе студентов, так как эти системы способны обучаться, если в них введены работы, ранее оцененные преподавателями [Форд 2016: 177-180].

Из аддитивных технологий наиболее известны трехмерные лазерные принтеры, способные распечатать трехмерное изделие по программе путем послойного нанесения пластических масс с различными добавками. Цельный предмет получается путем склеивания или спекания.

Крупные машины в горном деле отличаются большой производительностью, способны переваливать огромное количество породы, что вытесняет подземный способ добычи, где нужны шахтеры, заменяя его карьерным способом разработки месторождений.

Примерами старых технологий в области трудосбережения являются механизация сельского хозяйства, контейнерные перевозки, вытеснившие докеров в портах, магазины самообслуживания и торговые автоматы, заменяющие продавцов, дистанционное банковское обслуживание и банкоматы.

Таким образом, в современной экономике накоплены многочисленные технологии, заменяющие человека и при этом не только не ухудшающие результат, а в большинстве случаев повышающие производительность и качество, снимая человеческий фактор в производстве.

Перечисленные технологии развиваются, их внедрение расширяется. Уже можно определить тренды и их влияние на социально-экономические процессы в различных частях мировой экономики.

Можно отметить, что проблема автоматизации производства как важнейшая для социально-экономического развития была отмечена экономистами еще в середине XX века. Например, В. Леонтьев в своей статье 1952 г. «Машины и человек» писал: «С технической точки зрения началась эра автоматического управления» [Леонтьев 1990: 185]. Далее В. Леонтьев описывает тенденции в производстве, связанные с автоматизацией: «Человек почти перестал выполнять работу по подъему и перемещению грузов; его функции прежде всего состоят в том, чтобы запускать и останавливать оборудование, выполнять операции по его наладке, сборке и ремонту. С внедрением самоуправляющихся машин рамки его прямого участия в процессе производства сузятся еще больше. Прежде всего, не будет операций по пуску и остановке, следом исчезнут операции по наладке и сборке. Конечно, аварийные и ремонтные службы еще долгое время не останутся без работы. Необходимость

в них даже возрастет, так как высокочувствительное и сложное оборудование для автоматического управления будет требовать квалифицированного ухода. Нам по-прежнему будут требоваться изобретатели и проектировщики, однако, может быть, даже их не понадобится слишком много: главный инженер одной крупной фирмы, выпускающей электронное оборудование, недавно в беседе со мной выразил вполне обоснованную надежду, что в недалеком будущем разработка схем будет осуществляться электронными машинами, что исключит «человеческие» ошибки» [Леонтьев 1990: 193].

Таким образом, еще 70 лет назад все основные тенденции в развитии технологий, влияющие на рынок труда, были предсказаны.

Формирование крупных транснациональных компаний, перенос ими производства в развивающиеся страны и формирование модели догоняющего развития на основе экспорта из менее развитых стран с более дешевой рабочей силой в более развитые и богатые привели к тому, что трудосберегающие технологии вынуждены были конкурировать с дешевой рабочей силой в развивающихся странах, и в течение ряда десятилетий они эту конкуренцию проигрывали.

Последствия развития автоматизации производства анализировал и отечественный исследователь Э.А. Араб-Оглы [1986]. В частности, он рассмотрел доклад Римскому клубу «Микроэлектроника и общество: на радость и на горе» [Friedrichs, Schaff 1982], в котором, в частности, говорилось следующее: «Микроэлектронная революция несомненно изменит роль труда в человеческой жизни, уменьшив потребность в нем, а в некоторых случаях и полностью его исключив» [Араб-Оглы 1986: 141].

С конца 1980-х годов всеобщее внимание привлекло развитие информационных технологий, которые стали влиять на жизнь широких слоев граждан сначала развитых, а потом и развивающихся стран. Новые технологии развивались в значительной степени как услуги для потребителей, а не как средства производства, что и привело к тому, что роботизация долгое время не была предметом внимания. Например, в книге нобелевского лауреата по экономике М. Спенса «Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях» в качестве значимых для будущего технологий рассмотрены только новая энергетика и информационные технологии [Спенс 2013].

Мобильная связь и Интернет отодвинули в информационном поле робототехнику на второй план, но она развивалась достаточно успешно. Сейчас же итоги этого развития представляются несколько неожиданными, но на самом деле они появились в результате долговременного процесса, который был предсказан рядом экспертов за несколько десятилетий до того, как этот процесс привлек внимание широкой общественности.

ПРИМЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В последние годы накапливавшиеся в течение десятилетий успехи в развитии разных технологий привели к созданию широчайшего спектра производств, в которых роль человека минимальна [Акимов 2016b]. Вот несколько примеров использования

трудосберегающих технологий в разных сферах хозяйства.

Примером минимизации участия человека в добывающей промышленности может служить Австралия. Отмечаются две тенденции в развитии основного экспортного минерального продукта Австралии – железной руды. Первая, продолжающаяся уже довольно продолжительное время, – это создание крупных производительных комплексов. Вторая, наметившаяся недавно, – роботизация горных работ.

Составляющие первой тенденции: концентрация производства в небольшом числе крупных комплексов с очень производительным оборудованием, создание надежной транспортной инфраструктуры, способной обеспечить перевозку больших объемов насыпных грузов, создание морских портов для экспорта руды.

Основная часть запасов железной руды в Австралии размещается в месторождениях штата Западная Австралия, площадь которого составляет чуть более 2,5 млн квадратных километров, что сопоставимо по площади с территорией Западной Сибири. В пустынной части, которая обеспечивает производство железной руды на экспорт, живет примерно 200 тыс. человек, что примерно соответствует населению Норильска в России. Проблема рабочей силы решается использованием очень производительного оборудования. Это специализированные погрузчики для руды, гидравлическая разгрузка приезжающих составов с рудой и автомобилями. Для транспортировки применяются большегрузные поезда, растягивающиеся на 2 км, способные перевозить до 25 тыс. тонн руды каждый. Автопоезда перевозят до 300 тонн руды за рейс¹.

Второе направление реализуется недавно, но набирает силу. Пока это использование driverless trucks, т.е. грузовиков без водителей. Несколько десятков таких грузовиков работают на карьере, а управляются из города Перта за 1200 км от рудника².

Таким образом, добывающая промышленность, ранее дававшая заработок малоквалифицированным горнякам, часто выходцам из сельской местности, перестала быть ступенькой в индустриальный мир для многочисленных выходцев из сельской местности.

Второй пример касается обрабатывающей промышленности. Автомобильная промышленность остается важной отраслью с большими объемами выпуска и высокой занятостью. Большинство промышленно развитых стран производят автомобили, и для развивающихся стран с догоняющей моделью развития создание на своей территории автомобильной промышленности было важным шагом на пути социально-экономической модернизации за счет создания большого количества рабочих мест, требующих квалификации работников и обеспечивающих высокие зарплаты.

Развитие робототехники и станков с числовым программным управлением существенно повышает производительность труда в автопроме и делает

---

¹ http://www.australianminesatlas.gov.au/education/fact_sheets/iron.html (дата обращения: 20.10.2016).

² <http://www.abc.net.au/news/2015-10-18/rio-tinto-opens-worlds-first-automated-mine/6863814> (дата обращения: 14.11.2016).

безальтернативным применение роботов и станков с ЧПУ, поскольку они обеспечивают более высокое качество продукции, чем человек.

Если сопоставить занятость и выпуск в автомобильной промышленности США и КНР, то получается такая картина. В США в этой отрасли занято около 1 млн человек (914 тыс. по данным³), в КНР – 3,5 млн человек⁴. КНР производит в два раза больше автомобилей (24,5 млн автомобилей всех видов в КНР и 12,1 млн — в США в 2015 г.) [OICA 2015].

Таким образом, в целом по отрасли производительность труда в КНР примерно в два раза ниже, чем в США, т.е. разрыв между страной, которая всегда была лидером по производительности труда, и страной с избыточной рабочей силой не особо велика. Такая же ситуация и в других отраслях, поскольку во всех странах устанавливается однотипное производительное оборудование и не остается рабочих мест, которые могли бы занять многочисленные малоквалифицированные безработные.

Еще одна ситуация касается сферы услуг. В США работа в ресторанах быстрого обслуживания является большой нишей для низкоквалифицированного дешевого труда. Когда в 2011 г. компания McDonald's объявила о приеме на работу 50 тыс. человек, она получила 1 млн заявлений от претендентов [Форд 2016: 35]. Уже разработаны и производятся роботы, которые готовят гамбургеры без участия человека. Поскольку средний ресторан в США тратит на зарплату сотрудникам, занятым приготовлением гамбургеров, примерно 130 тыс. долл. в год, приобретение робота будет окупаться менее, чем за год. По всему миру в ресторанах McDonald's занято около 1,8 млн человек, так что нововведение затронет большой рынок труда [Форд 2016: 31-32].

Примером конкуренции искусственного интеллекта и человека может служить вытеснение биржевых брокеров и ряда других сотрудников фирм, торгующих на бирже, автоматизированными системами анализа и торговли. За 2000-2013 гг. при весьма значительном росте объемов и интенсивности биржевой торговли на Уолл-стрит число работающих там финансистов сократилось со 150 тыс. человек до, примерно, 50 тыс. [Форд 2016: 158].

Современные трудосберегающие технологии приводят к тому, что новые производственные мощности, вводимые в самых разных сферах экономики, требуют гораздо меньшего числа рабочих мест. Относительно новым является то, что более производительными становятся рабочие места в сфере услуг также за счет применения новых технологий. Как отмечает президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб: «Многие категории профессий, в частности, те, что предусматривают механический монотонный и точный ручной труд, уже автоматизированы. За ними последуют другие категории, поскольку вычислительные мощности продолжают расти в геометрической прогрессии. Такие профессии, как юристы, финансовые аналитики, врачи, журналисты, бухгалтеры, страховые агенты или библиотекари, могут быть частично или полностью автоматизированы значительно раньше, чем можно предположить. На сегодняшний день складывается следующая ситуация: четвертая промышленная

---

³ <https://www.bls.gov/iag/tgs/iagauto.htm> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴ <http://www.ifr.org/news/ifr-press-release/world-robotics-report-2016-832/> (дата обращения: 20.01.2017).

революция создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции» [Шваб 2017: 51].

ТРУДОСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Демографическая система как подсистема общества не может остаться в стороне от этих изменений. А.Г. Вишневский и Р.В. Дмитриев выделяют следующие глобальные демографические процессы в XX - начале XXI века: переход к новой эпидемиологической модели и удлинение человеческой жизни, переход к новой репродуктивной стратегии и снижение рождаемости, мировой демографический взрыв, становление новой возрастной структуры населения, поворот международных миграций, урбанизация и внутренние миграции [Вишневский, Дмитриев 2016: 197-229].

Развитие трудосберегающих технологий прямо или косвенно окажет влияние на все эти процессы.

Переход к новой эпидемиологической модели и удлинение человеческой жизни

Здесь есть две тенденции, которые по-разному проявятся в развитых и развивающихся странах.

При современном далеко зашедшем в развитых странах старении населения разработки в биологии и медицине, а также фармакологии привели к появлению множества средств для сохранения здоровья в пожилом возрасте и активного долголетия. Большинство из этих разработок недешевы. Современное здравоохранение становится все более высокотехнологичным, что приводит к необходимости увеличивать расходы на диагностику и лечение.

Богатые страны тратят значительные средства на здравоохранение. По отношению к ВВП они наиболее высоки в США, но для стран с разным уровнем экономического развития и разными национальными системами здравоохранения этот показатель высок (таблица 1). При высоком уровне социально-экономического развития, но больших, чем в США, государственных расходах в Норвегии расходы на здравоохранение приближаются к 10% ВВП. В гораздо более бедной Кубе, сделавшей ставку на развитие здравоохранения, при преобладании государственных расходов уровень затрат на здравоохранение выше 10% ВВП.

Таблица 1. Расходы на здравоохранение в 2014 г.

	Расходы на душу населения, долл. США по паритету покупательной способности	Расходы на здравоохранение к ВВП, %	Государственные расходы, %	Частные расходы, %
США	9402,54	17,14	48,30	51,70
Норвегия	6346,62	9,72	85,49	14,53
Куба	2474,62	11,06	95,61	4,39
Китай	730,52	5,55	55,79	44,21
Индия	267,41	4,69	30,04	69,96

Источник: [WHO 2017].

Крупнейшие по численности населения государства мира Китай и Индия имеют аналогичную США модель финансирования здравоохранения с упором на частные расходы, но там расходы ниже более чем в 10 раз. И для США, и для КНР, и для Индии, а также всех стран, имеющих аналогичную модель финансирования здравоохранения, сокращение частного финансирования на фоне старения населения чревато ухудшением здоровья населения и прекращением роста продолжительности жизни.

Сильно роботизированная экономика, в которой будет велика роль государства в перераспределении благ, будет нуждаться лишь в ограниченном количестве работников, связанных с производством и обслуживанием трудосберегающей техники. Судьбу остальных опять же будет решать государство, доминирующее в социальной сфере, поскольку большая часть населения не будет иметь источников заработка. Еще раз отметим, что рациональных экономических причин для поддержания долголетия в массовых масштабах не будет, что создает потенциальную опасность регресса в этой части воспроизводства населения, конкретно — прекращения роста продолжительности жизни по экономическим причинам. На примере США это может выглядеть так. Сложившаяся там мощная индустрия здравоохранения, которая обеспечивает развитие новейших технологий и практик в области здравоохранения, стала большим бизнесом. На эту сферу в США тратится 17% ВВП, причем финансирование поделено практически пополам между государством и частными лицами. При сокращении доходов частных лиц при широком распространении роботов, станков с ЧПУ, аддитивных технологий и искусственного интеллекта разрушится модель коммерческого здравоохранения, которое в значительной степени поддерживает рост продолжительности жизни.

Есть и другая тенденция. Удешевление хотя бы части медицинских услуг может произойти за счет развития искусственного интеллекта и его применения в медицине. Централизованная система диагностики потенциально способна оперативно обрабатывать медицинскую информацию и ставить диагнозы в удаленном режиме для неограниченного числа пациентов. Может быть построена медицинская система централизованной диагностики на основе искусственного интеллекта типа уже существующей системы Watson⁵, с которой соединены первичные пункты сбора медицинской информации, где средний медицинский персонал собирает анализы и вводит в компьютерную систему симптомы пациента. Данные пересылаются в централизованную систему диагностики и выдачи рекомендаций на основе симптомов и анализов. Естественно, такая система не включает медицинские манипуляции и операции, но терапия и ранняя диагностика ей под силу. Она обеспечит удешевление медицинских услуг при сокращении доходов среднего класса, что гарантирует достаточно высокий уровень медицинской помощи при сокращении расходов на медицину.

Для развивающихся стран, если рост частных доходов замедлится из-за высокой безработицы, остается кубинская модель развития здравоохранения, основанная на преобладающем финансировании государством этой области.

---

⁵ <http://www-03.ibm.com/press/us/en/presskit/27297.wss> (дата обращения: 23.03.2017).

Переход к новой репродуктивной стратегии и снижение рождаемости, мировой демографический взрыв

Максимальное сокращение младенческой и детской смертности, обеспечивающее выживание практически всех рожденных детей и их дожитие до взрослого возраста, сделало процесс воспроизводства поколений очень экономным с биологической точки зрения, поскольку каждое рождение почти наверняка обеспечивает то, что ребенок будет жить долго. На этом фоне борьба за права женщин вовлекла их в работу за пределами домохозяйства. Вероятно, можно утверждать, что по историческим меркам беспрецедентный экономический рост в XX веке и повышение уровня жизни и ее качества в немалой степени связаны с вкладом женщин в общественное производство.

В новых условиях женщина будет более свободна от необходимости трудиться для заработка, так что создаются условия для возврата женщины в семью и созданию условий для рождения и воспитания детей. Если распространение получит система выплат всем членам общества фиксированного дохода, то рождение детей и получение выплат на них может стать доходным делом для семей. При сложившемся типе воспроизводства населения это приведет к росту численности населения, но такой рост не будет вызван ни биологической (выживание популяции), ни экономической (рост рабочей силы) необходимостью. Таким образом, рост населения за счет повышения рождаемости будет нерационален для общества. Вместе с тем подобного рода модель достаточно долго существует в капиталоизбыточных арабских странах-нефтеэкспортерах. В Саудовской Аравии при высоких доходах, урбанизации и модернизации система социальной поддержки местного населения консервирует высокую рождаемость. Однако в последние годы она стала падать, поскольку продолжительное время такое состояние общество сохранять не может.

Определенным аналогом ситуации в Саудовской Аравии в развитых странах может стать выплата фиксированного дохода всем гражданам страны.

Базовый доход (basic income) представляет собой периодические выплаты без каких-либо условий каждому гражданину страны вне зависимости от того, работает он или нет. Этот доход имеет следующие характеристики.

Периодичность: он выплачивается на регулярной основе (например, раз в месяц), а не как разовая выплата.

Денежная форма: выплата происходит в денежной форме, что позволяет получателю решать, как использовать полученные денежные средства. Это не пособие в натуральной форме, как, например, продовольственные талоны или бесплатные медицинские услуги, и не ваучер на специфические цели.

Индивидуальная форма: платят каждому человеку, а не, например, домохозяйству.

Универсальность: выплата идет всем без прохождения проверки на обеспеченность средствами существования.

Безусловность: платят всем вне зависимости от того, работает человек или нет, демонстрирует он желание работать или нет.

Как подчеркивает Basic Income European Network⁶, в настоящее время обсуждается много вариантов выплаты базового дохода. Они различаются по величине выплат, их источнику, основаниям для сокращения выплат и величине подобных сокращений, а также другим параметрам.

Эксперимент по выплате базового дохода с 2017 г. начала проводить Финляндия. В течение двух лет 2 тыс. финских безработных в возрасте от 25 до 58 лет будут получать базовый доход в 560 евро вместо всех остальных социальных выплат. Эта сумма будет выплачиваться, даже если получатели найдут работу. Социальные службы Финляндии пошли на такой эксперимент, чтобы повысить мотивацию безработных к поиску занятости, поскольку сейчас, получив работу, человек может потерять часть дохода, так как зарплата может быть меньше пособия по безработице⁷.

При любом результате эксперимента будет получен интересный опыт применения базового дохода на практике.

Если базовый доход становится основным источником дохода и при рождении каждого ребенка выплаты увеличиваются, становится рациональным иметь детей и их воспитывать. Женщина может уйти из работы по найму, а семейное воспитание детей станет доходным занятием.

Противоположной тенденцией может стать отказ от деторождения и даже вступления в брак при сокращении рынка труда, низких и нестабильных доходах и отсутствии гарантий получения стабильного дохода в будущем. Такая ситуация складывается в Японии и Южной Корее, где трудосберегающие технологии наиболее развиты. В Южной Корее была создана эффективная система образования с развитым высшим техническим образованием. Еще недавно диплом университета обеспечивал карьеру и высокий и стабильный доход, но в последние годы ситуация изменилась. Сложилось поколение, которое вынуждено отказываться от того, что раньше было естественной частью жизни. В корейском языке появились термины для обозначения степени отказа от социальных связей и борьбы за благосостояние. Наиболее известный термин – *Samro generation*. Это люди, которые отказываются от брака и рождения детей⁸.

Описанные выше ситуации значимы для развитых стран, завершивших демографический переход. Для развивающихся стран и ряда переходных экономик большую актуальность имеет продолжающийся рост численности населения, который в Африке к югу от Сахары все еще очень значителен.

Демографический прогноз ООН в редакции 2015 г. по среднему сценарию предусматривает существенный рост мирового населения, хотя темпы роста замедлятся.

---

⁶ <http://basicincome.org/about-bien/> (дата обращения: 15.02.2017).

⁷ <http://www.cnbc.com/2017/01/03/finland-experiments-universal-basic-income.html> (дата обращения: 23.03.2017).

⁸ <https://www.koreabang.com/2015/stories/koreas-gives-up-generation.html> (дата обращения: 20.02.2017).

Если в качестве оценки численности рабочей силы признать возрастную группу 15-59 лет, то ее численность будет расти на протяжении всего XXI века. Глобализация экономических процессов, наряду с выросшей миграционной подвижностью населения, делает рынок труда также глобальным. Роботизация и другие трудосберегающие технологии даже при том, что они значительно развиты и распространены в ограниченном числе стран, будут влиять на все страны и мировой рынок труда.

Таблица 2. Демографический прогноз, мир в целом

	2015 г.	2050 г.	2100 г.
Численность населения мира в целом, млн чел.	7 349,5	9 725,1	11 213,3
Доля людей в возрасте 15-59 лет, %	61,7	57,2	54,0
Число людей в возрасте 15-59 лет, млн чел.	4 534,6	5 562,8	6 055,2

Источник: [WPP 2015].

Возникает вопрос, как будет функционировать экономика развивающихся стран, когда прогресс роботизации сделает ненужным импорт продукции обрабатывающей промышленности развитыми странами. Возможно, развивающимся странам придется разрабатывать новую модель экономического развития без ориентации экспорта в развитые страны с опорой на внутренний спрос. Этот спрос в условиях, когда подавляющая часть населения бедна, может быть обеспечен только за счет повышения роли государства в экономических процессах, кейнсианской модели регулирования экономики и значительной внешней помощи. Повысится роль перераспределительных процессов в ущерб рыночным механизмам.

Повышается вероятность формирования очагов нестабильности и несостоявшихся государств, в которых многочисленные когорты молодого безработного населения будут источником пополнения как террористических организаций с идеологической базой, так и криминальных банд.

Для развивающихся стран с избыточной рабочей силой и сегодняшним уровнем технологий новая система производительных сил может оказаться опасной тенденцией. Перед большинством развивающихся стран будет стоять необходимость сочетать опору на внутренние ресурсы с получением помощи со стороны развитых. Такой вариант развития, как экспортоориентированная обрабатывающая промышленность, успешно работавший на протяжении примерно полстолетия, уходит в прошлое с развитием робототехники.

Становление новой возрастной структуры населения

Старение населения в развитых странах теперь не означает, что экономический рост там остановится из-за сокращения численности рабочей силы. Роботы в промышленности и услугах могут заменить рабочую силу. Сильной стороной развитых стран является высокий уровень развития человеческого потенциала. Он может стать основой для роста и развития экономики при сокращающейся численности населения. Разработка и производство робототехники, а также ее эффективное применение требуют комплекса научных знаний и трудовых навыков, высокой дисциплины труда и развитой инфраструктуры для ведения бизнеса. Все это обеспечивается только рабочей силой высокого качества, а это качество тесно связано с уровнем развития человеческого потенциала.

Проблемы старения населения, которые нарастают в КНР, самой крупной стране по численности населения, наиболее успешном государстве в группе переходных экономик и потенциальном лидере мировой экономики по объему ВВП в ближайшие десятилетия, могут быть успешно решены. Это снимает опасения, что старение населения вызовет экономический спад в КНР и отбросит эту страну назад в социально-экономическом развитии. Такого рода кризис имел бы существенные отрицательные глобальные последствия.

Поворот международных миграций

Как следствие указанного выше трудовая иммиграция в развитые страны из развивающихся перестает быть необходимым условием экономического роста в первых. Наиболее интересен опыт Японии. Эта страна имеет очень высокую долю старших возрастных групп в населении, рабочая сила сокращается, но трудовая иммиграция практически отсутствует. Промышленность продолжает развиваться в значительной степени за счет роботизации.

В развивающихся странах рост населения в трудоспособном возрасте все еще значителен (таблица 2), а местный рынок труда не способен поглотить всех ищущих работу. Закрытие рынка рабочей силы развитых стран станет большой проблемой для стран развивающихся.

Современная глобализация усиливает такую опасность, поскольку международные миграции населения при росте связности всех составляющих современного глобального общества, включая информационные каналы и транспортные пути, становятся естественной частью глобализационных процессов. Отгородиться от иммиграции странам Запада не удастся уже сейчас, как это показывает иммиграционный кризис в ЕС в 2015-2016 гг., а потенциальные потоки иммигрантов будут только нарастать [Щербакова 2016].

Производительное оборудование, основанное на применении робототехники, будет подталкивать фирмы развитых стран экспортировать продукцию на рынки развивающихся стран, что создаст дополнительные проблемы для экономического роста и решения социальных проблем в тех развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые не сумеют включиться в новую систему производительных сил.

Переселиться в развитые страны даже при самой либеральной иммиграционной политике стран Запада сможет лишь небольшая часть населения развивающихся стран, так что необходимо будет формировать новые стратегии догоняющего развития. Необходимо рассмотреть возможность свертывания глобализации в ряде аспектов. Раз промышленный экспорт не способен выполнять прежнюю функцию локомотива экономического развития для развивающихся стран, индустриализация может носить импортозамещающий характер. В то же время даже Индия (классический образец развития в рамках этой стратегии) отказалась от импортозамещения как основы развития в 1990-е годы и в ходе экономических реформ значительно повысила темпы экономического роста. Таким образом, импортозамещение как основа развития для развивающихся стран имеет определенные ограничения и риски. Оно может отрицательно влиять на экономическую эффективность, если не основано на притоке капиталов и технологий из развитых стран.

Запад может отгородиться от развивающихся стран в ходе роботизации экономики, но это не означает уход с мировых рынков капитала и промышленной продукции, так что конкуренция с импортными товарами на рынках развивающихся стран сохранится. Помимо западных конкурентов, производители из самих развивающихся стран будут формировать конкурентную среду в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Роль international governance, международных институтов регулирования развития будет сильно возрастать.

Урбанизация и внутренние миграции

В области внутреннего развития может поменяться отношение к такой составляющей модернизации, как урбанизация. Она была неотъемлемой частью развития в эпоху, когда основой развития была размещавшаяся в городах обрабатывающая промышленность. Если обрабатывающая промышленность перестанет быть драйвером экономического развития, то для развивающихся стран более важным механизмом социально-экономического развития может стать сельская модернизация. В этих странах не решена продовольственная проблема. Многие виды сельского хозяйства могут быть вполне эффективны при землесберегающей системе производства, когда наличие труда не лимитировано, а земли мало.

Концепция двух технологических способов производства в сельском хозяйстве выделяет трудосберегающий технологический способ, когда нововведения в сельском хозяйстве были направлены на экономию труда (страны Северной Америки, Европы, Австралия, Аргентина, Россия, Казахстан), а сельское население переходило в город в несельскохозяйственные отрасли. Землесберегающий технологический способ развивался в странах Востока, где мало земли, а трудовые ресурсы имеются в изобилии. Прогресс сельского хозяйства при этой модели развития состоит в увеличении производительности земли через ирригацию, удобрения и т.д. Производительность труда здесь повышается мало [Дерюгина 2015: 11-12].

В новых условиях сохранение населения в сельской местности может оказаться более экономически выгодным, поскольку будет решаться продовольственная проблема и не будет множиться городская безработица. Вместе с тем развитие современной инфраструктуры в сельской местности будет более дорогостоящим проектом, чем урбанизация.

Для развивающихся стран с быстро растущим населением выявлена тенденция политической нестабильности при быстром росте городского населения. При росте городской молодежи темпом более 30% за пятилетие риск кровопролитных политических потрясений вырастает до 50%, т.е. половина стран при таком темпе роста городского населения рискует попасть в ситуацию острого политического конфликта с кровопролитными столкновениями. Эти выводы сделаны на основе изучения истории 29 стран Азии, Африки и Латинской Америки в 1960-2005 гг. [Коротаев и др. 2011: глава 18].

Таким образом, урбанизация, которая была неотъемлемой частью модернизации и социально-экономического развития, в сочетании с индустриализацией грозит стать опасным явлением, если промышленность, создающая многочисленные рабочие места в городе, не будет развиваться.

СЦЕНАРИИ

Все описанные выше процессы будут развиваться достаточно интенсивно. Основные промышленные центры мира: США, ЕС, Япония и КНР, - разработали и реализуют программы развития робототехники [Акимов 2016а: 114-125]. Конечно, есть сферы труда, где применение упомянутых трудосберегающих технологий будет ограничено. Это услуги физическим лицам, например медицина, в частности хирургия и другие медицинские манипуляции с больными, уход за больными и престарелыми, образование; такие отрасли, связанные с промышленным производством и услугами в этой сфере, как создание техники и ее обслуживание, компьютерное программирование в производственной сфере и в создании компьютерных игр и других продуктов для досуга. Будет давать новые рабочие места государственная служба в разных ее проявлениях, поскольку государство больше заинтересовано в создании рабочих мест, чем в рационализации. Тем не менее структура занятости претерпит существенные изменения, которые повлияют на самые разные аспекты жизни общества.

Таким образом, страны мира в результате демографического роста будут сталкиваться с проблемами, отличающимися от тех, что преобладали в последние десятилетия. Развитые страны вышли на такой уровень развития технологий и экономики, что и проблемы, связанные с нехваткой природных ресурсов, которые волновали политиков, бизнес и общественность этих стран ранее, и проблемы старения населения вполне решаемы при том технологическом и экономическом потенциале, которым эти страны обладают. Развивающиеся страны в то же самое время сталкиваются как с проблемами жизнеобеспечения, так и со старением населения. Кардинально меняется роль труда в экономике. Такого сочетания ранее не было, и развитие этой ситуации ставит целый ряд практических вопросов, выходящих далеко за пределы науки и имеющих важное значение для перспектив социально-экономического развития.

В целом можно определить две группы сценариев развития демографических процессов в условиях качественно нового уровня развития трудосберегающих технологий. Первый – благоприятный для демографических и социально-экономических процессов вариант. Это некоторое повышение рождаемости в развитых странах и ее понижение в развивающихся, продолжение сокращения смертности и повышение продолжительности жизни, становление новой географической структуры международных миграций с сокращением потока трудовой миграции в развитые страны, регулирование внутренних миграций и урбанизации в развивающихся странах.

Второй – неблагоприятный. Это еще большее сокращение рождаемости в развитых странах, но медленное ее сокращение в развивающихся, прекращение роста продолжительности жизни из-за проблем с финансированием здравоохранения, сохранение значительных миграций из развивающихся стран в развитые и рост городов в развивающихся странах без роста промышленности и современного сектора услуг.

В реальных условиях отдельные элементы сценариев будут сочетаться по-разному в разных странах, создавая большое многообразие вариантов, но в условиях глобализации ситуация в отдельных странах или группах стран может оказывать значительное влияние на многие другие государства.

В этих условиях резко возрастает значимость всех аспектов социальной и демографической политики во всех группах стран. Новые технологии кардинально меняют рынок труда и социальные условия и механизмы, которые были созданы или стихийно сформировались в прежних условиях. Потребуется создание новых механизмов и структур и перестройка имеющихся для устойчивого социально-экономического развития в новых условиях.

Примерами актуальности проблем разработки будущих моделей развития являются перспективы освоение заполярных районов Сибири и подготовка рабочих в обрабатывающей промышленности России. Приведенный в этой статье пример про экономическое освоение пустынных районов Австралии показывает, что освоение возможно без заселения. Распространение станков с ЧПУ и роботов в обрабатывающей промышленности во всех развитых странах мира показывает, что готовить нужно не станочников, а специалистов по обслуживанию нового поколения техники. Как показывают примеры успешного прогноза, приведенные в этой статье, экономисты и демографы имеют профессиональный потенциал для предвидения и анализа воздействия технологий на социально-экономические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов А.В. (2016а). Робототехника: состояние и перспективы развития в мире и России // Поиск, альтернативы, выбор. 2: 114-125.
- Акимов А.В. (2016b). Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. 4. 60: 50-60.
- Араб-Оглы Э.А. (1986). Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль. 141 с.
- Вишневский А.Г., Р.В. Дмитриев (2016). Глобальные демографические процессы в XX – начале XXI веков // География мирового развития. Вып. 3. Сб. научных трудов / Под ред. Л.М. Синцера. М.: Товарищество научных изданий КМК: 197-229.
- Дерюгина И.В. (2015). Сельское хозяйство мира: прошлое и будущее 1980-2010-2050. М.: Изд-во «Перо». 128 с.
- Коротаев А.В., Ю.В. Божевольнов, Л.Е. Гринин, Ю.В. Зинькина, С.В. Кобзева (2011). К прогнозированию политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. // Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: КРАСАНД: 357-379.
- Леонтьев В. (1990). Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Изд-во политической литературы. 415 с.
- Спенс М. (2013). Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во института Гайдара. 336 с.
- Форд М. (2016). Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн. 430 с.
- Шваб К. (2017). Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э». 208 с.

- Щербакова Е. (2016). По оценке ООН, в 2015 году насчитывалось 244 миллиона международных мигрантов // Демоскоп Weekly. 703 – 704. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0703/barom01.php> (дата обращения: 12.02.2017).
- Friedrichs G., A. Schaff, eds. (1982). *Microelectronics and society. For better or for worse.* Oxford: Pergamon Press. 353 p.
- OICA (2015). *Production statistics 2015.* URL: <http://www.oica.net/category/production-statistics/2015-statistics/> (дата обращения 15.02.2017).
- WHO (2017). *Health expenditure ratios, by country, 1995-2014.* New York: United Nations. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.HEALTHEXPRATIONOR?lang=en> (дата обращения: 23.02.2017).
- WPP (2015) *World population prospects. The 2015 revision. Key findings & advance tables.* New York: UN. 66 p.

HOW ROBOTICS AND LABOR-SAVING TECHNOLOGIES IMPACT POPULATION CHANGE: TRENDS AND SCENARIOS

ALEXANDER AKIMOV

Robots and other labor-saving technologies such as numerical control machine tools, additive technologies, artificial intelligence and large production complexes in mining are replacing human beings in manufacturing. The shrinking labor market will influence fertility, health care financing (and thus mortality), as well as both internal and international migration, especially in developing countries.

The departure of women from the labor market may lead to an increase in fertility, especially if the state introduces a guaranteed income for each of its members. At the same time, unemployment may lead to a significant decrease in fertility and in the desire to have children.

Artificial intelligence in medicine may improve the quality of diagnostics and reduce the costs of medical services, thus leading to lower mortality, but decreasing tax revenue and personal income may slow down rising life expectancy or even bring it to a halt.

At the same time, labor-saving technologies will solve the problem of labor shortages resulting from an aging population.

Today's international migration patterns may change dramatically, since labor immigrants will no longer be needed in developed economies. The modernization model for developing countries which took shape in the 20th century, consisting of industrialization and urbanization, may disappear as a result of a shrinking labor market in modern industry and services. Urbanization alone, with no industrialization, results in political disturbance and even bloodshed, as shown by the experience of developing states in the years 1960-2005.

Both positive and negative scenarios of population change may result from the development of labor-saving technologies. The result will mainly depend on the management of social and demographic processes.

Keywords: *robotics, labor-saving technologies, fertility, healthcare, mortality, migration, urbanization, trends, scenarios.*

ALEXANDER V. AKIMOV (akimovivran@mail.ru), INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, RUSSIA.

DATE RECEIVED: FEBRUARY 2017.

REFERENCES

- Akimov A.V. (2016a). Robototekhnika: sostoyanie i perspektivy razvitiya v mire i Rossii [Robotics: the present state and perspectives in the world and in Russia] // Poisk, al'ternativy, vybor [Search, alternatives, choice]. 2: 114-125.
- Akimov A.V. (2016b). Demograficheskiy vzryv, starenie naseleniya i trudoberegayushchie tekhnologii: vzaimodeystvie v XXI v. [Demographic explosion, population aging and labor-saving technologies: interaction in the XXI century] Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 4. 60: 50-60.
- Arab-Ogly E.A. (1986). Obozrimoe budushchee. Sotsial'nye posledstviya NTR: god 2000 [Observable future. Social aftermath of scientific and technological revolution]. Moscow: Mysl'. 141 p.

- Derjugina I.V. (2015). Sel'skoe khozyaystvo mira: proshloe i budushchee 1980-2010-2050 [Agriculture of the world: the past and future 1980-2010-2050]. Moscow: Izdatel'stvo "Pero". 128 p.
- Ford M. (2016). Roboty nastupayut. Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty [Robots are coming. Technological development and a future without jobs]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 430 p.
- Friedrichs G., A. Schaff, eds. (1982). Microelectronics and society. For better or for worse. Oxford: Pergamon Press. 353 p.
- Korotayev A.V., YU.V. Bozhevolnov, L.Ye. Grinin, YU.V. Zinkina, S.V. Kobzeva (2011). K prognozirovaniyu politicheskoy nestabil'nosti v stranakh Afriki na period do 2050 g. [Towards the prediction of political instability in African countries for the period to 2050] // Proekty i riski budushchego. Kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy [Projects and risks of the future. Concepts, models, tools, forecasts]. Moscow: KRASAND: 357-379.
- Leont'ev V. (1990). Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika [Economic essays. theories, studies, facts, and politics]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 415 p.
- OICA (2015). Production statistics 2015. URL: <http://www.oica.net/category/production-statistics/2015-statistics/> (accessed 15.02.2017).
- Scherbakova E. (2016). Po otsenke OON, v 2015 godu naschityvalos' 244 milliona mezhdunarodnykh migrantov [According the UN, there were 244 million international migrants in the world in 2015] // Demoscope Weekly. 703 – 704. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0703/barom01.php> (accessed: 12.02.2017).
- Shvab K. (2017). Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]. Moscow: Izdatel'stvo «E». 208 p.
- Spens M. (2013). Sleduyushchaya konvergentsiya: budushchee ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh [The next convergence: the future of economic growth in the different speed world]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 336 p.
- Vishnevsky A.G., R.V. Dmitriev (2016). Global'nye demograficheskie protsessy v XX – nachale XXI vekov [Global Demographic Processes in the XX and in the Beginning of the XXI Century] // Geografija mirovogo razvitiya. Vyp. 3. Sb. nauchnykh trudov [Geography of world development . Is. 3. Research papers] / L.M. Sincerov, ed. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK: 197-229.
- WHO (2017). Health expenditure ratios, by country, 1995-2014. New York: United Nations. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.HEALTHEXPRATIONOR?lang=en> (accessed: 23.02.2017).
- WPP (2015) World population prospects. The 2015 revision. Key findings & advance tables. New York: UN. 66 p.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ (СССР) В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Часть третья. Международная миграция в СССР

в 1923-1930 гг.

ВАЛЕНТИНА МОИСЕЕНКО

Третья часть статьи посвящена анализу сравнительно небольшого периода. В течение 1923-1930 гг. в международной миграции в нашей стране произошли существенные изменения. С одной стороны, они были вызваны введением нэпа, а с другой – политикой индустриализации. Но главный тренд миграционной политики был связан с законодательным утверждением политики закрытости страны, несмотря на значительный эмиграционный потенциал.

Ключевые слова: эмиграция, иммиграция, сельскохозяйственная и промышленная иммиграция, привлечение иностранных специалистов, эмиграционный потенциал, закрытое население.

Эмиграция из СССР с точки зрения внутренних условий, господствующих в стране, не имеет перед собой больших перспектив...

Значительно более широкие перспективы имеются для иностранной иммиграции, не только азиатской, ... но и для европейской, поскольку индустриализация не только позволит, но и сделает желательным приток квалифицированных рабочих, иностранных специалистов и т.п. [Осинский (Оболенский) 1928:137].

НОВЫЕ ЧЕРТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Окончание эпохи «военного коммунизма» и гражданской войны означали переход к восстановлению экономики. Одним из необходимых условий введения нэпа в конце 1921 г. стала корректировка внутренней и международной миграционной политики.

В 1922 г. всем гражданам по всей территории РСФСР было предоставлено право беспрепятственного передвижения до пределов пограничных пунктов [СУ 1950: №11, ст.106: 201-202]. Но практика реализации закона 1922 г. означала многочисленные исключения. Приведем некоторые из них.

Решение бюро Петроградского губкома РКП(б) «Об очищении Питера от эсеров и меньшевиков» от 23 мая 1922 г. предусматривало чистку и удаление из Питера контрреволюционного студенчества [Рожков 2014: 223]. В 1925 г. бывшие помещики лишились права на землепользование и проживание в принадлежавших им до октябрьской революции хозяйствах [СУ 1925: №21, ст.136: 257-260]. В 1926-1927 гг. был поставлен вопрос о высылке из Москвы и других городов с населением свыше 50 тыс. человек «уголовной буржуазии», т.е. крупных нэпманов, когда-либо осужденных или административно высланных по хозяйственным делам. Выселение этой группы началось в 1930-е годы [Смирнова 2003: 159].

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА МОИСЕЕНКО (mvm.msu@gmail.com), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Изменения в эмиграционной и иммиграционной политике учитывали возраставшие торговые, экономические, культурные, дипломатические связи РСФСР (СССР) с другими странами. По идеологическим и пропагандистским соображениям важно было также продемонстрировать открытость страны в гуманитарной сфере. В совокупности эти факторы означали смягчение ограничительно-запретительной политики, характерной для периода октября 1917-1922 г. Во второй половине 1920-х годов привлечение в СССР иностранных специалистов и подготовка отечественных кадров за рубежом стали необходимым условием индустриализации страны из-за оттока квалифицированных кадров и проблем, связанных с использованием «буржуазных специалистов». В итоге различные аспекты международной миграции в РСФСР (СССР) привлекали значительное внимание в течение 1922-1928 гг.

С началом нэпа международные связи РСФСР (СССР) расширились в различных областях. Был временно разрешен льготный пропуск посылок из-за рубежа с продовольствием и некоторыми предметами первой необходимости [СУ 1950: №5, ст.641: 1128-1129]. Судя по литературе, были разрешены денежные переводы гражданам СССР из-за рубежа. Вузы и научные учреждения могли обмениваться литературой с вузами и научными учреждениями других стран. Правда, поступающие в СССР издания на русском языке должны были предварительно утверждаться Главным управлением по делам литературы и издательства (Главлитом) [СУ 1923: №4, ст.67: 50]. Работникам государственных учреждений и предприятий, как и работникам всесоюзных кооперативных и профсоюзных объединений, были разрешены заграничные командировки для изучения опыта организации труда, производства и управления [СУ 1924: №53, ст.528: 656] и др.

Важным событием стал декрет 1922 г., допускавший выезд граждан РСФСР и иностранцев за границу [СУ 1950: №34, ст.401: 784-786]. Осторожная формулировка декрета (допуск выезда) означала возможные ограничения в выдаче гражданам РСФСР (СССР) разрешений на выезд за границу.

Оформление такого выезда предусматривало подачу ряда документов по месту постоянного жительства в губернское Управление НКВД: заявления установленной формы (Приложение), вида на жительство, свидетельства об отношении к воинской повинности (для военнообязанных), удостоверения с места работы или с места учебы об отсутствии препятствий к выезду за границу и др. Согласно инструкции, отказ в выезде за границу был возможен при невыполнении гражданином СССР всякого рода государственных повинностей и налогов, в случае, если выезжающее лицо находилось под судом или следствием или разыскивалось органами власти, по мотивам государственных интересов и охраны безопасности и др. [Инструкция о порядке... 1923: 7].

В 1922 г. консульский сбор за заграничный паспорт был установлен в размере 20 золотых руб. [СУ 1950: №22, ст.232: 460-462].

Декрет 1922 г. о допуске к выезду граждан РСФСР и иностранцев за границу и инструкции НКВД РСФСР дополнили распоряжения ведомств.

По инструкции Наркомата по Трудом СССР (НКТ СССР) справки с места работы при поездках частного характера впредь до особого распоряжения выдавались *беспрепятственно* (здесь и далее - курсив НКТ СССР). Однако местные органы в случае потребности в отдельных категориях специалистов могли возбудить перед НКТ СССР ходатайство *о введении* ограничения для данной местности выезда за границу определенных категорий специалистов. НКТ СССР, исходя из состояния рынка труда, мог разрешить или не разрешить выезд. Обо всех специалистах, выехавших за пределы СССР и возвратившихся, местные органы были обязаны сообщать в НКТ соответствующей республики, отсылая копию в НКТ СССР [Инструкция НКТ... 1924: 9-10].

С 1 января 1923 г. выдача заграничных паспортов гражданам РСФСР и иностранцам была передана в ведение НКВД и его местных органов, получивших на это специальное разрешение [СУ 1923: №1, ст.6: 5-6].

Отказы населению в оптации в страны Балтии, Польшу, Финляндию, рассмотренные в предыдущей части нашей статьи, отразили позицию государства, стремившегося ограничить выезд за границу по этому каналу. Судя по воспоминаниям современников, нелегко было получить разрешение на выезд за границу и по декрету 1922 г. Существенную роль в решении о выезде (или невыезде) играл экономический фактор. Заграничные паспорта, не считая других затрат на переезд, «стоили безумных денег» [Голицына 2009: 99-100].

В 1923 г. для некоторых категорий лиц, находившихся за рубежом, были введены новые правила получения вида на жительство, выдававшегося заграничными органами СССР. В эти категории были включены лица, зарегистрированные в Полномочных Представительствах РСФСР, восстановленные ВЦИКом в правах российского гражданства, принятые ВЦИКом в российское гражданство, амнистированные участники кронштадтского мятежа, российские военнопленные и некоторые другие [СУ 1923: №61, ст.584: 1101-1102]. Однако миграционный потенциал этих категорий был незначительным.

В 1925 г. было утверждено положение о въезде в пределы СССР и выезде из пределов СССР [СУ 1925: №37, ст.276: 588]. Это положение означало согласование законодательств союзных республик по вопросу регулирования внешней миграции на всей территории СССР.

Положение о въезде в пределы СССР и о выезде из пределов СССР содержит правила выдачи разрешений на переход государственных границ постоянными жителями пограничной полосы. Заграничные паспорта граждан СССР были разделены на общегражданские, служебные и дипломатические. Особое внимание закон 1925 г. уделил соблюдению правил выдачи общегражданских паспортов лицам призывного возраста [СУ 1925: №37, ст.277: 589-593].

В 1926 г. был существенно повышен консульский сбор за общегражданский заграничный паспорт. Его величина для граждан СССР была установлена в размере 200 руб. Исключением стали лица, проживающие на нетрудовые доходы, и члены их семей. Для этой категории консульский сбор за общегражданский заграничный паспорт был повышен до 300

руб. [СУ 1926: №27, ст.167: 375-376]. Эта мера в 1926 г. сократила миграционный оборот граждан СССР с границей [Осинский (Оболенский) 1928: 122]¹.

Образование СССР и изменение общественно-политической ситуации в стране в конце 1920-х годов отразились на эмиграционной и иммиграционной политике. В эти годы «пропали» немногочисленные публикации, посвященные вопросам эмиграции и иммиграции в СССР. В открытой печати перестали публиковаться законы, регулировавшие внешнюю миграцию. По-видимому, после 1928 г. сократилась выдача разрешений на выезд за рубеж частных лиц. В эти же годы выросло значение трудовой эмиграции и иммиграции квалифицированных рабочих и специалистов.

В середине 1924 г. было утверждено положение о едином союзном гражданстве. Следовательно, для всех граждан советских социалистических республик было установлено единое советское гражданство. Иностранцам, проживавшим на территории СССР, принадлежавшим к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству, были доступны все политические права граждан Союза СССР. Правила получения гражданства СССР имели в виду иностранцев, проживавших в СССР. Наиболее простой порядок предоставления гражданства включал отбор иностранцев, имевших трудовые занятия и принадлежавших к рабочему классу или не пользующемуся чужим трудом крестьянству, а также иностранцев, «ищущих убежища в СССР из-за их преследования за общественную деятельность». Таким лицам губернские и областные исполнительные комитеты, а также ЦИКи союзных республик предоставляли союзное гражданство. Более сложной была процедура получения гражданства иностранцами, проживавшими за границей. В этом случае необходимы были постановления ЦИКов союзных республик и ЦИКа СССР, которые проводились через дипломатические и консульские органы. Выход из союзного гражданства допускался с разрешения ЦИКов союзных республик или ЦИКа СССР. Утратившими гражданство СССР считались лица: а) лишенные гражданства законами союзных республик, изданными до 6 июля 1923 г., или законодательством СССР; б) выехавшие за пределы СССР как с разрешения органов СССР или союзных республик, так и без такого разрешения, и не вернувшиеся; в) вышедшие из союзного гражданства в установленном законом порядке; д) оптировавшие в законном порядке иностранное гражданство [СУ 1924: №23, ст.202: 364-366; Турубинер 1929: 532-534]. В итоге в середине 1920-х годов была сформирована законодательная база, регулировавшая международную миграцию на всей территории СССР, включившая в качестве основы правила получения гражданства СССР и выхода из гражданства СССР.

Учет эмиграции и иммиграции

В 1921 г. были получены первые данные о переходе государственной границы РСФСР, в последующие три года – материалы о выданных разрешениях на въезд и выезд, начиная с 1924 г., – сведения о фактическом отправлении и прибытии через государственную границу

---

¹ В марте 1926 г. средние основные ставки (без приработков) служащих отдельных должностей (в червонных рублях), в среднем по всем городам СССР, составили 67,6 руб., в том числе в столичных, областных и губернских городах – 74,7 руб. [Решетников 1926: 1-9]. Данные о средней заработной плате должны быть дополнены сведениями о высокой безработице среди «бывших».

СССР [Осинский (Оболенский) 1928: 120]. Статистика миграции через границы СССР была восстановлена в 1924 г. [Корсуновский 1928: 93].

Основным источником данных о международной миграции стали материалы контрольно-пропускных пунктов ОГПУ в виде списков о поездках выбывающих из пределов СССР и прибывающих в СССР. Следовательно, при организации учета международной миграции использовался опыт дореволюционной России. Учет международной миграции в СССР можно оценить как относительно более полный при незначительных, по-видимому, масштабах нелегальной миграции. Опубликованные данные контрольно-пропускных пунктов ОГПУ ограничены 1924-1928 гг., т.е. периодом нэпа. Источником сведений о межконтинентальной миграции из СССР был учет, организованный Совторгфлотом, и статистика стран прибытия иммигрантов из СССР.

Недостатком статистики контрольно-пропускных пунктов на границах СССР была ее некоторая неприспособленность для статистической обработки: значительное число зарегистрированных лиц оказалось неизвестного пола и подданства [Корсуновский 1928: 93]. Отметим также ограниченность социально-демографических характеристик мигрантов, отсутствие данных о социальном составе, районах выхода и др. Такое состояние статистики, объяснявшееся в дореволюционное время недостатками первичного учета, о чем шла речь в первой части нашей статьи, в 1920-е годы противоречит обширной информации, содержащейся в заявлении о выезде (Приложение). Можно предположить, что «либеральный» закон 1922 г. не предусматривал массового движения и считался, по-видимому, временным. Предполагавшиеся в связи с этим ограниченные масштабы международной миграции в СССР не стимулировали глубокое изучение эмиграции и иммиграции и их последствий.

Тенденции эмиграции и иммиграции

Трансформация международной миграции, начавшаяся после 1917 г., продолжилась в 1920-е годы. Первые данные учета о числе разрешений на въезд и выезд показали, что «прежде всего оборот советских граждан с заграницей сильнейшим образом сократился» [Осинский (Оболенский) 1928: 121]. Этот важный вывод, оценивший фундаментальные изменения в характере внешней миграции в советские годы, мы рассмотрим ниже. В данном случае отметим текущие тенденции миграции, выявленные учетом миграции и выразившиеся в существенном росте масштабов движения на границах СССР после 1922 г.

По данным контрольно-пропускных пунктов миграционный оборот на границах СССР в 1924 г. составил 150 817 человек, в 1925 г. – 187 451, в 1926 г. – 194 372, в 1927 г. – 253 642, в 1928 г. – 275 871. За эти годы число прибывших в СССР выросло с 65 586 в 1924 г. до 131 429 в 1928 г., число выбывших – с 85 231 в 1924 г. до 144 442 в 1928 г. [Корсуновский 1928: 93; 1929а: 104].

Динамика и структура миграции были тесно связаны с характеристиками мигрантов, прежде всего с их подданством (таблица 1.).

Таблица 1. Динамика международной миграции граждан СССР и иностранных подданных в СССР за 1921-1928 гг., тыс.

Год	Граждане СССР			Иностранные подданные		
	въехало	выехало	сальдо миграции	въехало	выехало	сальдо миграции
1921	111,8	4,4	107,4	0,2	159,2	-159,0
1922	8,6	10,7	-2,1	4,0	312,8	-308,8
1923	29,8	50,7	-20,9	18,6	25,1	-6,5
1924	32,1	40,0	-7,9	25,8	32,2	-6,4
1925	40,1	46,9	-6,9	40,5	36,8	3,7
1926	38,1	39,4	1,3	57,1	41,2	15,9
1927	55,5	55,6	-0,1	61,8	55,9	5,9
1928	60,1	68,5	-8,4	69,3	74,6	-5,3

Источники: [Осинский (Оболенский) 1928: 121,124; Корсуновский 1928: 94].

Примечание: Сведения за 1921-1923 гг. показывают число выданных разрешений на выезд за рубеж. Данные за 1928 г. рассчитаны по [Корсуновский 1928: 94; 1929а: 104].

Несмотря на хронологически короткий период наблюдения, заметны различия в динамике миграции за 1921-1928 гг. Реэмиграция в РСФСР части военнопленных и амнистированных участников боевых действий определила положительное сальдо внешней миграции в 1921 г. Массовый отток иностранных подданных из РСФСР произошел в 1921-1922 гг.: величина отрицательного сальдо миграции составила 467,8 тыс. человек. Следовательно, предложенные условия получения иностранными подданными российского гражданства, о которых шла речь в предыдущей части нашей статьи, оказались для значительной части иностранцев неприемлемыми. На этом фоне масштабы и результаты движения иностранных подданных в последующие годы можно оценить как незначительные. В то же время масштабы движения граждан СССР заметно выросли в 1923 г. и с некоторыми колебаниями увеличивались в последующие годы. Итоги движения граждан СССР, судя по сальдо миграции, были, как правило, отрицательными.

Всего за 1922-1928 гг. выехало из СССР 250 419 граждан СССР, въехало 225 943 человек, сальдо миграции составило 24 476 человек. Показатели движения иностранных подданных были соответственно 240 669, 254 487, +13 818 человек. В 1928 г. миграционный прирост этих двух групп стал отрицательным (соответственно -8332 и -5332 человека) [Корсуновский 1929а: 104]. Несмотря на небольшие величины, итоги 1928 г. характеризуют изменения в тенденциях международного движения на границах СССР. Судя по отрицательному сальдо миграции граждан СССР, часть из них воспользовалась законом 1922 г. и покинула СССР в течение 1922-1928 гг. Последние опубликованные данные о международной миграции в СССР за 1928 г. совпали с ликвидацией нэпа. В целом итоги за 1922-1928 гг. свидетельствуют о преемственности с довоенными тенденциями внешней миграции России – оттоке населения из России и СССР.

Одновременно с ростом эмиграционной активности граждан СССР и иностранных подданных в составе мигрантов происходили структурные сдвиги. Среди прибывших в СССР преобладали иностранные подданные, среди выбывших – граждане СССР. Соотношение этих групп в 1924-1928 гг. менялось в сторону повышения удельного веса иностранных подданных. Удельный вес граждан СССР среди выбывших снизился с 55,4% в 1924 г. до 47,9% в 1928 г., среди прибывших – с 55,5 до 46,5% [Корсуновский 1929а: 104].

Такая динамика международной миграции была нехарактерна для дореволюционной России. Во второй половине 1920-х годов она отразила усложнявшиеся условия выезда граждан СССР, особенно после 1926 г., когда, как отмечалось выше, заметно выросла величина консульского сбора на загранпаспорт, а также появилось значительное число невозвращенцев среди граждан СССР, совершавших частные поездки. Статистика контрольно-пропускных пунктов позволяет рассмотреть другой аспект движения на границах СССР: миграцию лиц с краткосрочной и долгосрочной визой. Первая группа (с краткосрочной визой) включает широкий круг лиц, пересекавших границу по визе дипломатической, транзитной, служебной, с удостоверениям НКПС и др. В эту группу были включены также экскурсанты, члены делегаций, жители пограничной полосы, возчики грузов и т.д. Все остальные лица, пересекавшие границу, составили долгосрочную группу. С точки зрения более точного определения характера поездок, перечисленные выше признаки разделения пассажиров оценивались как недостаточные. На их основе нельзя было выделить лиц, совершавших миграцию с целью прочного водворения на новом месте, и лиц, пересекавших границу для выполнения отдельных поручений и т.д. [Корсуновский 1928: 93]. Заметим, что в составе мигрантов не были выделены лица, совершавшие частные поездки, получившие или восстановившие гражданство СССР и др. И все же сведения о долгосрочных и краткосрочных мигрантах представляют несомненный интерес (таблица 2).

Таблица 2. Движение через границы СССР пассажиров в зависимости от характера поездок за 1924-1928 гг., чел.

Год	Движение через границы СССР в зависимости от характера поездок			
	выбывшие		прибывшие	
	долгосрочные	краткосрочные	долгосрочные	краткосрочные
1924	71850	13381	56780	8806
1925	82709	14445	68225	22072
1926	67925	23033	80218	23196
1927	72094	52029	65384	64135
1928	87524	56919	71711	59918

Источники: [Корсуновский 1928: 93; 1929а: 104].

Если принять во внимание отмеченную выше сложную структуру краткосрочных поездок, связанную в основном с выполнением государственных функций, то неудивительно быстрое абсолютное и относительное увеличение этой группы в общем числе прибывших и выбывших: с 22 187 человек в 1924 г. до 116 838 в 1928 г. (с 14,7 до 42,4%). Такая динамика подтверждает причины «либерализации» законов, регулировавших международную миграцию в СССР (расширение экономических, торговых и других отношений СССР с зарубежными странами). В то же время снижение удельного веса долгосрочных поездок можно оценить как результат политики ограничения этого вида передвижения.

Характер поездок определил состав мигрантов, прежде всего абсолютное и относительное преобладание мужчин. За 1924-1928 гг. удельный вес мужчин в составе прибывших в СССР составил 78,4%, женщин – 18,8%, неизвестного пола – 2,8%. Повышение удельного веса мужчин в 1928 г. до 82,5% соответствует отмеченному выше росту краткосрочных поездок, носивших, как правило, деловой или служебный характер.

Дифференциация демографических показателей зависела от характера поездок и направления миграционных потоков. Большинство женщин и детей пересекали европейскую границу по долгосрочной визе. В 1928 г. на европейской границе число женщин на 100 мужчин среди выбывавших по долгосрочной визе составило 76,4, в краткосрочных поездках – 9,6, на азиатской границе – соответственно 23,9 и 2,7. Хотя удельный вес женщин в составе выбывавших на азиатской границе был низким, но и здесь доля женщин была более высокой при поездках по долгосрочным визам. Состав мигрантов, зарегистрированных на европейской границе, отличала также более высокая роль группы в возрасте до 16 лет, особенно в составе выбывших по долгосрочным визам. В 1928 г. на европейской границе на 100 выбывавших взрослых приходилось 16,0 в возрасте до 16 лет, среди прибывших – 8,8, в том числе по долгосрочным визам этот показатель был соответственно 21,4 и 3,8. На азиатской границе рассматриваемые показатели были существенно ниже. Но и здесь доля детей также была выше у лиц, имевших долгосрочные визы (14,5 и 3,3) [Корсуновский 1929а: 104-105]. Рассмотренные выше демографические показатели можно интерпретировать как свидетельство эмиграции граждан СССР преимущественно через европейскую границу по долгосрочным визам с большим участием женщин и детей и, возможно, семей.

Изменившийся характер международной миграции в 1920-е годы подтверждает география миграционных потоков, отчетливо проявившаяся в возросшей роли азиатского направления. Так, в 1926 г. среди прибывших в СССР 41,6 тыс. были зарегистрированы на европейской границе, 52,8 тыс. – на азиатской, среди выбывших эти показатели составили соответственно 47,2 и 43,7 тыс. [Корсуновский 1928: 95]. Еще большее значение азиатского направления было зафиксировано в 1928 г. В то время как на европейской границе было зарегистрировано 50,5 тыс. прибывших в СССР, на азиатской – 81,1 тыс., выбывших – соответственно 59,5 и 84,9 тыс. [Корсуновский 1929а: 107].

Возросшую роль азиатского направления в 1920-е годы подтверждает подданство мигрантов (таблица 3).

Таблица 3. Подданство прибывших в СССР и выбывших из СССР в 1928 г., чел.

	Прибывшие			Выбывшие		
	долгосрочные	краткосрочные	итого	долгосрочные	краткосрочные	итого
СССР	21689	38477	60166	29365	39133	68498
Германия	4959	1735	6694	5179	1442	6621
Китай	21948	1644	23592	16211	1564	17775
Латвия	3162	2165	5327	3109	2077	5186
Литва	1126	28	2264	533	27	560
Персия	1557	7173	8730	12536	5750	18286
Польша	2629	254	2863	2101	340	2442
США	1524	347	1871	1699	231	1920
Турция	629	1670	2299	1702	1207	2909
Чехословакия	1149	100	1249	1491	74	1565
Эстония	1184	467	1651	967	545	1512
Япония	2427	1647	4074	2461	1047	3508

Источник: [Корсуновский 1929а: 106].

В таблице 3 показаны основные миграционные связи СССР. Обращает на себя внимание значительный поток в СССР граждан Китая. Он отразил влияние китайской

диаспоры на Дальнем Востоке, а также расширявшиеся связи ВКП(б) и Коминтерна с КП Китая, рост подготовки кадров из Китая в учебных заведениях СССР. Значительное число подданных Персии, как утверждают современники, стало следствием транзита пассажиров из этой страны через РСФСР в Европу, а также сокращения их занятости в районе добычи нефти в Баку. В 1920-е годы возобновились связи с Германией, столь значимые для России в довоенное время. В то же время миграционные потоки выбывших из СССР характеризуют их тесную связь с расселением «белой эмиграции», частично осевшей в Берлине, и оптацией населения. Поэтому в 1920-е годы значимыми были потоки между СССР и странами Балтии, Чехословакией. В то же время незначительные показатели миграционных потоков между СССР и Францией, где осела значительная часть первой волны эмигрантов, наводит на мысль о том, что страны, названные при оформлении документов, могли быть промежуточными при движении части эмигрантов из СССР в Европу.

Межконтинентальная миграция

Коренные изменения в межконтинентальной миграции стали также заметной особенностью трансформации международной миграции в 1920-е годы. Напомним, что тенденции международной миграции, рассмотренные в первой части нашей статьи, характеризуют довоенную Россию как страну значительной по масштабам эмиграции, прежде всего в США. Изменившаяся ситуация в послевоенном мире проявилась в законах, ограничивавших иммиграцию. Так, в соответствии с законами США 1921 и 1924 гг. последовательно сокращались квоты для иммиграции, в том числе и для «русских». В эти же годы выросла роль Канады как страны иммиграции.

Частичное возобновление межконтинентальной (заокеанской) эмиграции из СССР было связано с предоставленным правительством СССР в 1925 г. исключительным правом Совторгфлоту на перевозки эмигрантов, следующих за границу морским или смешанным железнодорожным и морским путем в Австралию, Северную и Южную Америку, Африку и Палестину. Заполнение регистрационных карточек Совторгфлота всеми пассажирами было обязательным правилом перед отъездом в указанные страны. Но в регистрационной карточке отсутствовали сведения о составе пассажиров – их возрасте, цели поездки и т.д. Проданные билеты, дополнявшие регистрационные карточки, могли означать передвижение лиц, не относившихся к эмигрантам, – командированных, туристов-иностранцев, возвращавшихся на родину, и т.д. С учетом вышесказанного для оценки эмиграции из СССР на «постоянное проживание» в других странах востребованными в 1920-е годы, как и в дореволюционной России, остались иностранные источники (таблица 4).

Как видим, заокеанскую эмиграцию из СССР в 1924-1927 гг. отличают незначительные масштабы и тенденция к их снижению. Вопрос о заокеанской эмиграции был «закрыт» в 1927 г. В отличие от массовой довоенной эмиграции в США в 1920-е годы в эмиграции из СССР выросла роль Аргентины, Канады, Палестины. Но и данные таблицы 4 нельзя считать корректными – в них расходятся календарные сроки отчетности и время прибытия эмигрантов. Учет прибывших из СССР, зарегистрированных как «русские», в действительности мог означать «русских», прибывших из государств, возникших на территории бывшей Российской империи.

Таблица 4. Распределение эмигрантов из СССР по странам прибытия (по материалам статистики неевропейских стран), чел.

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Южная Африка	86	178	74	103
Аргентина	1756	1530	1210	1134
Австралия	317	-	-	-
Бразилия	594	820	1141	634
Канада	9296	1031	1074	1092
Куба	191	591	227	240
США	1446	1888	1537	1236
Мексика	-	516	397	-
Новая Зеландия	2	15	6	-
Палестина	2661	6726	1517	557
Итого	16349	13295	7191	4999

Источник: [Корсуновский 1929b: 112].

В итоге, по данным статистики эмиграции СССР за 1925-1928 гг., число эмигрантов из СССР, прибывших в Канаду, составило 16 514 человек, США – 6 748, Аргентину – 2 613, Уругвай – 2 213, Мексику – 1 930, Бразилию – 1 131. По материалам статистики неевропейских стран, за 1924-1927 гг. в Палестину прибыло около 10 тыс. эмигрантов из СССР. В составе эмигрантов, допущенных в США, преобладали лица в возрасте 16-44 года. Высокая доля женщин и детей в их составе может означать преобладание семейной иммиграции. В отличие от довоенной эмиграции из России, характеризовавшейся массовым движением беднейшего еврейского населения, в составе эмигрантов из СССР участвовали зажиточные городские и сельские жители. Основным районом выхода эмигрантов была Украина. Важная роль родственных связей проявилась в способе оплаты проезда. В 1925 г. основная часть эмигрантов (62%) оплатила проезд за собственный счет. В 1928 г. преобладали эмигранты, билеты которым купили родственники или благотворительные организации, находившиеся за океаном [Корсуновский 1929b: 112]. Как видим, политика государства в короткие сроки «решила» проблему заокеанской эмиграции, закрыв движение.

Об оценке миграционного потенциала

Процитированная выше оценка В.В. Осинского (Оболенского) о большом сокращении миграционного оборота населения СССР с границей в 1920-е годы по сравнению с довоенным временем свидетельствует о контроле за этим процессом, означавшем строгое ограничение масштабов и состава миграции. Основным инструментом такой политики стали законы, регулировавшие движение советских подданных через границы СССР.

Особенности статистики контрольно-пропускных пунктов, учитывавшей приграничный обмен населения и различные временные виды миграции, означают, строго говоря, невозможность сопоставления показателей международной миграции в СССР в 1920-е годы с довоенными данными. В то же время в середине 1920-х годов стали очевидными изменения в составе населения СССР, произошедшие под влиянием эмиграции после октября 1917 г. Напомним, что в составе населения, родившегося за границей, Всесоюзная перепись населения 1926 г. учитывала две группы: родившихся в пределах бывшей Российской империи и за ее пределами. Общая численность этих двух групп составила 1793,4 тыс. человек (1,2% населения СССР). Преобладающей по

численности была группа родившихся в пределах бывшей Российской империи (1122,7 тыс.). Ее величина характеризует потенциальных оптантов, не сумевших или не захотевших в силу различных причин воспользоваться правом оптации, предусмотренным соответствующими договорами РСФСР с Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией в конце 1910-х – начале 1920-х годов. Численность второй группы (родившихся за пределами Российской империи) составила 580,5 тыс. человек. Абсолютное большинство родившихся за пределами Российской империи были учтены в РСФСР (303,5 тыс.) и в УССР (182,3 тыс.) [Всесоюзная перепись... 1931: 110].

Сравнение переписей 1926 г. и 1897 г., пересчитанной для территории СССР, выявило изменения в численности и составе подданных различных государств, проживавших в России (СССР). В 1897 г. в России было учтено 64,7 тыс. подданных Германии, в 1926 г. их было 8,0 тыс., Австро-Венгрии (Австрии, Чехословакии, Венгрии) – соответственно 35,9 тыс. и 12,5 тыс., Англии – 7,5 тыс. и 0,5 тыс., Франции – 7,9 тыс. и 0,7 тыс., Греции – 10,8 тыс. и 46,0 тыс., Европы в целом – 144,5 тыс. и 77,7 тыс. В то же время число подданных азиатских государств увеличилось с 256,0 тыс. до 285,3 тыс., в том числе Китая – с 47,6 тыс. до 81,8 тыс., Кореи – с 12,9 тыс. до 84,0 тыс. [Осинский (Оболенский) 1928: 126]. Следовательно, как и данные текущего учета, материалы переписи населения 1926 г. подтвердили резкое сокращение после октября 1917 г. участие подданных западноевропейских стран в формировании населения СССР.

Более сложным оказался вопрос о причинах сокращения внешнего миграционного оборота в СССР в 1920-е годы по сравнению с довоенной Россией. Несмотря на очевидность ответа на этот вопрос, необходимо было обосновать текущую и будущую политику в области эмиграции. В.В. Осинский (Оболенский)² объясняет сокращение миграционного оборота отделением от СССР западных районов Российской империи с более высокой эмиграционной активностью жителей в довоенные годы, ссылаясь также на предпосылки уменьшения так называемой еврейской эмиграции, связанные с отменой «черты оседлости». Сокращение внешнего миграционного оборота объясняется также ликвидацией помещичьего землевладения, в результате которой крестьяне, в основном малоземельные, увеличили свои наделы. Принимая во внимание такие доводы, нельзя не заметить, что результаты земельных преобразований после октября 1917 г. оценивались по-разному, поскольку в целом крестьянские наделы в стране увеличились незначительно. Более существенным был выигрыш крестьян в результате ликвидации различного рода платежей за землю. Правда, степень участия российских крестьян в дореволюционной эмиграции была существенно ниже по сравнению с населением западных и юго-западных районов России. Только накануне Первой мировой войны был отмечен рост участия русских крестьян в сезонной эмиграции в США.

Отмечая понятную и, возможно, вынужденную позицию В.В. Осинского (Оболенского), обратим внимание на социально-экономический контекст, изменившийся в 1920-е годы причины реальной и потенциальной эмиграции. Наряду с аграрным перенаселением, причинами эмиграции могли быть экономический упадок, высокий

---

² С февраля 1926 г. по ноябрь 1929 г. В.В. Осинский (Оболенский) был управляющим ЦСУ СССР.

уровень городской безработицы, острый жилищный кризис в городах, низкий уровень жизни населения. Важным фактором потенциальной эмиграции была сложность выживания и интеграции в новое общество отдельных (так называемых «бывших») слоев общества, политика их принудительной маргинализации («лишенцы» и др.). Существенным фактором эмиграции был разрыв родственных и семейных связей вследствие огромной по величине первой волны эмиграции. В литературе 1920-х годов обращается внимание на новый характер расселения евреев после отмены «черты оседлости» как «антиэмиграционный» фактор. В то же время нельзя исключить влияние на эмиграцию антисемитизма и при новом расселении. По косвенным данным, среди эмигрировавших в 1922-1924 гг. по-прежнему было много евреев, эмиграция которых определялась хозяйственным упадком, воспоминаниями о погромах, перенесенных во время Первой мировой и Гражданской войн [Осинский (Оболенский) 1928: 122].

С точки зрения потенциальной эмиграции, обратим внимание на положение молодежи, особенно непролетарской, стремившейся получить высшее образование. Речь идет об одной из особенностей высшей школы в 1920-е годы: гипертрофированном классовом подходе, пронизывавшем все стороны жизнедеятельности студенчества – от комплектования вузов до организации учебно-воспитательного процесса и решения бытовых проблем [Рожков 2014: 507]. Распространенная в это время практика предоставления «путевок» в вуз означала возможность вертикальной социальной мобильности или, наоборот, отсутствие таковой для значительного числа желающих и способных учиться в высшей школе, но не способных преодолеть «классовый фильтр».

Краснодарская студентка в письме к брату не советовала ему возвращаться в СССР: «Тебе трудно представить, что ждет тебя здесь [...]. Ведь там ты можешь учиться, там больше считаются с тобой, чем будут считаться здесь. Если же у тебя есть еще и желание окончить институт, то прежде, чем ехать сюда, распрощайся с этой мыслью. Ведь в высшую школу у нас попадают, как говорят, счастливицы {...}. Здесь большая часть студенчества настроена так, что хотя бы сегодня уехать (за границу - А.Р.)» [Рожков 2014: 208].

Как видим, результатами политики в 1920-е годы стали незначительные по сравнению с довоенным временем масштабы движения граждан СССР за границу. Главным итогом стала разработка политики, означавшей фактическую закрытость страны, противостоявшей значительному эмиграционному потенциалу.

ОПЫТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ИММИГРАЦИИ

Согласно официальным документам, одним из направлений иммиграционной политики РСФСР (СССР) в 1920-е годы стало регулирование промышленной и сельскохозяйственной иммиграции. Фактически решался вопрос о перспективах сельскохозяйственной иммиграции в СССР.

Первые законы, регулировавшие это движение, были опубликованы в 1922 г. Статистика сельскохозяйственной и промышленной иммиграции не проясняет причины движения в аграрно-перенаселенную страну, разоренную войнами и революцией, но сохранившую, по-видимому, привлекательность в силу своего «многоземелья». Сведения о

сельскохозяйственных иммигрантах также не объясняют это явление. В составе иммигрантов, в частности, не были выделены реэмигранты. Гипотетически движение сельскохозяйственных эмигрантов и реэмигрантов могло стать вторым по значению в истории России событием после эмиграции, происходившей в конце XVIII – начале XIX века в Новороссию и Поволжье и получившей название «иностранный колонизации». Напомним, что в отечественной литературе в конце XIX – начале XX века «иностранный колонизация» получила противоречивые оценки [Моисеенко 2008: 239-246].

Говоря о факторах, определивших сельскохозяйственную эмиграцию в 1920-е годы, отметим влияние Конституции РСФСР 1918 г., провозгласившей открытость республики, о чем шла речь выше в предыдущей части нашей статьи. Современники объясняли сельскохозяйственную иммиграцию в РСФСР экономическими причинами, «симпатией трудящихся масс Западной Европы и Америки к СССР», а также большим числом выходцев из России на территории США, Канады, Австралии [Градов 1926: 17-19]. Последняя причина выглядит особенно убедительной: характерной чертой эмиграции в дореволюционной России были значительные масштабы возвратного движения. Очевидно, что прерванные в 1914-1921 гг. миграционные связи способствовали формированию значительного числа реэмигрантов в РСФСР (СССР), возвращение которых могли стимулировать земельные преобразования в стране, введение нэпа, родственные связи и др.

Противоречивое отношение государства к сельскохозяйственной и промышленной иммиграции проявилось в начале 1920-х годов. Так, в 1921 г. были приняты ограничения в отношении промышленной и сельскохозяйственной иммиграции, не опубликованные в открытой печати. В мае 1922 г. был снова поставлен вопрос о «максимальном сокращении иммиграций». К въезду в РСФСР допускались «только те группы рабочих, относительно которых имелась полная гарантия того, что они найдут необходимый заработок на территории Республики». Справедливость такой позиции объяснима: она отразила стремление предотвратить возможное влияние иммиграции на рост городской безработицы. Беспрепятственный въезд в Россию был разрешен промышленным и сельскохозяйственным группам, организованным в Америке под руководством Подотдела отдела промышленной иммиграции при ВСНХ по согласованию с НКТ РСФСР, т.е. контроль за передвижением был поставлен в районе выхода иммигрантов [СУ 1950: №37, ст.440: 838].

В конце 1922 г. вопросы «урегулирования и содействия промышленной и сельскохозяйственной иммиграции» были переданы в ведение постоянной комиссии Совета по труду и обороне (СТО). Задача постоянной комиссии СТО состояла в «установлении и привлечении желательных для РСФСР сельскохозяйственных и промышленных групп иммигрантов и реэмигрантов», подготовке для них сельскохозяйственных и промышленных предприятий, а также пустующих земель. Комиссия должна была организовывать въезд, оформление в таможне и транспортировку иммигрантов и ввозимой ими техники и имущества, содействовать предоставлению кредитов иммигрантам и др. В ее задачу входила также борьба с нелегальной (т.е. не проходящей через комиссию) сельскохозяйственной иммиграцией в РСФСР [СУ 1950: №79, ст.997: 1795].

В последующие годы цели политики государства в отношении иммиграции и реэмиграции уточнялись и конкретизировались. С помощью иммиграции и реэмиграции намечалось поднять и развить сельское хозяйство в многоземельных и окраинных районах путем создания его рациональных форм. НКЗ РСФСР было поручено выделить для иммигрантов 220 тыс. десятин земли на юго-востоке Европейской части РСФСР и в Поволжье. Сельскохозяйственные эмигранты должны были иметь основной и оборотный капитал, обеспечивающий организацию и ведение хозяйства. Земельные участки предоставлялись исключительно на договорных началах. В 1923 г. трудовым сельскохозяйственным иммигрантам и реэмигрантам были предоставлены льготы по продналогу, отбыванию воинской повинности (наравне с переселенцами), взиманию таможенных пошлин на ввозимые сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения и др. [СУ 1923: №10, ст.128: 224-225].

В 1925 г. перед постоянной комиссией СТО была поставлена задача разработать общий план сельскохозяйственной и промышленной иммиграции. Для иммигрантов были расширены некоторые виды льгот. В их числе – льготы для проезда по железнодорожному и водному транспорту, которые стали одинаковыми с переселенцами в СССР. Льготы по отбыванию обязательной военной службы были увязаны с принятием иммигрантами советского гражданства. Предстояло (по согласованию с ЦСУ СССР) организовать учет и статистику иммиграции и эмиграции [СУ 1925: №16, ст.119: 197-199].

Следовательно, в середине 1920-х годов сформировались основы политики в области сельскохозяйственной иммиграции в СССР.

Наряду с другими мероприятиями по подъему и развитию сельского хозяйства, известный ученый в области переселения крестьян и колонизации В.П. Вошинин в 1923 г. положительно оценил первые результаты и перспективы иммиграции и реэмиграции в РСФСР, преимущественно из США, где находилось много русских иммигрантов, «ныне стремящихся на родину». Первый опыт привлечения иммигрантов показал, что американские сельскохозяйственные артели и коммуны, ввозя достаточный оборотный капитал, тракторы, специальные установки и др., «сразу же ставят дело на надлежащую высоту». Члены Первой американской коммуны в Тамбовской губернии в течение одного года смогли наладить образцовое хозяйство и установить тесный контакт с окружающим населением. В то же время местные власти, по мнению В.П. Вошинина, должны были оказывать иммигрантам самое активное содействие для «правильной постановки иммиграционного дела» с учетом того, что в северной и южной Америке, Канаде, Германии, Венгрии, Чехословакии, Италии, Швейцарии и других странах образовывались специальные общества и коллективы для переселения в Россию. Одна из серьезных проблем иммиграции, как и во второй половине XVIII века, состояла в правильном подборе иммигрантов. В то же время ряд предпосылок, по мнению В.П. Вошинина, суживали сферу применения сельскохозяйственной иммиграции. Необходимо было осторожное отношение к каждому отдельному случаю, так как «всякий неуспех немедленно детонирует за границей» [Вошинин 1923: 3-4].

Опубликованные данные свидетельствуют о привлекательности СССР для значительного числа иммигрантов. За 1922-1925 гг. в постоянную комиссию СТО

поступили заявления от 83 сельскохозяйственных групп, объединивших 410 тыс. человек. Разрешено было переселиться 21 группе с общим числом 2689 человек. В числе иммигрантов были прибывшие из США и Канады (70%), Германии, Чехословакии и Швейцарии (30%). Столь значительная диспропорция между заявками и фактической иммиграцией отразила, по-видимому, сдержанно-ограничительное отношение к этому явлению и большие требования к составу эмигрантов. Последний факт подтверждает высокая оснащенность принятых иммигрантов техникой (сельскохозяйственными орудиями и инвентарем на сумму 2249 тыс. руб.), предметами домашнего обихода (на сумму 1665 тыс. руб.) и значительные размеры наличных денег (621 тыс. руб.). Иммигранты были расселены в РСФСР и УССР: на Северном Кавказе, в Тамбовской, Ульяновской, Московской губерниях, в Кара-Киргизской автономной области. Среднее число иммигрантов, образовавших коммуны, превышало 100 человек. Обеспеченность едока землей в таких коммунах была выше по сравнению с местным населением. За короткое время коммуны построили мельницы, кузницы и другие предприятия и мастерские. Стремление к полной механизации производства в хозяйствах иммигрантов сочеталось с быстрым развитием животноводства. В итоге урожаи зерновых, полученные в ряде коммун иммигрантов, оказались существенно выше по сравнению с хозяйствами местного населения. Так, в 1924 г. в коммуне «Сеятель» Сальского округа Северного Кавказа урожай озимой пшеницы в коммуне составил 92,6 пудов с десятины, в крестьянских хозяйствах – 4,4, пшеницы яровой – соответственно 40,0 и 4,6, ячменя – 8,3 и 7,6, ржи – 53,0 и 4,0 и т.д. Коммуны иммигрантов оказывали содействие местному населению советами и примером, помогали беднейшим крестьянам в обработке земли и т.д. Автор цитируемой статьи М. Градов отмечает, что существование крупных механизированных хозяйств и результаты их работы «оказывали сильное влияние на ту часть населения, которая заинтересована в новых начинаниях коммун. Среди недостатков работы коммун отмечается уравнительность в оплате труда. В 1926 г. перспективы коммун сельскохозяйственных иммигрантов оценивались оптимистически: они должны были стать организационно, технически и хозяйственно образцовыми культурно-показательными центрами для своего района. Правда, как считал М. Градов, такая роль со временем должна была уменьшиться под влиянием роста производительности и оснащенности сельского хозяйства страны. Перспективы сельскохозяйственной иммиграции были признаны частью политики НКЗ по переселению в стране. В то же время предлагалось ликвидировать специальный иммигрантский земельный фонд [Градов 1926: 17-19]³.

Как видим, позиция постоянной комиссии СТО отразила противоречивое отношение к сельскохозяйственной иммиграции. Коммуны иммигрантов размещались в густонаселенных сельскохозяйственных районах, откуда шло переселение крестьян за Урал. В этих районах, как и во всей стране, усиливалась дифференциация крестьянства, нарастали социальные противоречия в деревне. В этих условиях хозяйства иммигрантов становились дополнительным источником социальной напряженности в деревне. Они «не вписывались» в аграрную политику конца 1920-х годов, включавшую увеличивавшиеся налоги на крупные крестьянские хозяйства и др. Коммуны иммигрантов оказались

---

³ По материалам комиссий по иммиграции СТО.

несовместимыми с коллективизацией. Поэтому ликвидация нэпа завершила период сельскохозяйственной иммиграции и реэмиграции. В 1927 г. постоянная комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции была упразднена. Вопрос о приглашении сельскохозяйственных коллективов из-за границы и разработке правил иммиграции был снят с повестки работы союзного руководства и передан в ведение СНК союзных республик. Индустриализация страны внесла принципиальные изменения в политику иммиграции: первостепенными стали вопросы обеспечения тяжелой индустрии квалифицированными кадрами. Для этого предстояло разработать номенклатуру специальностей и квалификаций работников, приглашение которых было целесообразно для работы в промышленности из-за рубежа, даже «целых промышленных коллективов» [СУ 1927: №10, ст.95: 235-236]. Начиная с 1927 г., ВСНХ СССР должен был ежегодно составлять план заграничных командировок работников промышленности, находящейся в ведении ВСНХ СССР и союзных республик. Задачи работников, командированных на заграничные предприятия, состояли в изучении постановки и организации производства и ознакомлении с достижениями техники, закупке оборудования, повышении квалификации. Особое внимание обращалось на обсуждение отчетов командированных за границу – отчеты необходимо как можно полнее использовать и широко распространять сведения о постановке производства и достижениях техники за границей [СУ 1927: №24, ст.265: 520-522]. Принятые законы означали принципиальные изменения в иммиграционной политике СССР. На первый план были поставлены интересы индустриализации страны.

ЭМИГРАЦИЯ И ИММИГРАЦИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Индустриализация в конце 1920-е годов была основной задачей и целью экономической политики, суть которой состояла в обеспечении преимущественного формирования отраслей промышленности по сравнению с сельским хозяйством и содействии приоритетному развитию тяжелой индустрии по отношению к отраслям легкой промышленности [Рогалина 2007: 127]. Как ключевое событие социально-экономической жизни страны индустриализация определила динамику внутренней и международной миграции в СССР. Особенностью международной миграции стала возросшая роль экономической функции, обеспечивавшей перераспределение квалифицированной рабочей силы.

Международная миграция в СССР была тесно связана с созданием иностранных концессий. Но в результате возникших в 1929 г. затруднений в согласовании темпов экономического развития страны и плана и размера привлечения иностранного капитала постепенно снизился интерес к концессиям. Другими каналами международной миграции в СССР стали приток иностранных специалистов и квалифицированных рабочих и, как отмечалось выше, подготовка отечественных кадров за рубежом. Заметим, что задача привлечения иностранных техников и обучение отечественных техников за границей, а также подготовка инженеров-экспертов за границей была поставлена на повестку дня в 1925 г. [Индустриализация Советского Союза... 1999: 203].

В конце 1920-х годов большое внимание уделялось подготовке отечественных квалифицированных кадров за рубежом – в первую очередь для тяжелой промышленности и электроэнергетики.

В 1928 г. служащие Главного электротехнического управления (Днепрогэса) были командированы за границу для получения консультаций, ознакомления с техническими усовершенствованиями, изучения специальных вопросов, производства заказов и получения таковых [Извлечение из... 1928: 454]. Одновременно значительное число молодых инженеров были командированы на практику за границу на продолжительный срок (от одного до трех лет).

Кратковременная эмиграция на заграничные предприятия (на 3-4 месяца) отечественных инженеров, мастеров и высококвалифицированных рабочих рассматривалась как наиболее эффективное средство использования технического опыта иностранных фирм. Но сокращение ассигнований на командировки (при условии больших затрат золотых рублей на договора по техническому содействию и на закупку заграничного оборудования) наносили «большой материальный вред и тормозили своевременную и полную наладку и освоение ряда новых отраслей промышленности, в особенности военного и оборонного значения. По данным на 1 декабря 1933 г. из 2572 командированных за границу 17,7% были работниками черной и цветной металлургии, 43% – машиностроения, 8,4% – химической промышленности, 8,1% – военной промышленности и т.д. [Индустриализация Советского Союза... 1999: 260-261].

С ростом капиталовложений в промышленность СССР в рамках первого пятилетнего плана привлечение зарубежных специалистов рассматривалось как необходимое условие рационализации производства, его проектирования, консультации наиболее крупных строек [СУ 1928: №33, ст.297: 634-651]. С учетом этого в 1928 г. были отмечены недостатки в привлечении иностранных специалистов на предприятия ВСНХ и НКПС – «не только крупных специалистов с крупным именем, но и специалистов, имеющих достаточный опыт и знание европейской техники». Ориентировочное число необходимых иностранных специалистов на предприятиях СССР в 1929-1930 гг. оценивалось от 1000 до 3000 [Индустриализация Советского Союза... 1999: 233-234].

В то же время в практике привлечения иностранных специалистов были отмечены крупные недостатки.

В письме американского рабочего Фердинанда Демута в ЦК профсоюза строительных рабочих в 1930 г. речь идет о машинах, приобретенных американскими рабочими для производства оконных рам и дверей «на свои последние сбережения» и оставшихся неиспользованными, в то время как американские рабочие были вынуждены работать «русскими методами на изношенных устаревших механизмах», бездейственно слоняться по стройке в ожидании материалов или же заниматься соскабливанием ржавчины с машин, «привезенных ими в качестве подарка пролетариату СССР». Письмо, направленное в соответствующий строительный трест, осталось без ответа [Индустриализация Советского Союза... 1999: 235-236].

На ряде предприятий была высокой текучесть кадров иностранных специалистов из-за неудовлетворительных бытовых условий.

Вместе с тем важным стало признание коллегии Наркомтяжпрома СССР в 1933 г.: подавляющее большинство работающих в тяжелой промышленности иностранных рабочих и инженеров оказали существенную помощь в строительстве, пуске и освоении новых видов производств на крупнейших гигантах. В их число вошли Магнитострой, Кузнецкстрой, ХТЗ, СТС, ГАЗ им. Молотова, автозавод им. Сталина, Электрокомбинат, Электроаппарат, Челябинский ферросплавный, Электросталь, Красноуральский медеплавильный завод и др. Не менее значительной была признана помощь иностранных кадров в обучении персонала, обслуживавшего дорогостоящее импортное оборудование [Индустриализация Советского Союза... 1999: 246].

Как видим, процесс трансформации международной миграции, начавшийся после октября 1917 г., продолжился в 1920-е годы. В силу социально-экономических и политических причин государство поставило эти процессы под жесткий контроль, не допускавший массовой эмиграции или иммиграции.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что вопросы эмиграции и иммиграции заняли важное место в политике советского государства в 1920-е годы, в определении ее стратегии. Международная миграция, несмотря на существенно сократившиеся по сравнению с дореволюционным временем масштабы, рассматривалась как важный фактор, влиявший на общественные отношения и политическую стабильность общества. С этих позиций решались вопросы регулирования международной миграции, несмотря на декларации об открытости страны. В числе таких вопросов было отношение к «белой эмиграции», иностранцам, оказавшимся после октября 1917 г. на территории РСФСР, иммиграции русских военнопленных и интернированных после окончания Первой мировой войны, оптации вследствие распада Российской империи и образования новых государств на территории Российской империи. Провозглашенная «открытость» РСФСР для некоторых групп иностранцев сменилась регулированием их притока, исходя из внутренних экономических, политических и других интересов. Так, обозначившиеся противоречия между характером сельскохозяйственной иммиграции и аграрной политикой привели к свертыванию сельскохозяйственной иммиграции. Ключевым вопросом в 1920-е годы стал вопрос о праве на эмиграцию населения СССР. «Теоретическим» обоснованием ограничительной политики в отношении эмиграции стала точка зрения об отсутствии, с учетом внутренних факторов, «больших перспектив» этого процесса, что на практике означало закрытость страны. В то же время ускоренная индустриализация показала необходимость иммиграции специалистов и выезда в развитые страны отечественных кадров для повышения их квалификации. В итоге в 1920-е годы сформировалась политика закрытости страны, означавшая существенные ограничения выезда и въезда. Анализ тенденций и опыт политики в международной миграции важен, поскольку в 1920-е годы окончательно определилась позиция государства в отношении эмиграции и иммиграции в СССР. Разнообразные и противоречивые последствия такой политики – предмет специального изучения,.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Заявление в Губотуправ [Губернский отдел управления – ред.] НКВД

Прошу выдать мне установленное постановлением Совета Народных Комиссаров от 19 декабря 1922 г. разрешение на выезд за границу.

Для граждан СССР

	Вопросы	Ответы
1	Фамилия, имя и отчество (<i>жены, живущей под фамилией мужей, кроме нее указывают еще и девичьи. Лица, имеющие несколько фамилий или псевдонимов, обяз. указ. и их.</i>)	
2	Время и место рождения (<i>год, мес., число, госуд., город и т.д.</i>).	
3	Национальность и с какого времени состоите в Российском гражданстве, если перешли из иностранного, то из какого?	
4	Семейное положение.	
5	Профессия и чем добывали средства к существованию: а) до 7 ноября 1917 г., б) после 7 ноября 1917 г. до настоящего времени (<i>владельцы капитал. указывают его размер, служащие – место работы и должность, учащиеся – учебные заведения, живущие на иждивении указывают на чьем и адрес того лица или учреждения.</i>)	
6	Бывшее сословие.	
7	В каком профсоюзе состоите и с какого времени (<i>№ проф. билета</i>).	
8	К какой политической партии принадлежите и с какого времени. (<i>Если вышли из партии, то когда и почему</i>) (<i>укаж. № билета</i>).	
9	Не состоите ли и не состояли ли под судом и следствием и не привлекались ли к ответственности в административном порядке (<i>арест, подписка о невыезде и т.д.</i>). В утвердительном случае указать: кем, где, когда, за что, на какой срок и в каком порядке освобожд. от наказания.	
10	Были ли за границей, если да – укажите когда, в какой стране и по какому делу (<i>если выезжали при Совласти, укажите кем, когда и за каким № выданы паспорт и виза</i>).	
11	Укажите родственников, находящихся в СССР (<i>степень родства, фамилию, имя, адрес местожительства</i>).	
12	Укажите родственников, находящихся за границей (<i>фамилию, имя, когда выехали из России, где прожиг. и чем занимаются</i>).	
13	Укажите место вашего жительства, начиная с 1914 г. (<i>город, улица, № дома, № квартиры, сколько времени жили</i>).	
14	Ваш последний адрес: (<i>город, улица, 3 дома и кв, № телефона, сколько времени живете</i>).	
15	Куда предполагается поездка, когда выезжаете и через какой погранпункт.	
16	Цель поездки (<i>при командировке указать каким учреждением и по какому делу; при поездке по личным делам подробно изложить мотивы</i>).	
17	Если с вами едут дети, укажите их родственное отношение к вам, фамилию, имя и возраст каждого.	
18	Как долго предполагаете быть за границей.	

Источник: [Инструкция о порядке... 1923: Приложение №5 (к параграфу 1 Инструкции НКВД и к параграфу 3 по делопроизводству)].

ЛИТЕРАТУРА

Вошинин В. (1923). Внимание сельскохозяйственной иммиграции! // Сельскохозяйственная жизнь. 26: 3-4.

Всесоюзная перепись населения 1926 года (1931). Том 51. М.: ЦСУ. 244 с.

Голицына И.Д. (2009). Воспоминания о России (1900-1932). Пер. с англ. М.: Айрис Пресс. 216 с.

- Градов М. (1926). Работа коммун сельскохозяйственных иммигрантов в СССР // Сельскохозяйственная жизнь. 4: 17-19.
- Извлечение из утвержденного СНК СССР 14 мая 1928 г. (1928). Положения о государственном Днепровском строительстве (Днепрогэс) // Известия НКТ СССР. 30-31: 454.
- Индустриализация Советского Союза (1999). Новые документы. Новые факты. Новые подходы. П. М.: Институт Российской истории РАН.
- Инструкция НКТ СССР №19/43 от 31 декабря 1923 г. (1924). О порядке выдачи справок для выезда за границу инженерно-техническим и агрономическим специалистам // Известия НКТ. 1: 9-10.
- Инструкция о порядке выезда за границу граждан СССР и иностранцев с приложением форм заявлений, анкет, виз и пр. (изданная во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров от 19 декабря 1922 г.) (1923). М. 30 с.
- Корсуновский С. (1928). Миграция через границы СССР в 1927 году // Статистическое обозрение. 11: 92-98.
- Корсуновский С. (1929а). Миграция через границы СССР в 1928 году // Статистическое обозрение. 10: 103-108.
- Корсуновский С. (1929б). Эмиграция из СССР в заокеанские страны // Статистическое обозрение. 11: 111-116.
- Моисеенко В.М. (2008). Иностранная колонизация в России // Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX - начале XX столетия. М.: ТЕИС: 239-246.
- Осинский (Оболенский) В.В. (1928). Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М. 137 с.
- Решетников Е. (1926). Дифференциация заработной платы служащих в марте 1926 г. (По союзу совторгслужащих) // Статистика труда. 11-12: 1-9.
- Рогалина Н. (2007). Индустриализация как народнохозяйственная проблема (к вопросу об исходном уровне советской индустриальной модернизации) // Вопросы экономики. 2: 127-140.
- Рожков Ю.А. (2014). В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение. 640 с.
- Смирнова Е.М. (2003). «Бывшие люди» Советской России. Стратегия выживания и пути интеграции. 1917-1936 годы. М.: «Мир истории» издательский дом. 296 с.
- СУ (1923).Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1923 г. Отдел первый. М.
- СУ (1924). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. Отдел первый. М.
- СУ (1925). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1925 г. Отдел первый. М.
- СУ (1926). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1926 г. Отдел первый. М.
- СУ (1927). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1927 г. Отдел первый. М.

СУ (1928). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1928 г. Отдел первый. М.

СУ (1950). Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М. 1932 с.

Турубинер А.М. (1929). Гражданство // Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Том 1. М.: 526-534.

INTERNATIONAL MIGRATION IN RUSSIA (THE USSR) DURING THE END OF THE 19th – THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

Part 3. International migration in the USSR in 1923-1930

VALENTINA MOISEENKO

The third (last) part of the paper is devoted to an analysis of international migration for the period from 1923-1930. Despite its shortness, it saw considerable changes in international migration. These changes were caused by the New Economic Policy (NEP) and after that by industrialization. But ultimately, the main trend in migration policy was connected with the legislative confirmation of the country's closure, despite the considerable emigration potential.

Keywords: *emigration, immigration, agricultural and industrial immigration, attraction of foreign technicians, potentiality of specialists, closed population.*

VALENTINA M. MOISEENKO (mvm.msu@gmail.com), LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY, RUSSIA.

DATE RECEIVED: DECEMBER 2016.

REFERENCES

- Golicyna I.D. (2009). *Vospominaniya o Rossii (1900-1932)* [Memory about Russia (1900-1932)]. (traslated from English). Moscow: Ayris Press. 216 p.
- Gradov M. (1926). *Rabota kommun sel'skokhozyaystvennykh immigrantov v SSSR* [The work of communes of agricultural immigrants in the USSR] // *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural life].4: 17-19.
- Industrializatsiya Sovetskogo Soyuza (1999). *Novye dokumenty. Novye fakty. Novye podkhody* [Industrialization of the Soviet Union (1999). New documents. New facts. New approaches]. II. Moscow: Institut Rossiyskoy istorii RAN.
- Instruktsiya NKT SSSR №19/43 ot 31 dekabrya 1923 g. (1924). *O poryadke vydachi spravok dlya vyezda za granitsu inzhenerno-tekhnicheskim i agronomicheskim spetsialistam* [Instruction of PCL of USSR №19/43, December 31, 1923. (1924). About the order of certificates issue for departure of mechanical engineers and agronomical specialists] // *Izvestiya NKT* [News of PCL of USSR]. 1: 9-10.
- Instruktsiya o poryadke vyezda za granitsu grazhdan SSSR i inostrantsev s prilozheniem form zayavleniy, anket, viz i pr. [Instruction about the order of departure abroad of citizens of the USSR and foreigners with supplement of declaration, questionnaire, visa and other forms] (1923). Moscow. 30 p.
- Izvlechenie iz utverzhdenogo SNK SSSR 14 maya 1928 g. *Polozheniya o gosudarstvennom Dneprovskom stroitel'stve (Dneproges)* [Extraction from the Regulations about state Dnepr construction (Dneproges) confirmed by the CNC USSR, May 14, 1928.] (1928) // *Izvestiya NKT SSSR* [News of PCL of USSR]. 30-31: 454.
- Korsunovski S. (1928). *Migratsiya cherez granitsy SSSR v 1927 godu* [Migration through frontiers of the USSR in 1927] // *Statisticheskoe obozrenie* [Statistical review]. 11: 92-98.

- Korsunovski S. (1929a). Migratsiya cherez granitsy SSSR v 1928 godu [Migration through frontiers of the USSR in 1928 year] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical review]. 10: 103-108.
- Korsunovski S. (1929b). Emigratsiya iz SSSR v zaokeanskie strany [Emigration from the USSR to transoceanic countries] // Statisticheskoe obozrenie [Statistical review]. 11: 111-116.
- Moiseenko V.M. (2008). Inostrannaya kolonizatsiya v Rossii [Foreign colonization in Russia] // Ocherki izucheniya migratsii naseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX - nachale XX stoletiya [Essays of migration's study in Russia during the second part XIX - beginning XX century]. Moscow: TEIS: 239-246.
- Osinsky (Obolehsky) V.V. (1928). Mezhdunarodnye i mezhkontinental'nye migratsii v dovoennoy Rossii i SSSR [International and intercontinental migrations in pre-war Russia and in the USSR]. Moscow. 137 p.
- Reshetnikov E. (1926). Differentsiatsiya zarabotnoy platy sluzhashchikh v marte 1926 g. (Po soyuzu sovtorgsluzhashchikh) [Differentiation of workers' salaries in March, 1926 (Union of sovtradeemployees)] // Statistika truda [Statistics of labour]. 11-12: 1-9.
- Rogalina N. (2007). Industrializatsiya kak narodnokhozyaystvennaya problema (k voprosu ob iskhodnom urovne sovetskoj industrial'noy modernizatsii) [Industrialization as national economic problem (towards the question on initial level of the soviet industrial modernization)] // Voprosy ekonomiki [Questions of economy]. 2: 127-140.
- Roshkov U.A. (2014). V krugu sverstnikov: zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [In the circle of contemporaries: peace of life of the young man in the Soviet Russia during 1920 years]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.
- Smirnova E.M. (2003). "Byvshie lyudi" Sovetskoj Rossii. Strategiya vyzhivaniya i puti integratsii. 1917-1936 gody ["Former people" of the Soviet Russia. Strategy of survive and ways of integration. 1917-1936 years]. Moscow: «Mir istorii». 296 p.
- SU (1923). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1923 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1923]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1924). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1924 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1924]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1925). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1925 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1925]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1926). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1926 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1926]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1927). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1927 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1927]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow.
- SU (1928). Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1928 g. [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in1928]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow. 702 p.

- SU (1950). *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g.* [Collection of legalization and orders of the Worker and Peasant government in 1922]. Otdel pervyy [First Section]. Moscow. 1932 p.
- Turubiner A.M. (1929). *Grazhdanstvo* [Citizenship] // *Entsiklopediya gosudarstva i prava* [Encyclopedia of state and law] / P. Stuchka, ed. Vol.1. Moscow: 526-534.
- Voshinin V. (1923). *Vnimanie sel'skokhozyaystvennoy immigratsii!* [Attention to agricultural immigration!] // *Sel'skokhozyaystvennaya zhizn'* [Agricultural life]. 26: 3-4.
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda goda [All-Union population census of 1926] (1931). Volume 51. Moscow. 244 p.

РОЖДАЕМОСТЬ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

НИКОЛЕТТА БАЛЬБО, ФРАНЧЕСКО К. БИЛЛАРИ, МЕЛИНДА МИЛЛС

Обзор исследований рождаемости в развитых обществах, т.е. обществах, в которых по умолчанию предполагается возможность контроля рождаемости. Главной целью статьи было представить всеобъемлющий обзор, который суммировал бы, как современные исследования объясняют текущие и прогнозируют будущие изменения рождаемости во времени и в пространстве (например, меж- и внутривосточные различия). Следующая задача состояла в том, чтобы проанализировать детерминанты рождаемости, группируя их в пределах того уровня, на котором они действуют: 1) уровень индивида и/или семейной пары (микроуровень); 2) уровень социальных связей и социальных сетей (мезоуровень); 3) уровень культурных и общественных институтов (макроуровень). В центре нашего внимания одновременно находится и уровень (quantity), и календарь (timing) рождаемости, особый акцент делается на откладывании деторождения. Обзор включает теоретические и эмпирические исследования с особым вниманием к результатам тех из них, которые подтверждают или опровергают существующие теоретические предсказания. Внимание уделяется также проблемам определения причинно-следственных связей и эндогенности. В заключительной части статьи представлен контур основных проблем и возможностей для будущих исследований.

Ключевые слова: календарь (тайминг) рождаемости, откладывание рождений, уровень рождаемости, низкая рождаемость, детерминанты рождаемости.

1. ВВЕДЕНИЕ

Рождаемость была всегда центральной темой исследований в демографии, но в последние два десятилетия она вызвала значительный научный интерес со стороны других дисциплин: социологии, антропологии, экономики, медицины и психологии. За это время исследования рождаемости применительно к развитым обществам, в которых по умолчанию предполагается контроль над рождаемостью, буквально расцвели. Неудивительно поэтому, что уже было сделано несколько обзоров современной литературы о рождаемости [Hirschman 1994; Caldwell, Schindlmaier 2003; Sobotka 2004; Butler 2004; Morgan, Taylor 2006; Mills et al. 2011]. Эти обзоры представили основные существующие идеи с изложением возможных направлений дальнейших исследований (хотя иногда с упором на определенные дисциплины и географические ареалы). Начиная с 1980-х годов, росло число европейских и азиатских стран с очень низким уровнем рождаемости [Caldwell, Schindlmaier 2003], практически во всех развитых обществах наблюдалось «откладывание деторождения» [Kohler 2002a, b].

НИКОЛЕТТА БАЛЬБО (n.f.g.balbo@rug.nl), УНИВЕРСИТЕТ ГРОНИНГЕНА, НИДЕРЛАНДЫ.

ФРАНЧЕСКО К. БИЛЛАРИ, ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

МЕЛИНДА МИЛЛС, УНИВЕРСИТЕТ ГРОНИНГЕНА, НИДЕРЛАНДЫ.

ПЕРЕВОД ОРИГИНАЛЬНОЙ СТАТЬИ BALBO N., F.C. BILLARI AND M.MILLS (2013). FERTILITY IN ADVANCED SOCIETIES: A REVIEW OF RESEARCH // EUROPEAN JOURNAL OF POPULATION. 29: 1. ПЕРЕВОД ВЫПОЛНЕН Е. ПЕТУХОВОЙ, Д. БОГОЯВЛЕНСКИМ И С. ЗАХАРОВЫМ. НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ С. ЗАХАРОВА. URL: [HTTP://LINK.SPRINGER.COM/ARTICLE/10.1007/S10680-012-9277-Y](http://link.springer.com/article/10.1007/s10680-012-9277-y)

По этой причине тема низкой рождаемости преобладала среди исследований в развитых странах. В конце 2000-х годов разворот в динамике рождаемости в наиболее развитых странах, хотя и с большой неоднородностью трендов, привлек большое внимание [Goldstein et al. 2009; Myrskylä et al. 2009; OECD 2011]. Кроме того, влияние ситуации экономической неопределенности и недавнего экономического спада на рождаемость стали еще одной новой темой для изучения [Mills, Blossfeld 2005; Kreyenfeld 2010; Sobotka et al. 2011].

Центральный и всеобъемлющий вопрос данного обзора: каково состояние изучения рождаемости сегодня и куда оно движется? Чтобы ответить на этот вопрос, авторы обзора сначала классифицируют существующие исследования в соответствии с известными детерминантами рождаемости. Затем мы пытаемся выяснить, в какой степени мы можем использовать детерминанты рождаемости, описанные в существующих исследованиях, для объяснения текущих и ожидаемых изменений рождаемости во времени и в пространстве (т.е. меж- и внутристрановой неоднородности уровней рождаемости). Целью обзора также является аналитический синтез ключевых детерминант рождаемости и группировка их в пределах того аналитического уровня, где они действуют. Детерминанты, относящиеся к микроуровню, действуют на уровне индивида и/или семейной пары; относящиеся к мезоуровню охватывают социальные связи и социальные сети (например, характеристики связей с друзьями, коллегами, родственниками и/или к отношений, которые связывают их с данным лицом); относящиеся к макроуровню – культурные и общественные институты, в рамках которых протекает жизнь индивидов и семейных пар. Эта статья не только представляет современный обзор исследований и очерчивает структуру детерминант, но и расширяет наши знания, благодаря применению аналитической стратегии для категоризации этих детерминант с целью обеспечения лучшего понимания междисциплинарной и сложной задачи объяснения тенденций и различий в рождаемости.

Подобным же образом мы расширяем существующие обзоры, применяя более широкий междисциплинарный подход, который учитывает соответствующие вклады различных научных дисциплин помимо тех, что рассматривались ранее (чаще всего это были демография и социология). Мы также учитываем самые современные достижения в этой области, уделяя внимание недавнему перелому тенденции рождаемости в развитых обществах. Мы осознаем, что тема является очень обширной, так как существует множество определений термина «рождаемость» в различных дисциплинах. Область нашего рассмотрения не включает те исследования, в которых изучается *не-человеческая* рождаемость и даже *не-животное* размножение, рассматриваемые, главным образом, в биологической науке и науках об окружающей среде. Мы сосредоточиваемся только на рождаемости человека в развитых обществах и охватываем исследования, в первую очередь, относящиеся к таким дисциплинам, как демография, социология, медицина, биохимия, генетика, молекулярная биология, экономика и эконометрика, психология, теория принятия решений и здравоохранение.

В данной работе существующие исследования рождаемости рассматриваются систематически и комплексно, с выделением двух компонентов, которые характеризуют рождаемость: *темп* (“tempo”), т.е. календарь (“timing”) деторождения, и *уровень* (“quantum”), т.е. общее, итоговое число рожденных детей. При рассмотрении темпа

деторождения мы учитываем, что в странах ОЭСР с 1970 г. наблюдался рост среднего возраста матери при рождении первого ребенка в сочетании с увеличением доли рождений у матерей старших возрастов, хотя и со значительной межстрановой вариацией [Billari et al. 2007; Sobotka et al. 2010; Mills et al. 2011]. Этот процесс, как правило, называют откладыванием деторождения, он занимает центральное место в исследованиях календаря рождаемости. Процесс перехода к рождению первого ребенка в более позднем возрасте (“postponement transition”) – главный феномен последних десятилетий [Kohler et al. 2002a, b; Billingsley 2010].

Уровень рождаемости связан с числом рожденных детей (с учетом бездетности). Согласно теории демографического перехода, уровень рождаемости должен был бы стабилизироваться на уровне простого воспроизводства населения - 2,1 ребенка на одну женщину [Bongaarts 2002]. В то же время в последние десятилетия XX века развитые страны демонстрируют низкий (“low”), сверхнизкий (“lowest-low”) и даже ультранизкий (“ultra-low”) уровень рождаемости, близкий к 1 [Kohler et al. 2002a, b; Frejka et al. 2010]. Новизна этого явления привлекла внимание демографов и вызвала озабоченность среди политиков по поводу долгосрочной демографической устойчивости их стран и растущего разрыва между желаемым и достигнутым уровнями рождаемости [Chesnais 1996; Bongaarts 2001; Goldstein et al. 2003; OECD 2011]. Однако исследования продемонстрировали, что фактический уровень рождаемости (т.е. число детей, рожденных к концу репродуктивного периода) был не таким низким, как показывал стандартный его измеритель – коэффициент суммарной рождаемости (КСР) [Bongaarts, Feeney 1998; Kohler et al. 2002a, b; Sobotka 2004]. Более того, в то время как, казалось бы, сложился консенсус по поводу того, что продвинутое общество будет либо оставаться на низком уровне рождаемости, либо достигнут еще более низкого уровня [Lutz et al. 2003], новые исследования свидетельствуют о начале разворота в тенденциях рождаемости в 2000-х годах [Goldstein et al. 2009; Myrskylä et al. 2009; OECD 2011].

Откладывание рождений тесно связано с уровнем рождаемости, так как возраст матери при рождении первого ребенка влияет на (итоговое) общее число детей. Календарь рождений всегда сильно влиял на уровень рождаемости, который обычно является объектом измерений, в то время как некоторые измерители, используемые для изучения уровня рождаемости, не зависят исключительно от календаря рождаемости. Наиболее известный пример – коэффициент суммарной рождаемости (КСР). Даже на микроуровне существует воздействие календаря рождений на итоговое число рождений, так как «отсрочка» рождений или ранние (возможно, незапланированные) роды могут каким-то образом повлиять на общее число детей. Это особенно актуально при изучении вероятности рождения очередного ребенка в течение некоторого интервала времени (набирающая популярность тема в последнее время). По этим причинам мы также акцентируем внимание на взаимосвязи между темпом и уровнем рождаемости.

Продолжение статьи структурировано следующим образом. Раздел 2 посвящен детерминантам рождаемости на микроуровне, затем следует 3-й раздел, в котором представлены исследования факторов, действующих на мезоуровне. Раздел 4 содержит обзор исследований рождаемости на макроуровне. В заключении мы рассматриваем современные проблемы и возможности для будущих исследований рождаемости.

2. ДЕТЕРМИНАНТЫ РОЖДАЕМОСТИ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА МИКРОУРОВНЕ

Исследования на микроуровне фокусируются на процессе принятия решений, осуществляемых индивидуумом и/или семейной парой, которые лежат в основе выбора иметь ребенка, и на изучении обстоятельств, влияющих на решения относительно сроков и числа детей. Выбор часто характеризуется как рациональный ответ на неопределенность и/или как следование предписанной последовательности жизненных событий. Большое количество исследований посвящено связи между обстоятельствами и траекториями жизненного пути (главным образом, брачно-семейным партнерством, образованием, занятостью и экономическими условиями) и репродуктивным поведением. Другие исследования фокусируются на роли социального класса, семьи и происхождения в целом, которые, в свою очередь, формируют ценности и предпочтения человека. Основная трудность на этом направлении исследований заключается в сложности установления причинно-следственной связи (“causality”) или, другими словами, в возможности эмпирически определить, являются ли данные жизненные обстоятельства реальными детерминантами рождаемости или на эти обстоятельства жизненного пути и на репродуктивное поведение одновременно влияют общие детерминанты (эндогенность или обратная причинность).

2.1. Роль намерений в процессе принятия репродуктивных решений

Многие исследователи рассматривали *репродуктивные намерения* в качестве промежуточных детерминант фактического репродуктивного поведения, изучая конкретные факторы, влияющие на формирование, реализацию и/или изменения этих намерений [Westoff, Ryder 1977; Schoen et al. 1999; Quesnel-Vallée, Morgan 2003; Berrington 2004; Liefbroer 2009; Philipov 2009; Spéder, Kapita’ny 2009; Morgan, Rackin 2010; Iacovou, Tavares 2011]. Другие видели в систематическом разрыве между ожидаемой и фактической рождаемостью одну из причин низкой рождаемости [Morgan, 2006], так как этот разрыв свидетельствовал о «неудовлетворенной потребности» в детях [Liefbroer 2009].

Шпедер и Капитани [Spéder, Kapitany 2009] приводят подробный обзор широкой дискуссии по поводу способности репродуктивных намерений служить предиктором реального поведения. Наряду с критическими работами, ставящими под сомнение высокую объяснительную силу репродуктивных намерений и таких менее индивидуализированных измерителей, как идеальный размер семьи [Westoff, Ryder 1977; Quesnel-Vallée, Morgan 2003], имеются исследования, в которых утверждается, что намерения являются эффективными предикторами фактической рождаемости [Schoen et al. 1999; Berrington 2004]. Большинство последних исследований на эту тему опирается на социально-психологическую литературу, часто использующую теорию запланированного поведения (ТЗП) (“theory of planned behavior”/ TPB) [Ajzen 1991]. Данную теорию, помимо других подходов, эксплицитно адаптировали Биллари с соавторами [Billari et al. 2009] в своем исследовании по Болгарии, а также Доммермут с соавторами [Dommermuth et al. 2009], занимавшиеся этой темой в Норвегии. Кроме того, эта теория использовалась при разработке вопросника в международной программе сравнительных исследований «Поколения и гендер» [Vikat et al. 2007]. Согласно теории запланированного поведения, намерения – это уникальное сочетание трех предпосылок: 1) установок (т.е. восприятие

индивидом затрат и выигрышей при том или ином поведении); 2) субъективных норм (например, влияние близких друзей и родственников); 3) воспринимаемого контроля над собственным поведением (т.е. той степени, в которой поведение воспринимается как объект контроля со стороны индивида).

Используя другой социально-психологический подход, Миллер и Паста [Miller, Pasta 1994, 1995] адаптируют концепцию «мотивационные диспозиции – желания – намерения – поведение» (“traits-desires-intentions-behavior”/ TDIB), в которой репродуктивные намерения встроены в сложную структуру принятия решений. Миллер [Miller 2011] утверждает, что рождение ребенка является результатом последовательности стабильных мотивационных диспозиций, которые преобразуются в желания, а те в свою очередь формируют репродуктивные намерения. Эти намерения затем трансформируются в определенное поведение, направленное на избегание беременности или на ее реализацию. Альтернативная модель для объяснения рождаемости – теория конъюнктурных действий (“theory of conjunctural action”/ ТСА), недавно представленная Морганом и Бахрахом [Morgan, Bachrach 2011]. В соответствии с этой теорией репродуктивное поведение является результатом взаимодействия между уникальным набором социальных условий (например, нормативных ожиданий и структурных факторов) и схемами, представляющими собой структуры человеческого сознания, которые используются мозгом для восприятия окружающего мира и обработки информации. Данная теория отличается от теории запланированного действия утверждением, что репродуктивное поведение может быть не только результатом обоснованного, рационального целеполагания, но и результатом автоматического, неосознаваемого процесса.

В существующей литературе рассматриваются два основных типа репродуктивных намерений: 1) *количественные намерения* (т.е. желаемый размер семьи); 2) намерения в отношении очередного ребенка (т.е. намерения иметь (еще одного) ребенка вообще или в течение какого-то определенного времени). Было показано, что количественные намерения оказываются довольно слабым предиктором общего фактически имеющегося или реализованного числа детей [Quesnel-Vallée, Morgan 2003], поскольку намерения в отношении числа детей могут меняться в сторону увеличения или уменьшения в течение жизни [Liefbroer 2009; Iacovou, Tavares 2011]. Основными факторами, вызывающими изменения в репродуктивных намерениях, являются ожидания со стороны партнера [Iacovou, Tavares 2011], изменения брачно-партнерского статуса, вид деятельности и предшествующие репродуктивные события [Liefbroer 2009]. Намерения в отношении очередного рождения рассматриваются как более стабильные и надежные [Schoen et al. 1999; Philipov 2009], несмотря на то, что некоторые исследования показали несоответствие между намерениями и реальным поведением [Westoff, Ryder 1977; Toulemon, Testa 2005]. Указание сроков (например, 2 или 3 года) значительно улучшает прогностическую ценность репродуктивных намерений [Billari et al. 2009; Philipov 2009].

2.2. Партнер и брачно-партнерские отношения

Произошедшие изменения в динамике брачно-партнерских союзов, наблюдаемые в последние десятилетия в развитых обществах, связываются с отсрочкой родительства. Растущее число исследований показывает параллельную тенденцию откладывания

формирования союзов и родительства [Corijn, Klijzing 2001; Mills et al. 2005], увеличения количества партнеров до рождения первого ребенка [Wu, Schimmele 2005], роста незарегистрированных сожительств, которые связывают с более поздним возрастом вступления в брак [Bumpass et al. 1991; Mills 2004], если не с «отходом от брака» вообще [Gibson-Davis et al. 2005].

Репродуктивные намерения партнера также играют важную роль в реализации намерений индивида, так как решение родить ребенка в развитых обществах пара принимает сообща. Если в паре существуют разногласия по поводу ожидаемого рождения ребенка, то шансы реализации положительных репродуктивных намерений одного из партнеров уменьшаются [Thomson 1997, 2002; Schoen et al. 1999]. Брачно-партнерский статус также является сильным предиктором, и если отношения партнеров нестабильны, рождение ребенка менее вероятно [Hobcraft, Kiernan 1995; Philipov et al. 2006; Testa 2006]. Отмечается также ослабление связи первого рождения с браком [Buchmann, Kriesi 2011], что ассоциируется с тенденцией роста внебрачных рождений [Dalla Zuanna 2001; Billari, Kohler 2004]. Хотя было показано, что риск иметь первого ребенка во внебрачном союзе ниже, чем в брачном [Brien et al. 1999; Baizán et al. 2003, 2004; Spedér, Kapitány 2009], роль сожительства и его взаимосвязь с деторождением в сравнении с браком различаются по странам [Heuveline, Timberlake 2004]. Во Франции вероятность рождения ребенка у партнеров, проживающих в неформальном союзе, и у брачных пар примерно одинакова [Toulemon, Testa 2005], тогда как в США сожительство связано с меньшей вероятностью деторождения [Heaton et al. 1999]. Помимо желания иметь ребенка, обнаруживается множество иных характеристик партнеров или супружеских пар, которые также влияют на рождение детей [Thomson et al. 1990; Corijn et al. 1996; Thomson, Hoem 1998; Jansen, Liefbroer 2006].

С ростом числа нестабильных союзов, сепараций и разводов еще одной актуальной темой стала оценка влияния на деторождение стабильности/нестабильности союза и/или низкого качества партнерских отношений. Хотя причинно-следственные связи весьма сложны и имеются важные механизмы обратной связи [Waite, Lillard 1991], в существующей литературе отмечаются два противоположных механизма. С одной стороны, некоторые исследования обнаруживают отрицательную связь между низким качеством/нестабильностью партнерства и рождением детей [Thornton 1978; Myers 1997]. Пары, для которых характерна неустойчивость в отношениях, имеют меньше шансов родить ребенка за счет уменьшения частоты половых контактов [Cohen, Sweet 1974; Thornton 1977, 1978] или потому что они считают, что дети могут усложнить прекращение их союза [Lillard, Waite 1993]. С другой стороны, Фридман и соавторы [Friedman et al. 1994] утверждают, что нестабильный союз приводит к более раннему деторождению, так как дети рассматриваются как фактор уменьшения неопределенности и способ повышения брачной солидарности. Этот последний аргумент был подтвержден дополнительными эмпирическими исследованиями [Wu 1996; Myers 1997]. Райкен и Томсон [Rijken, Thomson 2011] показали, что существует нелинейная связь между качеством брачных отношений и рождаемостью: женщины, у которых качество отношения с партнером находится на среднем уровне, более склонны родить одного (еще одного) ребенка, потому что они в большей степени хотят сохранить отношения. Райкен и Лифброер [Rijken, Liefbroer 2009]

исследовали также влияние качества партнерства на календарь рождений. В очередной раз были выделены два альтернативных механизма: в одном случае, высокое качество отношений создает «благоприятную среду» для воспитания детей; в другом, рождение ребенка может рассматриваться как средство «оживления» отношений между партнерами.

2.3. Гендерное разделение труда

Еще один важный фактор, влияющий на рождаемость, – гендерное разделение труда между партнерами в домохозяйстве. Современные исследования в этой области основываются на гендерной теории рождаемости П. Макдональда [McDonald 2000a, b], которая утверждает, что очень низкая рождаемость – это результат сохранения устойчивого гендерного неравенства в семейно-ориентированных социальных институтах. Для Эспинг-Андерсена [Esping-Andersen 2009], опирающегося на работу экономиста Голдина [Goldin 2006], низкая рождаемость – это следствие «незавершенной» революции, которая трансформировала женские роли. Эмпирические исследования, рассматривающие гендерное равенство на микроуровне, предоставляют интересные подробности о том, как гендерная роль в семье влияет на вероятность для индивида иметь ребенка. В качественном исследовании рождаемости женщин в Канаде Мэттьюс [Matthews 1999] приходит к выводу, что женщины, чувствующие себя перегруженными домашней работой, имеют меньше детей, чем другие. Используя данные по США, Миллер Шорт и Торп [Toth 2004] обнаружили U-образную зависимость между гендерным равенством в паре и рождаемостью: вероятность рождения второго ребенка выше в семьях с очень низкой или очень высокой степенью гендерного равенства. Тази-Преве и соавторы [Tazi-Preve et al. 2004] считают, что неравномерное распределение домашнего труда снизило репродуктивные намерения у мужчин в Австрии. Эта мысль поддерживается в работе Ола [Oláh 2003], который, сравнивая Швецию и Венгрию, обнаружил, что более равное гендерное распределение домашних обязанностей в семье ускоряет принятие решения о рождении второго ребенка, отметив, что специальная политика в Швеции также способствовала этому. Кук [Cooke 2009] в своем исследовании ситуации в Италии и Испании отмечает, что повышение равенства в уровне занятости партнеров способствует увеличению равенства в разделении домашнего труда, что положительно влияет на вероятность рождения второго ребенка. Однако это влияние было неодинаковым в сравниваемых странах. Исходя из результатов сравнительного исследования Нидерландов и Италии, Миллс и соавторы [Mills et al. 2008] утверждают, что неравное разделение домашнего труда существенно влияет на репродуктивные намерения у женщин в случае, когда у них уже имеется тяжелая нагрузка (больше рабочих часов, дети), что особенно характерно для работающих женщин в Италии. Бегалл и Миллс [Begall, Mills 2011] также показали, что степень конфликта между работой и семьей играет важную роль для женщин во многих европейских странах, в которых преобладает неполный рабочий день и существует более строгий контроль выполняемой работы, что значительно влияет на намерения стать матерью.

2.4. Рождаемость в повторных союзах

Увеличение распространенности нестабильных и многократных союзов привело к росту исследований о рождаемости в повторных союзах. Эти исследования показывают, что партнеры, которые уже имеют детей от предыдущих союзов, с большей вероятностью хотят

общего ребенка, что выглядит как эффект совместных обязательств [Vikat et al. 1999; Buber, Prskawetz 2000; Stewart 2002; Thomson 2002; Prskawetz et al. 2003]. Джеффрис и соавторы [Jefferies et al. 2000], например, нашли, что среди британских женщин почти половина тех, кто имел опыт развода, впоследствии беременеют в течение двенадцати месяцев, при этом возраст женщины и возраст ее младшего ребенка являются наиболее важными факторами наряду с вступлением в новый союз. Следовательно, повторный брачно-партнерский союз может подпитывать более высокий уровень рождаемости. Учитывая, что одного ребенка достаточно для свидетельства выполнения брачных обязательств, многократные отношения и последующие партнерства могут вносить значительный вклад в суммарную рождаемость.

2.5. Доход, образование и человеческий капитал

Социально-экономические условия жизни индивида также изучаются как детерминанты уровня и календаря рождаемости. Доходы (в частности заработная плата) вызывают интерес у экономистов. В зависимости от принятой экономической модели эффект может быть разным. В соответствии с подходом семейной экономики, пионером которым был Г. Беккер [Becker 1960], люди получают удовлетворение от наличия и воспитания детей и от их благополучия. Дети и, возможно, их качество сходны с потребительским товаром в функции полезности их родителей. В то время как исходная формулировка этой теории предполагает положительную связь между доходом и числом детей, большое количество последующих публикаций акцентировали внимание на *отрицательной* связи между доходами и рождаемостью, уделяя внимание двум аспектам [Jones et al. 2011]. Первый подход, фокусирующийся на *компромиссе качества и количества*, предложен Беккером и Льюисом [Becker, Lewis 1973] и Уиллисом [Willis 1973] (см. также [Becker et al. 1990]). Он исходит из того, что рост доходов может привести к уменьшению числа детей, так как родители с более высоким доходом ценят качество детей, но акцент на высоком качестве повышает затраты на то, чтобы их иметь (и воспитывать), и таким образом потенциально снижает уровень рождаемости. Ли и Мэйсон [Lee and Mason 2010] применяют эту модель, чтобы показать, что по мере увеличения доходов более низкая рождаемость связана с увеличением вложений в человеческий капитал детей.

Второй подход сосредоточивается на *упущенных возможностях* в связи с рождением детей, особенно для женщин. Воспитание детей требует затрат родительского (особенно материнского) времени, поэтому рождаемость более затратна для семей, где матери имеют более высокие доходы, и поэтому в них можно ожидать меньше детей [Kravdal 1992]. Публикации на эту тему демонстрируют наличие значительного «денежного штрафа за материнство» для работающих женщин (*“motherhood wage penalty”*¹), в связи с чем отсрочка деторождения предполагает значительный выигрыш для высокообразованных или профессионально активных женщин [Van Bavel 2010; Begall, Mills 2012]. Миллер [Miller 2010], к примеру, показал, что год отложенного материнства увеличивал доходы женщин на 9%, их опыт работы на 6% и среднюю ставку заработной

---

¹ Размер «штрафа за материнство» обычно устанавливается относительно заработной платы на основе результатов регрессионного анализа при сравнении индивидов, сходных по социально-экономическим и демографическим характеристикам, но различающихся числом детей (прим. переводчика).

платы на 3%. Другие расширили статическую модель Беккера, создав динамические экономические модели оптимального календаря для первого рождения (в основном применимые к женщинам), основанные на минимизации издержек деторождения, «штрафа в зарплате» и потери дохода [Happel et al. 1984; Cigno, Ermisch]. На теоретическом и эмпирическом уровнях они показали, что чем выше накопление человеческого капитала в процессе образования или чем выше отдача от образования, тем позже наступает материнство. Густафссон [Gustafsson 2001, 2002] пришел к выводу, что планирование женской карьеры было главным объяснением откладывания деторождения, и данный результат был позднее многократно воспроизведен в Швеции [Gustafsson 2005], Великобритании [Kneale and Joshi 2008], Ирландии [O'Donoghue et al. 2011], США [Amuedo-Dorantes, Kimmel 2005; Miller 2010] и Италии [Rondinelli et al. 2010].

Аналогичный подход был принят в многочисленных исследованиях, сфокусированных на изучении взаимосвязи между образованием, траекториями рынка труда и временем рождения первого ребенка. Предполагалось, что благодаря накоплению человеческого капитала женщины с более высоким уровнем образования имеют больше шансов сделать карьеру и повысить свои возможности получения заработка. Это также освобождает от необходимости замужества и рождения ребенка по экономическим причинам. Поскольку упущенная выгода в связи с рождением детей увеличивается с повышением человеческого капитала, высокообразованные женщины склонны откладывать вступление в брак и рождение ребенка. Такой подход был подвергнут критике Оппенгеймером [Oppenheimer 1994], который утверждает, что высокообразованные женщины имеют большую вероятность найти столь же высокообразованных партнеров. Это в свою очередь является стимулом для женщин вступать в брачные союзы и рожать детей по мере завершения образования (поскольку партнеры могут в дальнейшем объединить экономические ресурсы). В соответствии с подходом Оппенгеймера другие исследователи определили, что для более образованных женщин существует большая вероятность рождения ребенка (еще одного ребенка) и в целом характерен более высокий уровень рождаемости [Mencarini, Tanturri 2006; Mills et al. 2008], так как, во-первых, женщины могут иметь партнера с высоким образованием и, следовательно, высокой заработной платой [Behrman, Rosenzweig 2002]; во-вторых, они имеют более сильные позиции в своем союзе, что приводит к большему равенству прав при разделении домашнего труда; в-третьих, они могут передавать выполнение части домашних обязанностей третьим лицам. Хотя женщины с высшим образованием рожают первого ребенка позже, чем менее образованные, в некоторых исследованиях [Sobotka 2004; Kravdal, Rindfuss 2008] приводится утверждение, что более образованные наверстывают разницу в числе рожденных детей в более позднем возрасте. Или, другими словами, накопленный результат влияния позднего материнства на показатели рождаемости для детей более высоких порядков рождения (т.е. вторых или третьих) исчезает.

Результаты исследований взаимодействия между образованием и рождаемостью, однако, разнородны, и последние эмпирические данные показывают неочевидную связь между ними [Skirbekk 2008]. Маккрэри и Ройер [McCrary, Royer 2011] в ходе естественного эксперимента, связанного с различной политикой приема детей в школу в Калифорнии и в Техасе (который был способен решить проблемы казуальности), обнаружили, что

образование незначительно влияло на рождаемость. Несколько исследователей также нашли сильную обратную связь между уровнем образования и сроками первых родов в разных странах: [Rindfuss et al. 1980, 1996; Martin 2000] для США, [Joshi 2002] для Великобритании, [Larregard 2002] для Норвегии, [Meron, Widmer 2002] для Франции, [Noguera et al. 2003] для Испании.

Другие исследователи вместо этого сосредоточились на важности самой включенности в получение образования, а не на уже достигнутом наиболее высоком его уровне. Результаты показывают, что индивиды, которые еще вовлечены в образовательный процесс, имеют меньшую вероятность родить ребенка, что связано с наличием “нормы последовательности событий”, при которой родительство следует за завершением образования: [Hoem 1986] для Швеции, [Goldscheider, Waite 1986] для США, [Blossfeld, Huinink 1991] для Германии, [Kravdal 1994] для Норвегии.

Ряд исследователей расширили это направление, рассмотрев такие важные моменты, связанные с образованием, как роль социализации личности и собственного выбора (“самоселективности”, “self-selection”) в занятости, следующей за образованием, которая в свою очередь влияет на рождаемость [Hoem et al. 2006; van Bavel 2010; Begall, Mills 2012]. Почти все исследования сосредоточены исключительно на женщинах, хотя имеются достойные внимания исключения. Винклер-Дворак и Тулемон [Winkler-Dworak, Toulemon 2007], например, определяют конвергенцию факторов, объясняющих возраст при рождении первого ребенка для женщин и мужчин.

2.6. Неопределенность экономической ситуации и занятости

Многие исследования, в основном социологические, сосредоточены на влиянии на рождаемость статуса занятости и особенно экономической неопределенности. Теории неопределенности (в основном экономической) напоминают теорию экономической депривации Истерлина [Easterlin 1976], согласно которой в периоды экономической нестабильности и роста безработицы тяга к вступлению в брак и рождению детей снижается. Эту же мысль развивал в своих работах Оппенгеймер [Oppenheimer 1988, 2003; Oppenheimer et al. 1997], который изучал воздействие неопределенности в возможности выполнения социальных и экономических ролей на сроки наступления семейных событий. Все большее число исследователей связывают экономическую нестабильность – часто в виде безработицы и неустойчивой ситуации на рынке труда – с откладыванием родительства. Для того чтобы эмпирически измерить воздействие неопределенности на переход к родительству в межстрановом контексте, Миллс и Блоссфельд [Mills, Blossfeld 2005] разработали схему, включающую три типа неопределенности: общеэкономическую (economic), стабильности занятости во времени (temporal) и в характере трудовых отношений (employment relations). Они обнаружили, что в условиях экономической неопределенности, которая измеряется масштабом нестабильности в занятости физических лиц (например, низкие заработки, безработица), молодежь откладывает долгосрочные обязательства, такие как родительство, которое требует определенного экономического базиса безопасности [Oppenheimer 1988] или того, что Риндфусс и Ванденхьювел [Rindfuss, Vandenhuevel 1990] назвали «условием допустимости» для появления в семье ребенка. Согласно Брину [Breen 1997], неопределенность в сроках занятости (часто вследствие

временных или срочных контрактов) понижала способность молодежи брать на себя долгосрочные обязательства, такие как родительство. Наконец, работники, чьи трудовые отношения характеризуются более низкой неопределенностью (например, наемные работники по сравнению с самозанятыми или работающими по контрактам) испытывали затруднения в силу большей уязвимости их положения. Впрочем, влияние экономической неопределенности сильно ограничивается социальными институтами на национальном уровне, такими как государственная поддержка молодежи, защищающая молодых людей от экономической нестабильности, и гендерная политика, которая приводит к очень разному восприятию женщинами экономической неопределенности в разных национальных контекстах [Mills et. al 2005].

Крейенфельд [Kreyenfeld 2010] приходит к выводу, что и объективная экономическая неопределенность (безработица), и субъективная неопределенность (страх перед экономической ситуацией и необеспеченностью работой) незначительно влияют на отсрочку родительства, в то время как уровень образования является основной движущей силой процесса. Другими словами, малообразованные матери, несмотря на экономическую неопределенность, берут на себя роль матери, а высокообразованные, наоборот, откладывают рождение ребенка.

2.7. Предпочтения в рождаемости

Решения женщины или мужчины о рождении детей принимаются исходя из их собственных *предпочтений*, которые, как подчеркивают некоторые авторы, формируются на ранних этапах жизни человека. *Теория предпочтений*, предложенная Кэтрин Хаким [Hakim 2003], рассматривает в качестве центрального момента, определяющего репродуктивный выбор (как и выбор на рынке труда) в развитых обществах, различия в предпочтениях, касающихся образа жизни.

Хаким предполагает, что такие предпочтения более или менее постоянны на протяжении всей жизни и их можно объединить в три группы: ориентированные на карьеру, ориентированные на семью и ориентированные на совмещение работы и семьи. Эти жизненные предпочтения рассматриваются в качестве основной движущей силы наряду с политикой, учитывающей эту неоднородность. В своем сравнительном исследовании по странам Европы Витали с соавторами [Vitali et al. 2009] обнаружили, что у семейно-ориентированных женщин рождаемость наиболее высока, тогда как ориентированные на работу обычно имеют меньше детей или не имеют вообще (хотя направленность причинно-следственной связи остается неясной). Другие исследователи [Mencarini, Tanturri 2006; Agrillo, Nelini 2008] выяснили, что среди прочих факторов предпочтения играют решающую роль в решении остаться добровольно бездетными или «чайлдфри». В то время как Агрилло и Нелини [Agrillo, Nelini 2008] приводят детальный обзор психологических и социологических факторов, ассоциирующихся с добровольной бездетностью, медицинские исследования часто сосредотачиваются на медико-биологических причинах, ведущих к бесплодию.

Исследование предпочтений в выборе пола ребенка показывает, что такие предпочтения повышают вероятность иметь больше детей, хотя и со значительными различиями между странами [Hank, Kohler 2000]. Андерссон и соавторы [Andersson et al.

2006a, b), Миллс и Бегалл [Mills, Begall 2010], например, находят, что смешанные по полу предпочтения (т.е. желание иметь, по крайней мере, одного мальчика и одну девочку), заметно способствуют повышению вероятности рождения третьего ребенка для достижения этой цели.

2.8. Межпоколенная передача ценностей и особенностей поведения

Сходство репродуктивных биографий в сменяющих друга поколениях было также основной областью исследований, которые акцентировали внимание главным образом на стабильно положительной корреляции между количеством братьев и сестер и числом собственных детей [Berent 1953; Duncan et al. 1965; Johnson, Stokes 1976; Zimmer, Fulton 1980; Thornton 1980; Anderton et al. 1987; Axinn et al. 1994; Murphy, Wang 2001] или между возрастом при рождении первого ребенка у родителей и у их детей [Rijken, Liefbroer 2009]. Большинство исследований, касающихся темпа рождаемости, фокусируются на подростковом материнстве, показывая, что раннее материнство увеличивает риск рождения ребенка в молодом возрасте у потомков [Furstenberg et al. 1990; Horwitz et al. 1991; Kahn, Anderson 1992; Manlove 1997]. Барбер [Barber 2000, 2001] и Стинхоф и Лифброер [Steenhof, Liefbroer 2008] также приходят к аналогичным выводам для старших возрастов и для мужчин. В рамках данных исследований передача особенностей поведения между поколениями была вызвана, по мнению исследователей, внутрисемейными процессами социализации, которые происходят в детстве и подростковом возрасте [Hendershot 1969; Thornton 1980; Axinn et al. 1994; Murphy, Wang 2001]. Предполагается, что родители передают семейные ценности, предпочтения, мнения, а также знания о контрацепции. Райкен и Лифброер [Rijken, Liefbroer 2009], однако, доказывают, что этот эффект полностью опосредуется собственной степенью религиозности детей. Переданные от поколения к поколению знания, установки и ценности можно рассматривать как индивидуальные особенности, которые имеют длительный эффект, так же, как генетическое наследие, передаваемое от родителей к детям.

2.9. Биодемография рождаемости

Наряду с механизмами социализации также рассматриваются биологические и генетические факторы, служащие для объяснения межпоколенного сходства в репродуктивных предпочтениях и в поведении [Wachter, Vulatao 2003]. Ряд исследований связывают биологические и генетические компоненты с репродуктивным поведением [Kohler et al. 1999; 2002a, b; Kohler, Rodgers 2003; Rodgers et al. 2008]. Эти исследования направлены на изучение взаимосвязи между рождаемостью, окружающей средой и генетическим складом индивидов и демонстрируют, что различия в генетическом складе влияют на результаты рождаемости и репродуктивное поведение. Здесь часто применяются исследования близнецов, сравнивающие однойцевых (монозиготных) близнецов (практически с одинаковым генетическим строением) с двуйцовыми (гетерозиготными). Это позволяет выделить, какая доля различий определяется генетической природой, а какая – одинаковой (например, воспитание в той же семье, обстановке) или разной (т.е. все другие факторы, такие как наличие разных партнеров) окружающей средой. Колер и соавторы [Kohler et al. 1999], например, использовали базу данных о близнецах из Дании для разграничения генетических и социальных факторов наследования количества детей,

определив, что для более молодых поколений генетические факторы в значительной степени преобладали над предшествующими общими социальными (семейными) условиями.

Такого рода исследования являются частью формирующегося нового направления - биодемографии рождаемости как междисциплинарной области исследований, которая объединяет теории общественных наук (социология, экономика) и такие подходы, как поведенческую и молекулярную генетику, нейроэндокринологию и эволюционную теорию [Wachter, Bulatao 2003]. Основной предпосылкой является то, что генетические и биологические особенности индивидов влияют на рождаемость либо прямо через генетически опосредованные изменения, либо, поскольку многие аспекты регулирования рождаемости имеют волевою составляющую (например, решение о возрасте рождения первого ребенка, предпочтения в рождаемости), косвенно через соответствующий темперамент либо другие особенности личности, влияющие на решения о рождении детей [Jokela et al. 2009]. Появляется все больше свидетельств того, что генетическая вариабельность изменяется с течением времени и в зависимости от уровня образования, а это означает, что важность социальных норм и индивидуальных решений также меняется во времени [Kohler et al. 1999; 2002a, b; Kohler, Rodgers 2003]. Биология рождаемости также претерпела революцию в результате стремительного распространения различных видов вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Благодаря быстрому распространению по всей Европе, ВРТ не только предоставляют новые возможности для расширения репродуктивных способностей для пар, которые хотят иметь детей в более позднем возрасте, но также позволяют стать родителями многим парам с прежде установленным бесплодием [de Mouzon et al. 2010].

2.10. Социально-экономический статус и культурный контекст семьи происхождения

Ряд исследований изучают влияние социально-экономического и культурного контекста семьи происхождения на возраст деторождения и принятие решения о числе детей. Некоторые исследования показали, что существует отрицательная корреляция между уровнем образования родителей (особенно образованием отца) и возрастом при рождении первого ребенка [Michael, Tuma 1985; Blossfeld, Huinink 1991; Billari 2001a, b], а также с числом детей [Murphy, Wang 2001; Rijken, Liefbroer 2009]. Отрицательная связь была также обнаружена между финансовым положением родителей (т.е. статусом занятости), (ожидаемым) числом детей [Thornton 1980; Murphy, Wang 2001] и возрастом при рождении первого ребенка [Rijken, Liefbroer 2009]. Эти данные позволяют предположить, что в более образованных и высокостатусных семьях иные цели, помимо создания семьи, более легко передаются вместе со стремлением к материальным благам [Easterlin 1969; Pampel, Peters 1995]. Поэтому, если стремление к потреблению высоко, родительство будет снижено или, по крайней мере, отложено. Это соответствует выводам, которые показывают отрицательное влияние занятости матерей (по сравнению с неработающими) на возраст при рождении первого ребенка [Barber 2000]. Еще одна, действующая в противоположном направлении, причина – религиозность родителей, положительно связанная с рождаемостью у их детей [Rijken, Liefbroer 2009].

2.11. Обратная причинная связь на микроуровне

В некоторых работах предпринимались попытки непосредственным образом обнаружить причинно-следственную связь между брачно-партнерским союзом и деторождением. Используя модели совместных рисков, построенные по данным США, Брайен и соавторы [Brien et al. 1999] показали наличие общих факторов, ведущих к тому, что пребывание в партнерстве приводит к более высокой вероятности рождения ребенка. Сравнение сожительства и брака, основанное на аналогичных подходах с использованием уравнений совместных рисков, находится в центре внимания Баизан и соавторов [Baizán et al. 2003] для Испании, [Baizán et al. 2004] для Швеции и Германии, Ле Гофф [Le Goff 2002] для Франции и Западной Германии, Стил и соавторов [Steele et al. 2005, 2006] и Аасве с соавторами [Aassve et al. 2007] для Великобритании. Шпедер и Капитани [Spéder, Kapitanu 2009], в свою очередь, используют в своих исследованиях фиксированные по времени репродуктивные намерения (т.е. намерения родить ребенка в течение 3 лет) и, рассматривая реализацию этих намерений, определяют факторы на микроуровне, которые повышают вероятность откладывания рождения ребенка за пределы запланированного временного отрезка.

Так же, как взаимосвязь между партнерством и рождаемостью, взаимосвязь между образованием и календарем деторождения может быть ложной (т.е. зависящей от общих наблюдаемых или ненаблюдаемых факторов), обратной или результатом одновременного выбора для индивида в двух жизненных сферах. Поэтому для того, чтобы должным образом оценить эффект образования (или профессиональной карьеры, или сферы образования) на возраст при первом рождении, должны быть приняты во внимание потенциальные проблемы эндогенности [Billari, Philipov 2004].

Другая тема, где причинность – ключевая проблема, это изучение взаимосвязи между деторождением и благополучием. Ограниченный, но растущий объем исследований выдвигает на первый план роль счастья как детерминанты рождаемости с согласующимися результатами для обоих полов. На основе Европейского социального исследования Биллари [Billari 2009] делает вывод, что счастливые люди с более высокой вероятностью намерены иметь (еще одного) ребенка, в то время как с помощью лонгитюдных данных по Австралии Парр [Parr 2010] установил, что удовлетворенность жизнью является детерминантной рождаемости.

Больше внимания уделялось исследованию противоположного направления взаимосвязи между деторождением и благополучием. Тогда как в ранних исследованиях было установлено, что в развитых странах дети пагубно влияли на брачно-семейное благополучие (см. обзор [McLanahan, Adams 1987]), более поздние исследования связывают решение о рождении детей с благополучием различными способами. В последнее время теория «ценности детей» [Hoffman, Hoffman 1973; Hoffman, Manis 1979; Friedman et al. 1994] была переосмыслена как частный случай общей теории социальных функций (см., например, [Nauck 2007]), в рамках которой наличие детей рассматривается как инструмент, позволяющий индивиду достигать максимального физического и социального благополучия. В этом смысле рождение детей, когда рождаемость контролируется, способствует индивидуальному благополучию. Опираясь на этот подход, Колер и соавторы

[Kohler et al. 2005] демонстрируют, что родительство вносит позитивный вклад в *счастье* родителей. Используя данные о близнецах из Дании и строгий эконометрический подход, учитывающий возможные источники эндогенности (например, генетические факторы), авторы выявляют нелинейное влияние наличия детей на счастье, особенно для женщин. Счастье женщин возрастает после первого ребенка, но дети последующих порядков не связаны с дальнейшим увеличением благополучия. В Европе было установлено, что родители были в целом счастливее, чем пары, не имеющие детей [Aassve et al. 2011]. Изучая динамичную взаимосвязь между рождением детей и счастьем, Пауэлс [Pouwels 2011] установил, что существует обратный U-образный эффект от рождения первого ребенка, который показывает, что в год до и после первых родов родители испытывают резкое повышение уровня счастья. Счастье, однако, по-видимому, начинает уменьшаться через несколько месяцев после родов, и молодые родители оказываются на том же уровне счастья, который был ранее в течение длительного времени. Марголис и Мюрсколя [Margolis, Myrskylä 2011] также исследуют возрастную и контекст-специфичную взаимосвязь между счастьем и деторождением.

Наконец, можно выделить еще одну группу исследований, где выявляется обратная причинная связь между областью полученного образования и возрастом при рождении первого ребенка: [Lappegard 2002; Lappegard, Rønsen 2005] для Норвегии, [Martin-Garcia, Baizan 2006] для Испании, [Neyer, Hoem 2008] для Австрии, [McDonald, Kippen 2009] для Австралии, [Van Bavel 2010] для нескольких стран, [Begall, Mills 2012] для Нидерландов. Эти исследования показывают, что более ранняя рождаемость распространена среди женщин, получивших образование в областях, связанных с более «женскими» сферами деятельности (например, обучение, здравоохранение), хотя отсутствует очевидная причинно-следственная связь. Женщины либо на основе собственного выбора определяют для себя образовательный путь в ту сферу занятости, где у них получается лучше сочетать материнство и работу, либо трудность сочетания карьеры и детей варьируется от избранного типа карьеры.

3. МЕЗОУРОВЕНЬ ДЕТЕРМИНАНТОВ РОЖДАЕМОСТИ

В последние годы все большее внимание уделяется разработке и применению теорий, которые учитывают тот факт, что люди как социальные субъекты одновременно и принимают решения, и действуют в системе социальных взаимодействий с семьей и сверстниками. В то время как некоторые исследования посвящены роли межличностных взаимодействий в формировании индивидуальных репродуктивных намерений, другие исследования сосредоточены на том, какое влияние оказывает место жительства на репродуктивный выбор. Наконец, существует еще одна тема исследований, рассматривающая социальную сеть как источник социального капитала в форме эмоциональной и материальной помощи. Осознание значимости социальных сетей в объяснении наблюдаемых моделей рождаемости до сих пор не подкреплено убедительными эмпирическими исследованиями. Главная причина заключается в отсутствии необходимых данных, трудностью моделирования и адекватного выявления социальных эффектов взаимодействия, а также отделения их влияния от селективных и

контекстуальных факторов.

3.1. Социальное взаимодействие

Влияние социального взаимодействия на репродуктивный выбор привлекло значительное внимание [Bongaarts, Watkins 1996; Entwisle et al. 1996; Montgomery, Casterline 1996; Kohler 1997, 2001; Bernardi 2003]. Данные работы сосредоточены преимущественно на распространении методов контрацепции в развивающихся странах [Kohler et al. 2001] и указывают на два канала, через которые происходит социальное взаимодействие. Первый – это *социальное обучение*, т.е. как индивиды получают знания от других людей, и второй – *социальное влияние*, т.е. каким образом групповое единодушие сверстников накладывает ограничения на установки и реальное поведение [Montgomery, Casterline 1996; Kohler et al.].

Небольшие качественные исследования в развитых странах показывают, что сетевые контакты индивида, например с коллегами или друзьями, являются ключевыми факторами в формировании его решений и о календаре, и о количестве рождений [Bernardi 2003; Bernardi et al. 2007; Keim et al. 2009; Rossier, Bernardi 2009; Bernardi, White 2009]. Люди смотрят на коллег, например, как на ключевой источник социального обучения, чтобы узнать, каким образом и насколько успешно они совмещают материнство с карьерой.

Однако до сих пор не хватает строгих количественных исследований. Насколько нам известно, только некоторые исследования применяли количественный подход. Аксинн и соавторы [Axinn et al. 1994] показали, что чем больше у человека племянников и племянниц, тем выше его предпочтения в отношении количества детей. Мански и Майшар [Manski, Mayshar 2003] интерпретируют особенности перехода в рождаемости в Израиле в свете социальных взаимодействий. Биллари и соавторы [Billari et al. 2009], интегрируя сетевой подход в Теорию запланированного поведения, считают, что социальное давление со стороны других релевантных людей значительно влияет на намерение женщин иметь ребенка. Бальбо и Миллс [Balbo, Mills 2011] в свою очередь обнаружили, что социальное давление со стороны родственников и друзей, настаивающих на рождении еще одного ребенка, связано с положительными намерениями родить второго или третьего ребенка. Обращаясь к календарю деторождения, несколько количественных исследований, направленных на изучение влияния социального взаимодействия, показывают, что, если сиблинг (брат/сестра) [Kuziemko 2006; Lyngstad, Prskawetz 2010] или сотрудник по работе [Hensvik, Nilsson 2010] рождает ребенка, вероятность для индивида также родить ребенка увеличивается. Эти исследования, адаптируя методы анализа истории событий, выявляют краткосрочный U-образный эффект, где «заразность» в поведении очень велика и повышается на 12-й [Lyngstad, Prskawetz 2010] или 24-й [Kuziemko 2006; Hensvik, Nilsson 2010] месяц после рождения ребенка у релевантного индивида (сотрудника или родственника). Позднее эффект понижается, становясь несущественным в долгосрочной перспективе.

Апарисио Диас и соавторы [Diaz et al. 2011] применили инновационный подход, в котором используется агентное имитационное моделирование (agent-based model)² с целью изучить влияние социальных взаимодействий на переход к родительству в Австрии в 1984-2004 гг. Результаты моделирования показали, что социальные взаимозависимости между людьми могут объяснить существенный сдвиг возраста первого рождения на более поздний, что и произошло в Австрии в прошедшие десятилетия.

3.2. Место жительства

Некоторые исследования свидетельствуют о различиях в рождаемости по месту жительства по нескольким направлениям. Во-первых, рождаемость продолжает варьироваться по регионам [Hank 2001, 2002; Caltabiano 2008; Kertzer et al. 2009]. Согласно Кулу [Kulu 2011], различия в желаемом числе детей объясняют дифференциацию рождаемости между малыми городами и сельскими ареалами, с одной стороны, и городскими агломерациями, с другой. Во-вторых, внутри агломераций пригороды устойчиво характеризуются более высоким уровнем рождаемости [Kulu et al. 2009], поскольку распространенные там односемейные домохозяйства связаны с более высокой рождаемостью [Kulu, Vikat 2007]. Эти различия сохраняются даже при условии контроля социально-экономических различий между территориями [Kulu, Boyle 2009], и таким образом можно предполагать, что контекстуальные факторы ареала проживания формируют репродуктивные намерения. Интересно отметить, что различия в уровне рождаемости между городом и селом существуют в течение долгого времени [Kulu et al. 2009], тогда как различия в календаре рождаемости появились совсем недавно. В результате, откладывание рождений более выражено в крупных, нежели в небольших населенных пунктах.

3.3. Социальный капитал

Исследования, сосредоточивающиеся на социальной сети как источнике социального капитала [Bühler, Philipov 2005; Philipov et al. 2006], опираются в основном на социологическую теорию [Lin et al. 2001; Flap, Völker 2004; Mandemakers, Dykstra 2008]. Социальный капитал определен как ресурсы, к которым люди имеют доступ через личные отношения, и может включать в себя товары, а также информацию, деньги, возможность работать, влияние, власть или активную помощь [Granovetter 1973; Bourdieu 1986; Coleman 1988]. Основываясь на предыдущих социологических исследованиях [Granovetter 1973; Bourdieu 1986; Lin et al. 2001; Flap, Völker 2004], некоторые демографы продемонстрировали, как социальный капитал (или его отсутствие) наряду с экономическими и культурными ресурсами влияет на решения о рождении детей [Schoen et al. 1997, Astone et al. 1999; Bühler, Philipov 2005; Philipov et al. 2006]. Это направление исследований изучает долгосрочные, стабильные и доверительные взаимоотношения (например, с членами семьи, прародителями, близкими друзьями или родственниками),

² Метод имитационного моделирования, исследующий поведение децентрализованных агентов и то, как такое поведение определяет поведение всей системы в целом. В отличие от системной динамики, аналитик определяет поведение агентов на индивидуальном уровне, а глобальное поведение возникает как результат деятельности множества агентов, т.е. моделирование процессов строится «снизу вверх» (прим. переводчика).

которые могут обеспечить индивида или семейную пару ресурсами, имеющими отношение к рождению детей. Следовательно, несмотря на то, что обмен этими ресурсами происходит лишь по случаю, т.е. когда в них есть нужда (например, неформальный уход за детьми, когда они маленькие), совокупность налаженных взаимоотношений, скорее всего, останется стабильной на протяжении всей жизни.

Большинство существующих исследований о социальном капитале как детерминанте (низкой) рождаемости было сосредоточено на экс-коммунистических странах Восточной Европы. Этот регион после распада Советского Союза пережил период экстремальной социально-экономической неопределенности. Бюлер и Филипов [Bühler, Philipov 2005] представляют широкую теоретическую дискуссию о том, как социальный капитал связан с социальными сетями и как это влияет на формирование репродуктивных намерений. Они также показывают, что в таком контексте поддерживающая сеть отношений и ресурсов играет решающую роль в персональных репродуктивных намерениях. Согласующиеся с этим аргументом другие эмпирические исследования показывают, что чем больше социальный капитал, тем выше вероятность того, что люди захотят родить (еще одного) ребенка ([Philipov 2002] для России, [Philipov et al. 2006] для Болгарии и Венгрии, [Bühler, Fratzcak 2007] для Польши) и захотят родить его скорее [Bühler, Philipov 2005; Philipov et al. 2006].

Бюлер и Фратцек [Bühler, Fratzcak 2007] нашли положительное влияние социального капитала на рождаемость с учетом очередности рождений, особенно сильное для вторых детей. Что касается западноевропейских стран, то Хэнк и Крейенфельд [Hank, Kreiyenfeld 2003] на примере Западной Германии обнаружили, что доступность неформального ухода за ребенком (т.е. ухода, обеспечиваемого бабушками и дедушками) увеличивает шансы для рождения первого ребенка. Бальбо и Миллс [Balbo, Mills 2011] показывают нелинейную связь (т.е. обратную U-образную) между неформальным уходом за детьми и желанием немецких мужчин иметь второго или третьего ребенка. Полное отсутствие помощи, так же как и наличие слишком многих источников помощи (т.е. нескольких разных людей), связаны с ослаблением намерений иметь еще одного ребенка, и в последнем случае это видимо связано с проблемой координации поддержки.

Американская литература сосредоточивается на поддержке, которую родственники оказывают матерям, включая уход за детьми и помощь в их воспитании, особенно это касается матерей-одиночек – здесь родственники рассматриваются как «сеть безопасности». Это особенно значимо по причине высокой нестабильности партнерств и многочисленности одиноких родителей [Swartz 2009], а потому особо пристальное внимание обращено на изучение «неблагополучных семей» [Harknett et al. 2001]. Харкнетт и Кнаб [Harknett, Knab 2007] обнаружили, что рождение детей от разных партнеров понижает помощь матерям деньгами, жильем и по уходу за ребенком, поскольку появляются трудности в поддержании отношений с родственниками. Харкнетт и Хартнетт [Harknett, Hartnett 2011] также обнаружили, что поддержка со стороны родственников и друзей чаще доступна для матерей, которые могут ответить взаимностью, а семьи с большим числом проблем имеют меньшую поддержку.

3.4. Спорные факторы и проблема обратной причинности на мезоуровне

Признание важности социального взаимодействия в объяснении наблюдаемых тенденций рождаемости пока еще не подкреплено убедительными эмпирическими исследованиями. Главная причина заключается в недостатке удовлетворительных данных, трудностях моделирования и определения эффектов социального взаимодействия [Manski 1993, 1995]. Социальный контекст или другие факторы личностного уровня, общие для индивидуумов, могут также объяснять сходство в поведении (например, в одинаковых сроках деторождения) [Christakis, Fowler 2007; Cohen-Cole, Fletcher 2008; Bramoullé et al. 2009; Steglich et al. 2010; Fletcher 2011], а социальная сеть может быть выбрана в соответствии с желаемым поведением и меняться с течением времени.

Наконец, важно отметить, что ассоциация между местом жительства и репродуктивными предпочтениями вызывает вопрос о причинах и следствиях, так как связь может быть ложной и влияние возможно в обоих направлениях.

4. ДЕТЕРМИНАНТЫ РОЖДАЕМОСТИ НА МАКРОУРОВНЕ

Большой объем исследований посвящен тому, как влияют на репродуктивные решения культурные и институциональные условия, в которых существуют индивиды и семейные пары. Здесь может быть выявлена дихотомия - «экономика против культуры» [Billari 2004]. Тогда как часть исследований изучает, каким образом экономические тенденции, социальная политика, институциональные ограничения, тип социального государства влияют на темп и уровень рождаемости, другие сосредоточиваются на влиянии ценностей, установок и культуры на репродуктивное поведение. Более того, наряду с этими двумя подходами существуют и другие исследования макроуровня, в которых рассматривается роль контрацептивных технологий в динамике рождаемости. Еще раз: главный вызов для подобных работ заключается в том, как решать проблемы эндогенности и причинности, которые будут рассмотрены в конце этого раздела.

4.1. Экономические тенденции

Календарные эффекты, связанные с влиянием на рождаемость экономических тенденций, как правило, исследуются путем совместного рассмотрения КСР и макроэкономических показателей (например, ВВП и уровня безработицы). Как показали Сobotка с соавторами [Sobotka et al. 2011], взаимосвязь КСР и ВВП неоднозначна. Используя данные по 26 странам-членам ОЭСР для периода 1971-2008 гг., они определили слабую корреляцию между изменениями в ВВП и КСР для календарных лет, утверждая, что это может быть результатом межстрановых различий. В некоторых исследованиях, посвященных развитым странам, выявляется проциклическая связь между экономическим ростом и рождаемостью. Мартин [Martin 2004], например, нашел, что более высокий ВВП связан с более высокой рождаемостью в Австралии. Снижение рождаемости во время экономических рецессий выглядит как результат откладывания деторождений, особенно первых детей, которое впоследствии может в значительной степени быть скомпенсированным во время

экономического процветания [Neels 2010]. К аналогичным результатам пришли Колер и соавторы [Kohler et al. 2002a, b]; Миллс и Блоссфельд [Mills, Blossfeld 2005], Сobotка с соавторами [Sobotka et al. 2010], считающие, что экономический спад приносит неуверенность, которая, в свою очередь, приведет к откладыванию деторождений. Некоторые эмпирические исследования также подтверждают эту гипотезу. По мнению Сантоу и Брачер [Santow, Bracher 2001] существует негативное влияние снижения ВВП на показатели рождаемости детей первой очередности в Швеции. Сobotка и соавторы [Sobotka et al. 2011] показывают, что недавний экономический кризис, произошедший в 2008-2009 гг. в Европе и США, по всей видимости, ассоциируется со снижением рождаемости, скорее всего вызванным откладыванием деторождения.

Другие исследования, однако, приводят к противоположным результатам. Бац и Уорд [Butz, Ward 1979] предполагают, что экономические подъемы приводят к увеличению занятости женщин и как следствие к повышению расходов на детей в периоды экономического процветания. Поэтому тенденции рождаемости, вероятно, будут ациклическими. Макунович [Macunovich 1996] находит доказательства этого явления в США. Отрицательная взаимосвязь между экономическим ростом и откладыванием рождений также, по всей видимости, противоречит ряду недавних исследований. Биллингсли [Billingsley 2010] обнаружила, что динамика величины ВВП в Восточной Европе после 1990 г. положительно коррелирует с откладыванием рождений, и такой же результат наблюдается в Венгрии в отношении календаря первых рождений [Aassve et al. 2006]. Эти последние работы являются примерами большого числа исследований, которые рассматривают экономический кризис как объяснение резкого снижения рождаемости, характерного для стран Центральной и Восточной Европы после падения коммунизма. И вновь доказательства неоднозначны. Колер и Колер [Kohler, Kohler 2002], используя данные по России, обнаружили, например, отрицательную связь между снижением ВВП и КСР на макроуровне, но эта взаимосвязь не наблюдалась на микроуровне.

Недавно появился подход, привлечший большое внимание, который объясняет закономерности рождаемости и ее различия между странами с точки зрения социально-экономического развития. Мюрскюля и соавторы [Myrskylä et al. 2009] представили доказательства фундаментальных изменений в хорошо известной отрицательной взаимосвязи между рождаемостью и развитием [Bryant 2007]. Они нашли, что в то время, как низкие и средние уровни так называемого индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) (Human Development Index, HDI) связаны с сохраняющейся низкой рождаемостью, более высокие уровни ИРЧП, видимо, способствуют рождаемости, переворачивая негативные тенденции.

Некоторые исследователи полагают, что вместо ВВП индекс потребительского доверия является лучшей мерой экономических рецессий, поскольку он отражает субъективное восприятие кризиса. Ван Гирсберген и де Бир [Van Giersbergen, de Beer 1997], Фоккема и соавторы [Fokkema et al. 2008] обнаруживают позитивную связь между данным индикатором и КСР в Нидерландах.

4.2. Тенденции занятости/безработицы

Экономическая неопределенность также изучалась при рассмотрении влияния

безработицы на КСР. Исследования постоянно подтверждают наличие отрицательной связи: чем выше уровень безработицы, тем ниже уровень рождаемости [Macunovich 1996; Adserà 2004; Örsal, Goldstein 2010] или чаще откладываются первые и вторые рождения [Adserà 2010, 2011].

Другие исследования, адаптируя комплементарный подход, сосредоточены на взаимосвязи между трудовой занятостью женщин и КСР. Они показывают, что в странах ОЭСР эта ассоциация изменилась с отрицательной (когда у стран с более высокой занятостью женщин КСР был ниже) на положительную в течение 1980-х годов. Бенджамин [Benjamin 2001], Пэмпел [Pampel 2001], Ан и Мира [Ahn, Mira 2002] и Когель [Kögel 2004] представили некоторые теоретические объяснения и эмпирические свидетельства для описания изменения этой межстрановой корреляции. Однако возникает сомнение, не изменилась ли причинная связь между этими двумя переменными. Мишра и соавторы [Mishra et al. 2010], привлекая макроэконометрический анализ, направленный на исключение эндогенности, чтобы вскрыть причину и следствие, находят, что причинность идет от рождаемости (КСР) к участию женщин в рабочей силе, а не наоборот.

Другой подход к последствиям экономических тенденций был разработан Истерлином [Easterlin 1961, 1968]. В соответствии с этим подходом, циклические изменения в рождаемости в основном обусловлены колебаниями в коэффициентах рождаемости в прошлом, и соответственно размерами когорт. Представители многочисленных поколений сталкиваются с большей конкуренцией и, соответственно, с пониженными экономическими возможностями, что приводит к более низкой рождаемости (для получения более подробной информации см. обзор [Pampel, Peters 1995]).

4.3. Политические меры

Второй поток исследований был направлен на изучение воздействия мер политики (например, политики на рынке труда, налоговой, семейной или жилищной политики) на темпы и уровень рождаемости. Существуют разноречивые доказательства относительно эффективности мер социальной политики на рождаемость [Neyer 2003; Gauthier 2007; Ноем 2008; Mills et al. 2011]. Готье [Gauthier 2007] утверждает, что они, хоть и незначительно, влияют, скорее, на календарь рождений, чем на число детей.

Существует большое количество исследований, в которых изучаются эффекты предоставляемой помощи по уходу за ребенком на рождаемость. Большинство эмпирических исследований дают неоднозначные результаты. Тогда как по некоторым исследованиям, регионы, где слабо развита система помощи по уходу за ребенком, имеют более высокую рождаемость [Kravdal 1996; Rosen 2004], согласно другим, полагающим, что они принимают в расчет проблему эндогенности, доступность услуг по уходу за ребенком имеет положительное влияние на рождаемость [Del Boca 2002; Rindfuss et al. 2010]. Мануэлли и Сешадри [Manuelli, Seshadri 2009] разработали модель и провели эмпирический анализ, показавший, что более высокие налоговые ставки определяют низкую рождаемость. Системы социальной защиты и реформы в области социального обеспечения также рассматривались как детерминанты рождаемости [Cigno, Rosati 1992]. Актуальность фактора социальной защиты для репродуктивного выбора, кроме того, связана с идеей о возможной роли выросших детей в обеспечении социальной помощи пожилым, что

касается и развитых обществ [Rendall, Bahchieva 1998; Mills, Begall 2010]. Галассо и соавторы [Galasso et al. 2009], к примеру, показали, что высокие государственные пенсии отрицательно связаны с рождаемостью.

Эффект семейной политики, подобно экономическим факторам, с которыми она тесно взаимосвязана [Hoen, Hoen 1997], варьируется в зависимости от институционального контекста и детерминант личностного уровня. По этой причине мало внимания было уделено чистому макроанализу, исследования фокусировались на изменениях временных рядов в пределах той или иной страны. Среди подобных исследований можно выделить статьи Эрмиш [Ermisch 1999], который считает, что щедрые пособия по уходу за ребенком в Великобритании поощряют молодое материнство; Хоэм [Hoen 2005], и Андерссон с соавторами [Andersson et al. 2006a, b], которые показывают, что отпуск для родителей по уходу за ребенком уменьшает отсрочку деторождений в Швеции. Большинство исследований по мерам политики и срокам деторождения состоит либо из работ, выполненных на микроуровне (человека или семейной пары), где политика - одна из независимых переменных, либо из межстрановых сравнительных исследований (иногда многоуровневых) по странам с различной политикой. Хотя каждый подход имеет свои недостатки (подробное обсуждение см. [Neyer, Andersson 2008]), последние два метода позволяют провести проверку на наличие взаимодействия между аналитическими уровнями.

4.4. Режимы системы социальной защиты

Основываясь на работах Эспинг-Андерсен [Esping-Andersen 1990, 1999], многочисленные исследователи объясняли различия между странами в рождаемости и жизненных стратегиях людей, соотнося их с различиями институциональными системами (например: [Mills and Blossfeld 2005]; см. также [Neyer 2003] – критика с позиций феминизма). По мнению Миллс и Блоссфельд [Mills, Blossfeld 2005], различные социальные режимы связаны с откладыванием рождаемости и их можно распределить по приоритету следующим образом: 1) политика активного поддержания устойчивой занятости на рынке труда (т.е. обязательство обеспечивать полную занятость); 2) политика, способствующая поддержанию благосостояния индивидов вне рынка труда (т.е. поддержка молодежи, безработных, больных, бедных, ухаживающих за членами семьи, пенсионеров); 3) политика в направлении щедрого размера семейных пособий и услуг (т.е. отпусков по беременности и родам/по уходу за маленькими детьми, услуг по уходу и воспитанию детей); 4) политика поддержания доли государственного сектора в рабочей силе. Этот набор политик создает в свою очередь сеть безопасности, на которую могут рассчитывать люди в случае безработицы, в случае необходимости регулировать свою занятость, в получении семейно-ориентированных услуг (уход за детьми, отпуска), которые в свою очередь способствуют или ограничивают принятие решение о рождении первого или последующих детей.

Можно выделить два вида режимов социальной защиты: фамилистический и нефамилистический. Нефамилистические режимы, где заботу о благосостоянии домохозяйств в значительной степени берет на себя не семья, а государство (такие как скандинавские социал-демократические страны) или рыночные механизмы (англосаксонские либеральные рыночные режимы), способствуют более высокой

рождаемости. Напротив, фамилистические государства (консервативные и особенно южно-европейские режимы), где большинство экономических и обеспечивающих функций ложится на семью, а общественные институты также поддерживают традиционную модель разделения домашнего труда (т.е. так называемую модель мужчины–кормильца [Blossfeld, Drobnič 2001]), ограничивают рождаемость, что приводит к ее более низкому уровню.

Эти исследования в основном ведутся на теоретическом уровне. Исследователи сосредоточены на различных проявлениях отсутствия государственной поддержки, описывая, как эти факторы затрудняют совмещение работы и семьи, особенно для женщин, заставляя их выбирать между карьерой и материнством, что вызывает откладывание рождений или отказ от детей [Castles, Ferrera 1996; Mayer 2004]. Прямое эмпирическое исследование, связывающее конкретные режимы благосостояния непосредственно с рождаемостью, ограничено из-за сложности моделирования таких режимов; подобно исследованиям по социальной политике и рождаемости, оно состоит из анализа на микроуровне, где эффект различных режимов социальной защиты измеряется с помощью простых фиктивных переменных (*dummy variables*) или из межстрановых исследований (иногда многоуровневых), включающих страны с различными институциональными механизмами. Примеры таких эмпирических исследований приведены в заключительном разделе этой статьи (п.5), где обсуждается взаимодействие между микро- и макроуровнями.

4.5. Изменения ценностей и установок

Это направление исследований в значительной степени вытекает из теории «второго демографического перехода» (*second demographic transition, SDT*), разработанной Лестегом и ван де Каа [Lesthaeghe, van de Kaa 1986] для интерпретации демографических изменений в промышленно развитых обществах. Согласно этой теории, массовые идейные изменения главным образом состоят в отказе от институционального контроля, акцентировании индивидуальной автономии и повышения потребностей в самореализации [Surkyn, Lesthaeghe 2004] – все это является движущей силой нового устройства семьи и поведенческих практик, среди которых откладывание рождений, меньшее число детей или бездетность, ставшие актуальными с 1960-х годов. Конструкция SDT была использована в качестве альтернативного [Lesthaeghe 1983] (в Бельгии) или дополнительного [Billingsley 2010] (для стран Восточной Европы) наряду с влиянием экономических циклов, объяснения вариаций в уровне рождаемости. Лестег [Lesthaeghe 2010: 242] как один из поборников этой теории подчеркнул, что «теория SDT полностью признает воздействие структурных изменений на макроуровне и экономической рационализации на микроуровне. Но ... теория SDT не рассматривает культурные изменения как эндогенные в любой экономической модели, они служат необходимой дополнительной силой вместе с их собственным экзогенным влиянием на демографические результаты».

Как подчеркнул Ван де Каа [van de Kaa 1997], такие идейные изменения могут произойти в разные периоды и с различной интенсивностью в разных странах. В некоторых статьях, придерживающихся теории SDT, демонстрируется откладывание рождений в связи с увеличившейся самостоятельностью и независимостью личности: Лифброер [Liefbroer 2005] в Нидерландах и Бернар и Гольдшайдер [Bernhardt, Goldscheider 2006] в Швеции. Интересный подход в развитии этой теории был предложен Торнтоном и Филиповым

[Thornton, Philipov 2009], в соответствии с которым идейные влияния и пересечение этих влияний со структурными факторами являются главными причинами снижения рождаемости в Центральной и Восточной Европе после падения Советского Союза.

Другие исследования фокусируются на влиянии изменения социальных норм на рождаемость. Несколько исследователей зафиксировали важность *предельного возраста* деторождения (т.е. возраста, после которого рождаемость становится социально неприемлемой) [Settersten, Hagestad 1996; Liefbroer, Billari 2010]. Биллари и соавторы [Billari et al. 2011] демонстрируют, что крайний возраст для деторождения положительно связан с распространением технологий ВРТ.

Подобно исследованиям режима социальной защиты, эти работы также в основном носят теоретический характер. Это прежде всего связано с трудностями в сборе данных о ценностных изменениях на уровне общества. Чтобы преодолеть эту проблему, некоторые исследователи [Liefbroer 2005; Bernhardt, Goldscheider 2006], эмпирически операционализируют изменения в ценностях и нормах, используя измерения на микроуровне индивидов, хотя они предполагают, что изменения ценностей происходят на уровне социума.

4.6. Преемственность в культуре и истории

Некоторые исследования объясняют корни нынешнего репродуктивного поведения исторической и культурной преемственностью (зависимость от пути) и приходят к выводам, полученным ранее Эспинг-Андерсеном [Reher 1998; Micheli 2000; Dalla Zuanna 2001]. Тем не менее в этих исследованиях, особо подчеркивающих важность культурного наследия, предполагается, что культура сформировала институциональную среду [Pfau-Effinger 1999].

Эту группу исследований можно разделить по водоразделу Север-Юг или Восток-Запад (более детальный обзор см. [Billari 2004]). Разделение Европы на Восточную и Западную вдоль воображаемой линии Триест – Санкт-Петербург было впервые отмечено Хайналом [Hajnal 1965]. К западу от «линии Хайнала» характерен поздний и не всеобщий брак, в то время как к востоку брак был ранним и всеобщим. Историческая преемственность предоставляет объяснение более ранней рождаемости к востоку от линии Хайнала. Разделение на Север и Юг впервые предложил Реэр [Reher 1998], исходя из прочности межпоколенных семейных связей: в то время как южные страны характеризуются прочными семейными связями, в северных, как правило, они ослаблены. Основным доводом является то, что в системах характеризующихся сильными родственными и межпоколенными отношениями (например, фамилистические страны Южной Европы), и семьи имеют более низкую рождаемость [Dalla Zuanna 2001; Livi-Bacci 2001], молодые люди задерживают переход к взрослой жизни, в свою очередь, откладывая деторождение [Billari 2004]. Важно отметить, что фамилистические режимы сами по себе ни с институциональной, ни с культурной точек зрения не ведут к снижению рождаемости. Причины низкой рождаемости кроются, вероятно, во взаимодействии этих систем с недавним повышением статуса женщин в образовательной сфере и на рынке труда и с отсутствием институциональной поддержки для совмещения работы и семьи [Feurer et al. 2008; Mills et al. 2008].

Исследования иммигрантов, связывающие рождаемость в месте происхождения и поведением лиц в стране «назначения», также показали существующую преемственность в культуре [Fernández, Fogli 2006, 2009] и поведении. Тем не менее мигранты часто обнаруживают в поведении черты, соответствующие их месту назначения, демонстрируя, что адаптация преобладает над избирательностью [Kulu 2005].

4.7. Контрацептивные и репродуктивные технологии

Дифференциация рождаемости на макроуровне объясняется не только «экономикой» и «культурой». Исследователи подробно изучали решающую роль «контрацептивной революции», повлиявшей и на уровень рождаемости [Frejka 2008], и на откладывание рождений (подробный обзор см. [Sobotka 2004]). Распространение современной контрацепции, в частности пиллюль, радикально изменило природу процесса принятия решения о рождении детей, способствовало снижению числа детей и откладыванию деторождения [Goldi 2006]. Мерфи [Murphy 1993] утверждает, что краткосрочные изменения рождаемости в Англии и Уэльсе в 1970-х и начале 1980-х годов можно объяснить колебаниями в *использовании контрацептивных пиллюль* из-за опасений их побочных эффектов. Бейли [Bailey 2010] использует изменения в законах, разрешающих продажу контрацептивов в отдельных штатах США, как естественный эксперимент, чтобы показать, что контрацепция действительно способствовала уменьшению коэффициентов рождаемости в этот период. Сobotка и соавторы [Sobotka et al. 2010] оценивают влияние вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) на рождаемость, используя данные по Дании. Ученые прогнозируют дальнейшее увеличение доли детей, родившихся в результате ВРТ, с имеющегося 5%-ного вклада в КСР для когорты 1975 г. рождения. Кроме того, развитие ВРТ бросает вызов биологическим пределам откладывания деторождения [Billari et al. 2007] (см. анализ степени, в какой ВРТ влияет на вероятность стать родителем в пожилом возрасте [Leridon 2008]).

4.8. Эндогенность политики и проблема обратной причинности на макроуровне

Сложность отделения воздействия мер политики от других наблюдаемых и ненаблюдаемых факторов часто приводят к несостоятельным попыткам обнаружить эффекты политики в рождаемости. Трудно отделить воздействие какой-либо специальной политики от широкого набора политических инструментов, которые потенциально влияют на рождаемость, и весьма проблематично эмпирически установить, была ли успешна эта политика, так как имеется некоторое запаздывание ответной реакции по отношению к моменту инициирования политики. Наконец, существует проблема эндогенности в политике, когда она не только воздействует на рождаемость и вызывает изменения, но и сама часто является реакцией на изменения рождаемости, становясь неотъемлемой чертой этих изменений. Строгий анализ приводится в работе Кальвия [Kalwij 2010], где он обнаружил положительное влияние на уровень рождаемости увеличения расходов на программы семейной политики, которые помогают женщинам совмещать семью и работу, тем самым снижая упущенную выгоду, связанную с рождением детей. Налоговая политика, которая позволяет легче реализовывать квазиэкспериментальные стратегии, привлекла внимание многих экономистов. Положительное влияние налоговых стимулов на уровень

рождаемости было обнаружено в Германии [Buttern, Lutz 1990], Швеции [Walker 1995], Канаде [Milligan 2005] и США [Whittington 1993]. Готье и Хатциус [Gauthier, Hatzius 1997], используя панельные данные по странам, пришли к более противоречивым результатам.

5. ДИСКУССИЯ

Наш обзор показывает, что исследования рождаемости в развитых странах весьма обширны и продолжают разрастаться с применением инновационных подходов. Главной целью этой статьи была оценка текущего состояния исследований рождаемости для классификации и определения различных подходов и вновь полученных знаний. Вторичная цель - систематизация существующих исследований, соответствующим трем (макро-, мезо- и микроаналитическим) уровням подходов и результатов. Мы также уделили значительное внимание вопросам причинности и эндогенности.

Вначале мы продемонстрировали значительные успехи по нескольким направлениям в изучении детерминант на микроуровне. В дополнение к рассмотрению ключевых детерминант, таких как занятость, доход и образование (и нюансов в этих областях), многообещающие новые и инновационные исследования были сосредоточены на том, как воздействуют на рождаемость гендерное разделение труда, состав семьи (например, повторные браки), предпочтения и межпоколенная передача ценностей и поведенческих практик. Несмотря на то, что недавно были зафиксированы успехи в освоении новых тем, таких как биологические и генетические основы рождаемости и новые семейные формы, остается еще много задач, которые должны быть решены в ходе будущих исследований.

Во-первых, это обеспечение наличия и доступности данных, содержащих необходимую информацию, таких как биомаркеры или генетические данные, а также данных, относящихся к новым типам семейных форм. Объем данных, которые сочетают в себе результаты генетических и социальных обследований, хотя и растет, но все равно остается ограниченным. Во-вторых, необходимо проведение серьезных исследований в области биодемографии, которые должны происходить при сотрудничестве с экспертами из различных дисциплин. Это даст возможность понять, как правильно интегрировать этот тип информации и знания о биологических механизмах в наши теоретические, но одновременно и статистические модели.

В этом обзоре также освещаются основные мезоуровневые факторы, влияющие на рождаемость, в том числе изучаемые развивающейся областью исследований социального взаимодействия, социальный капитал, социальные сети и место жительства. Хотя растущее количество (в первую очередь качественных) работ направлено на исследование этих факторов мезоуровня, основные проблемы по-прежнему остаются. Как было отмечено ранее, отсутствует крупномасштабная база количественных данных, собранных для изучения влияния социальных сетей на рождаемость. Среди данных, которые были собраны, измерения социальных сетей остаются ограниченными. Это частично объясняется высокими затратами на сбор такой информации, а также интенсивной нагрузкой на

респондентов при ее сборе, что создает проблемы для включения этих данных в программу исследования.

На макроуровне мы обобщили основные изучавшиеся детерминанты: от тенденций в экономике и занятости/незанятости до мер политики, режимов социального обеспечения, изменения ценностей и установок, преемственности в истории и культуре, использования контрацепции и новых репродуктивных технологий. Как отмечалось ранее, ключ к решению проблемы надежной интеграции этих факторов на макроуровне для понимания рождаемости – это переход от чисто теоретических рассуждений к более убедительным эмпирическим исследованиям взаимосвязей. Хотя исследователи часто заявляют о воздействия на репродуктивное и другие виды демографического поведения факторов макроуровня, таких как система социального обеспечения или социальные ценности, имеется немного успешных попыток эмпирически подкрепить эти заявления. На всех уровнях мы также обращаемся к проблемам, связанным с обратной причинной связью и неоднозначными факторами, а для факторов макроуровня – к проблемам эндогенности социальной политики, которые мы подробнее обсудим позже.

Понимание некоторых общих проблем современных исследований, которое можно извлечь из внимательного чтения этого обзора, может способствовать успешным исследованиям в будущем. Две проблемы, которые стали очевидными во время подготовки обзора, – это четкие границы между дисциплинами и географическими зонами.

Во-первых, исследования рождаемости требуют междисциплинарности, т.е. в объяснении вопросов, связанных с календарем и уровнем рождаемости должны участвовать представители нескольких дисциплин. Однако примеры междисциплинарных исследований, в которые были бы одновременно вовлечены представители разных дисциплин или где приняты теоретические и/или методологические подходы различных дисциплин, немногочисленны. Принятый порядок цитирования преимущественно ограничен конкретной дисциплиной, более того, в статьях часто игнорируются релевантные публикации из других дисциплин. Легко предположить, что исследования рождаемости серьезно выиграют, если пересечение дисциплинарных границ будет происходить чаще, начиная хотя бы с более частого чтения статей друг друга.

Во-вторых, это значимость географических границ. Так, исследования рождаемости в Европе проводят главным образом европейские ученые, исследования в Северной Америке – североамериканские, иными словами, основная масса исследований рождаемости часто не сообщаются друг с другом. Это было отмечено в нескольких местах нашего обзора, когда приводились противоречащие теории и выводы, представленные североамериканскими и европейскими исследователями. Темы, подходы (включая тип данных) и, опять же, цитаты остаются каким-то образом не связанными, хотя исследования в Европе явно фундаментальны в выявлении роли факторов макроуровня, в основном благодаря возможностям межстранового сравнительного анализа. Неудивительно, что ученые, работающие в других развитых областях науки, более успешны в наведении мостов через Атлантику. Кроме того, легко предположить, что, соединив выводы и подходы, касающиеся всех развитых обществ, можно было бы сформировать общее понимание закономерностей репродуктивного выбора.

Две дополнительные проблемы, связанные с методами, данными и аналитическими стратегиями, становятся очевидными, когда мы осмысливаем наш литературный обзор в более общих терминах. Во-первых, это касается международных исследований рождаемости. Несмотря на усилия по созданию сравнительных, агрегированных данных (таких, например, как База данных по рождаемости, разработанная Институтом демографических исследований Общества Макса Планка и Венским институтом демографии), большинство исследований фокусируется на микроданных, которые обычно не допускают высокую сравнимость исследований. Таким образом, можно было бы продвинуть исследования рождаемости путем создания коллекции сопоставимых микроуровневых данных исследований рождаемости по многим странам, включая, что очень важно, США и Японию. Это еще более имеет смысл, учитывая повышение географической мобильности населения между странами. Только дальнейшие совместные усилия исследователей и финансирующих организаций позволят раскрыть фундаментальные механизмы, действующие на различных уровнях и влияющие на репродуктивный выбор. Во-вторых, поскольку исследователи могут только наблюдать рождаемость (в отличие от экспериментально вызываемых явлений), вопрос об истинной причинности в противоположность ложным зависимостям остается основной проблемой. Внимание к проблеме причинности неоднородно в литературе, но несомненно преобладание работ, вырастающих из традиций экономики. Причинные интерпретации широко распространены также в исследованиях, которые обнаруживают связи (это серьезная проблема), но некоторые из них явно не направлены на понимание или изучение причинности (проблема более низкого порядка, внимание к которой связано с амбициями исследователей и самих дисциплин). Дальнейшие шаги по признанию важности методов, направленных на раскрытие причинности в наблюдаемых данных, будут способствовать проведению исследований рождаемости более высокого качества. Исследователи и политики в равной степени выиграли бы от принятия программ по оценке мер политики, которые могут повлиять на выбор людей в сфере деторождения.

Кроме того, наш обзор выявил три возникшие проблемы, касающиеся изучения действующих факторов в диапазоне от индивидуальных до контекстных. Исследования мужчин или, другими словами, мужской рождаемости и отцовства остаются весьма немногочисленными, хотя их количество и растет. Очевидно, что гендерный подход является необходимым, но это означает, что оба пола должны играть равную роль в нашем понимании репродуктивного выбора. Большое число исследований, включающих и мужчин, и женщин, позволило бы углубить наши знания. Вторая проблема вытекает из первой - проблема супружеских пар. Как по теоретическим причинам, так и по причинам, связанным с отсутствием данных, проблема репродуктивного выбора изучается только применительно к индивиду. Ограниченные исследования и данные о семейных парах доказывают чрезвычайно важное значение совместного решения о рождении ребенка. Третья проблема заключается в ограниченном знании о важности факторов мезоуровня. Здесь теория развита больше, чем реальные инструменты, такие как сбор количественных данных об имеющихся родственниках и/или сетевой подход, к которому мы обращались ранее. Многообещающим выглядит использование инновационных аналитических техник, таких как агентное моделирование. Недавние инновационные проекты (например, лонгитюдное исследование здоровья подростков и взрослых - Add Health study - в США или

Панельное исследование родственных отношений в Нидерландах - Netherlands Kinship Panel Study) также дают представление о будущих направлениях исследований.

Наконец, перспективными научно-исследовательскими направлениями представляются те, в которых акцент делается на взаимодействии факторов разного аналитического уровня. Как уже упоминалось в разделах о политике и социальных режимах, исследования, использующие сравнительный межстрановой подход к изучению жизненных циклов, часто рассматривают национально-специфичные институты как зависящие от пути структуры, которые формируют индивидуальные характеристики на микроуровне, способствуя или препятствуя возможности иметь детей или иметь их в определенный период жизни (во время обучения или без прекращения работы). Национальные социальные институты или действующие силы, такие как системы занятости и образования, режимы социальной защиты, социальная политика, семья и гендерные системы, исторически обусловлены, специфичны для стран и определяют степень, с которой воздействуют на людей изменения на макроуровне [Mauger 2004]. Микроуровневые факторы, такие как брачно-партнерский статус, могут взаимодействовать с макроуровневыми институтами и культурой. Одним из примеров является разница между сожительством и браком как детерминантами деторождения. Баизан и соавторы [Baizán et al. 2004] нашли, что в Швеции, в отличие от Западной Германии, эта разница практически не заметна. Сравнивая когорты 1958 и 1970 г. рождения в Великобритании, Стил и соавторы [Steele et al. 2006] показали, что связь между сожительством и рождением детей исторически усилилась из-за изменения культурных факторов. Женщины могут принять решение отложить рождение ребенка, чтобы избежать брака, особенно в обществах, где менее развито гендерное равенство (например, в Японии), потому что они не хотят быть принужденными к материнству и прекращению работы [Rindfuss et al. 2004].

Ранее в этом обзоре мы уже упоминали исследования, которые применяя межстрановой подход, показали, как силы и ограничения, действующие на макроуровне, могут повлиять на микроуровневую динамику. Кальвий [Kalwij 2010], Бегалл и Миллс [Begall, Mills 2011], например, показывают, как разные режимы социальной защиты и семейная политика могут способствовать или препятствовать достижению баланса между семьей и работой на индивидуальном уровне.

Гендерная теория Макдональда [McDonald 2000a, b] и связанные с ней подходы [Chesnais 1996; Esping-Andersen 1999, 2009] являются наиболее подходящими примерами анализа взаимодействия между факторами на микроуровне (положение в занятии и гендерное равенство в семье) и факторами макроуровня (режимом социальной защиты в государстве) [Cooke, Baxter 2010]. Макдональд утверждает, что очень низкая рождаемость имеет место там, где и когда высокий уровень гендерного равенства в индивидуально-ориентированных институтах, таких как образование и рынок труда, сочетается с низким уровнем гендерного равенства в семье и семейно-ориентированных институтах. Иными словами, если возможности женщин в системе образования и на рынке труда близки к тем, которыми обладают мужчины, но использование этих возможностей женщинами сильно ограничено из-за наличия детей, поскольку они не могут совмещать работу и материнство, то в среднем женщины будут стремиться к ограничению числа детей. Хотя эта теория часто

используется в объяснении низкой рождаемости, эмпирических доказательств по-прежнему не хватает [Mills 2010].

Другой пример мезо- и макровзаимодействия – исследование Бальбо и Миллс [Balbo, Mills 2011], показавшее, что общественное давление и социальный капитал в значительной степени фильтруются на институциональном уровне. Они оказывают более сильное влияние на индивидуальные намерения иметь еще одного ребенка в фамилистических странах, где обязанности по уходу за детьми возлагаются на семью и поощряется модель мужчины-кормильца.

БЛАГОДАРНОСТИ

Комментарии и замечания многих людей при подготовке этой рукописи способствовали ее улучшению. Авторы хотели бы поблагодарить членов исследовательской группы из Университета Гронингена «Социальное неравенство и жизненный курс», а также Гвидо Альфани, Джанпьеро Далла Зуанна, Фрэнка Ф. Фюрстенберга и Росса Макмиллана. Исследование Франческо С. Биллари было поддержано грантом Министерства образования, университетов и научных исследований Италии (PRIN 2009). Исследование Мелинды Миллс поддерживается грантом Нидерландского научного фонда (VIDI Grant 452-10-012). Авторы также благодарны за ценные советы анонимному рецензенту и редактору *European Journal of Population*.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Эта статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution, которая разрешает ее использование, распространение и воспроизведение любым способом, при условии указания автора (авторов) и источника.

ЛИТЕРАТУРА

- Aassve A., F.C. Billari, Z. Spéder (2006). Societal transition, policy changes and family formation: evidence from Hungary // *European journal of population*. 22(2): 127–152.
- Aassve A., F.C. Billari, R. Piccarreta (2007). Strings of adulthood: a sequence analysis of young British women's work–family trajectories // *European journal of population*. 23(3–4): 369–388.
- Aassve A., A. Goisis, M. Sironi (2011). Happiness and childbearing across Europe // *Social indicators research*: 1–22.
- Adserà A. (2004). Changing fertility rates in developed countries. The impact of labor market institutions // *Journal of population economics*. 17: 17–43.
- Adserà A. (2010). Where are the babies? Labor market conditions and fertility in Europe // *European journal of population*. 27(1): 1–32.
- Adserà A. (2011). The interplay of economic uncertainty and education in explaining second births in Europe // *Demographic research*. 25(16): 513–544.

- Agrillo C., C. Nelini (2008). Childfree by choice: a review // *Journal of cultural geography*. 25: 347–363.
- Ahn N., P. Mira (2002). A note on the changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries // *Journal of population economics*. 15: 667–682.
- Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational behavior and human decision processes*. 50(2): 179–211.
- Amuedo-Dorantes C., J. Kimmel (2005). The motherhood wage gap for women in the United States: the importance of college and fertility delay // *Review of economics of the household*. 3: 17–48.
- Andersson G., K. Hank, M. Rønsen, A. Vikat (2006a). Gendering family composition: sex preferences for children and childbearing behavior in the Nordic countries // *Demography*. 43(2): 255–267.
- Andersson G., J.M. Hoem, A.Z. Duvander (2006b). Social differentials in speed-premium effects in childbearing in Sweden // *Demographic research*. 14(4): 51–70.
- Anderton D.L., N.O. Tsuya, L.L. Bean, G.P. Mineau (1987). Intergenerational transmission of relative fertility and life course pattern // *Demography*. 24: 467–480.
- Aparicio Diaz B., T. Fent, A. Prskawetz, L. Bernardi (2011). Transition to parenthood: the role of social interaction and endogenous networks // *Demography*. 48(2): 559–579.
- Astone N.M., C.A. Nathanson, R. Schoen, Y.J. Kim (1999). Family demography, social theory, and investment in social capital // *Population and development review*. 25(1): 1–31.
- Axinn W.G., M.E. Clarkberg, A. Thornton (1994). Family influences on family size preferences // *Demography*. 31: 65–79.
- Bailey M.J. (2010). Momma's got the pill. How Anthony Comstock and Griswold v. Connecticut shaped US childbearing // *American economic review*. 100(1): 98–129.
- Baizán P., A. Aassve, F.C. Billari (2003). Cohabitation, marriage, and first birth: the interrelationship of family formation events in Spain // *European journal of population*. 19(2): 147–169.
- Baizán P., A. Aassve, F.C. Billari (2004). The interrelations between cohabitation, marriage and first birth in Germany and Sweden // *Population and environment*. 25(6): 531–561.
- Balbo N., M. Mills (2011). Social capital and pressure in fertility decision-making: second and third births in France, Germany and Bulgaria // *Population studies*. 65(3): 335–351.
- Barber J.S. (2000). Intergenerational influences on the entry into parenthood: Mothers' preferences for family and non-family behavior // *Social forces*. 79: 319–348.
- Barber J.S. (2001). The intergenerational transmission of age at first birth among married and unmarried men and women // *Social science research*. 30: 219–247.
- Becker G.S. (1960). An economic analysis of fertility // *Demographic and economic change in developed countries* / G.S. Becker, ed. Princeton: Princeton university press: 209–231.
- Becker G.S., H.G. Lewis (1973). On the interaction between the quantity and quality of children // *Journal of political economy*. 81(2): 279–288.
- Becker G.S., K.M. Murphy, R. Tamura (1990). Human capital, fertility, and economic growth // *Journal of political economy*. 98(5): 12–37.

- Begall K., M. Mills (2011). The impact of perceived work control, job strain and work–family conflict on fertility intentions: a European comparison // *European journal of population*. 27(4): 433–456.
- Begall K., M.C. Mills (2012). The influence of educational field, occupation, and occupational sex segregation on fertility in the Netherlands // *European sociological review*. doi:10.1093/esr/jcs051.
- Behrman J.R., M.R. Rosenzweig (2002). Does increasing women’s schooling raise the schooling of the next generation? // *American economic review*. 92(1): 323–334.
- Benjamin K. (2001). Men, women, and low fertility: analysis across time and country. Unpublished working paper: University of North Carolina.
- Berent J. (1953). Relationship between family sizes of the successive generations // *Milbank memorial fund quarterly bulletin*. 31: 39–50.
- Bernardi L. (2003). Channels of social influence on reproduction // *Population research and policy review*. 22: 527–555.
- Bernardi L., R. White (2009). Close kin influences on fertility behaviour // *Family, kinship and state in contemporary Europe* / P. Heady, M. Kohli, eds. *Perspectives on theory and policy*. Vol.3. Frankfurt: Campus.
- Bernardi L., S. Keim, H. von der Lippe (2007). Social influences on fertility: a comparative mixed methods study in eastern and western Germany // *Journal of mixed methods research*. 1: 23–47.
- Bernhardt E., F. Goldscheider (2006). Gender equality, parenthood attitudes, and first births in Sweden // *Vienna yearbook of population research*, 2006: 19–39.
- Berrington A. (2004). Perpetual postponers? Women’s, men’s and couple’s fertility intentions and subsequent fertility behavior // *Population trends*. 117: 9–19.
- Billari F.C. (2001a). A log-logistic regression model for a transition rate with a starting threshold // *Population studies*. 55(1): 15–24.
- Billari F.C. (2001b). A sickle transition rate model with starting threshold // *Statistical methods and applications*. 10: 139–155.
- Billari F.C. (2004). Becoming an adult in Europe: A macro(/micro)-demographic perspective // *Demographic research*. 3(2): 13–44.
- Billari F.C. (2009). The happiness commonality: fertility decision in low-fertility settings // *How generations and gender shape demographic change* / UNECE, ed. New York/Geneva: United Nations: 7–38.
- Billari F.C., H.-P. Kohler (2004). Patterns of low and lowest-low fertility in Europe // *Population studies*. 58(2): 161–176.
- Billari F.C., H.-P. Kohler, G. Andersson, H. Lundström (2007). Approaching the limit: long-term trends in late and very late fertility // *Population and development review*. 33: 149–170.
- Billari F.C., D. Philipov (2004). Education and the transition to motherhood: a comparative analysis of Western Europe // *European demographic research paper*. 3. Vienna Institute of demography.
- Billari F.C., D. Philipov, M. Testa (2009). Attitudes, norms and perceived behavioural control: explaining fertility intentions in Bulgaria // *European journal of population*. 25(4): 439–465.

- Billari F.C., A. Goisis, A.C. Liefbroer, R.A. Settersten, A. Aassve, G. Hagestad et al. (2011). Social age deadlines for the childbearing of women and men // *Human reproduction*. 26(3): 616–622.
- Billingsley S. (2010). The post-communist fertility puzzle // *Population research and policy review*. 29(2): 193–231.
- Blossfeld H.-P., S. Drobnic (2001). *Careers of couples in contemporary societies: a cross-national comparison of the transition from male breadwinner to dual earner families*. Oxford: Oxford university press.
- Blossfeld H.-P., J. Huinink (1991). Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation // *American journal of sociology*. 97: 143–168.
- Blossfeld H.-P., E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz (2005). *Globalisation, uncertainty, and youth in society*. London: Routledge.
- Bongaarts J. (2001). Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies // *Population and development review*. 27: 260–281.
- Bongaarts J. (2002). The end of the fertility transition in the developed world // *Population and development review*. 28(3): 419–443.
- Bongaarts J., G. Feeney (1998). On the quantum and tempo of fertility // *Population and Development Review*. 24: 271–291.
- Bongaarts J., S. Watkins (1996). Social interactions and contemporary fertility transitions // *Population and development review*. 22(4): 639–682.
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital // *Handbook of theory and research for the sociology of education* / J.G. Richardson, ed. New York: Greenwood: 241–258.
- Bramoullé Y., H. Djebbari, B. Fortin (2009). Identification of peer effects through social networks // *Journal of econometrics*. 150(1): 41–55.
- Breen R. (1997). Risk, recommodification and stratification // *Sociology*. 31(3): 473–489.
- Brien M.J., L.A. Lillard, L.J. Waite (1999). Interrelated family-building behaviors: Cohabitation, marriage, and nonmarital conception // *Demography*. 36(4): 535–551.
- Bryant J. (2007). Theories of fertility decline and the evidence from development indicators // *Population and development review*. 33: 101–127.
- Buber I., A. Prskawetz (2000). Fertility in second unions in Austria: findings from the Austrian FFS // *Demographic research*. 3(2).
- Buchmann M.C., I. Kriesi (2011). Transition to adulthood in Europe // *Annual review of sociology*. 37: 481–503.
- Bühler C., E. Fratzak (2007). Learning from others and receiving support: the impact of personal networks on fertility intentions in Poland // *European societies*. 9(3): 359–382.
- Bühler C., D. Philipov (2005). Social capital related to fertility: theoretical foundations and empirical evidence from Bulgaria // *Vienna yearbook of population research*, 2005: 53–81.
- Bumpass L., J. Sweet, A. Cherlin (1991). The role of cohabitation in declining rates of marriage // *Demography*. 53: 913–927.
- Butler D. (2004). The fertility riddle // *Nature*. 432: 38–39.

- Buttern T., W. Lutz (1990). Estimating fertility responses to policy measures in the German Democratic Republic // *Population and development review*. 16(3): 539–555.
- Butz W.P., M.P. Ward (1979). The emergence of countercyclical U.S. fertility // *The American economic review*. 69(3): 318–328.
- Caldwell J.C., T. Schindlmayr (2003). Explanations of the fertility crisis in modern societies: a search for commonalities // *Population studies*. 57(3): 241–263.
- Caltabiano M. (2008). Has the fertility decline come to an end in the different regions of Italy? New insights from a cohort approach // *Population*. 63(1): 157–172.
- Castles F.G., M. Ferrera (1996). Home ownership and the welfare state: is Southern Europe different? // *South European society & politics*. 1(2): 163–185.
- Chesnais J.-C. (1996). Fertility, family, and social policy // *Population and development review*. 22(4): 729–739.
- Christakis N.A., J.H. Fowler (2007). The spread of obesity in a large social network over 32 years // *New England journal of medicine*. 357(4): 370–379.
- Cigno A., J. Ermisch (1989). A microeconomic analysis of the timing of first births // *European economic review*. 33: 737–760.
- Cigno A., F.C. Rosati (1992). The effects of financial markets and social security on saving and fertility behaviour in Italy // *Journal of population economics*. 5(4): 319–341.
- Cohen S.B., J.A. Sweet (1974). The impact of marital disruption and remarriage on fertility // *Journal of marriage and family*. 36: 87–96.
- Cohen-Cole E., J.M. Fletcher (2008). Is obesity contagious? Social networks vs. environmental factors in the obesity epidemic // *Journal of health economics*. 27(5): 1382–1387.
- Coleman J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*. 94 (Supp): 95–120.
- Cooke L.P. (2009). Gender equity and fertility in Italy and Spain // *Journal of social policy*. 38(1): 123–140.
- Cooke L.P., J. Baxter (2010). “Families” in international context: comparing institutional effects across western societies // *Journal of marriage and family*. 72(3): 516–536.
- Corijn M., E. Klijzing (2001). *Transitions to adulthood in Europe*. Dordrecht: Kluwer.
- Corijn M., A.C. Liefbroer, J. De Jong Gierveld (1996). It takes two to tango, doesn't it? The influence of couple characteristics on the timing of the birth of the first child // *Journal of marriage and family*. 58: 117–126.
- Dalla Zuanna G. (2001). The banquet of Aeolus: a familistic interpretation of Italy's lowest low fertility // *Demographic research*. 4(5): 133–162.
- De Mouzon J., V. Goossens, S. Bhattacharya et al. (2010). Assisted reproductive technology in Europe, 2006: results generated from European registers by ESHRE // *Human reproduction*. 25: 1851–1862.
- Del Boca D. (2002). The effect of child care on participation and fertility // *Journal of population economics*. 15(3): 549–573.
- Dommermuth L., J.E. Klobas, T. Lappegård (2009). Now or later? The theory of planned behavior and fertility intentions. Dondena working paper. Milan: Carlo F. Dondena Centre for research on social dynamics.

- Duncan O.D., R. Freedman, J.M. Coble, D.P. Slesinger (1965). Marital fertility and size of family of orientation // *Demography*. 2: 508–515.
- Easterlin R.A. (1961). The American baby boom in historical perspective // *American economic review*. 51: 869–911.
- Easterlin R.A. (1968). Population, labor force, and long swings in economic growth: the American experience. New York: Columbia university press.
- Easterlin R.A. (1969). Towards a socioeconomic theory of fertility: a survey of recent research on economic factors in American fertility // *Fertility and family planning: a world view* / S.J. Behrman, L. Corsa Jr., R. Freedman, eds. Ann Arbor: University of Michigan press: 127–156.
- Easterlin R.A. (1976). The conflict between aspirations and resources // *Population and development review*. 2(3): 417–425.
- Entwisle B., R.R. Rindfuss, D.K. Guilkey, A. Chamrathirong, S.R. Curran, Y. Sawangdee (1996). Community and contraceptive choice in rural Thailand: A case study of Nang Rong // *Demography*. 33: 1–11.
- Ermisch J. (1999). Prices, parents, and young people's household formation // *Journal of urban economics*. 45(1): 47–71.
- Esping-Andersen G. (1990). The three worlds of welfare capitalism. Oxford: Polity press.
- Esping-Andersen G. (1999). Social foundations of postindustrial economies. Oxford: Oxford university press.
- Esping-Andersen G. (2009). The incomplete revolution: adapting welfare states to women's new roles. Cambridge: Polity press.
- Fernández R., A. Fogli (2006). Fertility: The role of culture and family experience // *Journal of the European economic association*. 4(2–3): 552–561.
- Fernández R., A. Fogli. (2009). Culture: an empirical investigation of beliefs, work, and fertility // *American economic journal: Macroeconomics*. 1(1): 146–177.
- Feyrer J., B. Sacerdote, A. Stern (2008). Will the stork return to Europe? Understanding fertility within developed nations // *Journal of economic perspectives*. Summer. 22(3): 3–22.
- Flap H., B. Voßlker (2004). Creation and returns of social capital: a new research program. London: Routledge.
- Fletcher J.M. (2011). Peer influences on adolescent alcohol consumption: evidence using an instrumental variables/fixed effect approach // *Journal of population economics*. doi:10.1007/s00148-011-0365-9.
- Fokkema T., H. de Valk, J. de Beer, C. van Duin (2008). The Netherlands: childbearing within the context of a “Poldermodel” society // *Demographic research*. 19(21): 743–794.
- Frejka T. (2008). Birth regulation in Europe. Completing the contraceptive revolution // *Demographic research*. 19: 73–84.
- Frejka T., G.W. Jones, J.-P. Sardon (2010). East Asian childbearing patterns and policy developments // *Population and development review*. 36: 579–606.
- Friedman D., M. Hechter, S. Kanazawa (1994). A theory of the value of children // *Demography*. 31: 375–401.
- Furstenberg F.F.Jr, J.A. Levine, J. Brooks-Gunn (1990). The children of teenage mothers: patterns of early childbearing in two generations // *Family planning perspectives*. 22: 54–61.

- Galasso V., R. Gatti, P. Profeta (2009). Investing for the old age: pensions, children and savings // *International tax and public finance*. 16(4): 538–559.
- Gauthier A. (2007). The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // *Population research and policy review*. 26: 323–346.
- Gauthier A., J. Hatzius (1997). Family benefits and fertility: an econometric analysis // *Population studies*. 51: 295–306.
- Gibson-Davis C.M., K. Edin, S. McLanahan (2005). High hopes but even higher expectations: the retreat from marriage among low-income couples // *Journal of marriage and family*. 67: 1301–1312.
- Goldin C. (2006). The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family // *American economic review*. 96(2): 1–21.
- Goldscheider F.K., L.J. Waite (1986). Sex differences in the entry into marriage // *American journal of sociology*. 92: 91–109.
- Goldstein J., W. Lutz, M.R. Testa (2003). The emergence of sub-replacement family size ideals in Europe // *Population research and policy review*. 22(5): 479–496.
- Goldstein J.R., T. Sobotka, A. Jasilioniene (2009). The end of lowest-low fertility? // *Population and development review*. 35(4): 663–700.
- Granovetter M. (1973). The strength of weak ties // *American journal of sociology*. 78(6): 1360–1380.
- Gustafsson S.S. (2001). Optimal age at motherhood. Theoretical and empirical considerations on postponement of maternity in Europe // *Journal of population economics*. 14(2): 225–247.
- Gustafsson S.S. (2005). Having kids later. Economic analyses for industrialized countries // *Review of economics of the household*. 3(1): 5–16.
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective // *Population in history* / D.S. Glass, D.E.C. Eversley, eds. London: Edward Arnold: 101–143.
- Hakim C. (2003). A new approach to explaining fertility patterns: Preference theory // *Population and development review*. 29(3): 349–374.
- Hank K. (2001). Regional fertility differences in western Germany: an overview of the literature and recent descriptive findings // *International journal of population geography*. 7(4): 243–257.
- Hank K. (2002). Regional social contexts and individual fertility decisions: a multilevel analysis of first and second births in western Germany // *European journal of population*. 18(3): 281–299.
- Hank K., H.-P. Kohler (2000). Gender preferences for children in Europe: empirical results from 17 FFS countries // *Demographic research*. 2(1): 133–144.
- Hank K., M. Kreyenfeld (2003). A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in western Germany // *Journal of marriage and family*. 65(3): 584–596.
- Happel S.K., J.K. Hill, S.A. Low (1984). An economic analysis of the timing of childbirth // *Population studies*. 38: 299–311.
- Harknett K.S., C.S. Hartnett (2011). Who lacks support and why? An examination of mothers' personal safety nets // *Journal of marriage and family*. 73(4): 861–875.
- Harknett K., J. Knab (2007). More kin, less support: Multipartnered fertility and perceived support among mothers // *Journal of marriage and family*. 69(1): 237–253.

- Harknett K., L. Hardman, I. Garfinkel, S.S. McLanahan (2001). The fragile families study: social policies and labor markets in seven cities // *Children and youth services review*. 23(6-7): 537-555.
- Heaton T.B., C.K. Jacobson, K. Holland (1999). Persistence and change in decisions to remain childless // *Journal of marriage and family*. 61(2): 531-539.
- Hendershot G.E. (1969). Familial satisfaction, birth order, and fertility values // *Journal of marriage and family*. 31: 27-33.
- Hensvik L., P. Nilsson (2010). Business, buddies and babies. IFAU Working paper.
- Heuveline P., J.M. Timberlake (2004). The role of cohabitation in family formation: the United States in comparative perspective // *Journal of marriage and family*. 66: 1214-1230.
- Hirschman C. (1994). Why fertility changes // *Annual review of sociology*. 20: 203-233.
- Hobcraft J., K. Kiernan (1995). Becoming a parent in Europe. Vol. 1 // *European population conference / EAPS-IUSSP*, ed. Milan: Franco Angeli: 27-65.
- Hoem J.M. (1986). The impact of education on modern family-union initiation // *European journal of population*. 2: 113-133.
- Hoem J.M. (2005). Why does Sweden have such high fertility? // *Demographic research*. 13(22): 559-572.
- Hoem J.M. (2008). Overview chapter 8: The impact of public policies on European fertility // *Demographic research special collection*. 7(19): 249-260.
- Hoem B., J.M. Hoem (1997). Sweden's family policies and roller-coaster fertility. Jinko Mondai Kenkyu // *Journal of population problems*. 52: 1-22.
- Hoem J.M., G. Neyer, G. Andersson (2006). Educational attainment and childlessness: the relationship between educational field, educational level, and childlessness among Swedish women born in 1955-59 // *Demographic research* 14: 331-380.
- Hoffman L.W., M.L. Hoffman (1973). The value of children to parents // *Psychological perspectives on population / J.T. Fawcett*, ed. New York: Basic Books: 19-76.
- Hoffman L.W., J.D. Manis (1979). The value of children in the United States: a new approach to the study of fertility // *Journal of marriage and family*. 41(3): 583-596.
- Horwitz S.M., L.V. Klerman, H.S. Kuo, J.F. Jekel (1991). Intergenerational transmission of school-age parenthood // *Family planning perspectives*. 23(168-172): 177.
- Iacovou M., L.P. Tavares (2011). Yearning, learning, and conceding: reasons men and women change their childbearing intentions // *Population and development review*. 37(1): 89-123.
- Jansen M.D., A.C. Liefbroer (2006). Couples' attitudes, childbirth and the division of labor // *Journal of family issues*. 27: 1487-1511.
- Jefferies J., A. Berrington, I. Diamond (2000). Childbearing following marital dissolution in Britain // *European journal of population*. 16: 193-210.
- Johnson, N. E., & Stokes, C. S. (1976). Family size in successive generations: the effects of birth order, international change in lifestyle, and familial satisfaction // *Demography*. 13: 175-187.
- Jokela M., M. Kivimäki, M. Elovainio, L. Keltikangas-Järvinen (2009). Personality and having children: a two-way relationship // *Journal of personality and social psychology*. 96(1): 218-230.

- Jones L.E., A. Schoonbroodt, M. Tertilt (2011). Fertility theories. Can they explain the negative fertility-income relationship? // *Demography & the economy* / J.B. Shoven, ed. Chicago: University of Chicago Press: 43–100.
- Joshi H. (2002). Production, reproduction and education: women, children and work in a British perspective // *Population and development review*. 28: 445–474.
- Kahn J.R., K.E. Anderson (1992). Intergenerational patterns of teenage fertility // *Demography*. 29: 39–57.
- Kalwij A. (2010). The impact of family policy expenditure on fertility in western Europe // *Demography*. 47(2): 503–519.
- Keim S., A. Klärner, L. Bernardi (2009). Qualifying social influence on fertility intentions: composition, structure, and meaning of fertility-relevant social networks // *Current sociology*. 57(6): 1–20.
- Kertzer D.I., M.J. White, L. Bernardi, G. Gabrielli (2009). Italy's path to very low fertility: the adequacy of economic and second demographic transition theories // *European journal of population*. 25(1): 89–115.
- Kneale D., H. Joshi (2008). Postponement and childlessness: evidence from two British cohorts // *Demographic research*. 19: 1935–1968.
- Kögel T. (2004). Did the association between fertility and female employment within OECD countries really change its sign? // *Journal of population economics*. 17(45): 65.
- Kohler H.-P. (1997). Learning in social networks and contraceptive choice // *Demography*. 34: 369–383.
- Kohler H.-P. (2001). *Fertility and social interaction. An economic perspective*. Oxford: Oxford university press.
- Kohler H.-P., I. Kohler (2002). Fertility decline in Russia in the early and mid 1990s: the role of economic uncertainty and labour market crises // *European journal of population*. 18(3): 233–262.
- Kohler H.P., J.L. Rodgers (2003). Education, fertility, and heritability: explaining a paradox // *Offspring: Fertility behavior in biodemographic perspective* / K.W. Wachter, R.A. Bulatao, eds. Washington, DC: National Academies press: 46–90.
- Kohler H.P., J.L. Rodgers, K. Christensen (1999). Is fertility behavior in our genes? Findings from a danish twin study // *Population and development review*. 25: 253–288.
- Kohler H.-P., J.R. Behrman, S.C. Watkins (2001). The density of social networks and fertility decisions: evidence from South Nyanza District, Kenya // *Demography*. 38(1): 43–58.
- Kohler H.P., F.C. Billari, J.A. Ortega (2002a). The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s // *Population and development review*. 28: 641–681.
- Kohler H.-P., J.L. Rodgers, K. Christensen (2002b). Between nurture and nature: the shifting determinants of female fertility in Danish twin cohorts 1870–1968 // *Social biology*. 49: 218–248.
- Kohler H.-P., J.R. Behrman, A. Skytthe (2005). Partner ? children = happiness? The effects of partnerships and fertility on well-being // *Population and development review*. 31(3): 407–445.

- Kravdal Ø. (1992). The emergence of a positive relation between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States // *Population studies*. 46(3): 459–475.
- Kravdal Ø. (1994). The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of first birth in Norway // *Population studies*. 48: 249–267.
- Kravdal Ø. (1996). How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: a parity-specific approach // *Population research and policy review*. 15(3): 201–218.
- Kravdal Ø., R.R. Rindfuss (2008). Changing relationships between education and fertility: a study of women and men born 1940 to 1964 // *American sociological review*. 73: 854–873.
- Kreyenfeld M. (2010). Uncertainties in female employment careers and the postponement of parenthood in Germany // *European sociological review*. 26(3): 351–366.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypotheses re-examined // *European journal of population*. 21(1): 51–87.
- Kulu, H. (2011). Why do fertility levels vary between urban and rural areas? // *Regional studies*. 1–17.
- Kulu H., P.J. Boyle (2009). High fertility in city suburbs: compositional or contextual effects? // *European journal of population*. 25(2): 157–174.
- Kulu H., A. Vikat (2007). Fertility differences by housing type: the effect of housing conditions or of selective moves? // *Demographic research*. 17(26): 775–802.
- Kulu H., P. Boyle, G. Andersson (2009). High suburban fertility: evidence from four Northern European countries // *Demographic research*. 21(31): 915–944.
- Kuziemko I. (2006). Is having babies contagious? Fertility peer effects between adult siblings. Princeton university (working paper).
- Lappégard T. (2002). Education attainment and fertility pattern among Norwegian women. Documents 2002/18. Department of social statistics, Statistics Norway, Oslo.
- Lappégard T., M. Rønsen (2005). The multifaceted impact of education on entry into motherhood // *European journal of population*. 21: 31–49.
- Le Goff J.-M. (2002). Cohabiting unions in France and in West Germany. Transitions to first birth and first marriage // *Demographic research*. 7(18): 594–624.
- Lee R., A. Mason (2010). Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition // *European journal of population*. 26(2): 159–182.
- Leridon H. (2008). A new estimate of permanent sterility by age: Sterility defined as the inability to conceive // *Population studies*. 62(1): 15–24.
- Lesthaeghe R. (1983). A century of demographic and cultural change in Western Europe: an exploration of underlying dimensions // *Population and development review*. 9(3): 411–435.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // *Population and development review*. 36(2): 211–251.
- Lesthaeghe R., D. van de Kaa (1986). Twee demografische transitie's? (Two demographic transitions?) // *Bevolking—Groei en krimp, mens en maatschappij* / Lesthaeghe, van de Kaa, eds. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9–24.
- Liefbroer A.C. (2005). The impact of perceived costs and rewards of childbearing on entry into parenthood: evidence from a panel study // *European journal of population*. 21(4): 367–391.

- Liefbroer A.C. (2009). Changes in family size intentions across young adulthood: a life-course perspective // *European journal of population*. 25(4): 363–386.
- Liefbroer A.C., F.C. Billari (2010). Bringing norms back in: a theoretical and empirical discussion of their importance for understanding demographic behavior // *Population, space and place*. 16(4): 287–305.
- Lillard L.A., J.L. Waite (1993). A joint model of marital childbearing and marital disruption // *Demography*. 30: 653–681.
- Lin N., K.S. Cook, R.S. Burt. (2001). *Social capital: Theory and research*. New Brunswick: Aldine Transaction.
- Livi-Bacci M. (2001). Too few children and too much family // *Daedalus*. 130: 139–156.
- Lutz W., B.C. O'Neill, S. Scherbov (2003). Europe's population at a turning point // *Science*. 299: 1991–1992.
- Lyngstad T.H., A. Prskawetz (2010). Do siblings' fertility decisions influence each other? // *Demography*. 47(4): 923–934.
- Macunovich D.J. (1996). Relative income and price of time: exploring their effects on US fertility and female labor force participation // *Population and development review*. 22: 223–257.
- Mandemakers J.J., P.A. Dykstra (2008). Discrepancies in parent's and adult child's reports of support and contact // *Journal of marriage and family*. 70(2): 495–506.
- Manlove J. (1997). Early motherhood in an intergenerational perspective: the experiences of a British cohort // *Journal of marriage and family*. 59: 263–297.
- Manski C.F. (1993). Identification of endogenous social effects: the reflection problem // *The review of economic studies*. 60(3): 531–542.
- Manski C.F. (1995). *Identification problems in social sciences*. New York: Harvard university press.
- Manski C.F., J. Mayshar (2003). Private incentives and social interactions: Fertility puzzles in Israel // *Journal of the European economic association*. 1(1): 181–211.
- Manuelli R.E., A. Seshadri (2009). Explaining international fertility differences // *Quarterly journal of economics*. 124(2): 771–807.
- Margolis R., M. Myrskylä (2011). A global perspective on happiness and fertility // *Population and development review*. 37(1): 29–56.
- Martin S.P. (2000). Diverging fertility among U.S. women who delay childbearing past age 30 // *Demography*. 37: 523–533.
- Martin J. (2004). The ultimate vote of confidence': Fertility rates and economic conditions in Australia, 1976–2000 // *Australian social policy 2002–2003*. Canberra: Commonwealth of Australia: 31–54.
- Martin-Garcia T., P. Baizan (2006). The impact of type of education and of educational enrolment on first births // *European sociological review*. 22: 259–275.
- Matthews B. (1999). The gender system and fertility: An exploration of the hidden links // *Canadian studies in population*. 26(1): 21–38.
- Mayer K.U. (2004). Whose lives? How history, societies, and institutions define and shape life courses // *Research in human development*. 1(3): 161–187.

- McCrary J., H. Royer (2011). The effect of female education on fertility and infant health: evidence from school entry policies using exact date of birth // *American economic review*. 101(1): 158–195.
- McDonald P. (2000a). Gender equity in theories of fertility transition // *Population and development review*. 26(3): 427–439.
- McDonald P. (2000b). Gender equality, social institutions and the future of fertility // *Journal of population research*. 17: 1–16.
- McDonald P., R. Kippen (2009). Fertility in South Australia: an overview of trends and socioeconomic differences, 2009. Report to the Department of trade and economic development. Adelaide: Government of South Australia.
- McLanahan S., J. Adams (1987). Parenthood and psychological well-being // *Annual review of sociology*. 13: 237–257.
- Mencarini L., M.L. Tanturri (2006). High fertility or childlessness: micro-level determinants of reproductive behaviour in Italy // *Population*. 61(4): 389–416.
- Meron M., I. Widmer (2002). Unemployment leads women to postpone the birth of their first child // *Population*. 57(2): 301–330.
- Michael R.T., N.B. Tuma (1985). Entry into marriage and parenthood by young men and women: the influence of family background // *Demography*. 22: 515–544.
- Micheli G.A. (2000). Kinship, family and social network: the anthropological embedment of fertility change in Southern Europe // *Demographic research*. 3(13).
- Miller A.R. (2010). The effect of motherhood timing on career path // *Journal of population economics*. 24(3): 1071–1100.
- Miller W.B. (2011). Comparing the TPB and the T-D-I-B framework // *Vienna yearbook of population research*. 9(1): 19–29.
- Miller W.B., D.J. Pasta (1994). The psychology of child timing: a measurement instrument and a model // *Journal of applied social psychology*. 24: 218–250.
- Miller Torr B.M., S.E. Short (2004). Second births and the second shift: a research note on gender equity and fertility // *Population and development review*. 30: 109–130.
- Milligan K. (2005). Subsidizing the stork: new evidence on tax incentives and fertility // *Review of economics and statistics*. 87(3): 539–555.
- Mills M. (2004). Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands and the Russian Federation // *European journal of population*. 20: 141–175.
- Mills M. (2010). Gender roles, gender (in)equality and fertility: an empirical test of five gender equity indices // *Canadian population studies*. 37(3/4): 445–474.
- Mills M., K. Begall (2010). The impact of gender preferences on third Births in Europe: a multilevel examination of men and women // *Population studies*. 64(1): 77–95.
- Mills M., H.-P. Blossfeld (2005). Globalization, uncertainty and the early life course: a theoretical framework // *Globalization, uncertainty and youth in society*/ H.-P. Blossfeld, E. Klijsing, M. Mills, K. Kurz, eds. London/New York: Routledge advances in sociology serie: 1–24.
- Mills M., L. Mencarini, M.L. Tanturri, K. Begall (2008). Gender equity and fertility intentions in Italy and the Netherlands // *Demographic research*. 18(1): 1–26.

- Mills M., R.R. Rindfuss, P. McDonald, E. te Velde (2011). Why do people postpone parenthood? Reasons and social policy incentives // *Human reproduction update*. 17(6): 848–860.
- Mishra V., I. Nielsen, R. Smyth (2010). On the relationship between female labour force participation and fertility in G7 countries: evidence from panel cointegration and Granger causality // *Empirical economics*. 38(2): 361–372.
- Montgomery M.R., J.B. Casterline (1996). Social influence, social learning, and new models of fertility // *Fertility in the United States: new patterns, new theories* / J. Casterline, R. Lee, K. Foote, eds.: 87–99.
- Morgan S.P., C.A. Bachrach (2011). Is the theory of planned behaviour an appropriate model for human fertility? // *Vienna yearbook of population research*. 9(1): 11–18.
- Morgan S.P., H. Rackin (2010). The correspondence between fertility intentions and behavior in the United States // *Population and development review*. 36(1): 91–118.
- Morgan S.P., M.G. Taylor (2006). Low fertility at the turn of the twenty-first century // *Annual review of sociology*. 32: 375–399.
- Murphy M. (1993). The contraceptive pill and women's employment as factors in fertility change in Britain 1963–1980: a challenge to the conventional view // *Population studies*. 47(2): 221–243.
- Murphy M., D. Wang (2001). Family-level continuities in childbearing in low-fertility societies // *European journal of population*. 17: 75–96.
- Myers S.M. (1997). Marital uncertainty and childbearing // *Social forces*. 75: 1271–1289.
- Myrskylä M., H.-P. Kohler, F.C. Billari (2009). Advances in development reverse fertility declines // *Nature*. 460(7256): 741–743.
- Nauck B. (2007). Value of children and the framing of fertility: results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies // *European sociological review*. 23(5): 615–629.
- Neels K. (2010). Temporal variation in unemployment rates and their association with tempo and quantum of fertility: some evidence for Belgium, France and the Netherlands. Paper presented at the Annual meeting of the Population association of America, Dallas, 17 April.
- Neyer G. (2003). Family policies and low fertility in Western Europe. Rostock: Max Planck Institute for demographic research (MPIDR Working paper).
- Neyer G., G. Andersson (2008). Consequences of family policies on childbearing behavior: effects or artifacts? // *Population and development review*. 34: 699–724.
- Neyer G.R., J.M. Hoem (2008). Education and permanent childlessness: Austria vs. Sweden; a research note // *Demographic challenges for the 21st century: a state of the art in demography* / J. Surkyn, P. Deboosere, J. Van Bavel, eds. Brussels: VUBPRESS.
- Noguera C.S., K. Golsch, N. Stainhage (2003). Increasing uncertainty in the Spanish labour market and entry into parenthood // *Genus*. 58(1): 77–119.
- O'Donoghue C., D. Meredith, E. O'Shea (2011). Postponing maternity in Ireland // *Cambridge journal of economics*. 35(1): 59–84.
- OECD (2011). *Doing better for families*. OECD Publishing.
- Olah L.S. (2003). Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary // *Population research and policy review*. 22: 171–200.

- Oppenheimer V.K. (1988). A theory of marriage timing // *American journal of sociology*. 94: 563–591.
- Oppenheimer V.K. (1994). Women's rising employment and the future of the family in industrial societies // *Population and development review*. 20: 293–342.
- Oppenheimer V.K. (2003). Cohabiting and marriage during young men's career-development process // *Demography*. 40: 127–149.
- Oppenheimer V.K., M. Kalmijn, N. Lim (1997). Men's career development and marriage timing during a period of rising inequality // *Demography*. 3: 311–330.
- Örsal D.D.K., J.R. Goldstein (2010). The increasing importance of economic conditions for fertility. MPIDR Working Paper WP 2010-014. Rostock: Max Planck Institute for demographic research.
- Pampel F.C. (2001). The institutional context of population change. Chicago: The University of Chicago press.
- Pampel F.C., H.E. Peters (1995). The Easterlin effect // *Annual review of sociology*. 21: 163–194.
- Parr N. (2010). Satisfaction with life as an antecedent of fertility: partner ? happiness = children? // *Demographic research*. 22(21): 635–661.
- Pfau-Effinger B. (1999). Change of family policies in the socio-cultural context of European societies // *Family policies. Yearbook comparative social research (135–159)* / A. Leira, ed. Stamford: JAI press.
- Philipov D. (2002). Fertility in times of discontinuous societal change: the case of Central and Eastern Europe. MPIDR Working paper 2002–024. Rostock: Max Planck Institute for demographic research.
- Philipov D. (2009). Fertility intentions and outcomes: The role of policies to close the gap // *European journal of population*. 25: 355–361.
- Philipov D., Z. Speder, F.C. Billari (2006). Soon, later, or ever? The impact of anomie and social capital on fertility intentions in Bulgaria (2002) and Hungary (2001) // *Population studies*. 60(3): 289–308.
- Pouwels B.J. (2011). Work, family, and happiness: essays on interdependencies within families, life events, and time allocation decisions. PhD dissertation. Utrecht: Utrecht university.
- Prskawetz A., A. Vikat, D. Philipov, H. Engelhardt (2003). Pathways to stepfamily formation in Europe: results from the FFS // *Demographic research*. 8(5): 107–149.
- Quesnel-Vallé A., S.P. Morgan (2003). Missing the target? Correspondence of fertility intentions and behavior in the U.S. // *Population research and policy review*. 22: 497–525.
- Reher D.S. (1998). Family ties in western Europe: persistent contrasts // *Population and development review*. 24(2): 203–234.
- Rendall M.S., R.A. Bahchieva (1998). An old-age security motive for fertility in the United States? // *Population and development review*. 24(2): 293–307.
- Rijken A.J., A.C. Liefbroer (2009). The effects of relationship quality on fertility // *European journal of population*. 25: 27–44.
- Rijken A.J., E. Thomson. (2011). Partners' relationship quality and childbearing // *Social science research*. 40(2): 485–497.

- Rindfuss R., A. Vandenheuvel (1990). Cohabitation: a precursor to marriage or an alternative to being single? // *Population and development review*. 16(4): 703–726.
- Rindfuss R.R., L. Bumpass, C. St. John (1980). Education and fertility: implications for the roles women occupy // *American sociological review*. 45: 431–447.
- Rindfuss R.R., S.P. Morgan, K. Offutt (1996). Education and changing age pattern of American fertility: 1963–1989 // *Demography*. 33: 277–290.
- Rindfuss R.R., M.K. Choe, L.L. Bumpass, N.O. Tsuya (2004). Social networks and family change in Japan // *American sociological review*. 69: 838–861.
- Rindfuss R.R., D.K. Guilkey, S.P. Morgan, O. Kravdal (2010). Child-care availability and fertility in Norway // *Population and development review*. 36(4): 725–748.
- Rodgers J.L., H.P. Kohler, M. McGue, J.R. Behrman., I. Petersen, P. Bingley et al. (2008). Education and cognitive ability as direct, mediating, or spurious influences on female age at first birth: behaviour genetic models fit to Danish Twin data // *American journal of sociology*. 114(Supp): 202–232.
- Rondinelli C., A. Aassve, F.C. Billari (2010). Women’s wages and childbearing decisions: evidence from Italy // *Demographic research*. 22(19): 549–578.
- Rosen M. (2004). Fertility and public policies-evidence from Norway and Finland // *Demographic research*. 10(6): 143–170.
- Rossier C., L. Bernardi (2009). Social interaction effects on fertility: intentions and behaviors // *European journal of population*. 25: 467–485.
- Santow G., M. Bracher (2001). Deferment of the first birth and fluctuating fertility in Sweden // *European journal of population*. 17: 343–363.
- Schoen R., Y. Kim, C. Nathanson, J. Fields, N.M. Astone (1997). Why do Americans want children? // *Population and development review*. 23(2): 333–358.
- Schoen R., N.M. Astone, Y.J. Kim, C.A. Nathanson, J.M. Fields (1999). Do fertility intentions affect fertility behavior? // *Journal of marriage and family*. 61(3): 790–799.
- Settersten R.A.J., G.O. Hagestad (1996). What’s the latest? Cultural age deadlines for family transitions // *Gerontologist*. 36(2): 178–188.
- Skirbekk V. (2008). Fertility trends by social status // *Demographic research*. 18(5): 145–180.
- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. Amsterdam: Dutch university press.
- Sobotka T., F.C. Billari, H.-P. Kohler (2010). The return of late childbearing in developed countries: causes, trends and implications. Vienna: Vienna institute of demography.
- Sobotka T., V. Skirbekk, D. Philipov (2011). Economic recession and fertility in the developed world // *Population and development review*. 2: 267–306.
- Spéder Z., B. Kapita’ny (2009). How are time-dependent childbearing intentions realized? Realization, postponement, abandonment, bringing forward // *European journal of population*. 25: 503–523.
- Steele F., C. Kallis, H. Goldstein, H. Joshi (2005). The relationship between childbearing and transitions from marriage and cohabitation in Britain // *Demography*. 42(4): 647–673.
- Steele F., H. Joshi, C. Kallis, H. Goldstein (2006). Changing compatibility of cohabitation and childbearing between young British women born in 1958 and 1970 // *Population studies*. 60(2): 137–152.

- Steenhof L., A.C. Liefbroe (2008). Intergenerational transmission of age at first birth in the Netherlands for birth cohorts between 1935 and 1984: Evidence from municipal registers // *Population studies*. 62: 69–84.
- Steglich C., T.A.B. Snijders, M. Pearson (2010). Dynamic networks and behavior: separating selection from influence // *Sociological methodology*. 40: 29–393.
- Stewart S.D. (2002). The effect of stepchildren on childbearing intentions and births // *Demography*. 39(1): 181–197.
- Surkyn J., R. Lesthaeghe (2004). Value orientations and the second demographic transition (SDT) in northern, western and southern Europe: an update // *Demographic research (Special collection 3)*.
- Swartz T.T. (2009). Intergenerational family relations in adulthood: patterns, variations, and implications in the contemporary United States // *Annual review of sociology*. 35: 191–212.
- Tazi-Preve I., D. Bichlbauer, A. Goujon (2004). Gender trouble and its impact on fertility intentions // *Yearbook of population research in Finland*. 40: 5–24.
- Testa M.R. (2006). Childbearing preferences and family issues in Europe. Special Eurobarometer. 253/Wave 65.1—TNS Opinion & Social.
- Thomson E. (1997). Couple childbearing desires, intentions and births // *Demography*. 34: 343–354.
- Thomson E. (2002). Motherhood, fatherhood and family values // *Meaning and choice: value orientations and life course decisions* / R. Lesthaeghe, ed. The Hague: NIDI/CBGS Publications No. 37: 251–272.
- Thomson E., J.M. Hoem (1998). Couple childbearing plans and births in Sweden // *Demography*. 35: 315–322.
- Thomson E., E. McDonald, L.L. Bumpass (1990). Fertility desires and fertility: hers, his, and theirs // *Demography*. 27: 579–588.
- Thornton A. (1977). Children and marital stability // *Journal of marriage and family*. 39: 531–540.
- Thornton A. (1978). Marital dissolution, remarriage, and childbearing // *Demography*. 15: 361–380.
- Thornton A. (1980). The influence of first generation fertility and economic status on second generation fertility // *Population and environment*. 3: 51–72.
- Thornton A., D. Philipov (2009). Sweeping changes in marriage, cohabitation and childbearing in Central and Eastern Europe: new insights from the developmental idealism framework // *European journal of population*. 25(2): 123–156.
- Toulemon L., M.R. Testa (2005). Fertility intentions and actual fertility: a complex relationship // *Population & societies*. 415: 4.
- Van Bavel J. (2010). Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: the impact of expected earnings, gender composition and family attitudes // *Demography*. 47: 439–458.
- Van de Kaa D.J. (1997). Options and sequences: Europe's demographic patterns // *Journal of the Australian population association*. 14: 1–29.

- Van Giersbergen N.P.A., J. De Beer (1997). Geboorteontwikkeling en consumentenvertrouwen: een econometrische analyse (Birth trends and consumer confidence: An econometric analysis) // *Maandstatistiek van de Bevolking*. 1997(11): 23–27.
- Vikat A., J.M. Hoem, E. Thomson (1999). Stepfamily fertility in contemporary Sweden: the impact of childbearing before the current union // *Population studies*. 53: 211–225.
- Vikat A., Z. Spéder, G. Beets, F.C. Billari, C. Bu`hler, A. Desesquelles et al. (2007). Generations and gender survey (GGS): towards a better understanding of relationships and processes in the life course // *Demographic research*. 17: 389–439.
- Vitali A., F.C. Billari, A. Prskawetz, M.R. Testa (2009). Preference theory and low fertility: a comparative perspective // *European journal of population*. 25(4): 413–438.
- Wachter K.W., R.A. Bulatao (2003). *Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective*. National Research Council, Committee on Population, Division on Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies press.
- Waite L.J., L.A. Lillard (1991). Children and marital disruption // *American journal of sociology*. 96(4): 930–953.
- Walker J.R. (1995). The Effect of public policies on recent Swedish fertility behavior // *Journal of population economics*. 8(3): 223–251.
- Westoff C., N. Ryder (1977). The predictive validity of reproductive intentions // *Demography*. 4: 431–453.
- Whittington L.A. (1993). State income tax policy and family size: fertility and the dependent exemption // *Public finance quarterly*. 21(4): 378–398.
- Willis R.J.A. (1973). New approach to the economic theory of fertility behavior // *Journal of political economy*. 81(2): 14–64.
- Winkler-Dworak M., L. Toulemon (2007). Gender differences in the transition to adulthood in France: is there convergence over the recent period? // *European journal of population*. 23(3): 273–314.
- Wu Z. (1996). Childbearing in cohabitational relationships // *Journal of marriage and family*. 58: 281–292.
- Wu Z., C.M. Schimmele (2005). Repartnering after first union disruption // *Journal of marriage and family*. 67: 27–36.
- Zimmer B.G., J. Fulton (1980). Size of family, life chances, and reproductive behavior // *Journal of marriage and family*. 42: 657–670.

FERTILITY IN ADVANCED SOCIETIES: A REVIEW OF RESEARCH

NICOLETTA BALBO, FRANCESCO C. BILLARI, MELINDA MILLS

This paper provides a review of fertility research in advanced societies, societies in which birth control is the default option. The central aim is to provide a comprehensive review that summarizes how contemporary research has explained ongoing and expected fertility changes across time and space (i.e., cross- and within-country heterogeneity). A secondary aim is to provide an analytical synthesis of the core determinants of fertility, grouping them within the analytical level in which they operate. Determinants are positioned at the individual and/or couple level (micro-level), social relationships and social networks (meso-level); and, by cultural and institutional settings (macro-level). The focus is both on the quantum and on the tempo of fertility, with a particular focus on the postponement of childbearing. The review incorporates both theoretical and empirical contributions, with attention placed on empirically tested research and whether results support or falsify existing theoretical expectations. Attention is also devoted to causality and endogeneity issues. The paper concludes with an outline of the current challenges and opportunities for future research.

Key words: fertility tempo, postponement, fertility quantum, low fertility, determinants of fertility

---

NICOLETTA BALBO (n.f.g.balbo@rug.nl), UNIVERSITY OF GRONINGEN, THE NETHERLANDS.

FRANCESCO C. BILLARI, UNIVERSITY OF OXFORD, UK.

MELINDA MILLS, UNIVERSITY OF GRONINGEN, THE NETHERLANDS.

REFERENCES

- Aassve A., F.C. Billari, Z. Spéder (2006). Societal transition, policy changes and family formation: evidence from Hungary // *European journal of population*. 22(2): 127–152.
- Aassve A., F.C. Billari, R. Piccarreta (2007). Strings of adulthood: a sequence analysis of young British women's work–family trajectories // *European journal of population*. 23(3–4): 369–388.
- Aassve A., A. Goisis, M. Sironi (2011). Happiness and childbearing across Europe // *Social indicators research*: 1–22.
- Adserà A. (2004). Changing fertility rates in developed countries. The impact of labor market institutions // *Journal of population economics*. 17: 17–43.
- Adserà A. (2010). Where are the babies? Labor market conditions and fertility in Europe // *European journal of population*. 27(1): 1–32.
- Adserà A. (2011). The interplay of economic uncertainty and education in explaining second births in Europe // *Demographic research*. 25(16): 513–544.
- Agrillo C., C. Nelini (2008). Childfree by choice: a review // *Journal of cultural geography*. 25: 347–363.
- Ahn N., P. Mira (2002). A note on the changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries // *Journal of population economics*. 15: 667–682.
- Ajzen I. (1991). The theory of planned behavior // *Organizational behavior and human decision processes*. 50(2): 179–211.

- Amuedo-Dorantes C., J. Kimmel (2005). The motherhood wage gap for women in the United States: the importance of college and fertility delay // *Review of economics of the household*. 3: 17–48.
- Andersson G., K. Hank, M. Rønsen, A. Vikat (2006a). Gendering family composition: sex preferences for children and childbearing behavior in the Nordic countries // *Demography*. 43(2): 255–267.
- Andersson G., J.M. Hoem, A.Z. Duvander (2006b). Social differentials in speed-premium effects in childbearing in Sweden // *Demographic research*. 14(4): 51–70.
- Anderton D.L., N.O. Tsuya, L.L. Bean, G.P. Mineau (1987). Intergenerational transmission of relative fertility and life course pattern // *Demography*. 24: 467–480.
- Aparicio Diaz B., T. Fent, A. Prskawetz, L. Bernardi (2011). Transition to parenthood: the role of social interaction and endogenous networks // *Demography*. 48(2): 559–579.
- Astone N.M., C.A. Nathanson, R. Schoen, Y.J. Kim (1999). Family demography, social theory, and investment in social capital // *Population and development review*. 25(1): 1–31.
- Axinn W.G., M.E. Clarkberg, A. Thornton (1994). Family influences on family size preferences // *Demography*. 31: 65–79.
- Bailey M.J. (2010). Momma's got the pill. How Anthony Comstock and Griswold v. Connecticut shaped US childbearing // *American economic review*. 100(1): 98–129.
- Baizán P., A. Aassve, F.C. Billari (2003). Cohabitation, marriage, and first birth: the interrelationship of family formation events in Spain // *European journal of population*. 19(2): 147–169.
- Baizán P., A. Aassve, F.C. Billari (2004). The interrelations between cohabitation, marriage and first birth in Germany and Sweden // *Population and environment*. 25(6): 531–561.
- Balbo N., M. Mills (2011). Social capital and pressure in fertility decision-making: second and third births in France, Germany and Bulgaria // *Population studies*. 65(3): 335–351.
- Barber J.S. (2000). Intergenerational influences on the entry into parenthood: Mothers' preferences for family and non-family behavior // *Social forces*. 79: 319–348.
- Barber J.S. (2001). The intergenerational transmission of age at first birth among married and unmarried men and women // *Social science research*. 30: 219–247.
- Becker G.S. (1960). An economic analysis of fertility // *Demographic and economic change in developed countries* / G.S. Becker, ed. Princeton: Princeton university press: 209–231.
- Becker G.S., H.G. Lewis (1973). On the interaction between the quantity and quality of children // *Journal of political economy*. 81(2): 279–288.
- Becker G.S., K.M. Murphy, R. Tamura (1990). Human capital, fertility, and economic growth // *Journal of political economy*. 98(5): 12–37.
- Begall K., M. Mills (2011). The impact of perceived work control, job strain and work–family conflict on fertility intentions: a European comparison // *European journal of population*. 27(4): 433–456.
- Begall K., M.C. Mills (2012). The influence of educational field, occupation, and occupational sex segregation on fertility in the Netherlands // *European sociological review*. doi:10.1093/esr/jcs051.
- Behrman J.R., M.R. Rosenzweig (2002). Does increasing women's schooling raise the schooling of the next generation? // *American economic review*. 92(1): 323–334.

- Benjamin K. (2001). Men, women, and low fertility: analysis across time and country. Unpublished working paper: University of North Carolina.
- Berent J. (1953). Relationship between family sizes of the successive generations // *Milbank memorial fund quarterly bulletin*. 31: 39–50.
- Bernardi L. (2003). Channels of social influence on reproduction // *Population research and policy review*. 22: 527–555.
- Bernardi L., R. White (2009). Close kin influences on fertility behaviour // *Family, kinship and state in contemporary Europe* / P. Heady, M. Kohli, eds. *Perspectives on theory and policy*. Vol.3. Frankfurt: Campus.
- Bernardi L., S. Keim, H. von der Lippe (2007). Social influences on fertility: a comparative mixed methods study in eastern and western Germany // *Journal of mixed methods research*. 1: 23–47.
- Bernhardt E., F. Goldscheider (2006). Gender equality, parenthood attitudes, and first births in Sweden // *Vienna yearbook of population research*, 2006: 19–39.
- Berrington A. (2004). Perpetual postponers? Women's, men's and couple's fertility intentions and subsequent fertility behavior // *Population trends*. 117: 9–19.
- Billari F.C. (2001a). A log-logistic regression model for a transition rate with a starting threshold // *Population studies*. 55(1): 15–24.
- Billari F.C. (2001b). A sickle transition rate model with starting threshold // *Statistical methods and applications*. 10: 139–155.
- Billari F.C. (2004). Becoming an adult in Europe: A macro(/micro)-demographic perspective // *Demographic research*. 3(2): 13–44.
- Billari F.C. (2009). The happiness commonality: fertility decision in low-fertility settings // *How generations and gender shape demographic change* / UNECE, ed. New York/Geneva: United Nations: 7–38.
- Billari F.C., H.-P. Kohler (2004). Patterns of low and lowest-low fertility in Europe // *Population studies*. 58(2): 161–176.
- Billari F.C., H.-P. Kohler, G. Andersson, H. Lundström (2007). Approaching the limit: long-term trends in late and very late fertility // *Population and development review*. 33: 149–170.
- Billari F.C., D. Philipov (2004). Education and the transition to motherhood: a comparative analysis of Western Europe // *European demographic research paper*. 3. Vienna Institute of demography.
- Billari F.C., D. Philipov, M. Testa (2009). Attitudes, norms and perceived behavioural control: explaining fertility intentions in Bulgaria // *European journal of population*. 25(4): 439–465.
- Billari F.C., A. Goisis, A.C. Liefbroer, R.A. Settersten, A. Aassve, G. Hagestad et al. (2011). Social age deadlines for the childbearing of women and men // *Human reproduction*. 26(3): 616–622.
- Billingsley S. (2010). The post-communist fertility puzzle // *Population research and policy review*. 29(2): 193–231.
- Blossfeld H.-P., S. Drobnic (2001). *Careers of couples in contemporary societies: a cross-national comparison of the transition from male breadwinner to dual earner families*. Oxford: Oxford university press.

- Blossfeld H.-P., J. Huinink (1991). Human capital investments or norms of role transition? How women's schooling and career affect the process of family formation // *American journal of sociology*. 97: 143–168.
- Blossfeld H.-P., E. Klijzing, M. Mills, K. Kurz (2005). *Globalisation, uncertainty, and youth in society*. London: Routledge.
- Bongaarts J. (2001). Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies // *Population and development review*. 27: 260–281.
- Bongaarts J. (2002). The end of the fertility transition in the developed world // *Population and development review*. 28(3): 419–443.
- Bongaarts J., G. Feeney (1998). On the quantum and tempo of fertility // *Population and Development Review*. 24: 271–291.
- Bongaarts J., S. Watkins (1996). Social interactions and contemporary fertility transitions // *Population and development review*. 22(4): 639–682.
- Bourdieu P. (1986). The forms of capital // *Handbook of theory and research for the sociology of education* / J.G. Richardson, ed. New York: Greenwood: 241–258.
- Bramoullé Y., H. Djebbari, B. Fortin (2009). Identification of peer effects through social networks // *Journal of econometrics*. 150(1): 41–55.
- Breen R. (1997). Risk, recommodification and stratification // *Sociology*. 31(3): 473–489.
- Brien M.J., L.A. Lillard, L.J. Waite (1999). Interrelated family-building behaviors: Cohabitation, marriage, and nonmarital conception // *Demography*. 36(4): 535–551.
- Bryant J. (2007). Theories of fertility decline and the evidence from development indicators // *Population and development review*. 33: 101–127.
- Buber I., A. Prskawetz (2000). Fertility in second unions in Austria: findings from the Austrian FFS // *Demographic research*. 3(2).
- Buchmann M.C., I. Kriesi (2011). Transition to adulthood in Europe // *Annual review of sociology*. 37: 481–503.
- Bühler C., E. Fratzak (2007). Learning from others and receiving support: the impact of personal networks on fertility intentions in Poland // *European societies*. 9(3): 359–382.
- Bühler C., D. Philipov (2005). Social capital related to fertility: theoretical foundations and empirical evidence from Bulgaria // *Vienna yearbook of population research*, 2005: 53–81.
- Bumpass L., J. Sweet, A. Cherlin (1991). The role of cohabitation in declining rates of marriage // *Demography*. 53: 913–927.
- Butler D. (2004). The fertility riddle // *Nature*. 432: 38–39.
- Buttern T., W. Lutz (1990). Estimating fertility responses to policy measures in the German Democratic Republic // *Population and development review*. 16(3): 539–555.
- Butz W.P., M.P. Ward (1979). The emergence of countercyclical U.S. fertility // *The American economic review*. 69(3): 318–328.
- Caldwell J.C., T. Schindlmayr (2003). Explanations of the fertility crisis in modern societies: a search for commonalities // *Population studies*. 57(3): 241–263.
- Caltabiano M. (2008). Has the fertility decline come to an end in the different regions of Italy? New insights from a cohort approach // *Population*. 63(1): 157–172.

- Castles F.G., M. Ferrera (1996). Home ownership and the welfare state: is Southern Europe different? // *South European society & politics*. 1(2): 163–185.
- Chesnais J.-C. (1996). Fertility, family, and social policy // *Population and development review*. 22(4): 729–739.
- Christakis N.A., J.H. Fowler (2007). The spread of obesity in a large social network over 32 years // *New England journal of medicine*. 357(4): 370–379.
- Cigno A., J. Ermisch (1989). A microeconomic analysis of the timing of first births // *European economic review*. 33: 737–760.
- Cigno A., F.C. Rosati (1992). The effects of financial markets and social security on saving and fertility behaviour in Italy // *Journal of population economics*. 5(4): 319–341.
- Cohen S.B., J.A. Sweet (1974). The impact of marital disruption and remarriage on fertility // *Journal of marriage and family*. 36: 87–96.
- Cohen-Cole E., J.M. Fletcher (2008). Is obesity contagious? Social networks vs. environmental factors in the obesity epidemic // *Journal of health economics*. 27(5): 1382–1387.
- Coleman J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*. 94 (Supp): 95–120.
- Cooke L.P. (2009). Gender equity and fertility in Italy and Spain // *Journal of social policy*. 38(1): 123–140.
- Cooke L.P., J. Baxter (2010). “Families” in international context: comparing institutional effects across western societies // *Journal of marriage and family*. 72(3): 516–536.
- Corijn M., E. Klijzing (2001). *Transitions to adulthood in Europe*. Dordrecht: Kluwer.
- Corijn M., A.C. Liefbroer, J. De Jong Gierveld (1996). It takes two to tango, doesn't it? The influence of couple characteristics on the timing of the birth of the first child // *Journal of marriage and family*. 58: 117–126.
- Dalla Zuanna G. (2001). The banquet of Aeolus: a familistic interpretation of Italy's lowest low fertility // *Demographic research*. 4(5): 133–162.
- De Mouzon J., V. Goossens, S. Bhattacharya et al. (2010). Assisted reproductive technology in Europe, 2006: results generated from European registers by ESHRE // *Human reproduction*. 25: 1851–1862.
- Del Boca D. (2002). The effect of child care on participation and fertility // *Journal of population economics*. 15(3): 549–573.
- Dommermuth L., J.E. Klobas, T. Lappegård (2009). Now or later? The theory of planned behavior and fertility intentions. Dondena working paper. Milan: Carlo F. Dondena Centre for research on social dynamics.
- Duncan O.D., R. Freedman, J.M. Coble, D.P. Slesinger (1965). Marital fertility and size of family of orientation // *Demography*. 2: 508–515.
- Easterlin R.A. (1961). The American baby boom in historical perspective // *American economic review*. 51: 869–911.
- Easterlin R.A. (1968). *Population, labor force, and long swings in economic growth: the American experience*. New York: Columbia university press.
- Easterlin R.A. (1969). Towards a socioeconomic theory of fertility: a survey of recent research on economic factors in American fertility // *Fertility and family planning: a world view / S.J.*

- Behrman, L. Corsa Jr., R. Freedman, eds. Ann Arbor: University of Michigan press: 127–156.
- Easterlin R.A. (1976). The conflict between aspirations and resources // *Population and development review*. 2(3): 417–425.
- Entwisle B., R.R. Rindfuss, D.K. Guilkey, A. Chamrathirong, S.R. Curran, Y. Sawangdee (1996). Community and contraceptive choice in rural Thailand: A case study of Nang Rong // *Demography*. 33: 1–11.
- Ermisch J. (1999). Prices, parents, and young people's household formation // *Journal of urban economics*. 45(1): 47–71.
- Esping-Andersen G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Oxford: Polity press.
- Esping-Andersen G. (1999). *Social foundations of postindustrial economies*. Oxford: Oxford university press.
- Esping-Andersen G. (2009). *The incomplete revolution: adapting welfare states to women's new roles*. Cambridge: Polity press.
- Fernández R., A. Fogli (2006). Fertility: The role of culture and family experience // *Journal of the European economic association*. 4(2–3): 552–561.
- Fernández R., A. Fogli. (2009). Culture: an empirical investigation of beliefs, work, and fertility // *American economic journal: Macroeconomics*. 1(1): 146–177.
- Feyrer J., B. Sacerdote, A. Stern (2008). Will the stork return to Europe? Understanding fertility within developed nations // *Journal of economic perspectives*. Summer. 22(3): 3–22.
- Flap H., B. Voßler (2004). *Creation and returns of social capital: a new research program*. London: Routledge.
- Fletcher J.M. (2011). Peer influences on adolescent alcohol consumption: evidence using an instrumental variables/fixed effect approach // *Journal of population economics*. doi:10.1007/s00148-011-0365-9.
- Fokkema T., H. de Valk, J. de Beer, C. van Duin (2008). The Netherlands: childbearing within the context of a “Poldermodel” society // *Demographic research*. 19(21): 743–794.
- Frejka T. (2008). Birth regulation in Europe. Completing the contraceptive revolution // *Demographic research*. 19: 73–84.
- Frejka T., G.W. Jones, J.-P. Sardon (2010). East Asian childbearing patterns and policy developments // *Population and development review*. 36: 579–606.
- Friedman D., M. Hechter, S. Kanazawa (1994). A theory of the value of children // *Demography*. 31: 375–401.
- Furstenberg F.F.Jr, J.A. Levine, J. Brooks-Gunn (1990). The children of teenage mothers: patterns of early childbearing in two generations // *Family planning perspectives*. 22: 54–61.
- Galasso V., R. Gatti, P. Profeta (2009). Investing for the old age: pensions, children and savings // *International tax and public finance*. 16(4): 538–559.
- Gauthier A. (2007). The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // *Population research and policy review*. 26: 323–346.
- Gauthier A., J. Hatzius (1997). Family benefits and fertility: an econometric analysis // *Population studies*. 51: 295–306.

- Gibson-Davis C.M., K. Edin, S. McLanahan (2005). High hopes but even higher expectations: the retreat from marriage among low-income couples // *Journal of marriage and family*. 67: 1301–1312.
- Goldin C. (2006). The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family // *American economic review*. 96(2): 1–21.
- Goldscheider F.K., L.J. Waite (1986). Sex differences in the entry into marriage // *American journal of sociology*. 92: 91–109.
- Goldstein J., W. Lutz, M.R. Testa (2003). The emergence of sub-replacement family size ideals in Europe // *Population research and policy review*. 22(5): 479–496.
- Goldstein J.R., T. Sobotka, A. Jasilioniene (2009). The end of lowest-low fertility? // *Population and development review*. 35(4): 663–700.
- Granovetter M. (1973). The strength of weak ties // *American journal of sociology*. 78(6): 1360–1380.
- Gustafsson S.S. (2001). Optimal age at motherhood. Theoretical and empirical considerations on postponement of maternity in Europe // *Journal of population economics*. 14(2): 225–247.
- Gustafsson S.S. (2005). Having kids later. Economic analyses for industrialized countries // *Review of economics of the household*. 3(1): 5–16.
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective // *Population in history* / D.S. Glass, D.E.C. Eversley, eds. London: Edward Arnold: 101–143.
- Hakim C. (2003). A new approach to explaining fertility patterns: Preference theory // *Population and development review*. 29(3): 349–374.
- Hank K. (2001). Regional fertility differences in western Germany: an overview of the literature and recent descriptive findings // *International journal of population geography*. 7(4): 243–257.
- Hank K. (2002). Regional social contexts and individual fertility decisions: a multilevel analysis of first and second births in western Germany // *European journal of population*. 18(3): 281–299.
- Hank K., H.-P. Kohler (2000). Gender preferences for children in Europe: empirical results from 17 FFS countries // *Demographic research*. 2(1): 133–144.
- Hank K., M. Kreyenfeld (2003). A multilevel analysis of child care and women's fertility decisions in western Germany // *Journal of marriage and family*. 65(3): 584–596.
- Happel S.K., J.K. Hill, S.A. Low (1984). An economic analysis of the timing of childbirth // *Population studies*. 38: 299–311.
- Harknett K.S., C.S. Hartnett (2011). Who lacks support and why? An examination of mothers' personal safety nets // *Journal of marriage and family*. 73(4): 861–875.
- Harknett K., J. Knab (2007). More kin, less support: Multipartnered fertility and perceived support among mothers // *Journal of marriage and family*. 69(1): 237–253.
- Harknett K., L. Hardman, I. Garfinkel, S.S. McLanahan (2001). The fragile families study: social policies and labor markets in seven cities // *Children and youth services review*. 23(6–7): 537–555.
- Heaton T.B., C.K. Jacobson, K. Holland (1999). Persistence and change in decisions to remain childless // *Journal of marriage and family*. 61(2): 531–539.

- Hendershot G.E. (1969). Familial satisfaction, birth order, and fertility values // *Journal of marriage and family*. 31: 27–33.
- Hensvik L., P. Nilsson (2010). Business, buddies and babies. IFAU Working paper.
- Heuveline P., J.M. Timberlake (2004). The role of cohabitation in family formation: the United States in comparative perspective // *Journal of marriage and family*. 66: 1214–1230.
- Hirschman C. (1994). Why fertility changes // *Annual review of sociology*. 20: 203–233.
- Hobcraft J., K. Kiernan (1995). Becoming a parent in Europe. Vol. 1 // *European population conference / EAPS-IUSSP*, ed. Milan: Franco Angeli: 27–65.
- Hoem J.M. (1986). The impact of education on modern family-union initiation // *European journal of population*. 2: 113–133.
- Hoem J.M. (2005). Why does Sweden have such high fertility? // *Demographic research*. 13(22): 559–572.
- Hoem J.M. (2008). Overview chapter 8: The impact of public policies on European fertility // *Demographic research special collection*. 7(19): 249–260.
- Hoem B., J.M. Hoem (1997). Sweden's family policies and roller-coaster fertility. Jinko Mondai Kenkyu // *Journal of population problems*. 52: 1–22.
- Hoem J.M., G. Neyer, G. Andersson (2006). Educational attainment and childlessness: the relationship between educational field, educational level, and childlessness among Swedish women born in 1955–59 // *Demographic research* 14: 331–380.
- Hoffman L.W., M.L. Hoffman (1973). The value of children to parents // *Psychological perspectives on population / J.T. Fawcett*, ed. New York: Basic Books: 19–76.
- Hoffman L.W., J.D. Manis (1979). The value of children in the United States: a new approach to the study of fertility // *Journal of marriage and family*. 41(3): 583–596.
- Horwitz S.M., L.V. Klerman, H.S. Kuo, J.F. Jekel (1991). Intergenerational transmission of school-age parenthood // *Family planning perspectives*. 23(168–172): 177.
- Iacovou M., L.P. Tavares (2011). Yearning, learning, and conceding: reasons men and women change their childbearing intentions // *Population and development review*. 37(1): 89–123.
- Jansen M.D., A.C. Liefbroer (2006). Couples' attitudes, childbirth and the division of labor // *Journal of family issues*. 27: 1487–1511.
- Jefferies J., A. Berrington, I. Diamond (2000). Childbearing following marital dissolution in Britain // *European journal of population*. 16: 193–210.
- Johnson, N. E., & Stokes, C. S. (1976). Family size in successive generations: the effects of birth order, international change in lifestyle, and familial satisfaction // *Demography*. 13: 175–187.
- Jokela M., M. Kivimäki, M. Elovainio, L. Keltikangas-Järvinen (2009). Personality and having children: a two-way relationship // *Journal of personality and social psychology*. 96(1): 218–230.
- Jones L.E., A. Schoonbroodt, M. Tertilt (2011). Fertility theories. Can they explain the negative fertility-income relationship? // *Demography & the economy / J.B. Shoven*, ed. Chicago: University of Chicago Press: 43–100.
- Joshi H. (2002). Production, reproduction and education: women, children and work in a British perspective // *Population and development review*. 28: 445–474.

- Kahn J.R., K.E. Anderson (1992). Intergenerational patterns of teenage fertility // *Demography*. 29: 39–57.
- Kalwij A. (2010). The impact of family policy expenditure on fertility in western Europe // *Demography*. 47(2): 503–519.
- Keim S., A. Klärner, L. Bernardi (2009). Qualifying social influence on fertility intentions: composition, structure, and meaning of fertility-relevant social networks // *Current sociology*. 57(6): 1–20.
- Kertzer D.I., M.J. White, L. Bernardi, G. Gabrielli (2009). Italy's path to very low fertility: the adequacy of economic and second demographic transition theories // *European journal of population*. 25(1): 89–115.
- Kneale D., H. Joshi (2008). Postponement and childlessness: evidence from two British cohorts // *Demographic research*. 19: 1935–1968.
- Kögel T. (2004). Did the association between fertility and female employment within OECD countries really change its sign? // *Journal of population economics*. 17(45): 65.
- Kohler H.-P. (1997). Learning in social networks and contraceptive choice // *Demography*. 34: 369–383.
- Kohler H.-P. (2001). *Fertility and social interaction. An economic perspective*. Oxford: Oxford university press.
- Kohler H.-P., I. Kohler (2002). Fertility decline in Russia in the early and mid 1990s: the role of economic uncertainty and labour market crises // *European journal of population*. 18(3): 233–262.
- Kohler H.P., J.L. Rodgers (2003). Education, fertility, and heritability: explaining a paradox // *Offspring: Fertility behavior in biodemographic perspective* / K.W. Wachter, R.A. Bulatao, eds. Washington, DC: National Academies press: 46–90.
- Kohler H.P., J.L. Rodgers, K. Christensen (1999). Is fertility behavior in our genes? Findings from a danish twin study // *Population and development review*. 25: 253–288.
- Kohler H.-P., J.R. Behrman, S.C. Watkins (2001). The density of social networks and fertility decisions: evidence from South Nyanza District, Kenya // *Demography*. 38(1): 43–58.
- Kohler H.P., F.C. Billari, J.A. Ortega (2002a). The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s // *Population and development review*. 28: 641–681.
- Kohler H.-P., J.L. Rodgers, K. Christensen (2002b). Between nurture and nature: the shifting determinants of female fertility in Danish twin cohorts 1870–1968 // *Social biology*. 49: 218–248.
- Kohler H.-P., J.R. Behrman, A. Skytthe (2005). Partner ? children = happiness? The effects of partnerships and fertility on well-being // *Population and development review*. 31(3): 407–445.
- Kravdal Ø. (1992). The emergence of a positive relation between education and third birth rates in Norway with supportive evidence from the United States // *Population studies*. 46(3): 459–475.
- Kravdal Ø. (1994). The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of first birth in Norway // *Population studies*. 48: 249–267.
- Kravdal Ø. (1996). How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: a parity-specific approach // *Population research and policy review*. 15(3): 201–218.

- Kravdal Ø., R.R. Rindfuss (2008). Changing relationships between education and fertility: a study of women and men born 1940 to 1964 // *American sociological review*. 73: 854–873.
- Kreyenfeld M. (2010). Uncertainties in female employment careers and the postponement of parenthood in Germany // *European sociological review*. 26(3): 351–366.
- Kulu H. (2005). Migration and fertility: competing hypotheses re-examined // *European journal of population*. 21(1): 51–87.
- Kulu, H. (2011). Why do fertility levels vary between urban and rural areas? // *Regional studies*. 1–17.
- Kulu H., P.J. Boyle (2009). High fertility in city suburbs: compositional or contextual effects? // *European journal of population*. 25(2): 157–174.
- Kulu H., A. Vikat (2007). Fertility differences by housing type: the effect of housing conditions or of selective moves? // *Demographic research*. 17(26): 775–802.
- Kulu H., P. Boyle, G. Andersson (2009). High suburban fertility: evidence from four Northern European countries // *Demographic research*. 21(31): 915–944.
- Kuziemko I. (2006). Is having babies contagious? Fertility peer effects between adult siblings. Princeton university (working paper).
- Lappegard T. (2002). Education attainment and fertility pattern among Norwegian women. Documents 2002/18. Department of social statistics, Statistics Norway, Oslo.
- Lappegard T., M. Rønsen (2005). The multifaceted impact of education on entry into motherhood // *European journal of population*. 21: 31–49.
- Le Goff J.-M. (2002). Cohabiting unions in France and in West Germany. Transitions to first birth and first marriage // *Demographic research*. 7(18): 594–624.
- Lee R., A. Mason (2010). Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition // *European journal of population*. 26(2): 159–182.
- Leridon H. (2008). A new estimate of permanent sterility by age: Sterility defined as the inability to conceive // *Population studies*. 62(1): 15–24.
- Lesthaeghe R. (1983). A century of demographic and cultural change in Western Europe: an exploration of underlying dimensions // *Population and development review*. 9(3): 411–435.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // *Population and development review*. 36(2): 211–251.
- Lesthaeghe R., D. van de Kaa (1986). Twee demografische transitities? (Two demographic transitions?) // *Bevolking—Groei en krimp, mens en maatschappij* / Lesthaeghe, van de Kaa, eds. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9–24.
- Liefbroer A.C. (2005). The impact of perceived costs and rewards of childbearing on entry into parenthood: evidence from a panel study // *European journal of population*. 21(4): 367–391.
- Liefbroer A.C. (2009). Changes in family size intentions across young adulthood: a life-course perspective // *European journal of population*. 25(4): 363–386.
- Liefbroer A.C., F.C. Billari (2010). Bringing norms back in: a theoretical and empirical discussion of their importance for understanding demographic behavior // *Population, space and place*. 16(4): 287–305.
- Lillard L.A., J.L. Waite (1993). A joint model of marital childbearing and marital disruption // *Demography*. 30: 653–681.

- Lin N., K.S. Cook, R.S. Burt. (2001). *Social capital: Theory and research*. New Brunswick: Aldine Transaction.
- Livi-Bacci M. (2001). Too few children and too much family // *Daedalus*. 130: 139–156.
- Lutz W., B.C. O'Neill, S. Scherbov (2003). Europe's population at a turning point // *Science*. 299: 1991–1992.
- Lyngstad T.H., A. Prskawetz (2010). Do siblings' fertility decisions influence each other? // *Demography*. 47(4): 923–934.
- Macunovich D.J. (1996). Relative income and price of time: exploring their effects on US fertility and female labor force participation // *Population and development review*. 22: 223–257.
- Mandemakers J.J., P.A. Dykstra (2008). Discrepancies in parent's and adult child's reports of support and contact // *Journal of marriage and family*. 70(2): 495–506.
- Manlove J. (1997). Early motherhood in an intergenerational perspective: the experiences of a British cohort // *Journal of marriage and family*. 59: 263–297.
- Manski C.F. (1993). Identification of endogenous social effects: the reflection problem // *The review of economic studies*. 60(3): 531–542.
- Manski C.F. (1995). *Identification problems in social sciences*. New York: Harvard university press.
- Manski C.F., J. Mayshar (2003). Private incentives and social interactions: Fertility puzzles in Israel // *Journal of the European economic association*. 1(1): 181–211.
- Manuelli R.E., A. Seshadri (2009). Explaining international fertility differences // *Quarterly journal of economics*. 124(2): 771–807.
- Margolis R., M. Myrskylä (2011). A global perspective on happiness and fertility // *Population and development review*. 37(1): 29–56.
- Martin S.P. (2000). Diverging fertility among U.S. women who delay childbearing past age 30 // *Demography*. 37: 523–533.
- Martin J. (2004). The ultimate vote of confidence': Fertility rates and economic conditions in Australia, 1976–2000 // *Australian social policy 2002–2003*. Canberra: Commonwealth of Australia: 31–54.
- Martin-Garcia T., P. Baizan (2006). The impact of type of education and of educational enrolment on first births // *European sociological review*. 22: 259–275.
- Matthews B. (1999). The gender system and fertility: An exploration of the hidden links // *Canadian studies in population*. 26(1): 21–38.
- Mayer K.U. (2004). Whose lives? How history, societies, and institutions define and shape life courses // *Research in human development*. 1(3): 161–187.
- McCrary J., H. Royer (2011). The effect of female education on fertility and infant health: evidence from school entry policies using exact date of birth // *American economic review*. 101(1): 158–195.
- McDonald P. (2000a). Gender equity in theories of fertility transition // *Population and development review*. 26(3): 427–439.
- McDonald P. (2000b). Gender equality, social institutions and the future of fertility // *Journal of population research*. 17: 1–16.

- McDonald P., R. Kippen (2009). Fertility in South Australia: an overview of trends and socioeconomic differences, 2009. Report to the Department of trade and economic development. Adelaide: Government of South Australia.
- McLanahan S., J. Adams (1987). Parenthood and psychological well-being // *Annual review of sociology*. 13: 237–257.
- Mencarini L., M.L. Tanturri (2006). High fertility or childlessness: micro-level determinants of reproductive behaviour in Italy // *Population*. 61(4): 389–416.
- Meron M., I. Widmer (2002). Unemployment leads women to postpone the birth of their first child // *Population*. 57(2): 301–330.
- Michael R.T., N.B. Tuma (1985). Entry into marriage and parenthood by young men and women: the influence of family background // *Demography*. 22: 515–544.
- Micheli G.A. (2000). Kinship, family and social network: the anthropological embedment of fertility change in Southern Europe // *Demographic research*. 3(13).
- Miller A.R. (2010). The effect of motherhood timing on career path // *Journal of population economics*. 24(3): 1071–1100.
- Miller W.B. (2011). Comparing the TPB and the T-D-I-B framework // *Vienna yearbook of population research*. 9(1): 19–29.
- Miller W.B., D.J. Pasta (1994). The psychology of child timing: a measurement instrument and a model // *Journal of applied social psychology*. 24: 218–250.
- Miller Torr B.M., S.E. Short (2004). Second births and the second shift: a research note on gender equity and fertility // *Population and development review*. 30: 109–130.
- Milligan K. (2005). Subsidizing the stork: new evidence on tax incentives and fertility // *Review of economics and statistics*. 87(3): 539–555.
- Mills M. (2004). Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands and the Russian Federation // *European journal of population*. 20: 141–175.
- Mills M. (2010). Gender roles, gender (in)equality and fertility: an empirical test of five gender equity indices // *Canadian population studies*. 37(3/4): 445–474.
- Mills M., K. Begall (2010). The impact of gender preferences on third Births in Europe: a multilevel examination of men and women // *Population studies*. 64(1): 77–95.
- Mills M., H.-P. Blossfeld (2005). Globalization, uncertainty and the early life course: a theoretical framework // *Globalization, uncertainty and youth in society/ H.-P. Blossfeld, E. Klijsing, M. Mills, K. Kurz, eds. London/New York: Routledge advances in sociology serie: 1–24.*
- Mills M., L. Mencarini, M.L. Tanturri, K. Begall (2008). Gender equity and fertility intentions in Italy and the Netherlands // *Demographic research*. 18(1): 1–26.
- Mills M., R.R. Rindfuss, P. McDonald, E. te Velde (2011). Why do people postpone parenthood? Reasons and social policy incentives // *Human reproduction update*. 17(6): 848–860.
- Mishra V., I. Nielsen, R. Smyth (2010). On the relationship between female labour force participation and fertility in G7 countries: evidence from panel cointegration and Granger causality // *Empirical economics*. 38(2): 361–372.

- Montgomery M.R., J.B. Casterline (1996). Social influence, social learning, and new models of fertility // *Fertility in the United States: new patterns, new theories* / J. Casterline, R. Lee, K. Foote, eds.: 87–99.
- Morgan S.P., C.A. Bachrach (2011). Is the theory of planned behaviour an appropriate model for human fertility? // *Vienna yearbook of population research*. 9(1): 11–18.
- Morgan S.P., H. Rackin (2010). The correspondence between fertility intentions and behavior in the United States // *Population and development review*. 36(1): 91–118.
- Morgan S.P., M.G. Taylor (2006). Low fertility at the turn of the twenty-first century // *Annual review of sociology*. 32: 375–399.
- Murphy M. (1993). The contraceptive pill and women's employment as factors in fertility change in Britain 1963–1980: a challenge to the conventional view // *Population studies*. 47(2): 221–243.
- Murphy M., D. Wang (2001). Family-level continuities in childbearing in low-fertility societies // *European journal of population*. 17: 75–96.
- Myers S.M. (1997). Marital uncertainty and childbearing // *Social forces*. 75: 1271–1289.
- Myrskylä M., H.-P. Kohler, F.C. Billari (2009). Advances in development reverse fertility declines // *Nature*. 460(7256): 741–743.
- Nauck B. (2007). Value of children and the framing of fertility: results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies // *European sociological review*. 23(5): 615–629.
- Neels K. (2010). Temporal variation in unemployment rates and their association with tempo and quantum of fertility: some evidence for Belgium, France and the Netherlands. Paper presented at the Annual meeting of the Population association of America, Dallas, 17 April.
- Neyer G. (2003). Family policies and low fertility in Western Europe. Rostock: Max Planck Institute for demographic research (MPIDR Working paper).
- Neyer G., G. Andersson (2008). Consequences of family policies on childbearing behavior: effects or artifacts? // *Population and development review*. 34: 699–724.
- Neyer G.R., J.M. Hoem (2008). Education and permanent childlessness: Austria vs. Sweden; a research note // *Demographic challenges for the 21st century: a state of the art in demography* / J. Surkyn, P. Deboosere, J. Van Bavel, eds. Brussels: VUBPRESS.
- Noguera C.S., K. Golsch, N. Stainhage (2003). Increasing uncertainty in the Spanish labour market and entry into parenthood // *Genus*. 58(1): 77–119.
- O'Donoghue C., D. Meredith, E. O'Shea (2011). Postponing maternity in Ireland // *Cambridge journal of economics*. 35(1): 59–84.
- OECD (2011). *Doing better for families*. OECD Publishing.
- Olah L.S. (2003). Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary // *Population research and policy review*. 22: 171–200.
- Oppenheimer V.K. (1988). A theory of marriage timing // *American journal of sociology*. 94: 563–591.
- Oppenheimer V.K. (1994). Women's rising employment and the future of the family in industrial societies // *Population and development review*. 20: 293–342.
- Oppenheimer V.K. (2003). Cohabiting and marriage during young men's career-development process // *Demography*. 40: 127–149.

- Oppenheimer V.K., M. Kalmijn, N. Lim (1997). Men's career development and marriage timing during a period of rising inequality // *Demography*. 3: 311–330.
- Örsal D.D.K., J.R. Goldstein (2010). The increasing importance of economic conditions for fertility. MPIDR Working Paper WP 2010-014. Rostock: Max Planck Institute for demographic research.
- Pampel F.C. (2001). The institutional context of population change. Chicago: The University of Chicago press.
- Pampel F.C., H.E. Peters (1995). The Easterlin effect // *Annual review of sociology*. 21: 163–194.
- Parr N. (2010). Satisfaction with life as an antecedent of fertility: partner ? happiness = children? // *Demographic research*. 22(21): 635–661.
- Pfau-Effinger B. (1999). Change of family policies in the socio-cultural context of European societies // *Family policies. Yearbook comparative social research (135–159)* / A. Leira, ed. Stamford: JAI press.
- Philipov D. (2002). Fertility in times of discontinuous societal change: the case of Central and Eastern Europe. MPIDR Working paper 2002–024. Rostock: Max Planck Institute for demographic research.
- Philipov D. (2009). Fertility intentions and outcomes: The role of policies to close the gap // *European journal of population*. 25: 355–361.
- Philipov D., Z. Speder, F.C. Billari (2006). Soon, later, or ever? The impact of anomie and social capital on fertility intentions in Bulgaria (2002) and Hungary (2001) // *Population studies*. 60(3): 289–308.
- Pouwels B.J. (2011). Work, family, and happiness: essays on interdependencies within families, life events, and time allocation decisions. PhD dissertation. Utrecht: Utrecht university.
- Prskawetz A., A. Vikat, D. Philipov, H. Engelhardt (2003). Pathways to stepfamily formation in Europe: results from the FFS // *Demographic research*. 8(5): 107–149.
- Quesnel-Vallé A., S.P. Morgan (2003). Missing the target? Correspondence of fertility intentions and behavior in the U.S. // *Population research and policy review*. 22: 497–525.
- Reher D.S. (1998). Family ties in western Europe: persistent contrasts // *Population and development review*. 24(2): 203–234.
- Rendall M.S., R.A. Bahchieva (1998). An old-age security motive for fertility in the United States? // *Population and development review*. 24(2): 293–307.
- Rijken A.J., A.C. Liefbroer (2009). The effects of relationship quality on fertility // *European journal of population*. 25: 27–44.
- Rijken A.J., E. Thomson. (2011). Partners' relationship quality and childbearing // *Social science research*. 40(2): 485–497.
- Rindfuss R., A. Vandenheuvel (1990). Cohabitation: a precursor to marriage or an alternative to being single? // *Population and development review*. 16(4): 703–726.
- Rindfuss R.R., L. Bumpass, C. St. John (1980). Education and fertility: implications for the roles women occupy // *American sociological review*. 45: 431–447.
- Rindfuss R.R., S.P. Morgan, K. Offutt (1996). Education and changing age pattern of American fertility: 1963–1989 // *Demography*. 33: 277–290.

- Rindfuss R.R., M.K. Choe, L.L. Bumpass, N.O. Tsuya (2004). Social networks and family change in Japan // *American sociological review*. 69: 838–861.
- Rindfuss R.R., D.K. Guilkey, S.P. Morgan, O. Kravdal (2010). Child-care availability and fertility in Norway // *Population and development review*. 36(4): 725–748.
- Rodgers J.L., H.P. Kohler, M. McGue, J.R. Behrman., I. Petersen, P. Bingley et al. (2008). Education and cognitive ability as direct, mediating, or spurious influences on female age at first birth: behaviour genetic models fit to Danish Twin data // *American journal of sociology*. 114(Supp): 202–232.
- Rondinelli C., A. Aassve, F.C. Billari (2010). Women’s wages and childbearing decisions: evidence from Italy // *Demographic research*. 22(19): 549–578.
- Rosen M. (2004). Fertility and public policies-evidence from Norway and Finland // *Demographic research*. 10(6): 143–170.
- Rossier C., L. Bernardi (2009). Social interaction effects on fertility: intentions and behaviors // *European journal of population*. 25: 467–485.
- Santow G., M. Bracher (2001). Deferment of the first birth and fluctuating fertility in Sweden // *European journal of population*. 17: 343–363.
- Schoen R., Y. Kim, C. Nathanson, J. Fields, N.M. Astone (1997). Why do Americans want children? // *Population and development review*. 23(2): 333–358.
- Schoen R., N.M. Astone, Y.J. Kim, C.A. Nathanson, J.M. Fields (1999). Do fertility intentions affect fertility behavior? // *Journal of marriage and family*. 61(3): 790–799.
- Settersten R.A.J., G.O. Hagestad (1996). What’s the latest? Cultural age deadlines for family transitions // *Gerontologist*. 36(2): 178–188.
- Skirbekk V. (2008). Fertility trends by social status // *Demographic research*. 18(5): 145–180.
- Sobotka T. (2004). Postponement of childbearing and low fertility in Europe. Amsterdam: Dutch university press.
- Sobotka T., F.C. Billari, H.-P. Kohler (2010). The return of late childbearing in developed countries: causes, trends and implications. Vienna: Vienna institute of demography.
- Sobotka T., V. Skirbekk, D. Philipov (2011). Economic recession and fertility in the developed world // *Population and development review*. 2: 267–306.
- Spéder Z., B. Kapita’ny (2009). How are time-dependent childbearing intentions realized? Realization, postponement, abandonment, bringing forward // *European journal of population*. 25: 503–523.
- Steele F., C. Kallis, H. Goldstein, H. Joshi (2005). The relationship between childbearing and transitions from marriage and cohabitation in Britain // *Demography*. 42(4): 647–673.
- Steele F., H. Joshi, C. Kallis, H. Goldstein (2006). Changing compatibility of cohabitation and childbearing between young British women born in 1958 and 1970 // *Population studies*. 60(2): 137–152.
- Steenhof L., A.C. Liefbroe (2008). Intergenerational transmission of age at first birth in the Netherlands for birth cohorts between 1935 and 1984: Evidence from municipal registers // *Population studies*. 62: 69–84.
- Steglich C., T.A.B. Snijders, M. Pearson (2010). Dynamic networks and behavior: separating selection from influence // *Sociological methodology*. 40: 29–393.

- Stewart S.D. (2002). The effect of stepchildren on childbearing intentions and births // *Demography*. 39(1): 181–197.
- Surkyn J., R. Lesthaeghe (2004). Value orientations and the second demographic transition (SDT) in northern, western and southern Europe: an update // *Demographic research (Special collection 3)*.
- Swartz T.T. (2009). Intergenerational family relations in adulthood: patterns, variations, and implications in the contemporary United States // *Annual review of sociology*. 35: 191–212.
- Tazi-Preve I., D. Bichlbauer, A. Goujon (2004). Gender trouble and its impact on fertility intentions // *Yearbook of population research in Finland*. 40: 5–24.
- Testa M.R. (2006). Childbearing preferences and family issues in Europe. Special Eurobarometer. 253/Wave 65.1—TNS Opinion & Social.
- Thomson E. (1997). Couple childbearing desires, intentions and births // *Demography*. 34: 343–354.
- Thomson E. (2002). Motherhood, fatherhood and family values // *Meaning and choice: value orientations and life course decisions* / R. Lesthaeghe, ed. The Hague: NIDI/CBGS Publications No. 37: 251–272.
- Thomson E., J.M. Hoem (1998). Couple childbearing plans and births in Sweden // *Demography*. 35: 315–322.
- Thomson E., E. McDonald, L.L. Bumpass (1990). Fertility desires and fertility: hers, his, and theirs // *Demography*. 27: 579–588.
- Thornton A. (1977). Children and marital stability // *Journal of marriage and family*. 39: 531–540.
- Thornton A. (1978). Marital dissolution, remarriage, and childbearing // *Demography*. 15: 361–380.
- Thornton A. (1980). The influence of first generation fertility and economic status on second generation fertility // *Population and environment*. 3: 51–72.
- Thornton A., D. Philipov (2009). Sweeping changes in marriage, cohabitation and childbearing in Central and Eastern Europe: new insights from the developmental idealism framework // *European journal of population*. 25(2): 123–156.
- Toulemon L., M.R. Testa (2005). Fertility intentions and actual fertility: a complex relationship // *Population & societies*. 415: 4.
- Van Bavel J. (2010). Choice of study discipline and the postponement of motherhood in Europe: the impact of expected earnings, gender composition and family attitudes // *Demography*. 47: 439–458.
- Van de Kaa D.J. (1997). Options and sequences: Europe's demographic patterns // *Journal of the Australian population association*. 14: 1–29.
- Van Giersbergen N.P.A., J. De Beer (1997). Geboorteontwikkeling en consumentenvertrouwen: een econometrische analyse (Birth trends and consumer confidence: An econometric analysis) // *Maandstatistiek van de Bevolking*. 1997(11): 23–27.
- Vikat A., J.M. Hoem, E. Thomson (1999). Stepfamily fertility in contemporary Sweden: the impact of childbearing before the current union // *Population studies*. 53: 211–225.

- Vikat A., Z. Spéder, G. Beets, F.C. Billari, C. Buñhler, A. Desesquelles et al. (2007). Generations and gender survey (GGS): towards a better understanding of relationships and processes in the life course // *Demographic research*. 17: 389–439.
- Vitali A., F.C. Billari, A. Prskawetz, M.R. Testa (2009). Preference theory and low fertility: a comparative perspective // *European journal of population*. 25(4): 413–438.
- Wachter K.W., R.A. Bulatao (2003). *Offspring: Human fertility behavior in biodemographic perspective*. National Research Council, Committee on Population, Division on Behavioral and Social Sciences and Education. Washington, DC: The National Academies press.
- Waite L.J., L.A. Lillard (1991). Children and marital disruption // *American journal of sociology*. 96(4): 930–953.
- Walker J.R. (1995). The Effect of public policies on recent Swedish fertility behavior // *Journal of population economics*. 8(3): 223–251.
- Westoff C., N. Ryder (1977). The predictive validity of reproductive intentions // *Demography*. 4: 431–453.
- Whittington L.A. (1993). State income tax policy and family size: fertility and the dependent exemption // *Public finance quarterly*. 21(4): 378–398.
- Willis R.J.A. (1973). New approach to the economic theory of fertility behavior // *Journal of political economy*. 81(2): 14–64.
- Winkler-Dworak M., L. Toulemon (2007). Gender differences in the transition to adulthood in France: is there convergence over the recent period? // *European journal of population*. 23(3): 273–314.
- Wu Z. (1996). Childbearing in cohabitational relationships // *Journal of marriage and family*. 58: 281–292.
- Wu Z., C.M. Schimmele (2005). Repartnering after first union disruption // *Journal of marriage and family*. 67: 27–36.
- Zimmer B.G., J. Fulton (1980). Size of family, life chances, and reproductive behavior // *Journal of marriage and family*. 42: 657–670.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий*, Мария Вилкова, Екатерина Деминцева,
Мария Гунько, Анна Левина, Юлия Лонщикова,
Даниил Кашницкий, Олеся Ключина, Дмитрий Опарин

- *Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. The end of hypergamy: global trends and implications*
- *Clark G. Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?*
- *Van Mol C. Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries*
- *Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. The accuracy of migration distance measures*
- *Graham C., J.R. Pozuelo. Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places*
- *Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis*
- *Demintseva E., D. Kashnitsky. Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia*
- *Kashnitsky I., M. Gunko. Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market*
- *Oparin D.A. Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas*
- *Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement*
- *Schöley J., F. Willekens. Visualizing compositional data on the Lexis surface*
- *Migheli M. Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe*
- *Shi Y., J.J. Kennedy. delayed registration and identifying the "missing girls" in China*
- *Peri-Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands*

GLOBAL TRENDS AND IMPLICATIONS. POPULATION AND DEVELOPMENT REVIEW

[*Esteve A., C. R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román (2016). The end of hypergamy: global trends and implications // Population and development review. 42(4): 615-625. doi.org/10.1111/padr.12012*]

Исторически мужчины получали более высокий уровень образования, чем женщины, однако в большинстве стран ситуация кардинально изменилась вместе с распространением массового образования. В 2010 г. среди населения с высшим образованием в возрасте 25-29 лет женщин было больше чем мужчин в 139 странах, общее население которых составляет 86% населения мира.

Илья Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Мария Гунько, Институт географии РАН, Россия.

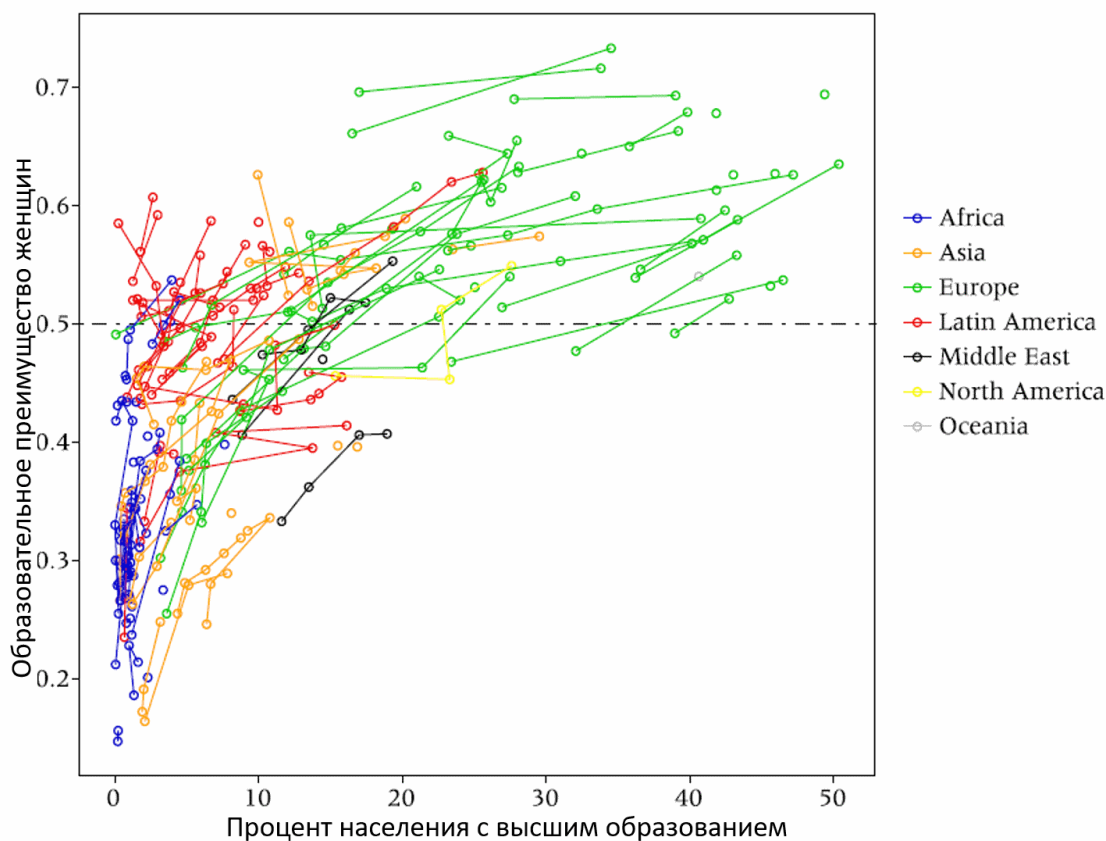
Мария Вилкова, **Екатерина Деминцева**, **Анна Левина**, **Юлия Лонщикова**, **Даниил Кашницкий**, **Олеся Ключина**, **Дмитрий Опарин**, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

* Ведущий рубрики - Илья Кашницкий

Обзор поступил в редакцию в апреле 2017 г.

Для измерения гендерных различий в образовании предложен индикатор образовательного преимущества женщин (women's educational advantage), он равен вероятности того, что уровень образования случайно выбранной женщины 25-34 лет превысит уровень образования случайно выбранного мужчины той же возрастной группы, если уровень их образования не одинаков. Значения показателя больше 0,5 говорят о том, что женщины являются в среднем более образованными, чем мужчины.

Рисунок 1. Изменения связи между долей населения с высшим образованием и образовательным преимуществом женщин, для отдельных стран, 1960-2011

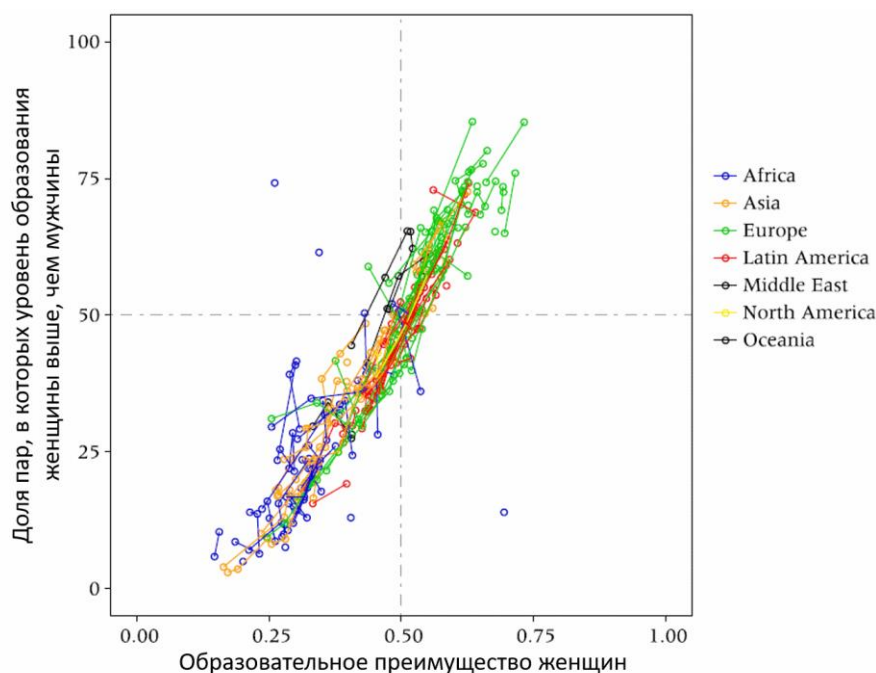
Источник: Расчеты авторов на основе переписей населения и выборочных обследований.

На рисунке 1 изображено изменение индикатора образовательного преимущества женщин для 120 стран мира и временного промежутка с 1960 по 2011 г. по мере роста доли населения с высшим образованием. Легко заметить, что вероятность того, что женщина является более образованной, чем мужчина, растет вместе с общим уровнем образования в стране. Если сравнивать континенты, то наименее образованными являются страны Африки, при этом значительны гендерные различия: высшее образование получают в основном мужчины (хотя рост индикатора образовательного преимущества женщин за исследуемый период наблюдался почти во всех странах). В странах Азии и Ближнего Востока тенденция к сокращению гендерных различий в образовании с ростом уровня образования также заметна. Наиболее высок уровень образования в странах Европы и Северной Америки, и почти во всех случаях женщины имеют образовательное преимущество. Особенно выделяется Латинская Америка: при сравнительно небольшой

доле населения с высшим образованием почти во всех странах региона значение индикатора образовательного преимущества женщин больше 0,5 или близко к этому значению. Несмотря на различия между странами и регионами, очевидно, что за рассматриваемый период индикатор образовательного преимущества женщин вырос во всех странах и во многих уже превышает значение 0,5.

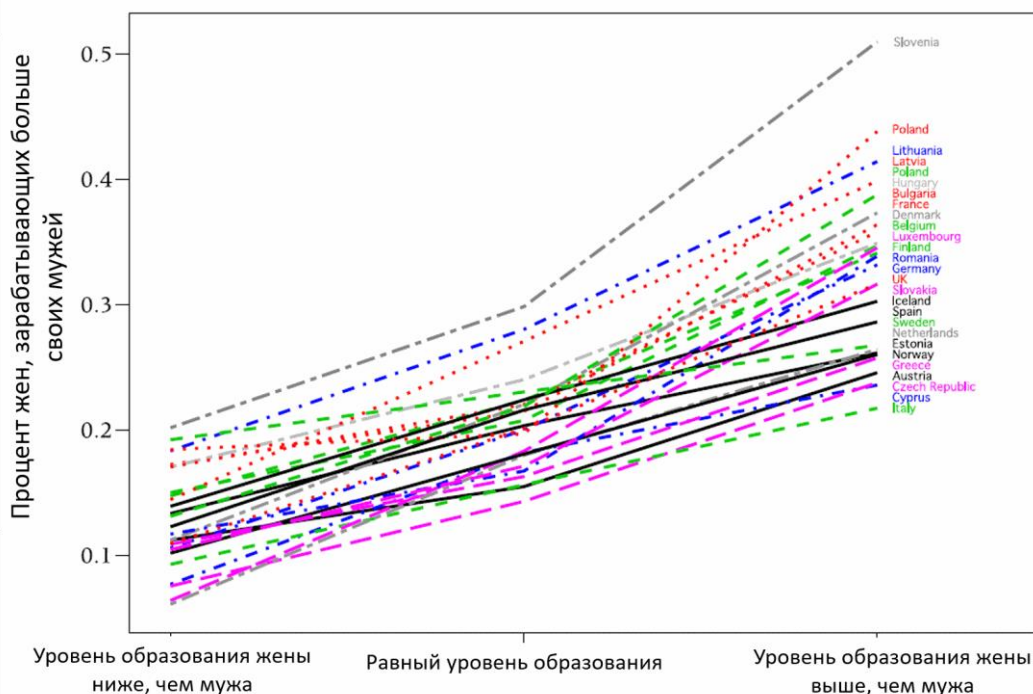
Авторы статьи — Альберт Эстев, Кристина Шварц, Ян ван Бавел, Иньяки Перманьер, Мартин Клемон и Хуан Гарсия-Роман — отмечают, что эти практически повсеместные изменения должны влиять на широкий спектр демографических процессов: брачность, разводимость, рождаемость и гендерное равенство. Фокус статьи — на образовательной гипергамии (практике, когда мужья являются более образованными, чем их жены). Образовательная гипергамия как часть гипергамии (обычая женитьбы на женщине равного или более низкого социального статуса) связана с историческими патриархальными нормами, свойственными людским сообществам во всем мире. Однако возможно ли сохранение этого явления, если женщины становятся более образованными, чем мужчины? На рисунке 2 изображена взаимосвязь между образовательным преимуществом женщин и долей пар, в которых уровень образования жены превышает уровень образования мужа. Видно, что в странах, где уровень образования женщин в среднем выше, чем уровень образования мужчин, жены являются более образованными, чем их мужья. Временные тренды для отдельных стран показывают такую же зависимость: с ростом уровня образования женщин относительно мужчин растет и доля пар, в которых уровень образования у женщины выше, чем у мужчины. Таким образом, в большинстве стран Европы женщины в семьях уже в среднем более образованы, чем мужчины, и скорее всего, так будет вскоре и в других странах. Авторы статьи называют это «концом образовательной гипергамии». При этом стоит заметить, что это изменение может быть не связано с каким-либо изменением предпочтений мужчин и женщин в выборе партнера, скорее всего, это является просто адаптацией к демографическим реалиям.

Интересно проследить, как «конец образовательной гипергамии» скажется на гендерном равенстве в обществе. О прогрессе в гендерном равенстве можно говорить, если женщина, имея лучшее образование, чем мужчина, также и зарабатывает больше. На рисунке 3 показан процент пар, в которых женщина зарабатывает больше, чем мужчина, в зависимости от уровня образования обоих. Видно, что даже между европейскими странами существуют серьезные различия, но, опять же, общий тренд очевиден: в парах, где образование жен выше образования мужей, выше и вероятность того, что жена зарабатывает больше мужа.

Рисунок 2. Изменения связи между долей пар, в которых женщина имеет более высокий уровень образования, чем мужчина, и образовательным преимуществом женщин, для отдельных стран, 1960-2011

Источник: Расчеты авторов на основе переписей населения и выборочных обследований.

Рисунок 3. Связь между долей пар, в которых женщина зарабатывает больше, и уровнем образования женщины и мужчины в паре, для 27 европейских стран

Источник: Расчеты авторов на данных EU-SILC 2007, 2011.

Важным является то, что более высокий уровень образования женщины в паре не имеет негативного влияния на вероятность развода. Авторы ссылаются на исследование, проведенное в США, согласно которому положительная связь между образовательным преимуществом женщин и вероятностью развода, существовавшая до 1990 г., исчезла для браков, заключенных после 1990 г.¹ Кроме того, существуют исследования, которые показывают, что в европейских странах более высокий уровень образования женщины в паре может положительно влиять на рождаемость². Правда, эта зависимость верна для европейских стран с низкой рождаемостью, где рост уровня образования женщин тесно связан с гендерным равенством, т.е. он дает возможность женщине быть более независимой экономически и поэтому принимать самостоятельные решения о большом числе детей. Какое влияние «конец образовательной гипергамии» будет иметь на рождаемость в других странах, пока остается неясным.

MICROBES AND MARKETS: WAS THE BLACK DEATH AN ECONOMIC REVOLUTION?

[Clark G. (2016). Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution? // Journal of demographic economics. 82(2): 139-165. doi.org/10.1017/dem.2016.6]

Между средними веками и промышленной революцией в Европе произошёл самый драматический социально-экономический шок – приход «Черной смерти». Лишь в 1347-1349 гг. она унесла жизни практически трети населения Европы. Чума была эпидемией вплоть до 1600 г., поддерживая численность населения ниже уровня, который был до этих событий. В то же время заработная плата взлетела до уровней, которые часто превышали даже отметки начала XX века.

Грегори Кларк на примере Англии проверяет влияние чумы на средневековую экономику. Обозревая существующую литературу, посвященную оценке экономических последствий «Черной смерти», Кларк отмечает противоречивость оценок разных ученых. Одни утверждают, что чума была неотъемлемой частью экономического спада начала XIV века, который продолжался до XVI века. Другие видели в периоде «Черной смерти» окончательный распад институциональных связей, ограничивающих средневековую экономику, который создавал возможности для последующего экономического роста. Помимо этого совсем недавно были сделаны заявления о том, что чума имеет более широкие социальные и экономические последствия: смертность от чумы помогла стимулировать новое капиталоемкое сельское хозяйство, создала новые структуры семьи и брака, которые ограничивали рождаемость. Автор особо подчеркивает работу Брюса Кэмпбелла³: оценки ВВП в Англии 1270-1870 гг. поддерживают идею о том, что

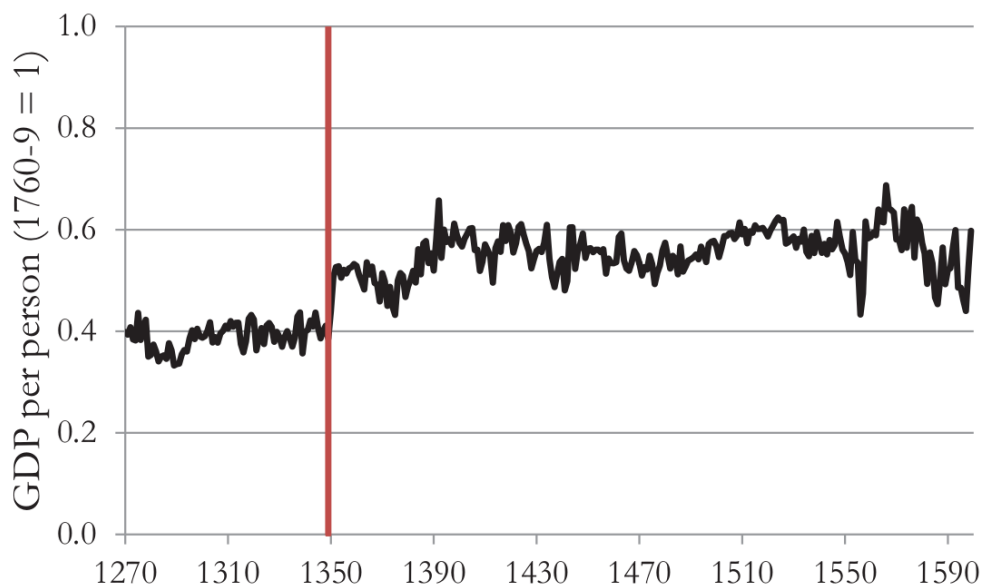
---

¹ Schwartz C.R., H. Han (2014). The reversal of the gender gap in education and trends in marital dissolution // *American sociological review*. 79(4): 605–629. doi.org/10.1177/0003122414539682

² Nitsche N., A. Matysiak, J. van Bavel, D. Vignol (2015). Partners' educational pairings and fertility across Europe. Retrieved from <https://lirias.kuleuven.be/handle/123456789/500891>

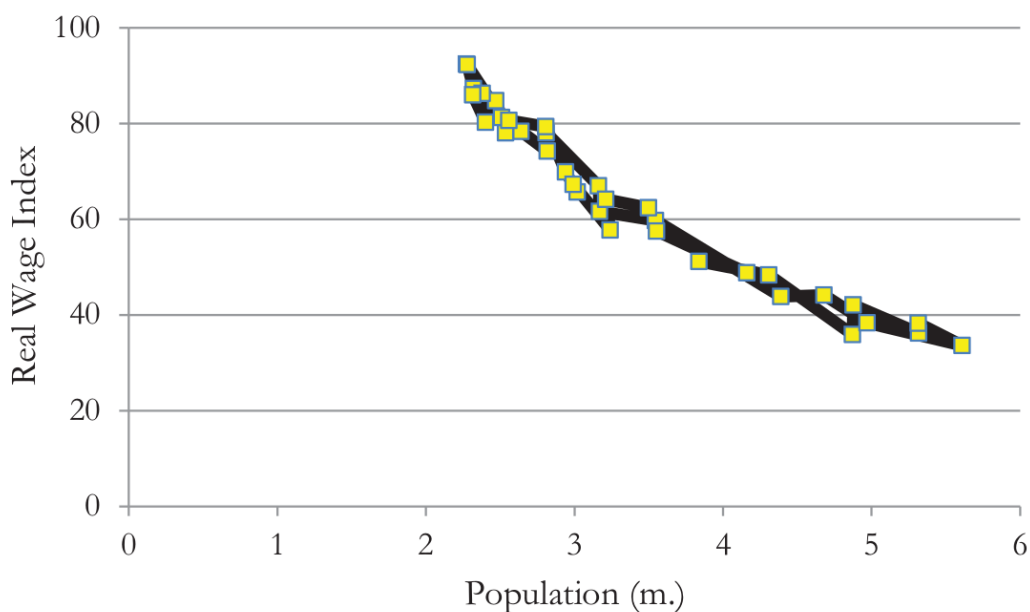
³ Campbell, Bruce M.S. (2000). *English seigniorial agriculture*. Cambridge: Cambridge university press: 1250–1450.

наступление «Черной смерти» способствовало значительному экономическому прорыву (рисунок 4).

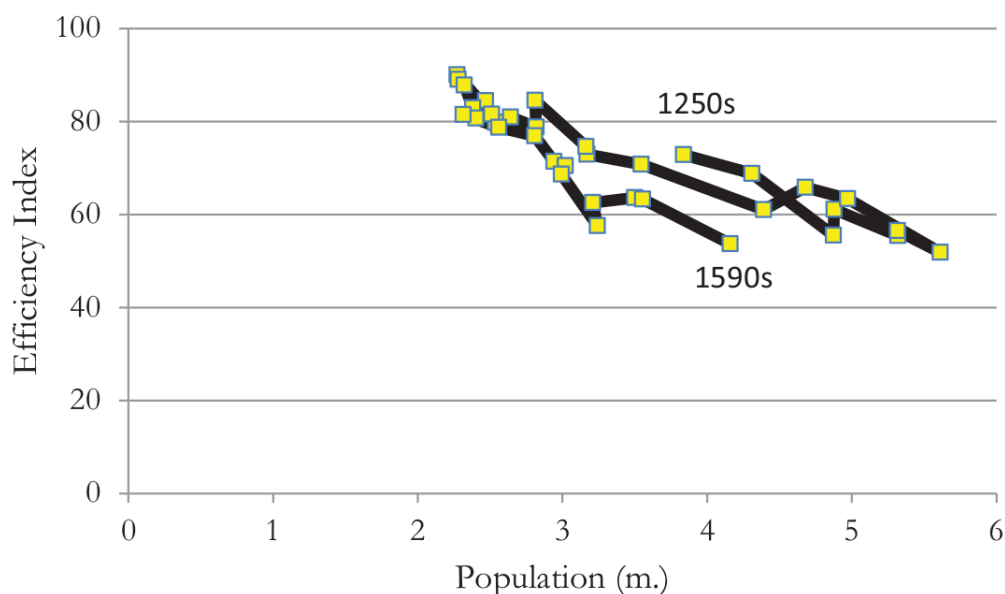

Рисунок 4. Динамика ВВП в Англии, 1270–1599

Численность населения и реальная заработная плата обнаруживали удивительно явную взаимосвязь на протяжении 1250-1600 гг. (рисунок 5). Это устойчивое соотношение предполагает, что «Черная смерть» не имела дальнейших экономических последствий, которые были бы обусловлены лишь дефицитом рабочей силы по отношению к земле и капиталу. Когда ситуация к концу XVI века нормализовалась, то и заработные платы вернулись к прежним уровням.

Рисунок 5. Реальная заработная плата в сравнении с численностью населения, 1250-1590

Рисунок 6. Эффективность экономики в сравнении с численностью населения, 1250- 1600

Оценивая эффективность экономики (рисунок 6), Кларк ожидал, что экономическая эффективность будет независима от численности населения. Однако, вопреки ожиданиям, расчеты показали, что в периоды сокращения численности населения (1310-1450 гг.), экономическая эффективность возросла, а в периоды роста численности населения (1250-1310 и 1450-1600 гг.), эффективность, наоборот, снизилась. Этот феномен нельзя объяснить людскими потерями. Скорее всего данная ситуация связана с демографическими причинами, такими как изменения в рождаемости и смертности в рассматриваемый период.

Автор заключает, что чума не вызвала значительных долгосрочных экономических изменений. Повышение эффективности английской экономики в период с 1200 по 1315 г. было обусловлено скорее демографическими факторами, чем какими-либо еще. После нормализации ситуации к 1600 г. показатели вернулись в обычное состояние.

DO EMPLOYERS VALUE INTERNATIONAL STUDY AND INTERNSHIPS? A COMPARATIVE ANALYSIS OF 31 COUNTRIES

[Van Mol C. (2017). *Do employers value international study and internships? // A comparative analysis of 31 countries. Geoforum: 78, 52-60. doi.org/10.1016/j.geoforum.2016.11.014*]

Кристоф Ван Мол решил проверить ставшее уже расхожим утверждение о том, что опыт участия в программах международной студенческой мобильности повышает шансы трудоустройства выпускников на рынке труда. Он обратил внимание, что развитие внутренней европейской мобильности студентов ассоциируется с экономическими привилегиями, а на программы мобильности ЕС выделяет значительное финансирование. Однако проводимые наблюдения почти не предоставляют подтверждений того, что обладающие международным опытом студенты приобретают значительные преимущества

при трудоустройстве, отмечает Ван Мол, ссылаясь на работы предшественников.

Трудоустройство выпускников рассматривается как основной стимул получения высшего образования. Ожидается, что образовательные учреждения должны готовить студентов, соответствующих актуальным требованиям рынка. Экономический кризис усилил потребность интернационализации высшего образования, в частности в рамках стран Европы. Еврокомиссия устанавливает количественные показатели международной мобильности студентов, а вузы подчеркивают, что такая мобильность увеличивает шансы выпускников на трудоустройство. Но действительно ли это так?

Современные теории «информационного капитала» предполагают, что инвестиции в образование обоснованы, так как впоследствии они возвращаются за счет лучшего трудоустройства. Тем не менее сегодня высшее образование не гарантирует, что двери компаний будут открываться перед недавним выпускником. Массовость высшего образования в известной степени спровоцировала его инфляцию. В этих условиях международная мобильность предположительно может стать конкурентным преимуществом на рынке труда.

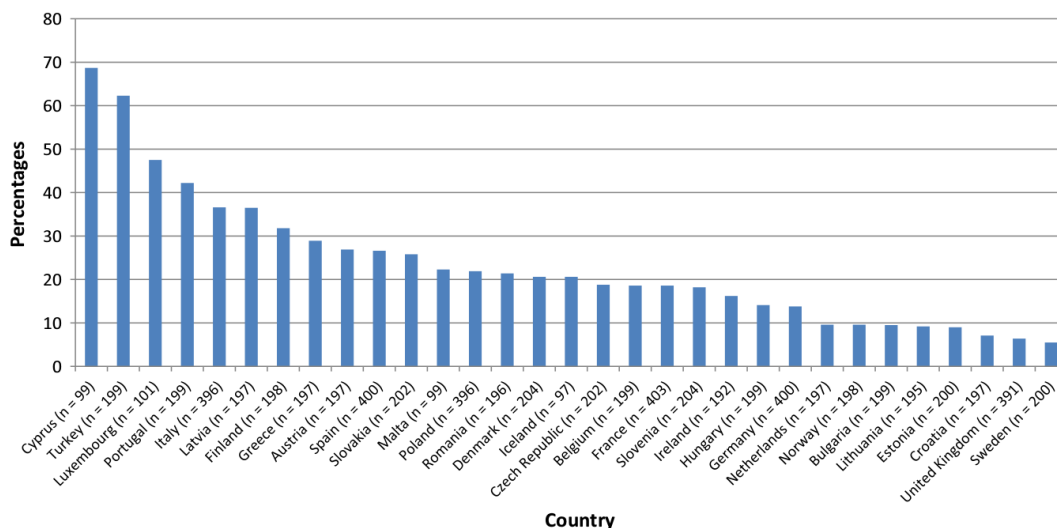
Результаты исследований неевропейских стран показывают, что, действительно, и студенты, и работодатели связывают обучение за границей с шансами на лучшее трудоустройство. Эмпирические исследования европейских стран свидетельствуют о куда более пессимистичных ожиданиях и перспективах местных студентов: в большинстве случаев международная мобильность не рассматривается ими как преимущество при получении работы, а в некоторых случаях даже представляется недостатком в отличие, к примеру, от непосредственного опыта работы или стажировки за рубежом. При этом оценка значимости международной мобильности возрастает с севера на юг и с запада на восток Европы.

Чтобы выяснить, принимают ли во внимание европейские работодатели международный опыт потенциальных сотрудников при приеме на работу, Ван Мол проводит сравнительный анализ данных телефонного исследования Флэш-Евробарометра 304 «Отношение работодателей к трудоустройству выпускников», проведенного в компаниях стран Евросоюза: Хорватии, Исландии, Норвегии и Турции (всего более 7000 респондентов из 31 страны) в 2010 г.

Выбранные автором зависимые переменные измеряют важность международного опыта соискателей с точки зрения рекрутера. Включенные в анализ независимые переменные призваны показать потенциальную значимость тех или иных компетенций, приобретаемых благодаря международному опыту, а также ответить на вопрос о том, оказывает ли международный опыт выпускника так называемый «сигнальный эффект», выделяя его на фоне менее мобильных студентов в глазах работодателя. Автор учитывает возможное значение специализации выпускников и международный состав сотрудников компании-работодателя. Соответствующие вопросы включены в качестве контрольных переменных.

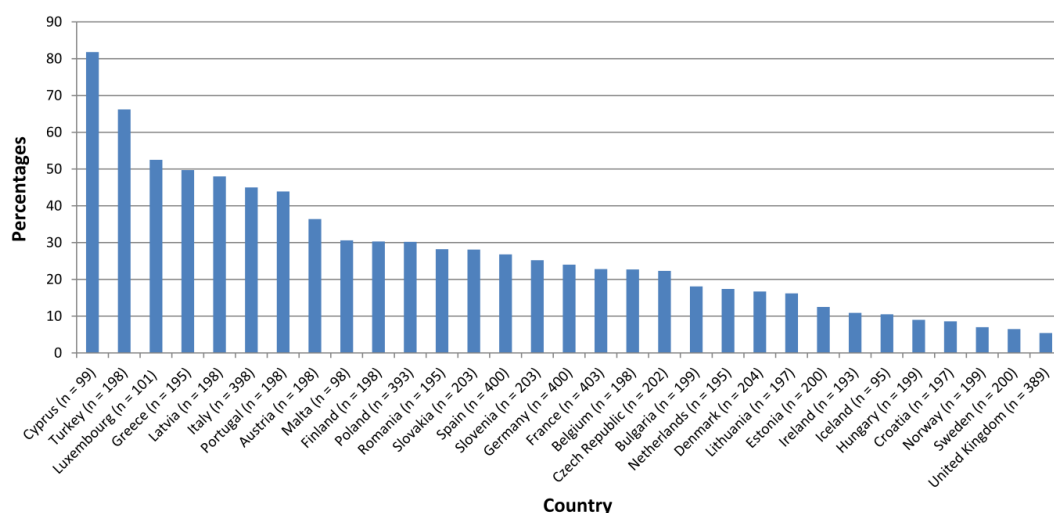
Рисунки 7 и 8 демонстрируют, насколько высоко ценятся работодателями обучение (рисунок 7) и стажировки (рисунок 8) за рубежом в зависимости от страны, в которой

расположена организация. Судя по представленным данным, более 90% работодателей из таких стран, как Швеция, Великобритания, Хорватия, Эстония, Литва, Болгария, Норвегия и Нидерланды не придают большого значения наличию у сотрудников опыта международного обучения. Тогда как отношение компаний большинства южноевропейских стран существенно иное (рисунок 7).

Рисунок 7. Число работодателей, для которых обучение потенциального сотрудника за границей имеет значение. Основано на утверждении «Важно, чтобы у новых сотрудников был опыт обучения за рубежом». Данные демонстрируют долю работодателей, отвечающих «Полностью согласен» и «Отчасти согласен», %

Стажировка за рубежом в большинстве случаев оценивается корпоративными рекрутерами выше, чем обучение (рисунок 8).

Рисунок 8. Число работодателей, для которых стажировка потенциального сотрудника за границей имеет значение, %

Об этом можно судить по доле работодателей, отвечающих «Полностью согласен» и «Отчасти согласен», выражая свое отношение к утверждению «Важно, чтобы у новых сотрудников был опыт стажировки за рубежом».

Таблица 1. Многоуровневая бинарная логистическая регрессия значения образования и стажировки за рубежом

	Учеба за рубежом		Стажировка за рубежом	
	модель 1 (n=6450)	модель 2 (n=5765)	модель 3 (n=6718)	модель 4 (n=5764)
<i>Независимые переменные</i>				
Особые навыки, требуемые работодателю				
Умение осуществлять вычисления	1,08(0,057)	1,08(0,064)	1,06(0,052)	1,04(0,057)
Навыки чтения/письма	0,99(0,061)	0,96(0,065)	0,99(0,058)	1,00(0,063)
Иностранные языки	1,76(0,080)***	1,63(0,085)***	1,74(0,075)***	1,56(0,076)***
Пользование компьютером	1,19(0,083)*	1,21(0,091)*	1,05(0,068)	1,06(0,074)
Специфические навыки, определяемые сферой деятельности работодателя	0,95(0,050)	0,96(0,056)	1,02(0,052)	1,04(0,057)
Коммуникативные навыки	1,15(0,082)	1,14(0,088)	1,05(0,070)	1,04(0,074)
Аналитические навыки и умение справляться с проблемными ситуациями	1,00(0,069)	1,02(0,077)	1,06(0,070)	1,10(0,078)
Адаптивность и способность действовать в новых ситуациях	0,94(0,070)	0,96(0,077)	1,10(0,078)	1,08(0,081)
Умение принимать решения	1,30(0,086)***	1,25(0,090)**	1,27(0,080)***	1,23(0,083)**
Умение работать в команде	1,05(0,083)	1,09(0,093)	0,88(0,064)	0,87(0,068)
Организационные навыки и способность к планированию	1,00(0,068)	0,92(0,068)	1,01(0,065)	0,98(0,068)
Сигнальные эффекты				
Доля европейских выпускников	1,15(0,039)***	1,12(0,041)**	1,15(0,039)***	1,10(0,041)*
Доля неевропейских выпускников	1,17(0,055)**	1,13(0,060)*	1,17(0,055)**	1,11(0,058)*
<i>Контрольные переменные</i>				
Основные направления набора сотрудников				
Инженерия		0,97(0,076)		1,01(0,075)
Бизнес и экономика		1,18(0,091)*		1,26(0,092)**
Иностранные языки		1,30(0,178)		1,36(0,181)*
Юриспруденция		1,15(0,131)		1,00(0,110)
Педагогика и сфера обучения		0,80(0,150)		1,02(0,179)
Медицина		0,99(0,149)		1,31(0,181)
Гуманитарные науки		0,91(0,150)		0,97(0,152)
Искусство и дизайн		1,11(0,195)		0,89(0,153)
Связь и информация		0,99(0,112)		1,02(0,110)
Социальные и поведенческие науки		0,87(0,130)		0,89(0,126)
Естественные науки		0,90(0,132)		0,92(0,125)
Другие		0,87(0,086)		0,95(0,089)
Компании с международной активностью		1,10(0,031)**		1,14(0,031)**
Размер компании (реф.: 50 -250)		1,08(0,096)		1,06(0,089)
Структура собственности (реф.: общественный сектор)				
Частная		0,86(0,090)		0,93(0,093)
Смешанная		1,11(0,202)		1,19(0,205)
Доля выпускников в компании		1,00(0,016)		0,99(0,015)
Рейтинг важности высшего образования		1,31(0,039)***		1,25(0,037)***
МакКелви и Завоина P2	0,15	0,15	0,19	0,18
ИСС	0,11	0,15	0,10	0,12

* <0,05; **< 0,01; ***<0,001

Результаты многоуровневой бинарной логистической регрессии (таблица 1) отражают взаимосвязь между значением зарубежного образования и стажировок для работодателя и характеристиками фирм. В частности, первая модель демонстрирует, что работодатели склонны больше ценить опыт обучения за рубежом, если они заинтересованы в выпускниках, обладающих хорошим знанием языков, умением пользоваться компьютером и навыками принятия решений. Также наблюдается значительная

взаимосвязь между соотношением европейских и неевропейских выпускников в компании и значением, которое работодатель придает опыту международного обучения. Во второй модели при включении ряда контрольных переменных выявленная в модели 1 взаимосвязь по-прежнему наблюдается. Третья и четвертая модели исследуют отношение между характеристиками компании работодателя и значением для них опыта заграничных стажировок у потенциальных сотрудников, а также возможный сигнальный эффект.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что большинство европейских работодателей не придают большого значения международному опыту потенциальных сотрудников, принимая решения о найме, хотя наблюдаются значительные вариации в зависимости от страны расположения организации. В то же время международный опыт выпускника особенно ценится, когда работодатели заинтересованы в соискателях, обладающих знаниями иностранных языков и навыками принятия решений. Также ценность международного опыта имеет большее значение в более интернациональных организациях.

THE ACCURACY OF MIGRATION DISTANCE MEASURES

[Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson (2017). The accuracy of migration distance measures // Population, space and place. 23(1). n/a-n/a. doi.org/10.1002/psp.1971]

Расстояние – одна из ключевых характеристик миграции. Однако, как правило, точных данных о дальности перемещения у исследователей нет. Поэтому стандартный выход из ситуации – расчет расстояния между центроидами административно-территориальных единиц (стран, регионов, муниципалитетов) исхода и прибытия. Разумеется, таким образом можно получить лишь приблизительно верные данные о расстоянии миграции. Насколько велика погрешность?

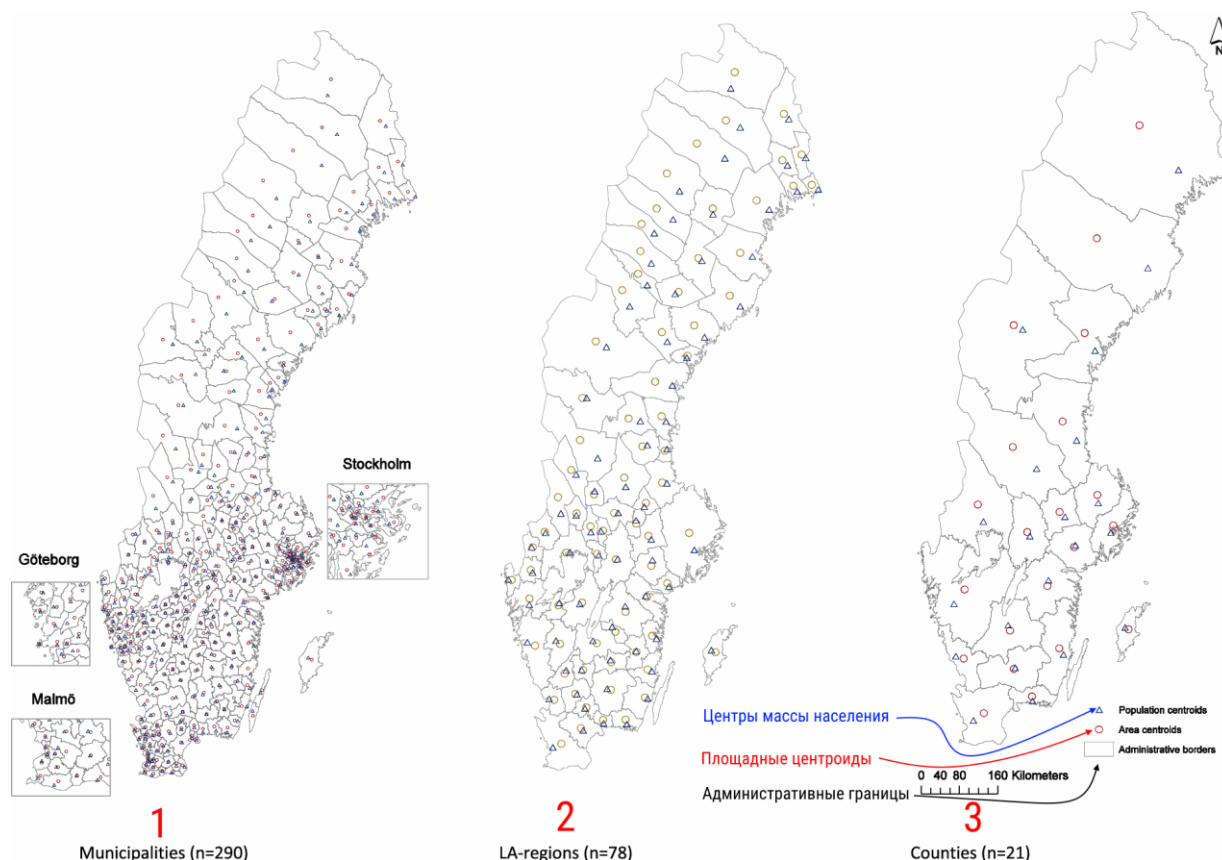
Томас Недомысл, Ульф Эрнстсон и Урбан Франссон ответили на этот вопрос, используя уникальные шведские данные⁴. Для каждого внутреннего мигранта, совершившего перемещение внутри страны в 2008 г., известны точные координаты прежнего и нового мест жительства. Авторы сравнивают реальную дальность перемещений с данными, полученными в результате расчета расстояния по центроидам графств⁵ (21), LA-регионов⁶ (78) и муниципалитетов (290). Кроме того, авторы приводят расчеты для площадных центроидов и центров массы населения, которые (как видно на рисунке 9) могут довольно сильно различаться, особенно в северных, не густо заселенных районах.

---

⁴ О похожем исследовании британских коллег мы писали сравнительно недавно (URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0695/digest01.php>). Однако там в качестве наиболее детальных данных использовались не фактические расстояния миграции, а агрегированные данные, рассчитанные на уровне почтовых индексов.

⁵ Соответствуют европейскому уровню NUTS-3.

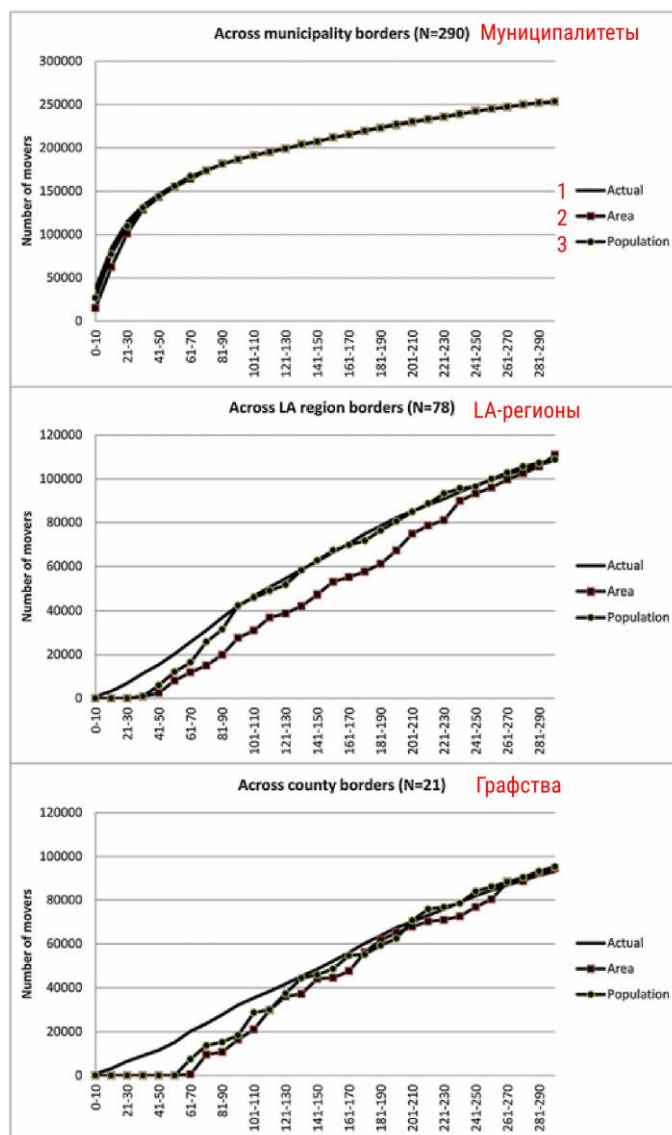
⁶ Регионы Швеции, выделенные на основании оценки локальных рынков занятости.

Рисунок 9. Центроиды муниципалитетов (1), ЛА-регионов (2) и графств (3) Швеции, рассчитанные по площади (красный круг) и плотности населения (синий треугольник) (изображение в высоком разрешении по клику)

Результаты сравнения (рисунок 10) показывают, что расчетные дальности миграции существенно завышены. Различия тем больше, чем выше иерархический уровень пространственной агрегации данных – максимальные различия на уровне графств, а на уровне муниципалитетов различия минимальны. Кроме того, использование площадных центроидов (а именно они, как правило, и доступны исследователю) значительно уступает по точности использованию центроидов, основанных на пространственном распределении населения.

Помимо иллюстрации систематической ошибки в широко используемых данных о дальности миграции, авторы видят научную ценность своей работы в иллюстрации различий между оценками расстояний по площадным центроидам и центрам масс населения. При возможности всегда стоит рассчитывать центроиды административных единиц, учитывая пространственное размещение населения.

Рисунок 10. Накопленные числа мигрантов в зависимости от дальности миграции: реальные данные (1), площадные центры (2), центры населения (3) в муниципалитетах (верхняя панель), LA-регионах (центральная панель) и графствах (нижняя панель) Швеции; все внутренние переселения, 2008

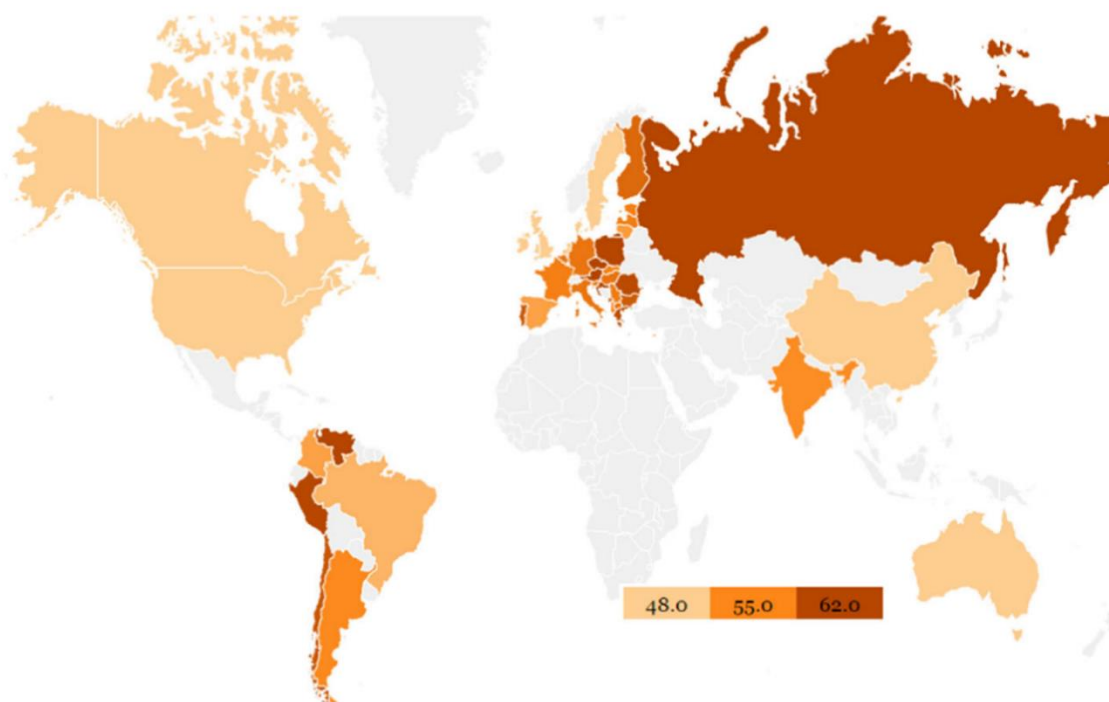
HAPPINESS, STRESS, AND AGE: HOW THE U CURVE VARIES ACROSS PEOPLE AND PLACES

[Graham C., J.R. Pozuelo (2017). *Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places* // *Journal of population economics*. 30(1): 225-264. doi.org/10.1007/s00148-016-0611-2]

Многочисленные эмпирические исследования показывают, что взаимосвязь между возрастом и удовлетворенностью жизнью (счастьем) имеет U-образную форму: с начала взрослой жизни чувство счастья начинает снижаться, достигая нижней отметки в годы среднего возраста (обычно от 40 до 60 лет), а затем вновь растет с течением жизни. При этом наблюдается яркая отрицательная взаимосвязь между уровнем счастья и уровнем

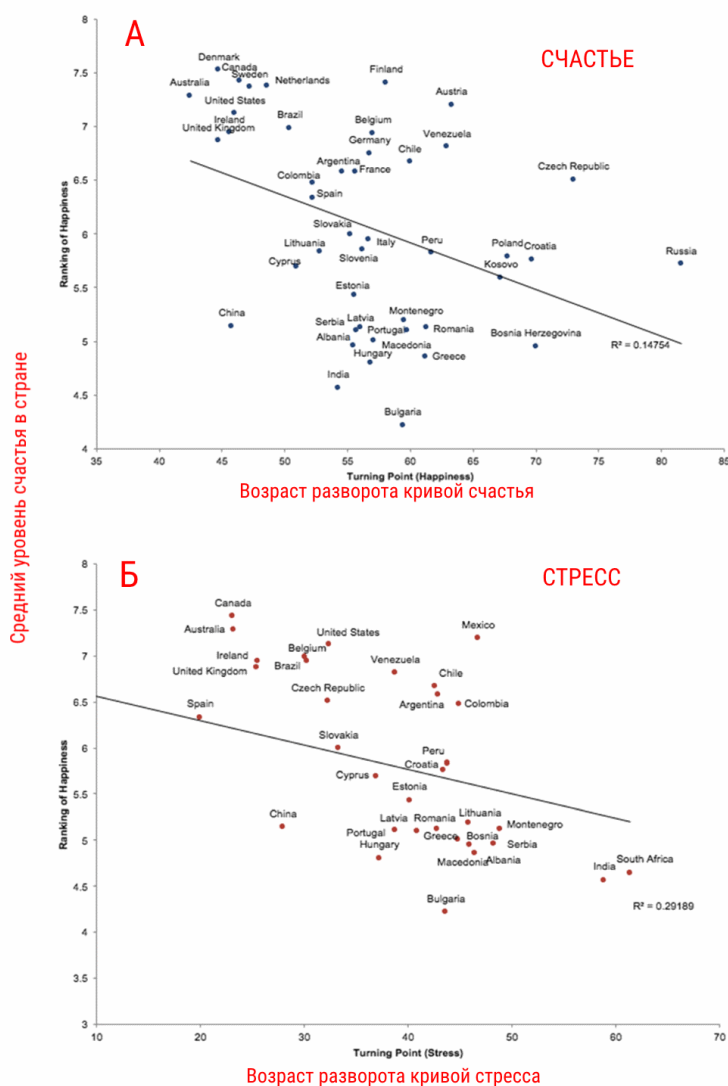
стресса. Динамика уровня стресса демонстрирует обратную зависимость от возраста – выгнутая кривая. Кэрол Грэм и Джулия Руис Посуэло впервые сравнили кривые удовлетворенности жизнью и стресса в значительном числе стран мира. По их данным, эта вогнутая форма кривой удовлетворенности жизнью прослеживается в 44 из 46 исследуемых государств, а перевернутая кривая уровня стресса – в 34 странах.

Переломный момент в уровне счастья наступает в различном возрасте в разных странах (рисунок 11).

Рисунок 11. Средний возраст минимума кривой счастья в изученных 46 странах

Исследователи обнаружили, что некоторые нации можно назвать более счастливыми, чем другие: в них раньше достигается нижняя точка кривой счастья и начинается рост уровня удовлетворенности жизнью. Как правило, в этих же странах раньше наступает переломная точка уровня стресса. Один из главных выводов исследования заключается в том, что время поворота кривых счастья и стресса варьируется в зависимости от среднего уровня счастья в стране (рисунок 12) и от положения отдельных лиц в распределении благосостояния. Таким образом, люди, которые находятся выше в распределении благосостояния, и люди в странах с более высоким уровнем среднего благосостояния проживают больше счастливых и свободных от стресса лет. Данный феномен может иметь культурные и генетические предпосылки.

Рисунок 12. Отрицательная корреляция между средним уровнем счастья в стране и возрастом разворота кривых счастья (А) и стресса (Б)

Регрессионные модели исследователей строятся на основе массива данных 2005-2014 гг., содержащих информацию о возрасте, семейном положении, поле, занятости, образовании и доходах респондентов из разных стран. Их также просили определить свой уровень удовлетворенности жизнью в баллах от 0 до 10, где 10 – самый лучший образ, которым могла сложиться их жизнь.

В большинстве случаев прослеживается взаимосвязь между уровнем счастья нации и уровнем ВВП государства, однако, это не всегда так. Например, многие страны Латинской Америки демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности жизнью, чем можно было бы судить на основе данных об их доходах, в то время как во многих странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза прослеживается обратная зависимость.

Авторы также выявили, что в среднем у более счастливых людей точка перелома U-кривой наступает раньше: 47 лет и ранее для наиболее счастливых, 58 лет для средней группы и 61 год для наименее счастливых людей.

Интересным фактом стало то, что неженатые люди в среднем оценивают свою жизнь хуже, чем женатые. Особенно данная тенденция прослеживается в США для людей среднего возраста (рисунок 13). При этом в Европе семейное положение не так сильно влияет на довольство жизнью респондентов. Авторы отмечают, что данная особенность может быть объяснена традиционным институтом брака в США, а также тем, что более счастливые люди склонны вступать в брак друг с другом.

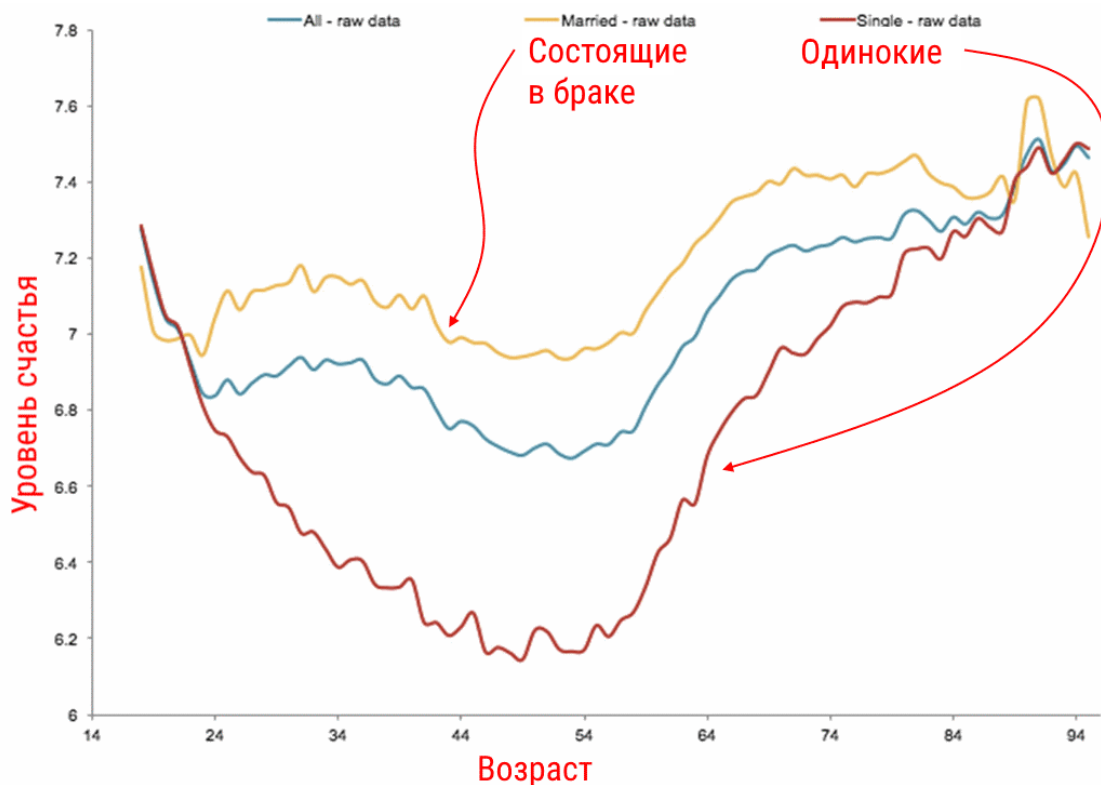

Рисунок 13. Различия кривых счастья между женатыми и холостыми американцами

YOUNGER ADULTS AND HOMEOWNERSHIP IN EUROPE THROUGH THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS

[Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald (2016). *Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis* // *Population, space and place*. 22(8): 823-835. doi.org/10.1002/psp.1961]

Во время мирового финансового кризиса 2007-2008 гг. экономики большинства стран пришли в упадок, наблюдалась значительная нестабильность занятости. Исследователи выдвигали предположение о том, что неопределённость карьеры во время кризиса должна была негативно отразиться на возможностях перехода молодых людей в самостоятельную жизнь и покупку собственного жилья. Авторы статьи К. Леннарц, Р. Арундел и Р. Рональд проверяют достоверность подобных рассуждений для ряда западноевропейских стран.

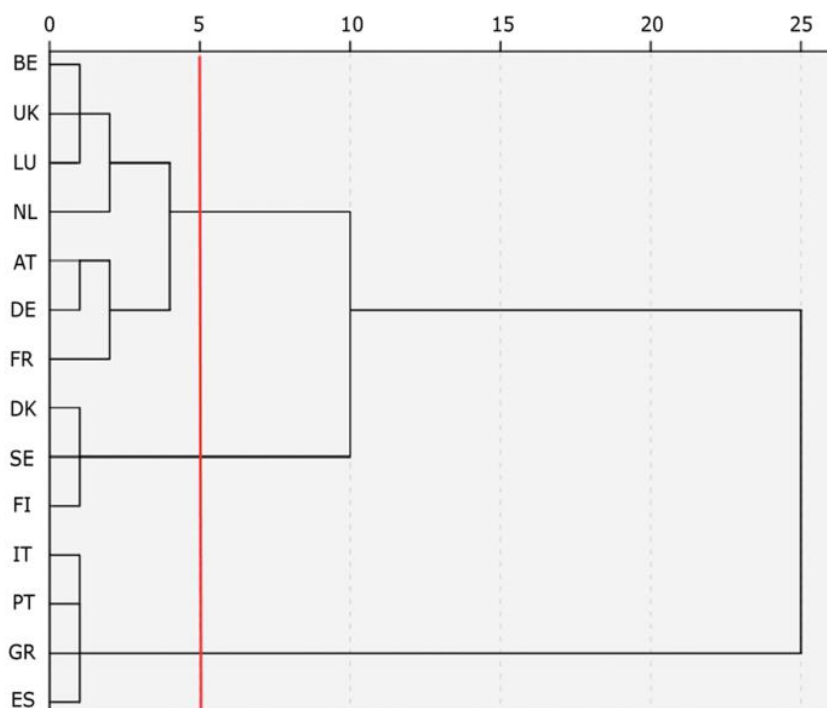
В исследовании ставятся две основные цели: 1) задокументировать изменения в условиях жизни молодых людей в разных странах Западной Европы в посткризисный

период; 2) объяснить выявленные различия и ответить на вопрос: действительно ли молодежь будущего – «поколение ренты»?

Исследователи использовали данные выборочных обследований Евростата по 15 странам Евросоюза. Размер выборки составляет примерно 130 000 домашних хозяйств или 270 000 человек в возрасте 16 лет и старше. Авторы исключили много стран из-за отсутствия или недостоверности данных для некоторых волн обследования. Более того, было решено исключить страны Центральной и Восточной Европы, поскольку их рынки жилья функционируют иным образом.

Основными переменными стали категории владения и пользования. Предварительно авторы статьи выяснили, жили ли молодые люди с одним или обоими родителями (приемными родителями) или же они жили всегда независимо. Индивидам, которые не жили с родителями, был присвоен статус «домовладельцы» или же «арендаторы». Оставшаяся категория («проживание с родителями») показывает сильное влияние семьи на первых этапах развития карьеры молодых людей.

Для визуализации различий между изучаемыми странами в поведении молодых людей после кризиса авторы использовали иерархическую кластеризацию методом Варда (рисунок 14), который подходит для небольших выборок и особенно хорош тем, что не требует предварительного определения числа групп.

Рисунок 14. Кластеры по категориям владения жильем молодых людей в 15 странах Европейского союза, 2007

Фактическая группировка стран ЕС-15 была основана на трех переменных жилья: относительные доли молодых людей (18-34 лет) с родителями; доля тех, кто живет как домовладелец; доля проживающих в арендованном жилье. Обобщенная таблица представлена ниже (таблица 2).

Таблица 2. Изменение условий жизни молодых людей (18-34 года) в 15 странах Европейского союза, 2007-2012

	Доля в 2007 г.			Изменение доли за 2007-2012 гг., процентные пункты		
	владение	аренда	совместное проживание с родителями	владение	аренда	совместное проживание с родителями
<i>Скандинавские страны</i>						
Дания	38,9	47,0	14,1	-12,4	8,8	3,6
Швеция	42,2	41,5	16,3	-6,6	-0,7	7,2
Финляндия	36,7	42,8	20,5	-3,1	2,2	0,9
<i>Южно-европейские страны</i>						
Греция	20,1	18,7	61,2	-3,8	1,9	1,9
Италия	22,8	12,4	64,9	-3,9	0,1	3,7
Испания	33,2	8,5	58,3	-7,2	6,5	0,7
Португалия	27,5	9,7	62,8	-5,6	2,8	2,8
<i>Континентальная Европа - аренда</i>						
Австрия	19,6	33,5	46,9	-4,4	4,3	0,1
Франция	24,0	45,6	30,4	-1,1	-6,4	7,5
Германия	15,3	46,3	38,4	-0,9	0,7	0,2
<i>Континентальная Европа - владение</i>						
Бельгия	31,5	28,8	39,7	-0,1	-0,6	0,7
Люксембург	29,1	24,5	46,4	-2	-3,5	5,4
Нидерланды	40,1	29,9	30	-7,6	3,9	3,7
Великобритания	33,4	25,8	40,7	-10,2	8,6	1,6
ЕС-15 (среднее)	29,6	29,6	40,8	-5,0	2,1	2,9

Результаты анализа подтверждают общую тенденцию к сокращению доступа к домовладению, приводя к появлению более крупных арендных секторов во многих странах. Тем не менее пока рано говорить о появлении «поколения ренты», потому что более сильный процесс трансформации направлен на повышение доли молодых людей, живущих совместно с родителями. Эмпирическая часть исследования еще раз показала, что направления этих сдвигов могут сильно варьироваться в разных странах, где кризис в некоторых случаях подорвал существующие модели расселения и привел к перестройке жилищных отношений в молодых поколениях. Более того, исследование показывает, что более высокие посткризисные спады в домовладении также связаны с неблагоприятными условиями на рынке труда. Скорее всего, именно неустойчивость финансовых рынков жилья приводит к возрастающим трудностям приобретения жилья для молодых людей.

CONTEXTUALIZING MIGRANTS' STRATEGIES OF SEEKING MEDICAL CARE IN RUSSIA

[Demintseva E., D. Kashnitsky (2016). *Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia // International migration. 54(5): 29-42. doi.org/10.1111/imig.12247*]

Статья посвящена острой на сегодняшний день проблеме доступа к медицинской помощи среди мигрантов из стран Центральной Азии, живущих и работающих в Москве, и основана на данных этнографического исследования НИУ ВШЭ, проведенного в 2014-2015 гг. в рамках проекта "Мигранты в Москве: интеграция в городское пространство и

социокультурная адаптация в городе".

Исследование включало 60 полуформализованных интервью с трудовыми мигрантами и 23 глубинных интервью с сотрудниками московских медицинских учреждений, которые регулярно оказывают услуги мигрантам. В работе детально исследуется доступная мигрантам инфраструктура медицинской помощи Москвы: городские клинические больницы, поликлиники, станции скорой помощи, травмопункты, частные медицинские центры, аптеки и прочее. Также в работе анализируются формальные и неформальные стратегии, к которым мигранты прибегают, чтобы попасть на прием к медицинским специалистам.

Существует представление, что мигранты по определению здоровы, даже если на самом деле это не так. У них нет времени думать о своем здоровье. В миграции они мобилизуют свои силы, в крайнем случае идут в аптеку, покупают самые дешевые обезболивающие, заглушают болезнь и выходят больные на работу. Из-за этого многие болезни переходят в запущенное состояние. Поэтому самое частое обращение к врачам у мигрантов в экстренных случаях, когда речь идет уже о вызове "скорой" или о самостоятельном обращении в приемное отделение городской больницы, что для иностранцев по-прежнему бесплатно.

Когда речь идет о плановом лечении, оно практически всегда платно. Мигранты вынуждены формировать и вырабатывать собственные стратегии обращения в медицинские учреждения Москвы, преодолевая множественные барьеры на пути к получению медицинской помощи. Трудности не ограничиваются отсутствием ОМС, но также включают недостаток информации о доступной помощи, низкий заработок, ненормированный рабочий день, дискриминацию в медицинских учреждениях и прочие сложности недружественного отношения.

В последние несколько лет самым типичным местом обращения за плановой медицинской помощью стали "киргизские клиники" – так принято называть частные медицинские центры, где работают доктора из Киргизии. Эти клиники дают рекламные объявления в московских газетах на киргизском и узбекском языках. В городе существует около трех десятков подобных частных клиник. Киргизские клиники значительно дешевле других городских частных клиник (в среднем на 20-30%). Однако цена – не единственное конкурентное преимущество "киргизских клиник". Важной причиной обращений к "своим" является единство культурного и языкового пространства и отсутствие психологического барьера в общении с докторами и администраторами. Доктора из Средней Азии более охотно вникают в социально-психологические особенности трудовых мигрантов. "Часто бывает, что я здесь на работе выступаю не в роли терапевта или кардиолога, но психолога. Я хорошо понимаю проблемы мигрантов - нашел общий язык с ними" (киргиз, 30 лет, терапевт "киргизской клиники").

Тем не менее, не имея стабильного решения для плановой медицинской помощи, мигранты часто вынуждены обращаться к неформальным стратегиям. Это зачастую обращение к посреднику, такому же мигранту, который на родине был медработником среднего звена (медсестрой, фельдшером, акушеркой) и в настоящее время работает в Москве не по специальности. Для многих "помощников" этот вид деятельности является

подработкой. Они сами могут поставить капельницу или сделать укол, или же у них есть связи в государственной поликлинике, и они лично договариваются с медперсоналом в обход официальных тарифов и медицинского страхования. Иногда самоорганизация внутри мигрантских сообществ приобретает более структурированные формы: так, в Москве при поддержке общественного фонда действует специальная телефонная горячая линия по вопросам здравоохранения на таджикском и русском языках. Звонки принимает оператор-терапевт, который проводит первичную диагностику и перенаправляет к одному из "сетевых" врачей-волонтеров, работающих в частных и государственных клиниках. Таким образом, оперативно восполняется недостаток социального капитала у недавно приехавших мигрантов.

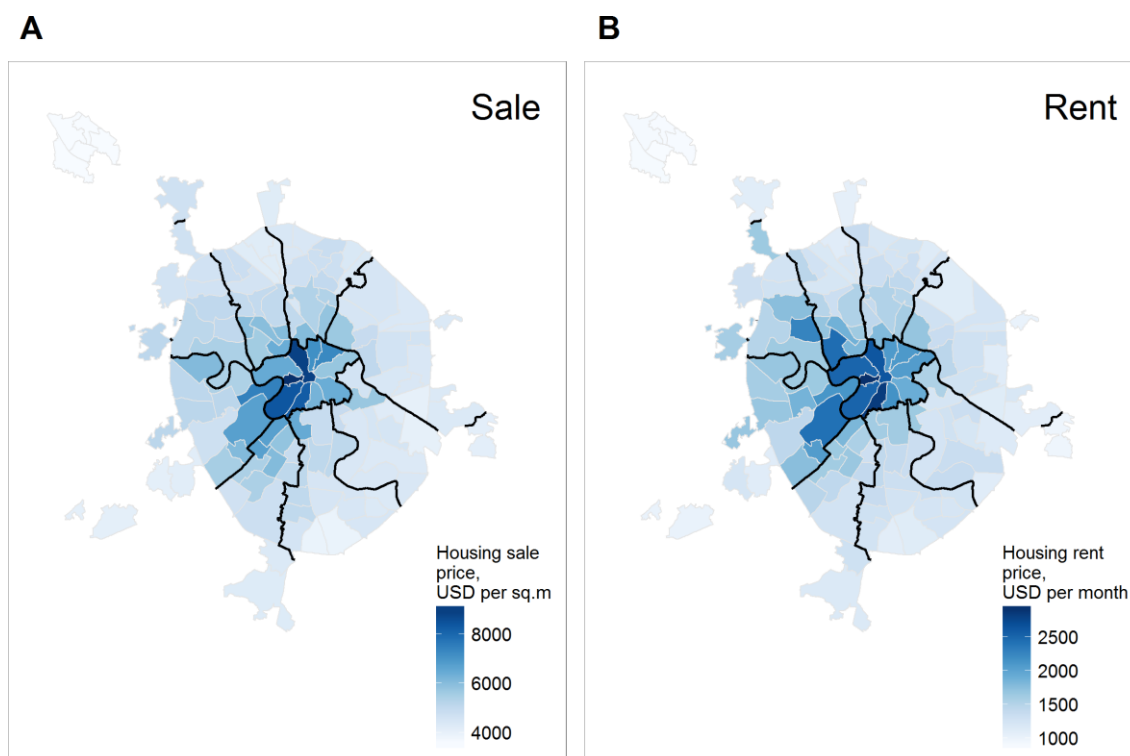
Устойчивые решения в области медицинского обслуживания для мигрантов – один из ключевых показателей того, насколько ответственно принимающее общество подходит к вопросу создания достойных условий жизни и адаптации мигрантов. В результате, как показывают ведущие мировые исследования в области бедности и неравенства, чем ниже социальная исключенность и маргинализация отдельных групп населения (социальные институты доступны для всего общества) тем выше уровень благополучия и стабильности для всего общества, в целом: бедных и богатых, местных и приезжих.

SPATIAL VARIATION OF IN-MIGRATION TO MOSCOW: TESTING THE EFFECT OF HOUSING MARKET

[Kashnitsky I., M. Gunko (2016). Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market // Cities. 59: 30-39. doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.025]

Переход от плановой к рыночной экономике в странах Центральной и Восточной Европы привел к изменению логики городского развития. Результаты исследований постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы свидетельствуют о том, что развитие рынка жилья и рост материального неравенства среди населения способствуют социально-экономической поляризации городских районов и сегрегации. С 1990-х годов интенсивная миграция в постсоциалистические столицы, наряду с повышением внутригородской жилищной мобильности населения, в значительной степени способствовали трансформации городских районов (их внешнего вида, инфраструктурной обеспеченности и социальной структуры). Москва – крупнейший и один из самых миграционно привлекательных городов постсоциалистического/постсоветского пространства. Это один из ярких кейсов для изучения пространственной вариации выбора жилья мигрантами.

Данная работа посвящена изучению пространственной вариации выбора жилья вновь прибывшими в Москву, иными словами интенсивности миграции в определенный район города, на основе статистических данных за 2012 г. С этой целью были проанализированы типы миграционных потоков по полу, возрасту, территории происхождения, а также их интенсивность для 125 районов Москвы в ассоциации со средними ценами на жилье в них (рисунок 15).

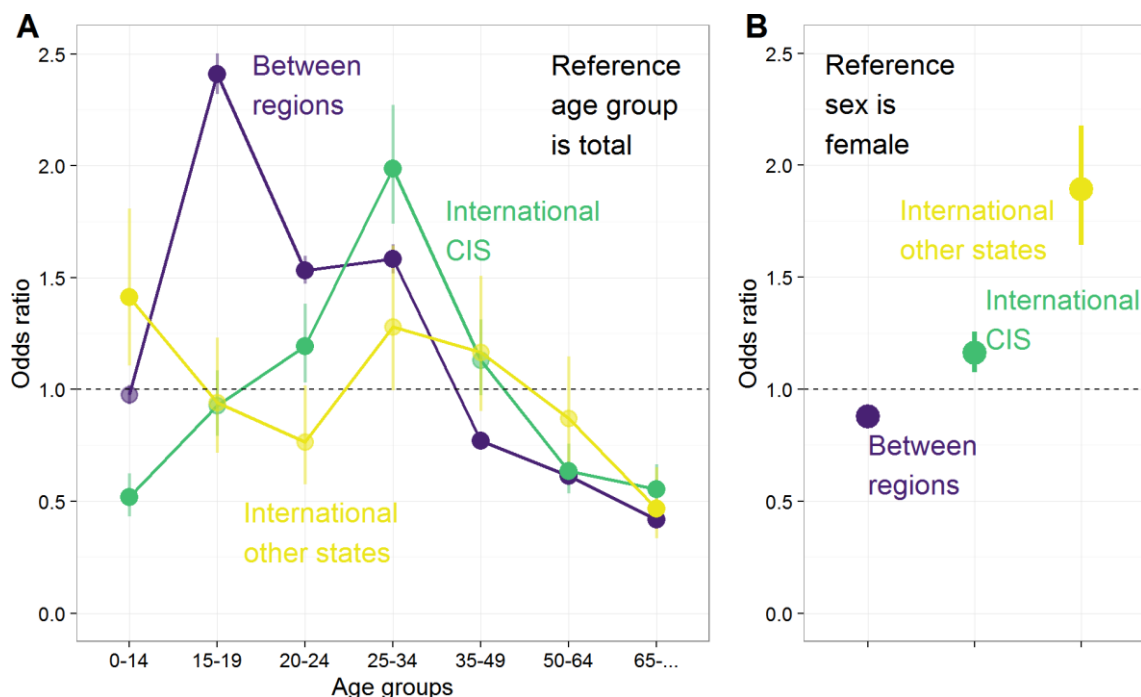

Рисунок 15. Средние цены покупки (А) и съема (В) жилья в районах Москвы, данные за 2012 г.

Интенсивность миграционных потоков в Москву оказалась очень неравномерно распределена в зависимости от территории происхождения. На внутрироссийскую миграцию (межрегиональную) приходится 91,3% всего притока в Москву. Остальные 8,7% – это международная миграция, в которой превалирует поток из стран СНГ (примерно три четверти прибывших международных мигрантов). Приток мигрантов из стран дальнего зарубежья составляют всего лишь 2,2% от всей миграции в Москву. Внутрироссийские мигранты "самые молодые", так как большей частью это студенты; дополнительный анализ показал, что районы города, в которых есть крупные студенческие общежития, получают почти в три раза более интенсивный приток мигрантов в возрасте 15-19 лет. Кроме того, во внутрироссийском миграционном потоке в Москву преобладают женщины. Международные мигранты в среднем старше, и среди них преобладают мужчины.

Пространственные закономерности миграционного притока в районы города связаны с типом миграционного потока, а именно территорией происхождения. Внутрироссийские мигранты и выходцы из стран СНГ, как правило, предпочитают селиться в непрестижных районах Южного, Юго-Восточного и Восточного административных округов. Выявленная закономерность позволяет высказывать гипотезу об относительно низком доходе вновь прибывших, что во многом ограничивает их в выборе жилья. Кроме того, на выбор места проживания мигрантами из стран СНГ может оказывать влияние дискриминация на рынке жилья. Мигранты из дальнего зарубежья, как правило, селятся в более престижных центральных районах. Эти общие предпочтения свидетельствуют о социально-экономической дифференциации между тремя типами мигрантов. Кроме того, любопытно посмотреть на интенсивность притока детской миграции: мигранты из дальнего

зарубежья приезжают в среднем возрасте и, как правило, с детьми, в то время как мигранты из стран СНГ не могут себе этого позволить (рисунок 16).

Рисунок 16. Относительная интенсивность притока мигрантов в районы Москвы в зависимости от возраста (А) и пола (В)

Эмпирические данные, полученные на основе исследований городов Глобального Севера, говорят о том, что выбор района проживания и цены на жилье в нем взаимосвязаны, по крайней мере, когда речь идет об иммигрантах. Как правило, высокая стоимость жилья снижает вероятность того, что это местоположение в городе будет выбрано. Однако цены на жилье в Москве лишь ограниченно связаны с интенсивностью миграционного притока, иными словами, первым выбором жилья мигрантами (по крайней мере, когда анализ проводится на уровне городских районов), хотя связь и является статистически значимой. Этому феномену есть несколько возможных объяснений. Во-первых, выбор жилья некоторыми мигрантами не связан с их доходами. Например, студенты могут проживать в общежитиях или у родственников, располагаясь в районах с высокими ценами на жилье. Во-вторых, выбор района проживания может быть продиктован близостью к работе или учебному заведению, даже в престижных районах можно позволить себе снимать одну квартиру на несколько человек. Кроме того, престиж некоторых районов Москвы по-прежнему означает гораздо больше, чем объективные характеристики жилья. Поэтому вариация цен на жилье внутри района может быть очень значительной из-за объективных характеристик домов и инфраструктуры. Таким образом, даже в дорогих престижных районах можно найти относительно дешевый вариант проживания.

В целом полученные результаты о первом выборе жилья мигрантами говорят о том, что в какой-то степени процесс социально-пространственной дифференциации идет в современной Москве. Очевидно, некоторые районы привлекают больше мигрантов, чем другие. Но пространственные закономерности расселения мигрантов на уровне районов Москвы слабо соотносятся с ценами на жилье. Для изучения эволюции социально-

пространственной структуры Москвы уже на внутрирайонном уровне необходимы более подробные данные по миграции и ценам на жилье.

MIGRATION AND CONTEMPORARY MUSLIM SPACE IN MOSCOW. CONTEXTUALIZING NORTH CAUCASIAN LOUD DHIKR AND THE RELIGIOUS PRACTICES OF CENTRAL ASIAN FOLK MULLAS

[Oparin D.A. (2017). Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing North Caucasian loud Dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas // Contemporary islam. 11(1): 61-80. doi.org/10.1007/s11562-017-0383-9]

Статья посвящена двум явлениям современной московской мусульманской жизни: 1) громкому круговому зикру (мусульманская духовная практика, заключающаяся в поминании Аллаха), практикуемому чеченцами и ингушами в Исторической мечети; 2) религиозным практикам среднеазиатских мулл в Соборной мечети. Автор стремился избежать проблематизации своего исследования в рамках одного социального института или одного явления: было важно показать фрагментарность, а также социальный, этнический, идейный и поведенческий плюрализм московского мусульманского пространства. Именно поэтому он выбрал для изучения два разноплановых примера. С антропологической точки зрения статья показывает, как определенные мусульманские ритуальные практики производят пространство и конструируют идентичности.

Обе духовные практики популярны и имеют большое значение для немалого количества московских мусульман, в том числе и тех, которые не участвуют в них непосредственно. Общность этих двух духовных практик заключается также и в их маргинальности по отношению как к институционализированному московскому исламу, так и к набирающим вес радикальным формам исламских практик и идей. Несмотря на "маргинальность", практики локализуются в двух центральных мечетях города. Однако стоит отметить, что зикр проходит в подвале и не получает особенной поддержки со стороны администрации, а муллы предпочитают проводить обряды за стенами мечети на улице или в припаркованных напротив мечети машинах из-за запрета имамов. Таким образом, обе религиозные практики занимают периферийное положение в рамках пространства мечетей и локализуются, с одной стороны, в мечети, с другой стороны - за ее пределами.

Традиционные для определенных мусульманских регионов практики наполняются в инокультурном и иноверческом московском пространстве новыми смыслами. Здесь они воспроизводятся в рамках замкнутого и дискриминируемого сообщества и оказываются средством включения как в мусульманскую среду, так и шире – в московскую. Автор предполагает, что мусульманские практики мигрантов формируют не только религиозную идентичность верующих, но и, что не является очевидным, московскую.

Религиозные практики мигрантов-мусульман помогают сформировать неформальные горизонтальные связи внутри разобщенной мусульманской общины Москвы. Ритуал не только связывает непосредственных участников практики, формируя у них коллективную идентичность московского джамаата, но и перебрасывает мост между Москвой и родным регионом. Чечено-ингушская община Москвы, сформированная вокруг зикра, организует транспортировку тел на Кавказ, выделяет деньги родственникам умершего вайнаха, помогает вновь прибывшему обосноваться в Москве, приглашает видных религиозных деятелей Чечни и Ингушетии прочитать в мечети проповедь. Таким образом, транснационализм, который характеризуется состоянием пребывания человека и "там" и "здесь", в том числе обеспечивается и ритуальными практиками.

Мигранты переносят в московское мусульманское пространство религиозные институты, распространенные у них на родине. Таким образом, региональные религиозные практики способствуют этнизации московского мусульманского пространства. Привычные для мигрантов практики получают дополнительное значение в московской иноверческой среде. Они не просто удовлетворяют духовные потребности верующих, они примиряют их с московской религиозной средой и дают возможность человеку взаимодействовать с единоверцами в чужеродной для него среде.

Идея о том, что религиозная практика меняет пространство, оказывается популярной в миграционных исследованиях. Но практики не только меняют пространство, они его производят (используя терминологию Анри Лefевра). Религиозные практики среднеазиатских мигрантов отражают их представления о порядке, вере, традиции, исламе и создают среднеазиатское пространство в мечети, проявляющееся в возможностях (всегда

можно подойти к мулле или алиму и спросить, что нужно, высказаться, посоветоваться), связях (люди устанавливают новые контакты, слушая лекторов или общаясь с муллой), визуальности (мужской зал мечети после джума-намаза заполняется многоголосьем среднеазиатских лекций и пестрит известными мигрантам муллами и алимами, читающими Коран или проводящими какой-либо другой обряд). Дважды в неделю в Исторической мечети звучит зикр и проповедь на чеченском языке. В подвале, в котором собираются вайнахи, на время устанавливаются особенные правила и формируется исключительно чечено-ингушская среда. Здесь все говорят на чеченском, носят одежду зикриста, оберегают это пространство. Случайные прихожане не могут снимать зикр на камеру, иногда им бывает запрещено даже зайти внутрь.

И наконец, практики конструируют и воспроизводят идентичности. Приезжий оказывается членом московского джамаата, ходит в московскую мечеть и создает вокруг себя социальный круг, состоящий из жителей Москвы. Мигрант оказывается вписанным в рамках московского пространства в определенную мусульманскую микросреду.

LABOUR MIGRANTS IN POST-SOVIET MOSCOW: PATTERNS OF SETTLEMENT

[Demintseva E. (2017). Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement // Journal of ethnic and migration studies. 0(0): 1-17. doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053]

Место проживания в городе сильно влияет на социально-экономическую интеграцию мигрантов в принимающее общество. На выбор места жительства приезжающих в город трудовых мигрантов может повлиять не только стоимость жилья и его расположение, но и этническое происхождение мигранта, его религиозная принадлежность, социальный статус, а также наличие (или отсутствие) социальных связей в городе. Как показывают исследования, примеры расселения в городе мигрантов могут быть разными: для выходцев из одной страны и социальной группы важна опора на существующую этническую структуру, привязанную к определенной территории; в других случаях мигранты ориентированы на существование в городе «своих» социальных сетей, не привязанных к территории, но с помощью которых они активно взаимодействуют.

Существует обширная литература о влиянии места жительства на социально-экономическую интеграцию мигрантов в городах Северной Америки и Европы. При этом примеров изучения в этом контексте постсоветских, и, более конкретно, российских городов мало. Эта статья, написанная по итогам исследования жизни трудовых мигрантов из Средней Азии в Москве, отвечает на вопросы: как влияет пространство города, в советский период предполагавшего в своей структуре социальное смешение и отсутствие городской сегрегации, на расселение трудовых мигрантов сегодня? Можно ли говорить о том, что отсутствие сегрегации в постсоветском городе, доставшееся в наследство с советских времен, влияет на социально-экономическую интеграцию мигрантов?

Изучение моделей расселения мигрантов из Центральной Азии в Москве приводит к двум ключевым выводам. Во-первых, трудовые мигранты могут найти жилье в любом

районе Москвы из-за социального смешения, которое сохраняется во всех районах города с советских времен, и на сегодняшний день мы не можем говорить о существовании районов, где концентрируются мигранты из конкретных стран или регионов. Во-вторых, несмотря на то, что в Москве нет «этнических» районов, мигранты поддерживают контакты со своими сообществами: своей этнической группой, соотечественниками из того же города или региона. Именно благодаря этим связям они могут найти жилье и работу в городе и узнают о возможностях использования городской инфраструктуры.

Закономерность расселения мигрантов в Москве больше всего соответствует модели гетеролокализма Зелинского и Ли⁷, которая отводит ключевую роль новым технологиям (телефон, Интернет) в обеспечении общения между мигрантами, рассеянными в мегаполисе.

Данное исследование указывает на важную роль структуры постсоветского города с ее социальным смешением, унаследованным с советских времен, на расселение трудовых мигрантов. Из-за большого количества социального жилья, построенного по всей Москве в советское время, а также сохранившихся коммунальных квартир в центре города, цена «спального места» в квартире на окраине города для мигранта мало отличается от цены в любом другом районе города. Таким образом, мигранты могут найти дешевые квартиры даже в более «престижных» районах и поселиться поблизости от их места работы. Кроме того, отсутствие государственных программ социального жилья, предназначенных для мигрантов, не приводит к концентрации трудовых мигрантов в конкретных московских кварталах.

В результате в отличие от европейских и американских мегаполисов, в которых есть районы высокой концентрации мигрантов, в Москве нет этнической и социальной территориальной сегрегации, а сообщества мигрантов из Средней Азии не концентрируются в каких-то конкретных районах Москвы. Тем не менее члены таких сообществ поддерживают связи и создают собственную социальную инфраструктуру в городе («киргизские клиники», узбекские и киргизские кафе и рестораны). Но все эти места досуга и учреждения не привязаны к определенному кварталу.

Однако, несмотря на то, что социальное смешение, которое мы наблюдаем в Москве, должно способствовать социально-экономической интеграции мигрантов, большинство трудовых мигрантов из стран Средней Азии сталкиваются с дискриминационными практиками со стороны принимающего общества. Негативное отношение к мигрантам, например нежелание арендодателей сдать квартиру для «нерусских» или «не славян», вынуждает мигрантов искать жилье только через свои сети. И, если они даже имеют возможности снять квартиру через агентство, негативное отношение арендодателей не позволяет им снять ту квартиру, которую они могут себе позволить. Правда, в отличие от американских городов, где подобная дискриминация на рынке жилья приводит к появлению «белых районов», в Москве ситуации концентрации мигрантов в отдельных

---

⁷ Zelinsky W., B.A. Lee (1998). Heterolocalism: an alternative model of the sociospatial behaviour of immigrant ethnic communities // International journal of population geography. 4(4): 281–298. doi.org/10.1002/(SICI)1099-1220(199812)4:4<281::AID-IJPG108>3.0.CO;2-O

районах и, соответственно, появления условных «белых» кварталов, не существует. Поскольку структура города не предполагает сегрегацию, мигранты могут снять квартиры в любой части города, но не всегда в желаемом сегменте жилья.

Несмотря на отсутствие явной этнической сегрегации в Москве, было бы неверно утверждать, что сама структура города подталкивает мигрантов из Средней Азии к интеграции. Дискриминационные практики со стороны государства и принимающего общества ставят барьеры на пути к интеграции. Однако можно предположить, что эта ситуация социального смешения может способствовать более успешной интеграции их детей. Во многих странах ключевой проблемой для «второго поколения» (детей мигрантов) является их изоляция в «этнических районах». Возможно, вследствие социально смешанной структуры города Москва избежит проблемы «второго поколения» в будущем.

VISUALIZING COMPOSITIONAL DATA ON THE LEXIS SURFACE

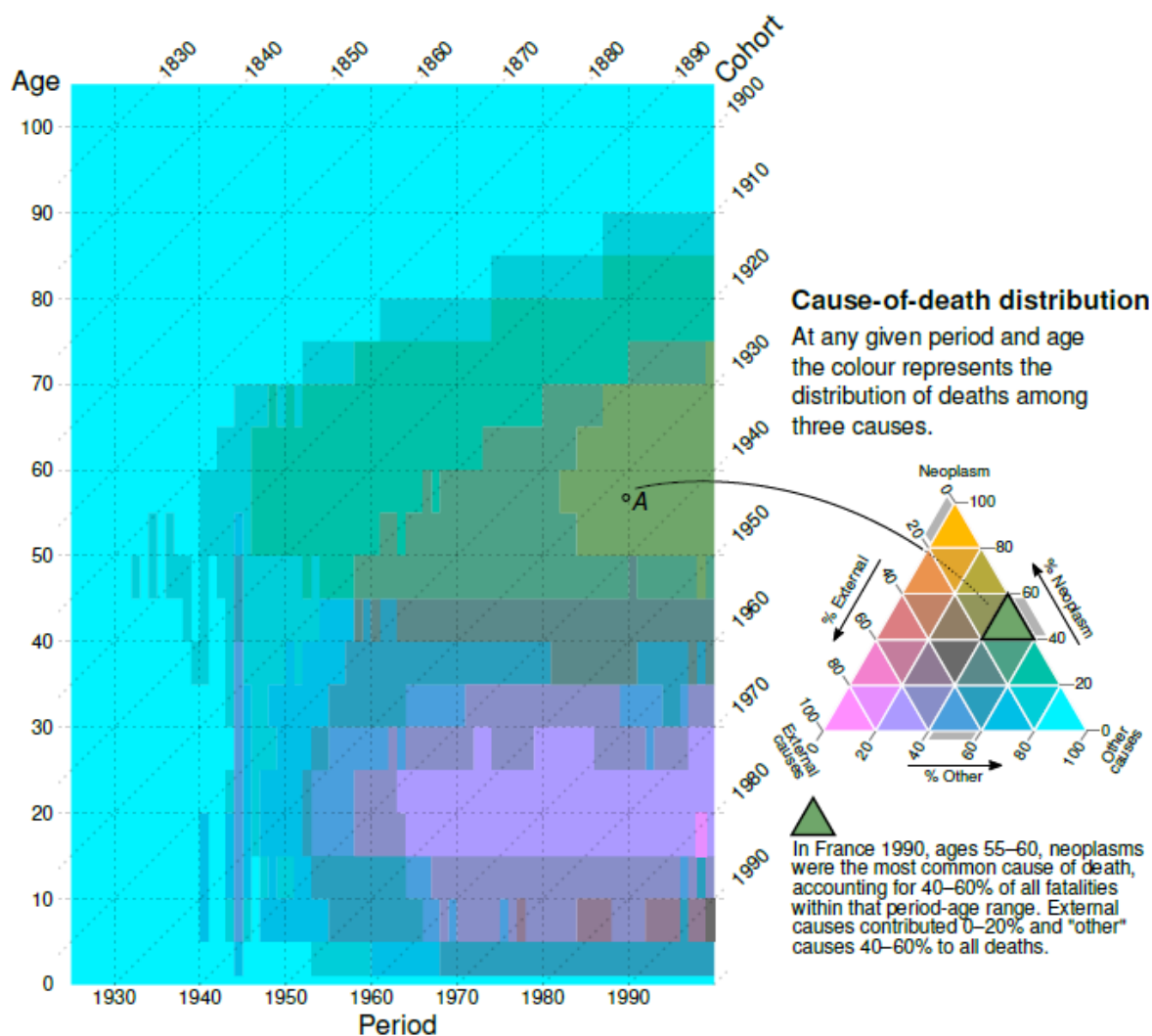
[Schöley J., F. Willekens (2017). *Visualizing compositional data on the Lexis surface // Demographic research. 36(21): 627–658. doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.21*]

Весьма нестандартную статью опубликовали недавно Йонас Щёлай и Франс Виллекенс в престижном *Demographic research*. Работа полностью посвящена тонкостям визуализации демографических данных. Используя математически выверенные и теоретически обоснованные цветовые схемы, авторы надеются расширить стандартный арсенал демографических способов визуализации данных, имеющих три классические временные компоненты: возраст, календарный период и когорта. В статье предложены четыре типа визуализации демографических данных, в основе которых лежит сетка Лексиса. Каждый из предложенных методов имеет свои ограничения и достоинства. Статья помогает понять, каким образом лучше отобразить демографические данные в каждом конкретном случае.

Четыре предложенных способа используют цвет для обогащения отраженной на графике информации. В зависимости от характера отображаемых данных и задач визуализации на выбор цвета накладываются ограничения: например, необходимость сохранения смысловой нагрузки при черно-белой печати или доступность графика для людей с искаженным восприятием цвета. Четыре предложенных способа это: Ternary-balance scheme (рисунок 18); Qualitative-sequential scheme (рисунок 19); Agewise-area plot (рисунок 20); Small multiples (рисунок 21). Все примеры иллюстрируют характеристики повозрастных коэффициентов смертности во Франции с 1925 по 1999 г.

Первый из способов – Ternary-balance scheme (рисунок 18) – использует подход, когда с помощью сочетания значений трех переменных кодируется цвет. Этот подход принципиально возможен благодаря тому, что любой цвет однозначно задается сочетанием трех базовых (красный, зеленый, синий) или трех дополнительных (желтый, голубой, розовый) цветов. К достоинствам метода стоит отнести феноменальную плотность отображенной информации при относительной простоте чтения и интерпретации графика. Объективные недостатки метода: потеря смысла при черно-белой печати и проблемах с

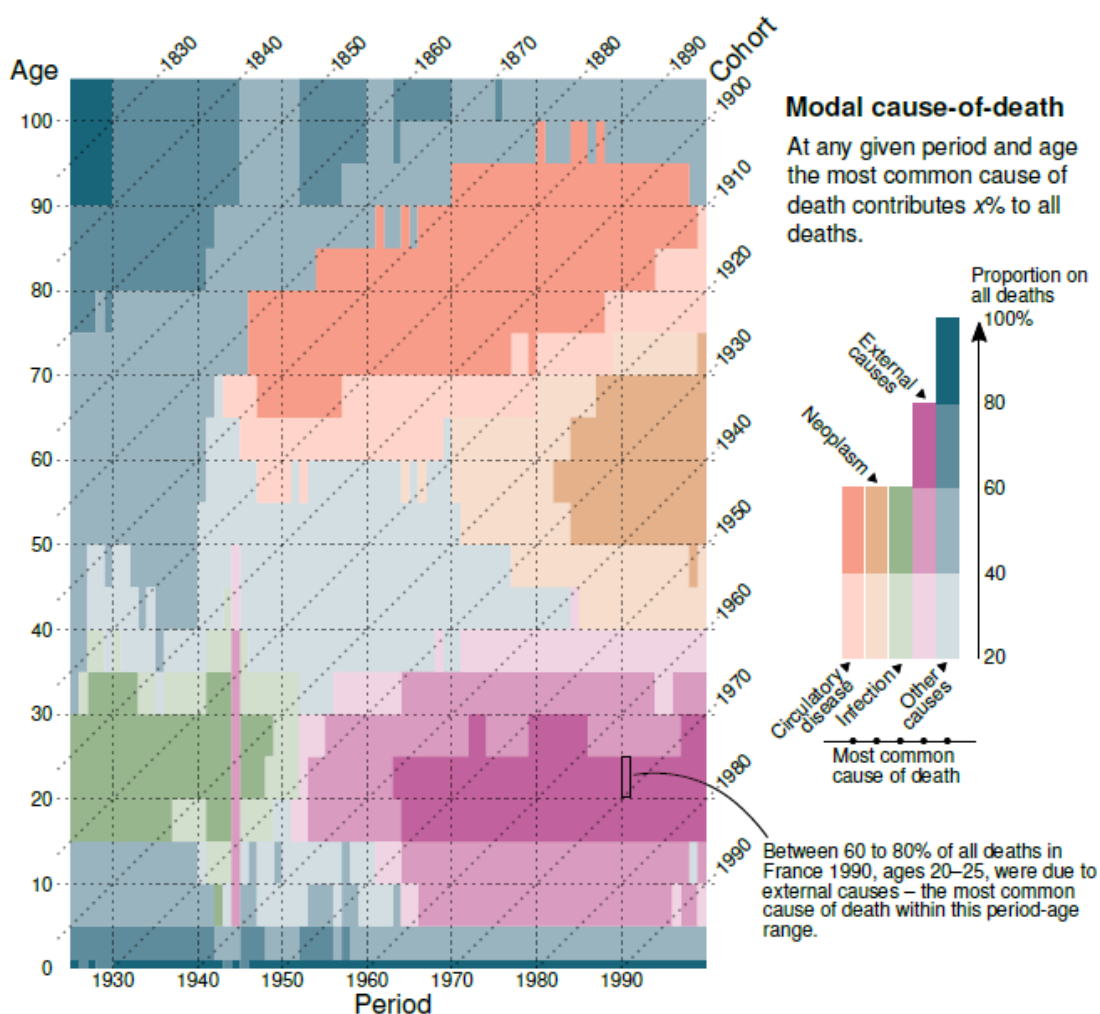
восприятием цвета. Также некоторое неудобство может доставлять необходимость использования именно трех категорий/переменных отображаемых данных.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

Рисунок 18. Ternary-balance scheme в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Цвет отражает структуру смертности по причинам, разделенным на три категории: новообразования, внешние и прочие

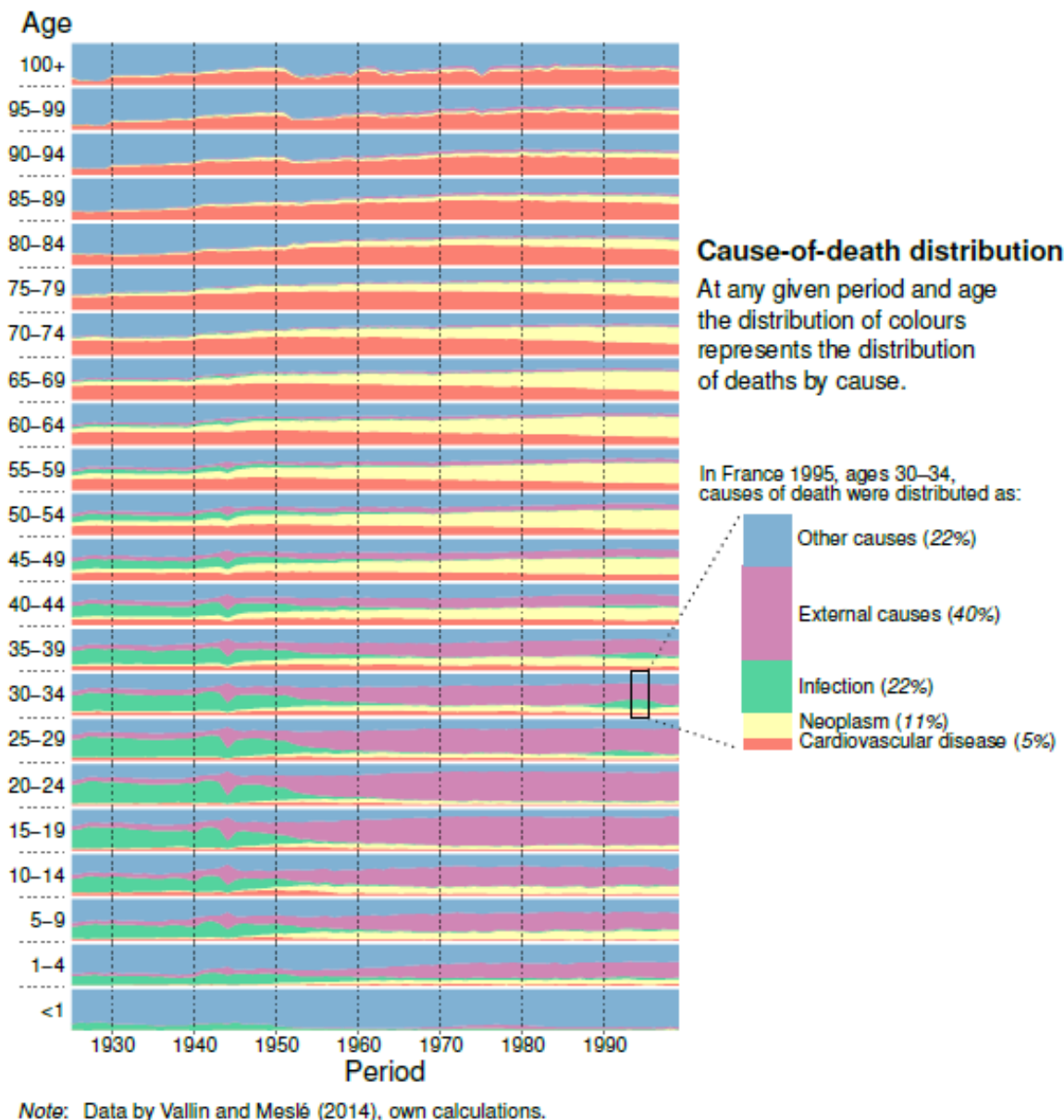
Второй способ – Qualitative-sequential scheme (рисунок 19) – позволяет отображать большее число категорий данных, однако в данном случае цвет обозначает лишь долю лидирующей причины смертности.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

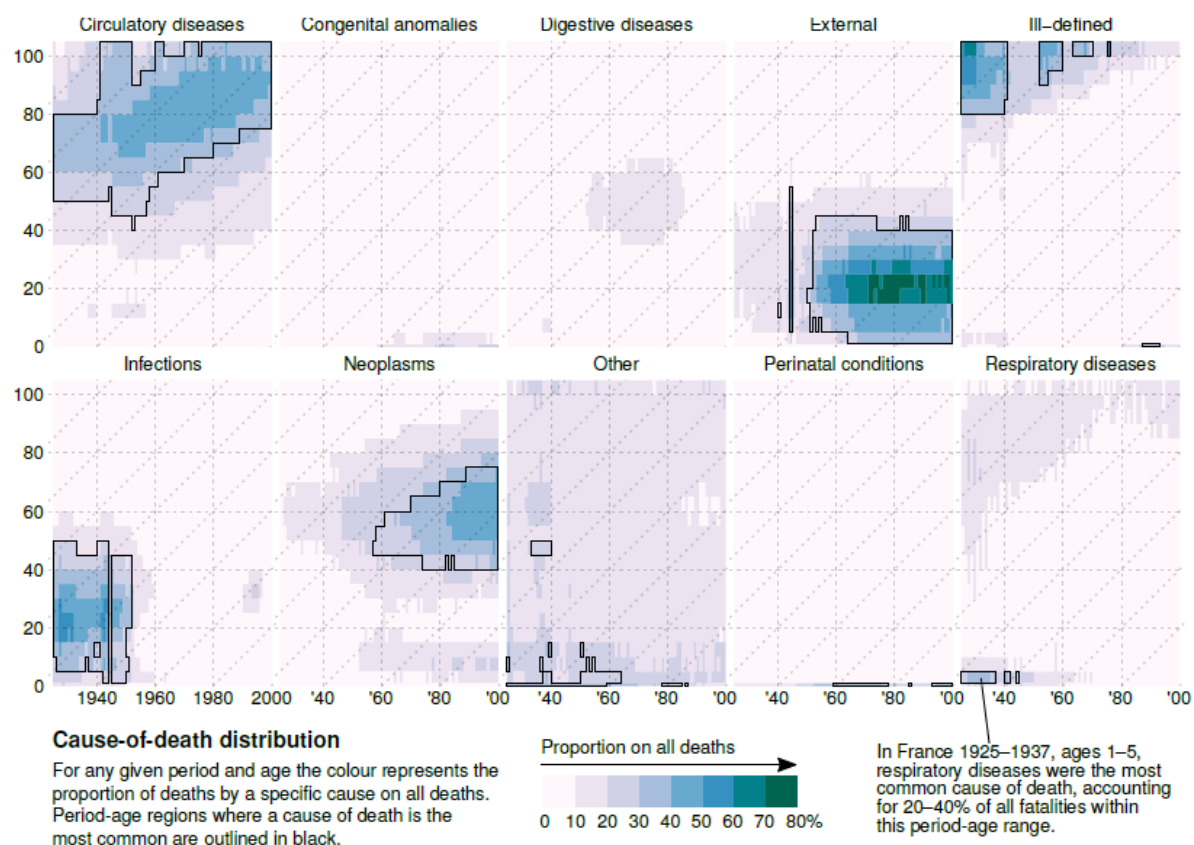
Рисунок 19. Qualitative-sequential scheme в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Цвет отражает долю смертей в определённом возрасте от лидирующей группы причин смерти

Третий способ – Agewise-area plot (рисунок 20) – отображает распределение смертей по причинам для пятилетних возрастных групп в виде состыкованных столбиковых диаграмм с накоплением. Графики данного типа вполне могут быть print & colorblind friendly.

Рисунок 20. Agewise-area plot в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999

Наконец, четвертый способ – Small multiples (рисунок 21) – позволяет отобразить конкретные значения данных каждой из категорий: отдельные графики для каждой из групп причин смерти располагаются рядом друг с другом для удобства сравнения.

Note: Data by Vallin and Meslé (2014), own calculations.

Рисунок 21. Small multiples в применении к повозрастным данным о смертности во Франции, 1925-1999. Доминирующая группа причин смерти обведена темно-серой линией

В завершающей части работы авторы рассуждают о сравнительных достоинствах и недостатках каждого из четырех предложенных методов, приводя как объективные (объем отображенной информации), так и субъективные данные о восприятии типов визуализации, подкрепленные ссылками на эксперименты.

Помимо эстетического совершенства графиков, необходимо отметить, что все примеры созданы с помощью принципиально бесплатного программного обеспечения с открытым кодом - скриптового языка программирования R. К опубликованной статье прилагается архив скриптов и данных для полного воспроизведения всех примеров. Таким образом, данная статья не только соответствует принципам воспроизводимости результатов, но и представляет собой небольшой учебник по визуализации демографических данных.

Йонас Щелай – автор великолепного Human Mortality Database Explorer⁸.

⁸ URL: <https://jschoeley.shinyapps.io/hmdexp/>

SIZE OF TOWN, LEVEL OF EDUCATION AND LIFE SATISFACTION IN WESTERN EUROPE

[Migheli M. (2016). *Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. n/a-n/a. doi.org/10.1111/tesg.12205*]

Урбанизация остается одним из наиболее стойких глобальных трендов нашего времени. Ожидается, что увеличение числа жителей городов, продолжающееся на протяжении последних трех веков, сохранится и в будущем. Это создает новые вызовы для экономистов и разработчиков политики городского развития. Не ограничиваясь вопросами материальных благ, они пытаются выявить показатели, которые воздействуют на удовлетворенность человека жизнью и могут стать полноценными индикаторами благополучия жителей.

Обратив внимание на результаты исследований, которые демонстрируют негативную корреляцию между уровнем удовлетворенности жизнью и размером города, Маттео Мигели предпринял попытку более детально изучить взаимосвязь между масштабами населенных пунктов, удовлетворенностью жизнью и уровнем образования жителей. Он проанализировал массив данных за 1989-2005 гг., собранных в рамках проекта World Values Survey (Всемирное обследование ценностей) в 17 странах Западной Европы.

Подтверждая результаты предыдущих исследований, автор обнаруживает обратную зависимость между размером населенного пункта и индивидуальной удовлетворенностью жизнью его жителей, которая показывает, что жители больших городов под влиянием негативных факторов урбанистической жизни ощущают себя менее удовлетворенными, нежели те, кто живет в маленьких поселениях. Включая в исследование переменную образования, представленную тремя уровнями (в контексте российского образования соответствует среднему, среднему специальному и высшему образованию), Мигели обнаруживает, что уровень образования оказывает статистически значимое влияние на взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и размером города. Проведенный анализ дает основания предположить, что уровень образования оказывает воздействие на величину эффекта и, следовательно, образование в значительной степени компенсирует негативные аспекты проживания в больших городах. Градация эффекта образования в зависимости от формы занятости респондентов показывает, что негативные аспекты проживания в городах почти всегда преобладают над позитивным влиянием уровня образования. Исключение составляют окончившие университет респонденты, занятые неполное время или являющиеся частными предпринимателями. В этом случае эффект образования компенсирует недостатки проживания в крупном городе.

Независимо от размера города и формы занятости, образование в целом повышает уровень индивидуального благополучия. При этом уровень образования оказывается даже важнее материального благополучия при компенсации негативного эффекта от проживания в крупном городе. Это позволяет автору предположить, что на индивидуальное благополучие в большей степени влияет непосредственно уровень образования. Этот образовательный дивиденд больше, чем положительный эффект от более высокого дохода, свойственного более образованным респондентам. Обратная закономерность также

отчетливо выражена: за счет дохода респонденты с низким уровнем образования не могут компенсировать низкий уровень удовлетворенности жизнью в большом городе.

Ключевые выводы статьи. Во-первых, индивидуальное благополучие увеличивается с повышением уровня образования, но уменьшается с размером населенного пункта. Во-вторых, образование обладает компенсаторной функцией и помогает жителям успешнее справляться с отрицательными сторонами жизни в мегаполисе. Здесь автору удается продвинуться дальше, чем его предшественникам, благодаря включению в анализ градации уровней образования, а также сравнительного эффекта образования в населенных пунктах разного размера. Обращая особое внимание на факторы, позволяющие жителям справляться с негативными аспектами проживания в условиях большого города (таких как загрязнение, агрессия, социальная разобщенность и неравенство), автор выделяет несколько позитивных моментов, связанных, в частности, с адаптивной функцией образования. Положительная корреляция между уровнем образования и доходом позволяет предположить, что доступ к высокооплачиваемой работе, возможности выбора наиболее благоприятного места проживания, спектр услуг и развлечений, расширяющийся с увеличением населенного пункта, который открывается для людей с высшим образованием, остаются недоступными для тех, чье образование ниже.

Автор отмечает, что установление причинно-следственных связей требуют проведения дальнейших исследований, как и возможное распространение результатов анализа на страны, не рассмотренные в работе. Возможная и еще одна интерпретация, согласно которой ценность образования как одного из составляющих элементов счастья уменьшается при увеличении концентрации высокообразованных людей, проживающих на той же территории. При этом плотность таких жителей имеет тенденцию увеличиваться с ростом населенного пункта. Возможно также, что недостатки проживания в мегаполисах превышают достоинства, снижая ощущение индивидуального благополучия для обладателей всех уровней образования и любого типа занятости.

DELAYED REGISTRATION AND IDENTIFYING THE "MISSING GIRLS" IN CHINA

[Shi Y., J.J. Kennedy (2016). Delayed registration and identifying the "missing girls" in China // The China Quarterly. 228: 1018-1038. doi.org/10.1017/S0305741016001132]

Один из самых ярких и волнующих демографических сюжетов, на протяжении многих лет привлекавший внимание как научного сообщества, так и широкой публики - колоссальная нехватка молодых женщин в Китае. Согласно доминирующему представлению, подтверждаемому вроде бы статистическими данными, значительное искажение половозрастной структуры в Китае было вызвано в первую очередь селективными абортами, когда при политике "одна семья - один ребенок" большинство семей предпочитали рожать мальчиков. В итоге китайскому обществу на протяжении последних лет прочили серьезные социальные проблемы, связанные с тем, что десяткам миллионов молодых людей просто не достанется девушек для создания семьи.

Йодзи Си и Джон Джеймс Кеннеди подвергли сомнению существование этого феномена как такового. Их анализ показал, что видимость перекоса возрастно-половой структуры представляет собой лишь артефакт данных, связанный с тем, что в Китае достаточно распространено регистрировать девочек лишь при крайней необходимости, например перед свадьбой. Таким образом, в подростковом возрасте молодые девушки появляются в официальной статистике "из ниоткуда".

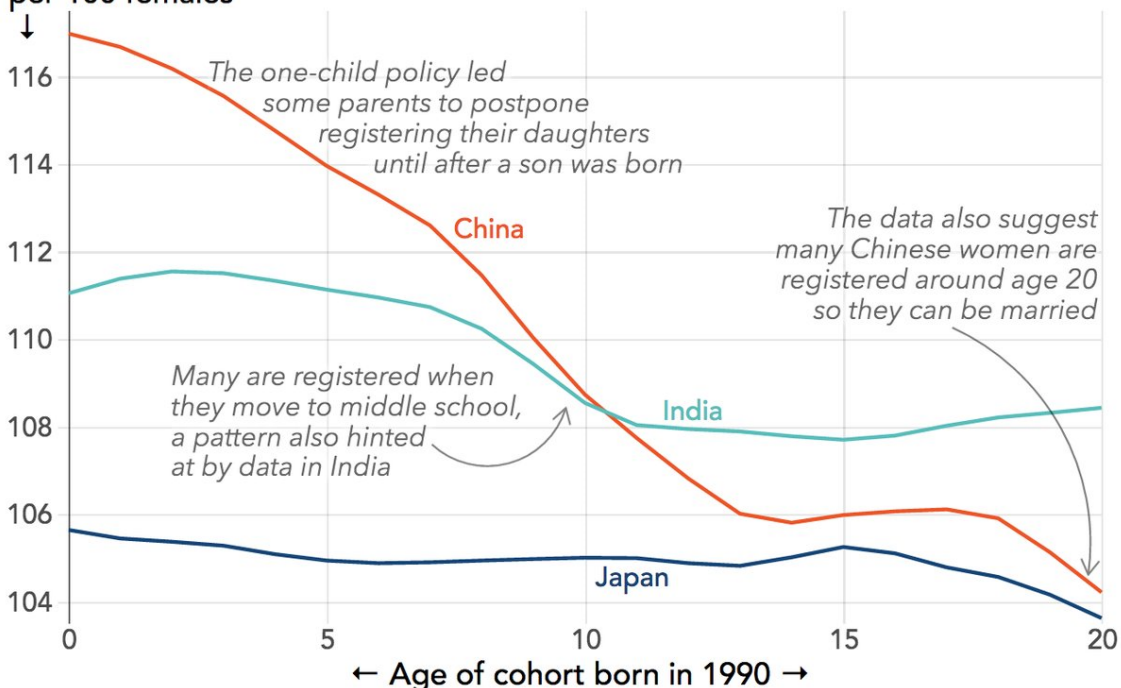
Несмотря на то, что статья была опубликована в престижном журнале *The China quarterly*, по-настоящему значительное внимание она привлекла после публикации журналистом *Financial times* ее основных результатов в виде емкого графика (рисунок 22).

В завершении статьи авторы аккуратно оговариваются, что они не утверждают, будто бы селективных по полу аборт в Китае не было. Просто их анализ показал, что комбинация недоучета рождаемости и поздней регистрации девочек объясняют большую часть загадки так называемых "потерянных девочек".

Finding China's missing girls

According to census data, there were 117 boys born for every 100 girls in China in 1990, but mysteriously the sex ratio of this same cohort has become steadily more balanced as it has aged, with more females added each year. New research suggests parents are registering their daughters some years after birth, meaning much of China's male surplus is quite literally vanishing overnight

Ratio of males per 100 females

Sources: U.N. Population Division (2015), Shi and Kennedy (2016)

Рисунок 22. Вторичное соотношение полов в Китае, Индии и Японии в когорте 1990 года рождения на протяжении первых 20 лет жизни

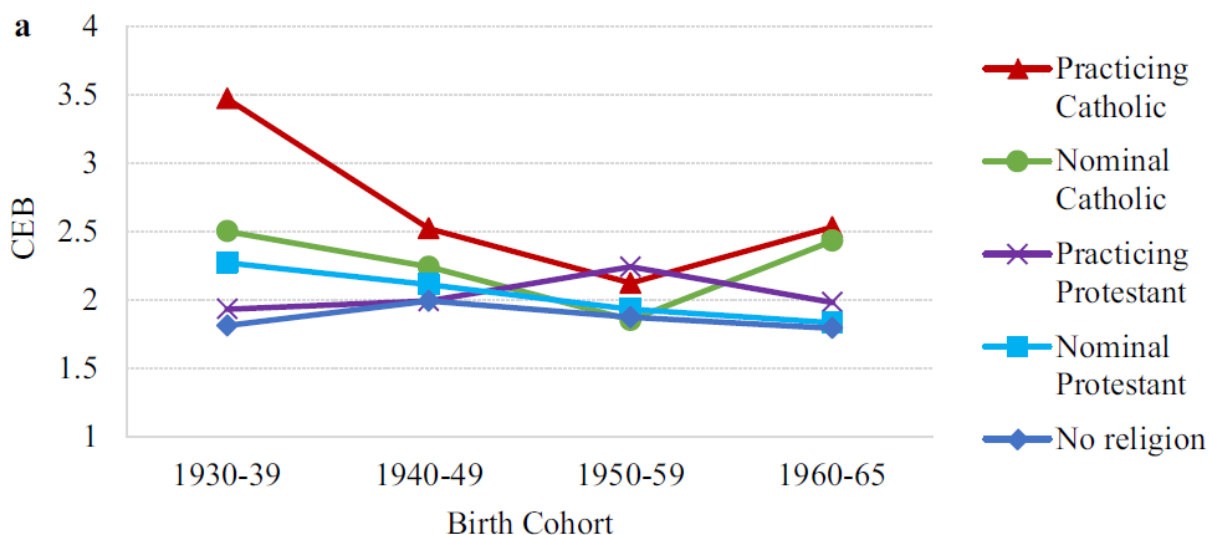
RELIGION AND FERTILITY IN WESTERN EUROPE: TRENDS ACROSS COHORTS IN BRITAIN, FRANCE AND THE NETHERLANDS

[Peri-Rotem N. (2016). Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands // European journal of population. 32(2): 231-265. doi.org/10.1007/s10680-015-9371-z]

Принято считать, что религия играет все меньшую роль в западноевропейском обществе. Предполагается, что процесс секуляризации в Западной Европе стал одной из причин демографического кризиса в регионе, поскольку ослабело влияние веры на семейные установки личности. Нитзан Пери-Ротем решила проверить этот тезис, проведя ретроспективный анализ уровня рождаемости в зависимости от религиозности женщин определённых христианских конфессий в трёх странах: Великобритании, Нидерландах и Франции. Именно в этих государствах за прошедший век религия наиболее значительно утратила своё влияние на людей. Автор подчеркивает, что демографические тенденции определяет не столько номинальная конфессиональная принадлежность, сколько активность личности как члена религиозного сообщества.

Прошлые исследования показывают, что в целом в Европе христиане склонны иметь большие семьи, нежели атеисты. Во всех трёх странах процент населения, относящих себя к какой-либо религии, достаточно высок (75% всех жителей Франции - католики, в Великобритании и Нидерландах более 50% населения относят себя к протестантской или католической церкви). Однако лишь малая часть верующих (каждый пятый в Соединённом Королевстве и Нидерландах и каждый десятый во Франции) посещают религиозные службы регулярно. Поэтому исследователи отмечают, что религиозная самоидентификация перестаёт относиться к церковным учениям, а превращается в средство осознания себя как части определенной культурной общности. Пери-Ротем подразделяет и католиков, и протестантов на "практикующих" и "номинальных" и изучает внутри каждой группы демографические тренды нескольких поколений на протяжении 1930-1980-х годов. Из исследования, несмотря на общий более высокий уровень рождаемости, исключены мусульманские меньшинства, так как их численность не превышает 10% от общего населения каждой из рассматриваемых стран.

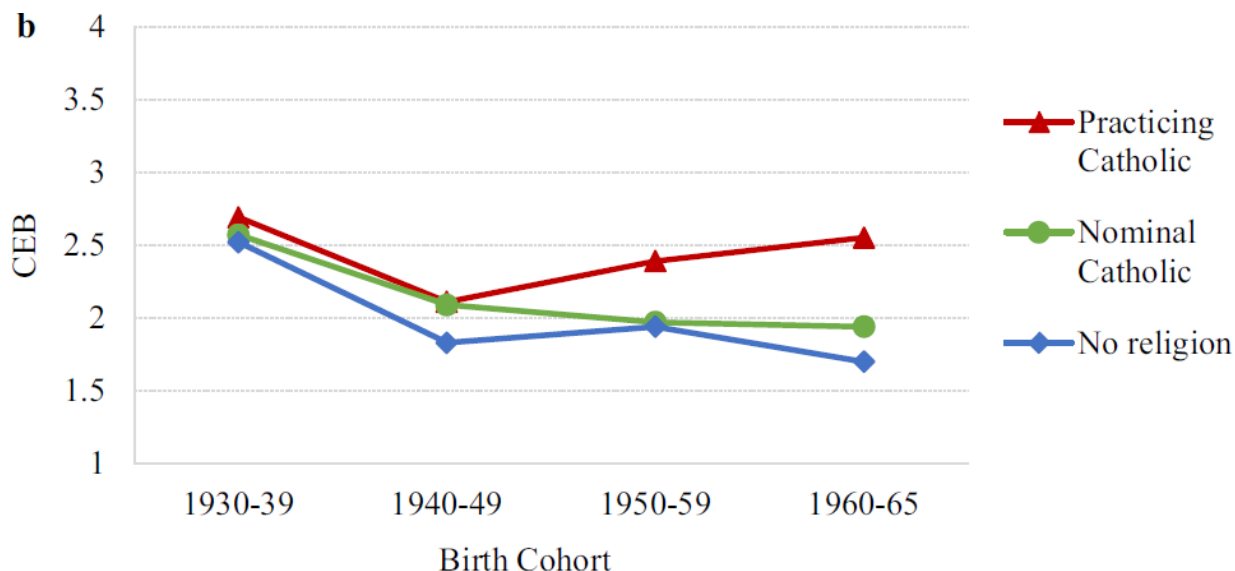
Прежде всего автор поясняет, что во всех трех странах процент населения, посещающего религиозные службы на регулярной основе, с 1930 по 1970 г. упал минимум в два раза. В Великобритании женщины-последовательницы католицизма (как "практикующие", так и "номинальные") в среднем имеют больше детей, чем приверженцы протестантизма. Однако этот разрыв со временем сокращается (рисунок 23). Наименьший уровень рождаемости в стране (1,8 ребёнка на женщину) наблюдается среди "номинальных" протестантов, что сближает их по данному показателю с атеистами.

Рисунок 23. Уровень рождаемости в Великобритании по конфессиональным группам и возрастным когортам, детей на женщину

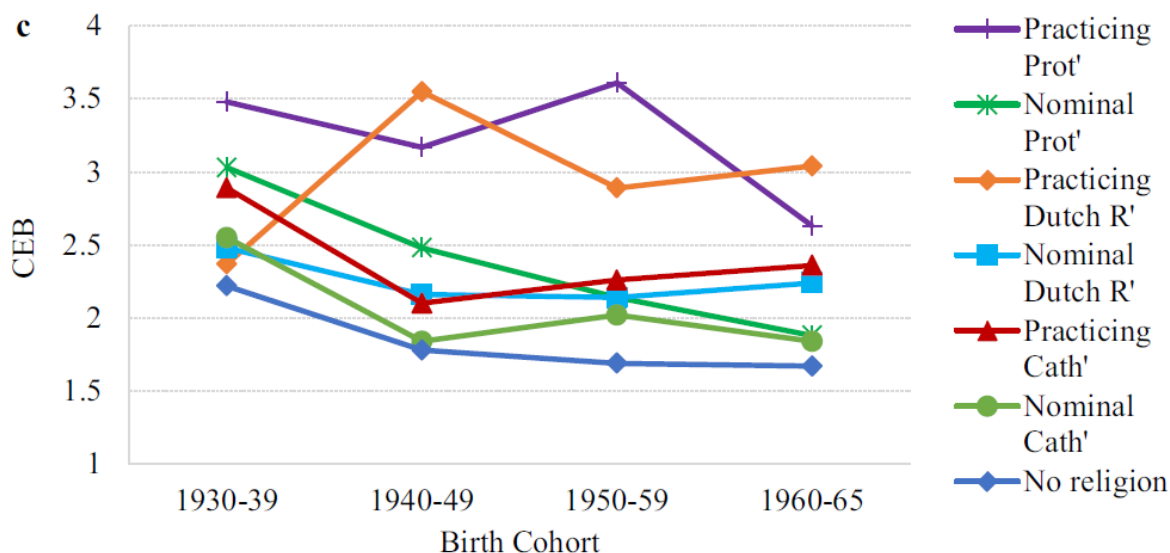
Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

С другой стороны, во Франции и в Нидерландах "практикующие" католики по-прежнему имеют существенно большее количество детей, нежели их "номинальные" единоверцы (рисунки 24, 25). Более религиозные католики в обеих странах склонны иметь 2,4-2,6 ребёнка в семье, в то время как семьи их менее верующих соотечественников насчитывают в среднем 1,8-1,9 ребёнка. Однако в Нидерландах рождаемость у практикующих женщин-протестантов превышает показатель последователей католицизма. Высокий уровень рождаемости (более чем 3 ребёнка на женщину) особенно характерен для прихожан голландской реформистской церкви.

Рисунок 24. Уровень рождаемости во Франции по конфессиональным группам и возрастным когортам

Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

Рисунок 25. Уровень рождаемости в Нидерландах по конфессиональным группам и возрастным когортам, детей на женщину

Примечание: CEB - children ever born – итоговая рождаемость

Из исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, отмечается долгосрочная положительная зависимость между степенью религиозности и уровнем рождаемости. Во-вторых, принадлежность к католической церкви не обязательно влечёт за собой более высокий показатель рождаемости, нежели у протестантов. Так, в Великобритании и Нидерландах тенденции среди этих конфессий противоположные. В-третьих, более религиозные женщины чаще вступают в официальный брак и откладывают рождение детей до момента официального создания семьи. В-четвёртых, пропорция бездетных женщин среди тех, кто привержен какой-либо религии, снижается, а среди нерелигиозных групп, наоборот, растёт. Автор приходит к выводу, что нельзя говорить о едином процессе секуляризации в Европе.

DEMOGRAPHIC DIGEST

DIGEST IS COMPOSED BY ILYA KASHNITSKY, MARIA VILKOVA,
EKATERINA DEMINTSEVA, MARIA GUNKO, ANNA LEVINA,
JULIA LONSHCHIKOVA, DANIEL KASHNITSKY, OLESYA KLIUSHINA, AND
DMITRY OPARIN

- *Esteve A., C.R. Schwartz, J. van Bavel, I. Permanyer, M. Klesment, J. García-Román. The end of hypergamy: global trends and implications*
- *Clark G. Microbes and markets: was the Black Death an economic revolution?*
- *Van Mol C. Do employers value international study and internships? A comparative analysis of 31 countries*
- *Niedomysl T., U. Ernstson, U. Fransson. The accuracy of migration distance measures*
- *Graham C., J.R. Pozuelo. Happiness, stress, and age: how the U curve varies across people and places*
- *Lennartz C., R. Arundel, R. Ronald. Younger adults and homeownership in Europe through the global financial crisis*
- *Demintseva E., D. Kashnitsky. Contextualizing migrants' strategies of seeking medical care in Russia*
- *Kashnitsky I., M. Gunko. Spatial variation of in-migration to Moscow: testing the effect of housing market*
- *Oparin D.A. Migration and contemporary Muslim space in Moscow. Contextualizing north caucasian loud dhikr and the religious practices of Central Asian folk mullas*
- *Demintseva E. Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement*
- *Schöley J., F. Willekens. Visualizing compositional data on the Lexis surface*
- *Migheli M. Size of town, level of education and life satisfaction in Western Europe*
- *Shi Y., J.J. Kennedy. delayed registration and identifying the "missing girls" in China*
- *Peri-Rotem N. Religion and fertility in Western Europe: trends across cohorts in Britain, France and the Netherlands*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

MARIA GUNKO, INSTITUTE OF GEOGRAPHY RAS, RUSSIA

MARIA VILKOVA, EKATERINA DEMINTSEVA, ANNA LEVINA, JULIA LONSHCHIKOVA, DANIEL KASHNITSKY, OLESYA KLIUSHINA, DMITRY OPARIN, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

* SECTION EDITOR – ILYA KASHNITSKY

DATE RECEIVED: APRIL 2017.